МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рязань, 20 марта 2026 года

Рязань, 2026

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Рязанский государственный медицинский
университет имени академика И.П. Павлова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рязань, 20 марта 2026 года

Рязань, 2026

УДК 410+378 (071)
ББК 81+74.58
М 436

Под общей редакцией д.м.н., профессора Сучкова И.А.
Редакционная коллегия:
Ельцова Л.Ф., к.филол.н., доцент;
Калинина М.А., к.филол.н., доцент.

М 436 Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы: сборник научных трудов (Рязань, 20 марта 2026 года) / под общ. ред. д.м.н., проф. И.А Сучкова; ред. кол.: Л.Ф. Ельцова, М.А. Калинина; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. – Рязань: ОТСиОП, 2026. – 262 с.

ISBN 978-5-8423-0330-4

Сборник научных трудов составлен по материалам VIII Международной научно-теоретической конференции студентов и молодых учёных «Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы».

Авторская позиция и стилистические особенности публикаций полностью сохранены.
Сборник рекомендован к изданию решением Научно-планового совета
ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России (протокол № 8 от 08 апреля 2026 г.)

УДК 410+378 (071)
ББК 81+74.58

ISBN 978-5-8423-0330-4 © ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, 2026

Раздел 1
ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУБИНСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Туарменский А.В.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье представлен анализ механизмов образования вторичных структур знания, сформированных в англоязычной научной публицистике по теме кубинской медицинской дипломатии. Установлено, что оценочная интерпретация кубинской медицинской дипломатии имеет качественные различия в зависимости от идеологической принадлежности автора анализируемого текста. Основными механизмами формирования вторичного знания являются концептуальная метонимия и концептуальная метафора.*

Ключевые слова: *дипломатические отношения, способы дипломатических отношений, кубинская медицинская дипломатия, интерпретация, оценка*.

Актуальность. В настоящее время внимание к кубинской медицинской дипломатии привлечено в связи с принятием со стороны США персональных санкций против иностранных чиновников во многих развивающихся странах, обеспечивающих приём и размещение кубинских медицинских миссий, а также против руководителей системы здравоохранения Республики Куба [27]. Это содействовало привлечению всеобщего внимания к кубинской медицинской дипломатии, имеющей длинную историю и известную благодаря оказанию профильной помощи жителям более 100 стран. В зарубежных источниках медицинская дипломатия рассматривается широко [19, 20, 24], но отсутствуют исследования процесса образования вторичного знания о кубинской медицинской дипломатии, что свидетельствует в пользу актуальности данного исследования.

Объект исследования – средства репрезентации процессов интерпретации кубинской медицинской дипломатии, определяемой как сотрудничество между Кубой и другими странами, направленное одновременно на развитие здравоохранения и улучшение отношений [18]. **Предмет** исследования – формирование вторичного знания о кубинской системе дипломатических отношений в области медицины в научных публикациях. Научные статьи англоязычных авторов о кубинской медицинской дипломатии стали **материалом** исследования.

Цель исследования – описать формирование вторичного знания о кубинской медицинской дипломатии на материале англоязычного научного дискурса.

Теоретическая основа исследования представлена теорией вторичной языковой интерпретации, сформулированной Н.Н. Болдыревым. По мнению учёного, вторичная интерпретация связана с образованием нового знания об уже отражённых в языке явлениях [3, 4]. В рамках названной теории были определены особенности формирования вторичного знания в контексте различных концептуальных областей [2], определена роль мыслительных процессов во вторичной интерпретации дипломатических отношений [9], установлены когнитивные основы конструирования креативного знания [8] и описаны функции оценочных категорий [10]. Как указывает Л.А. Фурс, интерпретация может иметь качественные отличия в текстах, написанных в рамках разной идеологической направленности [11]. Для нашего исследования это имеет прямое значение, так как объект исследования интерпретируется в работах учёных, опубликованных как в странах-членах НАТО, так и в государствах, являющихся бенефициарами кубинской медицинской дипломатии.

В общественно-экономических науках кубинская медицинская дипломатия привлекает ограниченное внимание отечественных исследователей. Определены векторы внешнеполитической активности Кубы в данной сфере [6], функции [7] и стадиальные особенности развития кубинской медицинской дипломатии [1, 5].

В работах независимых исследователей широко распространена закономерность, согласно которой выходцы из латинской Америки и других стран, не входящих в НАТО, оценивают кубинскую медицинскую дипломатию позитивно:

Medical diplomacy ties together *the importance of global health to the fields of both politics and economics, which in turn has a strong potential to translate into political power* (Cuba's use of Medical Diplomacy)

Medical diplomacy is shifting states' influence and ***global power scales*** *as well as providing countries with ingenious ways of conducting foreign policy* (ibid.).

The Party has implemented these techniques into their policy while identifying how their ***medical diplomacy has been an outlier*** *separating Cuba from other autocracies* (The Survival of a Revolutionary Regime)

В первом примере позитивная интерпретация осуществляется в контексте концептуальной области ПРИКЛАДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, что выражается лексемой *tie* (to attach or hold two or more things together using string, rope, etc. [OALD]. Подобно человеку, связывающему объекты узлом, медицинская дипломатия Кубы объединяет усилия по охране общественного здоровья уязвимых социальных групп, координируя экономические и политические ресурсы.

Во втором примере знание концептуальной области АРТЕФАКТ (*scales* – an instrument or machine for weighing [MWD]) проецируются на кубинскую медицинскую дипломатию. Указание на потенциал кубинской медицинской дипломатии влиять на глобальное политическое равновесие в конструктивном ключе является средством позитивной оценки.

В третьем примере кубинская медицинская дипломатия оценивается с помощью лексемы *outlier,* которая объективирует знание из области

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (an *outlier* is someone that is very different from the other people in a group [CCALD]). В результате, внимание наблюдателя обращается на то, как помощь бедному населению в труднодоступных регионах формирует ключевое отличие альтруистической Кубы от других автократий.

Нельзя не отметить некоторые противоречия, которые, впрочем, не нарушают общей тенденции:

*The **Other Face of Cuban Medical Diplomacy**: Domestic Impact* (заголовок https://digitalcommons.fiu.edu/)

Контекст для негативной оценки дипломатических отношений, осуществляемых Кубой в медицинской сфере, представлен знанием из области ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА (*face* – the front part of the head that in humans extends from the forehead to the chin [MWD]). С помощью метонимического переноса «человек – часть тела» указывается на функцию лица отражать переживаемые эмоции. Словосочетание *the other face*, а также ситуативный контекст (*Domestic Impact*) проецируют оппозицию «свой – чужой». Подобно двуличному человеку, кубинская медицинская дипломатия сочетает интернационализм и гуманизм по отношению к «чужим» с предполагаемым пренебрежением к «своим». Так бывший кубинский врач сообщает своим новым коллегам на конференции о том, что кубинская медицинская дипломатия имеет негативный потенциал в плане создания очередей в больницах и ухудшения качества обслуживания населения.

В работах западных экспертов в отношении кубинской медицинской дипломатии, а также в исследованиях представителей кубинских НКО, финансируемых иностранным капиталом, формируется, в основном, умеренно негативная оценка.

***Medical diplomacy is** perhaps Cuba's main **propaganda tool** aimed at legitimizing its regime and advancing its agendas internationally* (Cuba's internationalist mission in Jamaica: a troubling collaboration).

*A huge apparatus dedicated to disinformation, propaganda, and influence is behind **Cuba's facade as a medical and educational power** dedicated to humanitarianism and internationalist solidarity* (ibid).

*The stark contrast between the facilities reserved for cash-paying medical tourists and the facilities that Cubans are allowed to use draws a **sharp line in the sand** between the haves and have-nots in Cuba.* (Cuban healthcare and biotechnology: Reform, a bitter pill to swallow or just what the doctor ordered?).

В приведенных примерах ученые западных научных школ, не являющиеся мигрантами из Кубы, формируют негативную оценку медицинской дипломатии.

В первом примере артефактная лексема *tool* (a handheld device that aids in accomplishing a task [MWD]) используется, чтобы приравнять кубинскую медицинскую дипломатию к инструменту пропаганды. Это устраняет гуманистический посыл рассматриваемого явления и формирует негативную оценку.

Во втором примере знания концептуально-тематической области АРТЕФАКТ, представленные лексемой *facad*e (the front of a building, especially a

large or attractive building [CD]), активизируются для сравнения кубинской медицинской дипломатии с ширмой, за внешними привлекательными признаками которой, как считает автор, скрыты механизмы дезинформации, пропаганды и манипуляции.

В последнем примере знание из области НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (*sand* – a loose granular material that results from the disintegration of rocks [MWD]) активизируется для создания негативных оценочных смыслов о кубинской медицинской дипломатии. Данная лексема входит в состав конфликтного фразеологизма *line in the sand* (a figurative boundary that someone or some group refuses to cross or beyond which no further advance or compromise is accepted [Farlex Dictionary]). Предполагаемое неравномерное распределение доступа к медицинской помощи между участниками программ медицинской дипломатии (*cash-paying medical tourists*) и местным населением становится поводом для негативной оценки.

Исключения, как и в случае выше, также возможны.

Since Cuba first sent a medical brigade to Chile in 1960 to provide disaster relief after an earthquake, it has utilized medical diplomacy ***to capture the hearts and minds of aid recipients*** (Oil-for-Doctors: Cuban Medical Diplomacy Gets a Little Help From a Venezuelan Friend).

В приведенном выше примере позитивно оценивается потенциал кубинской медицинской дипломатии выступать в качестве убедительного проводника мягкой силы. Значение словосочетания *hearts and minds* (people's emotions and reasoning [MWD]) отражает два метонимических переноса в виде отношений «человек – орган» и репрезентирует знание концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК.

В **заключение** отметим, что даже в научных публикациях фактический материал по кубинской медицинской дипломатии носит характер оценочного знания. Полярные фокусы оценки объясняются идеологической заряженностью как самого явления, так и отзывов на него.

В ходе исследования установлено, что механизмы вторичной интерпретации кубинской медицинской дипломатии чаще всего активизируются в контексте концептуальной области ЧЕЛОВЕК. Между текстами, написанными в рамках западной политической школы, и текстами, написанными в латиноамериканских странах или выходцами с Кубы, существуют неоспоримые различия в плане репрезентации вторичной интерпретации. **Перспективой** исследования является изучение процессов формирования оценочного знания о других типах дипломатии и рассмотрение интерпретационных фокусов при оценке кубинской медицинской дипломатии в медиадискурсе.

Литература:

1. Арсентьева, И. И. Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19 / И. И. Арсентьева // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 182-207. – DOI 10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207. – EDN CPRWJL.

2. Бабина, Л. В. Оценочный потенциал двухкомпонентных сложных слов, репрезентирующих знания о человеке / Л. В. Бабина, А. Ю. Феденко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1(42). – С. 41-49. – EDN RJFGQN.

3. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4(13). – С. 17-27. – EDN IIQYPD.

4. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1(42). С. 5-12.

5. Борейко, А. В. Эволюция кубинской медицинской дипломатии / А. В. Борейко // Ибероамериканские тетради. – 2020. – Т. 8, № 4(30). – С. 92-104. – DOI 10.46272/2409-3416-2020-8-4-92-104. – EDN FDYBKJ.

6. Демидов, А. М. Особенности африканского направления современной внешней политики Кубы / А. М. Демидов // Мировая политика. – 2025. – № 2. – С. 62-74. – DOI 10.25136/2409-8671.2025.2.74880. – EDN WDYPWS.

7. Рыжкова, Е. Р. Роль медицинских инициатив Республики Куба в укреплении международных связей / Е. Р. Рыжкова, О. В. Захарова // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия : Материалы XIII Международной научно-практической конференции, Владимир, 05–06 декабря 2024 года. – Владимир: Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. – С. 331-335. – EDN VGSBRS.

8. Фурс, Л. А. Когниция и когнитивный динамизм / Л. А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 52-58. – DOI 10.20916/1812-3228-2021-3-52-58. – EDN LTYQVQ.

9. Фурс, Л. А. Многомерность мышления в формировании оценки / Л. А. Фурс // Культура в зеркале языка и литературы : Материалы Десятой Международной научной конференции, Тамбов, 21 октября 2022 года / Редколлегия: Е.А. Кузьмина, Е.Б. Рябых. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2022. – С. 62-68. – EDN LMPEBU.

10. Фурс, Л. А. Регулирующая функция оценочных категорий / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 24. – С. 657-665. – DOI 10.20916/2071-9639-2016-24-657-665. – EDN WWRGCZ.

11. Фурс, Л. А. Специфика интерпретационных фокусов в медиадискурсе: когнитивный подход / Л. А. Фурс // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 250-256. – DOI 10.18500/1817-7115-2024-24-3-250-256. – EDN WOYXHN.

12. CCALD – Collins Advanced Learner’s Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english (accessed 05.12.2025)

13. CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed 05.12.2025)

14. Cuba’s internationalist mission in Jamaica: a troubling collaboration URL: https://cubaarchive.org/wp-content/uploads/2025/07/Cubas-mission-in-Jamaica-ENG-Final.pdf (accessed 05.12.2025)

15. Cuba’s use of Medical Diplomacy: Establishing Global Significance and Influence URL: https://digitalcollections.sit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3620&context=isp_collection (accessed 05.12.2025)

16. Cuban healthcare and biotechnology: Reform, a bitter pill to swallow or just what the doctor ordered? URL: https://www.ascecubadatabase.org/wp-content/uploads/2014/09/v21-scheye.pdf (accessed 05.12.2025)

17. Farlex Dictionary. URL: https://www.thefreedictionary.com/ (accessed 05.12.2025)

18. Feinsilver, J. M. (2010). Fifty Years of Cuba’s Medical Diplomacy: From Idealism to Pragmatism. Cuban Studies, 41, 85–104.

19. Giusti, S., & Ambrosetti, E. T. (2023). Health and vaccine diplomacy in Russia’s foreign policy. In International political economy series (pp. 207–231). https://doi.org/10.1007/978-3-031-23914-4_10

20. Hotez P. J. (2014). "Vaccine diplomacy": historical perspectives and future directions. PLoS neglected tropical diseases, 8(6), e2808. https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0002808.

21. MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/ (accessed 05.12.2025)

22. OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed 05.12.2025)

23. Oil-for-Doctors: Cuban Medical Diplomacy Gets a Little Help From a Venezuelan Friend URL: https://static.nuso.org/media/articles/downloads/3537_2.pdf (accessed 05.12.2025)

24. Suzuki, M., & Yang, S. (2022). Political economy of vaccine diplomacy: explaining varying strategies of China, India, and Russia's COVID-19 vaccine diplomacy. Review of International Political Economy, 30(3), 865–890. https://doi.org/10.1080/09692290.2022.2074514

25. The Other Face of Cuban Medical Diplomacy: Domestic Impact. URL: https://digitalcommons.fiu.edu/fiu-undergraduate-research-conference/2015/oralpres2015/7/ (accessed 05.12.2025)

26. The Survival of a Revolutionary Regime: Politics and Economics in Post-Soviet Cuba URL: https://knowledge.uchicago.edu/record/7166/files/RevolutionaryRegimeSurvival_Alex%20Jimenez.pdf (accessed 05.12.2025)

27. Visa Restrictions for Central American Government Officials URL: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/06/visa-restrictions-for-central-american-government-officials-exploiting-cuban-medical-professionals/ (accessed 05.12.2025)

CONCEPT OF "*HEALTH"* IN LANGUAGE PICTURE OF DIFFERENT NATIONALITIES

Mendes de Carvalho I.R.J., Shax S.V.
Scientific Supervosor: Trossel M.V.
KrasSMU, Krasnoyarsk, Russia

Abstract: *The authors take an attempt to make and to compare language picture of world on the base of native Nepal and Angolan proverbs comprising linguistic field "health".*

Keywords: *health, proverb, language picture of the word, concept.*

The picture of the world is in focus in various scientific fields – culture study, philosophy, anthropology, psychology, logics, and linguistics. This phenomenon is as old as mankind. The notion of "language picture of the world" is key one in studying the verbalization of all surrounding things. It is of special interest that people of different nationalities looking at one and the same object sees it differently. They get different associations concerning it and put it in language in different way.

Talking about language picture of world, it is worth noting a proverb, as the most specific means of national verbalization and the element which makes up the language picture. According to Oxford Dictionary '*proverb'* is "a well-known phrase or sentence that gives advice or says something that is generally true". So, proverbs reflect people's experience, their values, world outlook and cultural differences.

Along with proverbs health is another part of our life equally important for all no matter what nationality we belong to.

"*Health*" is a state of well-being and the capability to function in the face of changing circumstances. Therefore, it is a positive concept emphasizing social and personal resources as well as physical capabilities.

So, comparing proverbs existing in different nationalities could help deeper the understanding of specificity of each country, culture and language.

African proverbs have always provided a unique perspective encouraging us to look within ourselves and use our inner strength to stay healthy. African sayings also

remind us of how important it is to keep ourselves mentally strong and find peace of mind. Listening to the wisdom of these ancient sayings can provide invaluable advice to stay healthy and cope with any problems that may arise.

Angola proverbs are a vital part of African's rich cultural heritage, offering deep insights into the values, beliefs, and wisdom of it's people. These sayings have been passed down through generations, reflecting the collective experiences of the Angolan community. Whether they are used to teach lessons, offer advice, or inspire others, Angola proverbs hold a timeless relevance that continues to guide everyday life.

Angolan people believe that '*A primeira riqueza é a saúde*' – 'health is the greatest wealth', while 'to be healthy and work properly one needs food' – '*Sarco vazio nao fica em pe*'. Meanwhile, 'prevention is the best treatment' – '*Melhor prevenir do que remediar'* and 'merry heart is a good medication' – 'O coracao alegre serve de bom remedio, mas o espirato abatido vire a secar os ossos'.

There is also one more interesting Angolan proverb. 'A doença acompanha uma lua minguante; uma lua nova cura a doença' – 'The illness is associated with a waning moon; a new moon cures the illness'. It shows that since time people still believe in the influence of the moon's phases on human health. It is thought that during the waning moon, illness loses its potency, and the body tries to get rid itself of of the disease as if it were a foreign body.

Nepalese proverbs and sayings are still very popular and can often be heard even in mass media making speech more emphasized. Talking about health people from Nepal can give advice how to be healthy in many ways:

1. सफा शरीर, स्वस्थ मन – A healthy mind in a healthy body
2. नुहाउनु धुवाउनु, स्वास्थ्य बचाउनु – Sun and water can make you healthy
3. हाँस्नु रोगको एउटै दबाई – Laughter is the best medicine
4. बिहानको खाना राजा जस्तो, बेलुकीको खाना भिकारी जस्तो – Take a substancial breakfact and light dinner to be healthy

Among the Nepal's proverbs there are some about the medicine, such as:

• बिहानको खाना राजा जस्तो, बेलुकीको खाना भिकारी जस्तो – Warm water and herbs are the best medication

• बिहानको हावा, निरोगीको दावा – morning air is the best for health

• हाँस्नु रोगको एउटै दबाई – Laughter is the best medicine

It is also worth mentioning one more proverb mentioning worry as the reason of all the diseases – चिन्ताले चताउँछ, चिन्तनले बनाउँछ.

Comparing the concept of "health" in two language pictures one can say that there are some slight similarities, once they both focus on the body and mind harmony focusing on precaution. While common idea for both nationalities is laughter and joy that is thought to be the basis for healthy state and longevity. At the same time, in Angolan culture prevention is the best remedy, while in Nepal it is combination of sun, water and fresh air. So, it might seem that concept 'health' in Angola is more pragmatic and in Nepal it is state of mind and the environmental which tends to be more cheerful.

The reasons for such differences might relate to the history of both countries, their geographical features, their background that formed up the mentality and cultural values expressed in proverbs. Angolan culture developed under the influence of native African and Portuguese ones, while Nepali culture being influenced by Indo-Tibetan ones and ayurveda of ancient civilization.

References:

1. Harvard University/Sitting in my house, dreaming of Nepal: Nepal through the eyes of its proverbs: Nepali proverbs analysed, classified, and compared with English proverbs and also a list of common Nepali proverbs https://hollis.harvard.edu/primo-explore/fulldisplay?docid=01HVD_ALMA21215192256000394l&context=L&vid=HVD2&lang=en_US (Accessed at: 01.02.2026).
2. Kazakova O.M., Romanova E.V. Pedagogical potential of proverbs as traditional rules of healthy lifestyle in foreign language teaching-concept of health. 2018. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogical-potential-of-proverbs-as-traditional-rules-of-healthy-lifestyle-in-foreign language-teaching (Accessed at: 07.02.2026).
3. Nikolopoulou, K., What is a proverb? Definition & examples.2025. Available at https://quillbot.com/blog/rhetoric/proverb/. (Accessed at: 25.01.2026).
4. Proverbs, culture.2026. Available at https://www.nepal.com/culture/proverbs/ (Accessed at: 25.01.2026).
5. Shusharina, G.A., The language picture of the world in modern linguistics.2016, Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/the-language-picture-of-the-world-in-modern-linguistics. (Accessed at: 07.02.2026).
6. Simon J.O., African proverbs on mental health. 2023. https://simonjavanokelo.com/2022/12/19/african-proverbs-on-mental-health/ (Accessed at : 07.02.2026).

МАКРОКОНЦЕПТ «ПОСЕТИТЕЛИ» В АЛЬБОМЕ ABBA “THE VISITORS”

Шварцкопф Д.К.
Научный руководитель: Туарменская А.В.
РГУ имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье рассматривается сложная структура представленного в альбоме ABBA макроконцепта «ПОСЕТИТЕЛИ», содержащего ядерные («СТРАХ», «РАССТАВАНИЕ», «ПРЕХОДЯЩЕСТЬ») и периферийные («РУТИНА», «КОМИЗМ») микроконцепты.*

Ключевые слова: *песенный дискурс, когнитивная лингвистика, концептуальные признаки, ядро и периферия концепта, микроконцепт, макроконцепт.*

Во все времена песня играла и продолжает играть в жизни человека немаловажную роль. Благодаря ей авторы и исполнители могут выразить широкую палитру чувств и эмоций. Жанр «поп» является одним из самых известных. Песни этого жанра находят отклик у широкой аудитории из-за своей мелодичности и легкости для восприятия.

Шведская группа ABBA, название которой состоит из первых букв имен исполнителей «Агнета – Бьорн – Бенни – Анни-Фрид», считается одной из

самых успешных в истории поп-музыки. Основой квартета стал мужской дуэт “Björn & Benny”, в песнях которого Агнета и Анни-Фрид сначала были бэк-вокалистками. Однако голоса девушек настолько восхитили Бьорна и Бенни, что вскоре дуэт был преобразован в квартет, в большинстве песен которого Агнета и Анни-Фрид были ведущими вокалистками. Победа на Евровидении с песней “Waterloo” стала первым шагом группы к мировой славе [6]. В настоящее время насчитывается свыше 100 песен, 9 студийных альбомов и множество сборников, которые часто переиздаются, что свидетельствует о том, что ABBA на протяжении более 50 лет остается популярной.

Актуальность проведенного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистики к песенному дискурсу, являющимуся одним из важнейших инструментов коммуникации, способным донести до слушателей определенные идеи и сформировать их мировоззренческие ценности. Песни являются частью художественной картины мира, в которой язык использует изобразительно-выразительные средства для целостного восприятия и осмысления мира [4].

Объектом работы является концептосфера музыкального альбома ABBA “The Visitors” («Посетители») как упорядоченная совокупность всех представленных в нем концептов. В когнитивной лингвистике концепт представляет собой «оперативную содержательную единицу памяти», отражающую содержание знания, опыта, результатов деятельности в виде «квантов» знания [2]. Поскольку концепты обладают сложной структурой и различным объемом, разграничивают микроконцепт (составляющая часть более сложного в семантическом отношении концепта) и макроконцепт (концепт со сложной, многокомпонентной структурой, обладающий значительным объемом признаков) [1].

Предмет исследования – макроконцепт ПОСЕТИТЕЛИ в текстах песен одноименного альбома шведской группы.

Цель исследования – описание структуры данного макроконцепта.

Задачи исследования предполагают выявление микроконцептов, входящих в состав макроконцепта ПОСЕТИТЕЛИ.

Источником материала послужили тексты песен из альбома ABBA “The Visitors”, который содержит 9 оригинальных и 7 бонусных треков [5].

Работа была выполнена в соответствии с принятой в когнитивной лингвистике методологией [1, 2, 3]. В ходе исследования были использованы концептуальный и интерпретативный анализы.

Как и любая группа, ABBA переживала периоды спада, особенно в начале 1980-х годов. В это время квартет записывал восьмой или, как считали почти 40 лет, последний альбом – “The Visitors”. Критики восприняли его неоднозначно: с одной стороны, песни стали более зрелыми и серьезными, с другой стороны, отмечались их меланхоличность, напряженность и мрачность, а также несоответствие «стандартам ABBA». Тяжелые разводы семейных пар, совместная работа в течение долгого времени привели к эмоциональному истощению исполнителей и создали своеобразную напряженную атмосферу в группе во время записи альбома [6].

“The Visitors” назван по одноименной песне, в которой к лирическому герою приходят знакомые ему «посетители», и ожидание их прихода заставляет его испытывать различные чувства. Важно отметить, что «посетителями» являются не только внешние (люди или события), но и внутренние силы (переживания самого лирического героя). В связи с этим представляется возможным рассматривать понятие «ПОСЕТИТЕЛИ» как макроконцепт, имеющий сложную структуру, которая включает в себя ядро и периферию.

В ядерной части рассматриваемого макроконцепта находятся микроконцепты, относящиеся к наиболее важным событиям из жизни лирического героя. Рассмотрим каждый из них отдельно.

1) Микроконцепт «СТРАХ». В песне “The Visitors” лирический герой в тревоге ожидает «посетителей». Содержание микроконцепта «страх» выражено следующими концептуальными признаками: «паника» *(… suddenly **panic takes me**)*, «оцепенение» *(I’m standing / **Numb and frozen**)*, «помутнение рассудка» *(**irritation** building / And I’m close to **fainting / Crackin’ up**)*, «беспомощность» *(**Help** me)*. По мере приближения «посетителей» страх ещё больше усиливается. Поэтому лирический герой пытается «избегать приближения», но ничего не выходит *(Now I hear them moving / **Muffled voices coming** through the door; **Voices growing louder**; There is **no escaping** now)*. Тем не менее, он не сопротивляется им, поскольку знает, что они придут за ним когда-нибудь *(And yet it isn’t unexpected / I have been waiting for these visitors)*.

Кроме того, группа ABBA обращается к теме страха войны в песне “Soldiers”. Когнитивные признаки «шум, грохот» *(They **drum** their **drums** and look so strong; What’s that **sound**, what’s that dreadful **rumble**?; All that **thunder**…)*, «холод» *(In the grip of this **cold December**; in the **winter** night)*, «пробуждение зла» *(Is it true that **the beast is wakin’**? / **Stirrin’** in his restless sleep tonight …)* отражают страх глобальной катастрофы (на момент записи песни напряжение в мире возросло).

2) Микроконцепт «РАССТАВАНИЕ». Тема расставания – одна из ведущих в альбоме. Причем можно заметить различное отношение к данному событию. В песне “When All Is Said And Done” изображено «конструктивное расставание», которое описывается такими признаками, как «охлаждение чувств» *(… both of us can feel **the autumn chill**; When **the summer’s over** and **the dark clouds** hide the sun)*, «отсутствие вины за произошедшее» *(**No taste for humble pie**; Neither you nor I’m **to blame**…)*, «благодарность» *(**Thanks** for all your generous love and **thanks** for all the fun)*.

Расставание в песне “One Of Us” выглядит «незавершенным». Лирическая героиня первой совершает такой шаг *(And so I dealt you the blow)*, но впоследствии она «осознает ошибку» *(Now it’s **different**, I want you to know; Now **I’ve changed**…)*. В конце концов, это приводит к «сожалению» *(One of us is **crying**; Wishing she was **somewhere else instead**; One of us is only / **Waiting for a call**)* и «просьбам о прощении за глупый поступок» *(**Sorry for herself**, feeling stupid, feeling small)*.

3) Микроконцепт «ПРЕХОДЯЩЕСТЬ». Вдохновителем для написания песни “Slipping Through My Fingers” стала Линда Ульвеус – дочь певицы

Агнеты Фельтског и композитора Бьорна Ульвеуса. Содержание концепта, отражающее эмоциональное состояние матери, которая провожает ребенка в школу, раскрывается с помощью компонентов: «меланхолия» *(odd **melancholy**; a surge of that well-known **sadness**)*, «осознание быстротечности времени» *(I let **precious time go by**; Each time I think I'm close to knowing / She **keeps on growing**)*, «чувство вины за упущенные возможности» *(And a sense of **guilt** I can't deny; Well, **some of that we did** but **most we didn't** / And why, I just don't know)*, «попытка остановить время» *(I try to capture every minute; Sometimes I wish that I **could freeze the picture** / And **save it from the funny tricks of time**)*.

В последней песне альбома "Like An Angel Passing Through My Room" лирическая героиня уединяется в комнате, где она спокойно размышляет о своем прошлом и быстротечности времени. Текст песни содержит когнитивные признаки, характеризующие данный микроконцепт: «невозможность удержать время» *(Like **an angel passing** through my room)*, «уходящие воспоминания и чувства» *(Long awaited **darkness falls** / Casting **shadows** on the walls; **dying embers** warms my face)*, «настоящее уходит в прошлое» *(So **the present runs into the past / Now and then become entwined**, playing games within my mind).*

Периферия макроконцепта ПОСЕТИТЕЛИ содержит дополнительные микроконцепты, которые обогащают его структуру и отражают переживания человека, оказавшегося перед лицом приближающихся «посетителей».

4) Микроконцепт «РУТИНА». В песне "The Day Before You Came" подробно описывается повседневная жизнь лирической героини за день до того, как «посетитель» появился перед ней. Когнитивные признаки «рутина» *(because I **always** do; a matter of **routine**; my life was well within **its usual frame**)*, «печаль» *(I never even noticed I was **blue**)*, «отсутствие смысла жизни» *(I had **no sense of living without aim**)* показывают, что существование лирической героини лишено подлинности, и лишь появление «посетителя» может изменить жизнь.

5) Микроконцепт «КОМИЗМ». История одинокого мужчины в песне "Two For The Price Of One", который искал отчаянно вторую половинку, натыкается на объявление «две по цене одной», что говорит о «коммерциализации отношений» *(If you dream of the girl for you / Then **call** us and **get two for the price of one**)*. С одной стороны, лирический герой счастлив «мнимой находке» *(He was **amazed at his luck / The purest streak of gold** he'd struck)*, но, с другой стороны, в так называемый «набор» входят девушка и ее мама *(I'm sure we must be perfect for each other / And if you doubt it, you'll be certain when you meet my mother)*. Комизм ситуации придает композиции более легкий тон по сравнению с другими песнями альбома и, возможно, напоминает, что в жизни всегда есть повод улыбнуться.

Таким образом, макроконцепт ПОСЕТИТЕЛИ в альбоме ABBA "The Visitors" отличается сложной структурой. В ядре макроконцепта находятся микроконцепты – любые силы, посещающие лирических героев в переломных жизненных моментах. К периферии относятся признаки, расширяющие спектр переживаний. К перспективам исследования можно отнести выявление макроконцептов в других альбомах и дальнейшее описание их содержания и структуры, что позволит определить ценностно-смысловые приоритеты исполнителей в различные периоды их творчества.

Литература:

1. Когнитивная лингвистика : учебник для вузов / С.М. Колесникова, Е.В. Алтабаева, А.Т. Грязнова ; под редакцией С.М. Колесниковой. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 188 с.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во филол. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Издательство АСТ: Восток – Запад, 2010.
4. Туарменская, А. В. Отражение в языке восприятия человеком окружающего мира // Наука и образование XXI века : материалы VI-й Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. – Рязань: Современный технический институт, 2012. – С. 239-243. – EDN SHGWWJ.
5. ABBA. The Official Site. URL: https://abbasite.com (дата обращения: 29.01.2026).
6. Tobler J. “ABBA” Gold: The Complete Story. Pinewood Studios. 1993.

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Цацурина М.М., Петрова И.М.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья представляет сопоставительный анализ вербализации концепта «семья» через фразеологизмы и пословицы в русской и корейской лингвокультурах, основанный на полевом подходе, выявляющем понятийные, образные и ценностные компоненты концептосферы.*

Ключевые слова: *концепт «семья», лингвокультура, фразеология, паремия, полевой подход.*

В когнитивной лингвокультурологии концепт понимается как ментально-языковое образование, включающее знания, оценки и эмоции, характерные для коллективного сознания [5]. Исследователи подчёркивают его многослойность: понятийный, образный и ценностный компоненты образуют слоистую структуру концепта [1], что позволяет рассматривать его как элемент языковой картины мира.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики усиливает интерес к тому, как концепты структурируют восприятие социальных явлений. Концептосфера формирует культурные оппозиции (свой – чужой), определяющие модели идентичности [2]. Концепт «семья» соотносится с этой оппозицией, задавая первичное пространство «своего».

Семейные отношения также описываются как культурный сценарий с закреплёнными ролями: институциональные актанты отражают социальную иерархию и ценностные ориентиры культуры. Поэтому анализ реляторных единиц, типа *отец и мать, бабушка и дедушка*, предложенный И.М. Петровой, применим к фразеологии о семье, где порядок компонентов (*муж и жена, мать и дитя*) фиксирует ключевые ролевые модели [10]. Концепт «семья» является центральным для понимания социального поведения и нравственно-

эмоциональных норм, особенно в межкультурной коммуникации. Русская культура подчёркивает эмоциональное единство, тогда как корейская – иерархию и гармонию, связанные с конфуцианской традицией [7].

Согласно полевому подходу, концепт представляет собой «многомерное поле», в центре которого располагаются наиболее устойчивые, универсальные когнитивные признаки, а на периферии – менее значимые и культурно-специфические элементы [11]. Периферийные элементы отражают иерархию ценностей, актуальную для носителей конкретной культуры: традиции, моральные нормы, эмоциональные отношения [4]. Современные исследования показывают, что полевое представление концепта позволяет классифицировать языковые единицы и выявлять структуру когнитивных связей между ними [6]. Ценность анализа ролевых отношений подчёркивается в работе Петровой И.М., где утверждается, что порядок компонентов в реляторных структурах отражает позицию когнитивного фокуса [10]. Это даёт возможность интерпретировать устойчивые выражения о семье как структурно организованные модели социального взаимодействия. Так, при анализе русскоязычного и корейского концептов «семья» мы также будем говорить о важности выделения ядра (собственно образа семьи) и периферийных компонентов.

Ядро концепта «семья» образуют слова, называющие членов семьи и базовые отношения родства (мать, отец, дети /아버지, 어머니, 자녀). Эти элементы обеспечивают понятийную стабильность и составляют универсальное содержание концепта. Ближняя периферия включает эмоционально окрашенные лексемы и образы (любовь, поддержка, дом, согласие /사랑, 화목), а дальняя – ассоциативные и культурно-оценочные элементы, отражающие социальные, идеологические и символические аспекты семьи (долг, традиции, иерархия, ответственность) [8].

В русском языковом сознании семья традиционно связана с идеями любви, верности, заботы, душевного тепла и единства. Социальная функция и иерархия семьи, изначально сформированные православной традицией как духовное единство мужа-защитника, жены-хранительницы и детей, под влиянием социокультурных трансформаций XX–XXI веков – урбанизации, эмансипации, секуляризации и глобализации – преобразовались в более равноправную и индивидуализированную модель, ослабившую её духовно-нравственные основания [9]. В русской культуре ядро поля «семья» связано с эмоциональной близостью, а периферия – с устойчивыми выражениями и фразеологизмами, такими как *домашний очаг, дружная семья* [3]. Результаты ассоциативных экспериментов показывают, что доминирующими когнитивными признаками являются *любовь, поддержка, понимание, дети, дом, счастье* [8]. Эти элементы формируют ядро концептуального поля, задавая образ семьи как эмоционального центра жизни человека.

На уровне лексико-семантического поля ядро составляют слова *мать, отец, сын, дочь, родня*; ближняя периферия – *домашний очаг, дружная семья, семейное счастье*; дальняя периферия – *развод, обязанность, семейные проблемы*, отражающие социальную динамику и кризисные аспекты современного общества.

Особое значение в русском языке имеет фразеологическая и паремиологическая зона концепта. Через фразеологизмы и пословицы репрезентируются глубинные культурные архетипы:

– *В семье согласие – и в беде счастье* – идея сплочённости и взаимопомощи;

– *Муж и жена – одна сатана* – отражение представления о единстве супругов, несмотря на различия;

– *Жена мужа красит* – символизация женской роли как хранительницы морального и эстетического облика семьи;

– *Отец умом держит, мать – сердцем* – дуальная модель родительских функций.

Русская паремиология акцентирует эмоциональную составляющую семейных отношений, рассматривая семью как сферу духовного комфорта и нравственного равновесия. Даже в выражениях с элементами иронии или негативной оценки (*семья распалась, жить как кошка с собакой*) сохраняется отсылка к идеалу согласия, что указывает на глубинную нормативность концепта.

В корейском языковом сознании концепт семья формировался в русле конфуцианской философии, где семья – это первичная ячейка общества и нравственная основа государства. Конфуцианство стало основой корейского общественного и семейного уклада, сформировав патриархальную модель семьи, иерархия которой основывается на долге, уважении и взаимной ответственности между поколениями [7]. Ядро корейского концептуального поля концентрируется на иерархии и моральных обязанностях членов семьи, а периферия включает ценности уважения и почтительности, а также слова, обозначающие членов семьи и родственные связи: *아버지* (отец), *어머니* (мать), *자녀* (дети), *형제* (братья), *자매* (сёстры) [8]. К ближней периферии относятся лексемы и выражения, обозначающие духовные и эмоциональные ценности: *사랑* (любовь), *화목* (гармония), *행복* (счастье), *평화* (мир). Дальняя периферия представлена социально-нормативными компонентами – *효* (сыновняя почтительность), *책임* (ответственность), *전통* (традиция).

Фразеологическая система корейского языка отражает иерархическую и коллективистскую природу семейных отношений. Наиболее характерные пословицы и выражения включают:

– *가화만사성 (家和萬事成)* – когда в семье лад, всё удаётся;

– *부부는 일심동체다* – муж и жена – одно сердце и одно тело;

– *효도는 만복의 근원이다* – сыновняя почтительность – источник всех благ;

– *집안이 화목해야 나라가 평안하다* – если в семье мир, в стране будет покой.

Эти паремии подчеркивают не только внутреннюю гармонию, но и социальное значение семьи как модели общественного устройства. Отсутствие

негативных коннотаций свидетельствует о высокой нормативности и стабильности корейского семейного концепта: семья воспринимается как незыблемый центр морального порядка.

В обеих культурах концепт семья занимает центральное место в ценностной картине мира, выступая символом любви, поддержки и духовного уюта. Ядро концепта в обоих языках включает представления о родственных связях и эмоциональной близости. В паремиологических единицах обеих культур закреплена идея согласия и взаимопонимания как основы гармоничных отношений (ср.: в семье согласие – и в беде счастье / *가화만사성* – в семье мир – всё благополучно).

Различия между русской и корейской концептосферами проявляются прежде всего в смысловых акцентах и ценностных ориентирах. В русском языке доминирует эмоционально-нравственная парадигма, в рамках которой семья осмысляется как пространство душевной близости, личного счастья и внутренней гармонии. Фразеологические единицы нередко содержат метафоры тепла и дома (домашний очаг, родное гнездо), символизирующие эмоциональную защищённость и уют.

В корейском языке, напротив, преобладает нормативно-иерархическая парадигма, основанная на конфуцианской системе ценностей, где ключевыми являются категории долга, уважения и коллективного блага. Корейские паремии ориентированы на утверждение принципов уважения к старшим, согласия и подчинения как условий поддержания общественного порядка.

Русская фразеология допускает выражение противоречий и конфликтов (мириться ради семьи, семейные разногласия), что отражает реалистичное восприятие семейной жизни как динамичной и неоднородной сферы. В корейской же паремиологии амбивалентность практически отсутствует: семья предстает как идеальное, гармоничное единство, а любое отклонение от нормы трактуется как нарушение морального долга.

Таким образом, в лингвокультурной перспективе концепт семья в русском языке репрезентирует пространство чувств, а в корейском – пространство долга и порядка. Указанное различие находит отражение в метафорике фразеологических единиц: для русской языковой картины мира характерны образы тепла и очага, тогда как для корейской – образы лада и гармонии.

Так, анализ концепта «семья» в русской и корейской лингвокультурах показывает, что его структура и способы вербализации обусловлены национально-культурными ценностями и историческим опытом общества. В обеих культурах семья занимает центральное место в системе аксиологических ориентиров, однако смысловые акценты различаются: русском сознании – эмоциональная близость, любовь и духовная поддержка, в корейском – гармония, долг и почтение.

Таким образом, вербализация концепта «семья» отражает не только языковое богатство, но и культурные приоритеты общества. Русская фразеология и паремия подчеркивают духовное единство и личностную вовлеченность, тогда как корейская – гармонию и иерархическую систему,

сформированную под влиянием конфуцианской идеологии. Сопоставительный анализ демонстрирует, что универсальный концепт «семья» является динамическим культурным полем, в котором язык выступает основным механизмом сохранения и передачи национальных ценностей.

Литература:

1. Афанасьева, О. В. Основы концептного анализа художественного произведения : учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика» / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. – Москва : Диона, 2019. – 130 с. – ISBN 978-5-6043411-7-9. – EDN UIBOTX. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41602817 (дата обращения: 02.11.2025). – Текст : непосредственный.

2. Викулова, Л. Г. Концептосфера лексем свой, чужой, иной в русском языке (опыт корпусного исследования) / Л. Г. Викулова, И. М. Петрова, Г. В. Самородин. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2024. – Т. 85, № 6. – С. 77–86. – DOI 10.30515/0131-6141-2024-85-6-77-86. – EDN KIQUGB.

3. Добровольская, Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира : дис. … канд. филол. наук / Е. В. Добровольская. – Москва, 2005. – 320 с. – Текст : непосредственный.

4. Зубарева, Е. О. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме / Е. О. Зубарева, С. В. Шустова, Е. В. Исаева. – Текст : электронный // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-pole-v-sovremennoy-lingvisticheskoy-paradigme (дата обращения: 02.11.2025).

5. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с. – Текст : непосредственный.

6. Лаенко, Л. В. Концептуальное поле как способ организации лексикона носителя английского языка / Л. В. Лаенко. – Текст : электронный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-pole-kak-sposob-organizatsii-leksikona-nositelya-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 02.11.2025).

7. Ли, К. С. Социально-философский анализ семьи (на примере корейской семьи) / К. С. Ли. – Текст : электронный // Философия и общество. – 2010. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-semi-na-primere-koreyskoy-semi (дата обращения: 01.11.2025).

8. Нерсисян, К. А. Ценностные доминанты лингвокультурного концепта «семья» в русской и корейской культурах / К. А. Нерсисян. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4 (101). – С. 261–263. – ISSN 1991-5497.

9. Пашков, С. В. Семья в системе духовно-нравственных ценностей русского мира: традиции истории и реалии глобализирующейся культуры / С. В. Пашков. – Текст : электронный // Труды Белгородской духовной семинарии. – 2019. – № 9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-sisteme-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-russkogo-mira-traditsii-istorii-i-realii-globaliziruyuscheysya-kultury (дата обращения: 05.11.2025).

10. Петрова, И. М. Институциональные актанты в языковом пространстве культуры: анализ реляторных структур на основе биномов / И. М. Петрова. – Текст : электронный // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 6. – С. 227–231. – DOI 10.5281/zenodo.3946340. – EDN XOXMFW.

11. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический проект, 1997. – 824 с. – Текст : непосредственный.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Ло Мэйлин, Чжэн Юэчуань
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В данной статье рассматриваются функциональные различия и культурное происхождение традиционных музыкальных инструментов в белорусских и китайских народных песнях. Исследование показывает, что при внешних различиях инструменты обеих культур выполняют сходные функции.*

Ключевые слова: *традиционные музыкальные инструменты, белорусская народная музыка, китайская народная музыка, межкультурная коммуникация, функциональные различия, культурное происхождение.*

Традиционная народная музыка является неотъемлемой частью культурного наследия любой нации. В ней отражается история, мировоззрение, эстетические предпочтения и быт народа. Особое место в народной музыке занимают традиционные музыкальные инструменты, которые не только создают неповторимое звучание, но и выполняют определенные функции в обрядах, праздниках и повседневной жизни. В данной статье рассматриваются функциональные различия и культурное происхождение традиционных музыкальных инструментов на примере белорусских и китайских народных песен, что позволяет глубже понять особенности двух культур и их музыкальных традиций.

Белорусская народная музыка имеет глубокие корни и тесно связана с календарно-обрядовым циклом. Такие инструменты, как дуда (волынка), жалейка, гудок, лира и цимбалы, использовались для сопровождения песен, танцев и обрядовых действ. Например, дуда была не просто музыкальным инструментом, но и символом праздника, её звук собирал людей на гулянья. Цимбалы, получившие широкое распространение в Беларуси с XVIII века, стали неотъемлемой частью ансамблевого музицирования и использовались как для аккомпанемента, так и для сольного исполнения. Функционально белорусские инструменты часто были ориентированы на сопровождение обрядов перехода – свадеб, родин, похорон, а также календарных праздников, таких как Купалье или Коляды. В них ярко выражена связь с природными циклами и аграрным календарем, что отражает традиционный уклад жизни белорусов.

В китайской музыкальной традиции инструменты также занимают важнейшее место, однако их функции и культурное происхождение имеют свои особенности. Китайская классификация инструментов (ба инь – «восемь звуков») основана на материале изготовления: металл, камень, шелк, бамбук, тыква, глина, кожа, дерево. Такие инструменты, как цинь (гуцинь), пипа, эрху, сяо и дицзы, не только сопровождают пение, но и сами по себе являются носителями философского смысла. Например, гуцинь – инструмент интеллектуалов, символ благородства и утонченности, игра на нем считалась

способом самосовершенствования и общения с природой. Эрху, напротив, более демократичный инструмент, широко используемый в народной музыке и театре. В китайских народных песнях инструменты часто имитируют звуки природы – пение птиц, журчание воды, что отражает даосскую и конфуцианскую эстетику единства человека и природы.

Гучжэн, как один из древнейших китайских музыкальных инструментов, имеет более чем двухтысячелетнюю историю. В летописях периода Сражающихся царств, в знаменитом «Письме об изгнании чужеземцев» Ли Сы, уже упоминается этот инструмент как воплощение подлинной музыки царства Цинь, что дало ему второе название – «цинь чжэн». Инструмент, изначально имевший пять струн, символизировал пять основных тонов китайской музыкальной системы «гун, шан, цзяо, чжи, юй», что соответствовало конфуцианским представлениям о гармонии и порядке.

В энциклопедии «Юэ шу» («Книга о музыке») Чэнь Яна (эпоха Сун) приводится важнейшее описание гучжэна: «При взгляде на этот инструмент: верх его выпуклый, подобно Небу, низ его плоский, подобно Земле, середина его пустая, подобно шести направлениям пространства, струны и подставки подобны двенадцати месяцам. Формой сообразуется с законами, ритмом исчерпывает печаль и радость – воистину, это инструмент человеколюбия и мудрости». Таким образом, сама конструкция гучжэна с древности осмысливалась как космологическая модель мироздания, что придавало инструменту не только развлекательную, но и ритуально-философскую функцию.

Культурное происхождение функциональных различий инструментов коренится в фундаментальных особенностях мировоззрения двух народов. Китайская традиция тяготеет к философскому осмыслению музыкального звука как проявления космического порядка. Гучжэн в этом контексте выступает посредником между человеком и мирозданием, инструментом постижения гармонии мироустройства. Даже в народной среде игра на гучжэне никогда не была только развлечением – она сохраняла связь с представлениями о должном порядке вещей.

В белорусской народной инструментальной традиции мы не находим столь выраженного космологического символизма, однако инструменты здесь также выполняли важнейшие социальные и обрядовые функции. Традиционные белорусские инструменты – дуда, жалейка, лира колёсная, цимбалы, басетля, различные виды гудков и скрипиц – развивались преимущественно в контексте крестьянского быта, календарных обрядов и семейно-бытовой обрядности.

Сравнивая белорусские и китайские инструменты, можно заметить существенные различия в их функциональной направленности. Белорусские инструменты теснее связаны с обрядовостью и коллективными действами, они часто выполняют сигнальную, ритуальную или танцевальную функцию. Китайские же инструменты, особенно классические, несут более выраженную эстетическую и философскую нагрузку, они ориентированы на индивидуальное музицирование и медитативное созерцание. Однако в народной среде обеих стран инструменты служили и служат важным средством передачи культурных традиций, объединения людей и выражения национальной идентичности.

Культурное происхождение инструментов также отражает особенности исторического развития двух стран. Белорусские инструменты формировались под влиянием как славянских, так и балтских и западноевропейских традиций, что связано с географическим положением Беларуси на перекрестке культур. Китайские же инструменты развивались в более замкнутом культурном пространстве, но впитали влияние различных регионов и народов, входящих в китайскую цивилизацию. Например, пипа имеет ближневосточное происхождение, но была полностью адаптирована и переосмыслена в китайской культуре.

Таким образом, изучение функциональных различий и культурного происхождения традиционных музыкальных инструментов в белорусских и китайских народных песнях позволяет не только лучше понять музыкальные традиции двух народов, но и увидеть глубинные связи между музыкой, культурой и историей. Это знание особенно важно в контексте межкультурной коммуникации, когда через музыку мы можем найти точки соприкосновения и лучше понять друг друга, сохраняя при этом уникальность каждой культуры.

Литература:

1. Гайвуд Х.Р.А. Гуцинь и гучжэн: историческое и современное развитие двух китайских музыкальных инструментов: дис. ... магистра. Дарем: Даремский университет, 1996.
2. Лян Ханьвэнь. Наследие и развитие искусства гучжэна // Культурная артель Яньтай. 7 октября 2023.
3. Се Сяобинь, Яо Пиньвэнь. Литература и история о гучжэне. Пекин, 2020.
4. Статья о гучжэне: «Жэнь чжи инь», несущая народные чувства // Хуанчжун. Журнал Уханьской консерватории. 2006. № S1.
5. Чэнь Хунлу, Чоатчамрат С., Чуангпрахон С. Музыкальная грамотность и роль сычуаньского гучжэна в повышении культурной осведомленности учащихся // International Journal of Education and Literacy Studies. 2025. Т. 13, № 2. С. 36-42.

STUDYING A FOREIGN CULTURE: PROS AND CONS

Fedorovich G.I., Kopylova N.A.
MPEI, Moscow, Russia

Abstract: *This article examines the advantages and disadvantages of studying foreign language cultures, provides examples, and makes recommendations.*

Keywords: *a foreign culture, studying foreign cultures, advantages, disadvantages.*

We live in the 21st century, the century of high technologies. And as technologies evolve the line between countries starts to fade slowly. Also, companies tend to create international bounds, and modern technologies make this process even faster. And anyway companies, workers, any people will face or have already faced the fact that they have to deal with different culture representatives and each contact may be different from the other one, so, in this article we are going to cover the topic of learning different countries' cultures and also the question of what consequences you will face after learning or not learning them [1].

At first, we will cover possible consequences if you won't learn cultural aspects of other countries. So, all your opinion will mostly be based on stereotypes of each country, providing lack of cultural etiquette which can cause unintentional tension between you and a foreigner with whom you are contacting, which can lead to a variety of outcomes from disgusted attitude from foreign buddy to disrespect and even conflict, because you unintentionally violated somebody's boundaries. Adding more details to this con, if you will have chance to get a work in other country or you will receive an offer from any foreign country, during job interview or work process your lack of cultural context may put you in a bad place and make a bad impression of you both as a person and worker. Also, lack of cultural knowledge can be bad at facing some popular scam schemes in other countries, a lot of people don't speak about it, because no one wants to be called racist, but as we say "warned means protected", and such specific knowledge can both save your money and sometimes even life. Other con is the lack of diverse knowledge. Our life consists of many things not only study, work or any other things, and most of the time we will have to communicate with other residents of society and if you want to do it properly you have to learn many things to keep chats interesting and show that you are interested in the topic discussed. In that case cultural knowledge can be really helpful to open new horizons for you, to see world and how other people live in general with their problems, values and thoughts about simple things like 'happiness', 'good', etc.

Now let's turn our attention to pros of learning other countries' culture [2]. As we've mentioned earlier globalization is a current trend in our modern world and we are all aware what happens if you get into trend too late, it is not a fashion trend that will last a season and then will be repeated again, such trends may last decades, even ages. Going back to globalization, more and more companies tend to create subsidiaries beyond homeland headquarters or to search for foreign workers. In that case, as we have mentioned before, understanding cultural mentality can give you more chances in getting a job and be engaged in work process more smoothly rather than others. That happens because this is how our mind works, we tend to separate things by our and not our things, and a foreigner is always a part of the second group, but if he shows his respect towards new culture, treats equally and also eager to learn the county's history, etiquette and all things related to culture this brings a lot of respect and can even erase your "foreigner" status.

For example, Aleksei Maslov. He is the first and the last foreigner who received status of a Shaolin monk, which is hard. He also received new name and even was included in the list of monks. His dedication and tenacity helped him become a pioneer in this sphere. From his words in one interview: "…The thing you learn in a temple and China in general is patience. In China you can achieve everything if you have patience to learn this culture, dive into it. You have to be prepared to spend a lot of waiting until somebody will start talking to you…". This example may not be related to getting a better job or place, but it demonstrates perfectly that person in a foreign culture can achieve a lot of things if they show their interest towards culture and their intention to overcome any difficulties to prove that they are worth being in this circle.

Another pro is your diversity and expending of your horizons. Cultural knowledge can help with that. Culture is connected a lot with history and history is

connected with other things, so by learning a culture you also include other spheres like philosophy, etiquette, religion, etc. And all those spheres can not only make you a more diverse person who will come up with more topics to talk about, but also you can adapt some philosophical principles or habits or thoughts, which can help you make your life better or change your attitude towards it. Other countries also had and have a lot of wise people, and it is a crime to not use their wisdom. Also, this knowledge can help you avoid conflicts and open new angles on typical things or even see something what stays behind many people's eyes. A lot of TV shows are spreading misinformation or exaggerate things, just to make programs interesting and gain audience's attention, but the reality is deeper, than any exaggerated program and there is no journalist who can transfer this feeling, knowledge to you, it is something you can't describe in words, it must be experienced on your own skin. This is applied to anything from food to religion. And this experience makes your life and your persona richer and more interesting for others. And by understanding it person starts to gain confidence, confidence makes you stronger, and if you are strong enough – you can "rule" the world [3].

In conclusion we can surely say that learning other countries' culture is both useful and beneficial for various reasons from simple opening eyes on the things happening in the world and the reasons behind them to giving you chance at succeeding in multicultural communication more often. Because in mostly all spheres there is communication and if you are good at taking your part in them, the more chances you will do your things smoothly without facing different forms of obstacles from misunderstanding to accidentally starting conflict.

We also think it is important to give ways how to increase your cultural knowledge after we described its benefits. The first one will be simply learning languages, it improves your brain activity and helps your brain to stay flexible which is also important for elderly people, and there is no better way to understand how people of one nation think than to learn their language. The second way will be learning history of beloved country, it will help you understand what values citizens share and what principles do they chase, also it may help you understand how traditions were formed and why people act this way, in this section we can also include learning folklore and religion, because long time ago before science people's view towards world, life things in general were based on religious beliefs. The third and last will be different TV shows about travelling, travel blogs and chats with natives. Through first two you can get general knowledge about your culture of interest and chats with locals may help you make things clear and expand your knowledge on topics you were impressed the most. We think that cooperation will help people make cultural communication more efficient and enjoyable, and be more confident about learning new things from cultural habits to foreign languages.

Литература:

1. Демьянова, Ж. В. Повышение мотивации студентов технического вуза при изучении английского языка: определяющие факторы // Глобальный научный потенциал. 2024. № 7 (160). С. 78-80.

2. Копылова, Н. А. Важность обучения в сотрудничестве в современных условиях / Н. А. Копылова // Социальные коммуникации векторы будущего : Материалы III

Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–22 марта 2025 года. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский университет МЭИ, 2025. С. 457-462.

3. Технический английский. Базовый курс : Учебник / Л.С. Бирюкова, Ж.В. Демьянова, Н.А. Копылова, М.А. Слепнева. М.: Национальный исследовательский университет МЭИ, 2023. 360 с.

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТЕСТНОГО ДИСКУРСА «ЖЕЛТЫЕ ЖИЛЕТЫ»: ЦЕННОСТНЫЕ ОППОЗИЦИИ НА ПЛАКАТАХ И ГРАФФИТИ

Богданов Д.Д.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Исследование посвящено лингвоаксиологическому анализу франкоязычных протестных лозунгов движения «Жёлтые жилеты» в городском коммуникативном пространстве. Выявлена система ценностных оппозиций, лежащих в основе дискурса социальной напряженности, и описаны языковые средства их вербализации в урбанистическом дискурсе. Исследование показывает, как ценности французского общества реализуются в языке протеста через специфические риторические приемы.*

Ключевые слова: *лингвоаксиология, протестный дискурс, речевые акты, ценностные оппозиции, Желтые жилеты, урбанистический дискурс.*

Актуальность работы обусловлена устойчивым научным интересом к феномену социально-политического протеста и его языковому воплощению. Движение «Mouvement des Gilets jaunes» 2018-2019 годов во Франции представляет собой исторический прецедент, когда вербальные и визуальные средства агитации стали инструментом формирования коллективного сознания в урбанистической среде. Изучение этого материала с позиций современной лингвоаксиологии позволяет выявить универсальные механизмы языкового воздействия в условиях социального кризиса.

Новизна исследования заключается в применении комплексной методологии на стыке лингвоаксиологии, критического дискурс-анализа и концептологии к корпусу аутентичных текстов урбанистического дискурса.

Объектом исследования являются протестные лозунги периода 2018-2019 годов во Франции как специфический жанр социально-политической коммуникации в рамках городского коммуникативного пространства [1]. **Предметом** исследования выступают лингвоаксиологические характеристики лозунгов, репрезентующие систему ценностей участников движения [2].

Анализ произведен на материале 52 аутентичных лозунгов с плакатов и граффити Парижского региона в период 2018–2019 годов. Выбор данного источника обусловлен высокой концентрацией идеологических смыслов и спецификой малоформатного текста, требующего максимальной семантической компрессии [3].

Методология включает: (1) классификацию коммуникативных стратегий (делегитимация, апелляция к равенству, мобилизация); (2) типологизацию на основе теорию речевых актов (иллокутивная сила); (3) идентификацию ценностных оппозиций; (4) выявление стилистических средств вербализации; (5) интерпретацию поликодового комплекса (синергия вербального и визуального).

Урбанистическая среда рассматривается как динамическое коммуникативное пространство социального взаимодействия, в котором протестные тексты (граффити и плакаты) выступают как механизмы формирования и актуализации социальных требований [4]. Проведённый анализ демонстрирует, что аксиологическое содержание лозунгов строится на конфликте фундаментальных ценностей. В корпусе идентифицированы три направления аксиологического конфликта: (1) социально-экономическое (бедность ↔ богатство, справедливое распределение ↔ несправедливое перераспределение); (2) политико-властное (народная воля ↔ бюрократическое решение, демократическое участие ↔ авторитарное управление); (3) аксиологическое (человеческое достоинство ↔ унижение, уважение к труду ↔ презрение к работающему человеку).

Перспективы исследования включают расширение эмпирической базы и диахронический анализ протестного дискурса в рамках исследования урбанистической среды, а также применение методик Digital Humanities к архивам исторических лозунгов для выявления паттернов воспроизведения ценностных оппозиций в различные эпохи социальных движений.

Литература:

1. Чудинов А. П. Лозунги как публицистическое средство современных российских СМИ, их тематика и истоки // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 35–42.

2. Абрамова Е. К. Протестные лозунги на французском языке: лексико-синтаксический и семантический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 4.

3. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Петрова И. М., Соболева И. А. Аксиологическое измерение концепта «Россия» в ситуации самоидентификации личности (по данным ценностных суждений студентов-луганчан, 2017–2023 гг.) // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 2. С. 114–124.

4. Осипова О. С. Город как коммуникативное пространство // Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства. – Пермь: Пермский филиал НИУ ВШЭ, 2011. – С. 24–35.

THE INFLUENCE OF HUMOR ON CULTURE AND NATIONAL CHARACTER

Tolcheeva O.S.
Scientific supervisor: Ilyushina A.V.
Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: *The presented article explores the symbiotic relationship between humor and cultural identity, proving that comedic styles are not merely entertainment, but a profound reflection of a nation's history, values, and social boundaries.*

Keywords: *cultural identity, humor, comic, cross-cultural communication, linguistic determinism.*

Comic (from the Greek. komikos – funny) is an aesthetic category reflecting the contradictions of reality: the discrepancy between the ugly and the beautiful, the insignificant and the sublime, the real and the ideal. Types of comic art are literary forms whose purpose is to make readers laugh. They are based on illustrations of inconsistencies and violations of accepted norms. Types of comic are the following:

- humor;
- irony;
- sarcasm;
- satire.

Humor (from English humor – comedy, quirk, temper) is one of the types of comic in literature along with irony, sarcasm and satire; good-natured mockery, which does not involve exposing vices and ridiculing them. If language is a carrier of culture and an objective reflection of culture. We observe humor, as an artistic means of unity of taste and philosophy, is a linguistic reflection of the human mind and an important means of communication. In humor, we see the environment, lifestyle, social relationships, personal characters, and psychological characteristics of our people. Speaking about ethic jokes we should mention that these are some story or remark connected with a cultural, racial or ethnic group, closely related to stereotyping [1, 5]. The thing is that perception of ethnic jokes differs among individual. Christie Davies provides examples showing that some individuals accept them as funny while for others they are quite offensive and even racist. The reason is in various interpretations of stereotypes and attitude to them. Davies believes that a bad joke can lead to violence reinforcing the ideas expressed. Such an anecdote can lead to political conflicts either. For instance, in the 1970s the ethnic Polish jokes became so common in the USA, that the Polish Ministry of Foreign Affairs had to complain to the U.S. State Department and asked to apologize. An ethic humor theory explains the peculiarities of anecdotes usage and interpretation. In his article "Ethic Jokes, Moral Values and Social Boundaries" Christie Davies has found out that the opposition "stupid vs clever" seems to be the most common and is met in various social groups correlating with the concept of an ethic humor on "binary opposition [8]". In 1990 Davies published among "heroes" among immigrants or rustic people to laugh at low-income, low-prestige or low-skilled. According to Davies, ethnic jokes

are aimed at such three main topics as sexual behavior, stupidity and canniness [8, 9]. L. Perry Curtis singles out ancestry and the accompanying stereotype as the target for jokes in Victorian England [9]. Samuel Schmidt says that ethnic jokes sometimes help to express social resistance and can be addressed to the aggressors, for example, many various Mexican jokes about Americans (who are called gringos) [7].

Russian Humor. Speaking about Russian humorous discourse, one can state that humor is of great significance in Russian culture. Russian humor is associated with different aspects of life such as famous people, politics, of course, work or laziness and so on. Mostly it is interpreted through values, moral concepts, and norms of behavior [4].

Researchers underline that Russian humor focuses on political events and political figures more often than on other themes, addressing to negative phenomena and reflecting social issues of the country, for example:

«- Is communism a science?

- No. If it were a science, it would have been tried on dogs first» [3].

Cultural background is of great value for understanding Russian humor, Analyzing and interpreting Russian humor scientist pay much attention to the combination of social, linguistic and extra-linguistic issues for better understanding of Russian soul [2].

English Humor. English humor is dominated by irony, self-deprecation, and understatement. English jokes state: “Never take yourself too seriously”, “Bragging is a social sin”, “The humor lies in what is not said”. A dry, sarcastic remark in a dire situation (“Bit of a spot of rain, isn’t it?” during a flood) is the peak of English wit. This stems from a rigid class history where direct confrontation was rude. Mocking oneself is a social leveler, creating intimacy by proving you are "one of the group," not above it [5, 6, 9].

German Humor. German humor is typical for some literalism and the freedom to be silly. The stereotype that Germans "have no humor" is false; they simply don't use humor the same way the English people do. Humor is a separate activity, not a constant background noise. German comedy is often literal, existential, or carnivalesque. There is a clear separation between everyday life (Ernst seriousness) and comedic time (Fasching/Karneval). Unlike English irony, German humor is often explicit and absurdist (e.g., Loriot), finding comedy in rigid formalism and bodily functions. This reflects a culture that values Ordnung (order). The joke isn't the insult; the joke is the interruption of order itself [7, 9].

Chinese Humor. In Chinese humor we see such features as politeness, puns, and the collective. Chinese humor operates differently because its primary goal is rarely to challenge authority or mock an individual, but to maintain harmony. One rule – never lose face, and never make someone else lose face. Humor relies heavily on wordplay (homophones), slapstick, and embarrassing situations rather than sarcastic takedowns. Direct irony is risky as it can be misinterpreted as hostility. In a collectivist, high-context society, the audience is expected to "get" the joke without it being explained. Comedy duos (Xiangsheng) focus on verbal dexterity, not political roasting. However, modern Chinese internet humor thrives on self-mockery regarding the pressures of modern life (tang ping – lying flat), showing a shift in national character [6, 7].

Conclusion. Humor is not a distraction from culture but the distillation of it. By studying comedic trends, we see the shifting power dynamics, insecurities, and values of a nation. In a world of increasing political tension, understanding why someone finds something funny is the first step toward understanding who they are.

References:

1. Лаврентьев А.И. Общая теория словесного юмора на примере литературы этнических меньшинств // Дидактика межкультурного общения в иноязычном образовании: теория и практика: материалы всерос. конф. с междунар. участием, посвященной 75-летию проф. А. Н. Утехиной: в 2 ч. / ред.: Т. И. Зеленина, Л. М. Малых. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. Часть 2: Филология. Лингвистика. С. 10-16.
2. Моу, Ш. Лингвокультурологический анализ русского юмора / Ш. Моу // Молодой ученый. 2015. № 24(104). С. 879-882. URL: https://moluch.ru/archive/104/24265.
3. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002 144 с.
4. Цыбенко В. А. Особенности современного русского юмора как средства межкультурной коммуникации (на примере комедийно-развлекательного телешоу «Прожекторперисхилтон») // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы: сборник научных трудов, посвящённый 20-летию факультета клинической психологии / под общ. ред. д.м.н., проф. И.А. Сучкова; ред. кол.: Л.Ф. Ельцова, Г.В. Корнева, М.А. Калинина; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. – Рязань: ОТСиОП, 2024. С. 63-65.
5. Юмор в сравнительном изучении культур / авт.-сост. С.Р. Зайнуллина, А.И. Лаврентьев, М.В. Опарин, Н.А. Пронина, В.Л. Шибанов – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2017. – 284 с.
6. Cui Peiling. Deutscher und Chinesischer Humor – einekontrastive Studie zu deutschen und chinesischen ethnischen und Familienwitzen // Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde durch den Promotionsausschuss Dr. Phil. der Universität Bremen. Bremen, den 26 August 2008. 217 p.
7. Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
8. Davies C. The mirth of nations. New Brunswick: Transaction publishers, 2002. 252 p.
9. Witze.net. [Электронный ресурс]. URL: http://witze.net (дата обращения: 10.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ИТАЛЬЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ *CUORE*

Горюнова Е.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В работе исследуется семантика итальянских фразеологизмов с компонентом cuore (сердце), которые представлены в итальянских лексикографических источниках и выражают позитивные и негативные эмоциональные состояния.*

Ключевые слова: *эмоции, лексикографические источники, фразеологизм, концепт, итальянский язык.*

Актуальность исследований фразеологии иностранного языка для будущих педагогов связана с потенциалом использования дидактических

материалов на её основе: интеграция учебных материалов лингво-культурологической направленности в учебный процесс наряду с использованием новейших технологий способствует повышению учебного интереса и мотивации обучающихся к изучению иностранного языка [10]. Изучение иностранного языка включает знакомство с отразившимися в языке особенностями поведения его носителей в различных сферах деятельности, для того чтобы корректно интерпретировать различные языковые явления [8]. Фразеологические единицы, служащие для вербализации значимых для народа концептов, отражают его традиции, обычаи и мировосприятие через призму испытываемых ими чувств [6, 9]. Современные исследования, посвященные лингвокогнитивному анализу реализации лексем во фразеологии, направлены на определение концептуальных значений и окружения этих лексем и вносят вклад в научное понимание национальных лингвокультур [2]. Исторические и культурные факторы, находя отражение в языке, оказывают влияние на формирование коллективной и личной идентичности [3].

Кроме того, внимательное изучение средств выразительности, характерных для итальянского языка и активно используемых в произведениях художественной литературы, позволяет тем, кто его изучает, расширять собственный кругозор [4]. Компоненты фразеологизма, который является одним из тропов, получают в его составе переносное значение, которое проявляется в художественных текстах и производит на читателя аутентичных иноязычных текстов эстетическое воздействие [5]. Также остается актуальным вопрос о выборе корректных стратегий и способов перевода и адаптации фразеологизмов как коннотированной лексики с национально-культурным компонентом [7, 11, 12].

Сердце в европейской и итальянской традиции считается источником и причиной различных человеческих эмоций и состояний, поэтому фразеологизмы с компонентом *cuore* широко представлены в итальянском языке. Цель данного исследования заключается в установлении особенностей семантики фразеологизмов с компонентом *cuore*, которые используются для вербальной репрезентации концепта *cuore* в итальянской лингвокультуре. Материалом исследования являются более 90 фразеологических единиц с компонентом *cuore*, присутствующих в русско-итальянском фразеологическом словаре. В число задач исследования входит определение значений, имеющихся у фразеологизмов с данным компонентом, и их группировка в соответствии со спектром выделенных значений.

Под концептом в данном исследовании в соответствии с концепцией Н.Ф. Алефиренко понимается ментальное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты и вербализующийся в языке через совокупность лексических единиц и устойчивых выражений [1].

Концепт *cuore* отражает часть культурной идентичности итальянцев. Согласно определению словаря *Dizionario Italiano*, слово *cuore* обладает двумя основными значениями. В буквальном (анатомическом) значении это «орган, мышечный, жизненно важный», расположенный в грудной клетке, отвечающий за кровообращение; в метафорическом (символическом) значении это «центр»

чувств, души, внутренней жизни человека, ядро моральных качеств и переживаний [13].

Итальянские фразеологизмы с компонентом cuore можно разделить на несколько групп на основании общности их семантики:

1. Доброта, щедрость, искренность. К данной группе относятся фразеологизмы

- *a cuore aperto* – откровенно, искренне;
- *di buon cuore* – добродушно, от чистого сердца;
- *cuore largo* – щедрый, великодушный.

Эти выражения обозначают эмоциональную открытость, дружелюбие и стремление к искреннему взаимодействию.

2. Любовь и привязанность:

- *avere qualcuno nel cuore* – носить в сердце, глубоко любить;
- *stare a cuore* – быть дорогим, волновать;
- *tenere nel cuore* – хранить в сердце.

Фразеологизмы данной группы описывают эмоциональную близость, нежность и устойчивую привязанность.

3. Страх, тревога, сильное волнение:

- *avere il cuore in gola* – сердце в горле;
- *un tuffo al cuore* – сердце ёкнуло;
- *il cuore mi cade* – сердце упало.

Эти выражения отражают реакцию организма на стресс и испуг.

4. Грусть, боль, переживание:

- *avere il cuore grosso* – иметь тяжелое сердце;
- *il cuore piange* – сердце плачет;
- *pesare sul cuore* – лежать (как камень) на душе.

Фразеологизмы данной группы выражают эмоциональные страдания, тоску, переживание утраты и моральный груз.

5. Смелость, решительность, внутренняя сила:

- *avere cuore* – быть смелым;
- *farsi cuore* – набраться мужества;
- *riprendere cuore* – воспрянуть духом.

В данных выражениях сердце выступает символом силы, решительности и способности действовать.

6. Холодность и отсутствие чувств:

- *cuore di pietra* – каменное сердце;
- *cuore freddo* – холодное сердце;
- *cuore di ferro* – железное сердце.

Приведенные выражения обозначают эмоциональную отстраненность, жесткость характера и неспособность к эмпатии.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом *cuore* обладают семантикой эмоциональной открытости, дружелюбия, стремления к искреннему взаимодействию, эмоциональной близости, нежности, устойчивой привязанности, реакции на стресс, страданий, тоски, переживания утраты, а также силы, решительности и отстраненности, жесткости.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 287 с.

2. Викулова Л. Г., Петрова И. М., Самородин Г. В. Концептосфера лексем свой, чужой, иной в русском языке (опыт корпусного исследования) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 6. С. 77-86.

3. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Петрова И. М., Соболева И. А. Аксиологическое измерение концепта «Россия» в ситуации самоидентификации личности (по данным ценностных суждений студентов-луганчан, 2017-2023 гг.) // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 2. С. 114-124.

4. Быстрова Т. А., Никитюк А. Г. Автор, повествователь и герой в творчестве Вальтера Сити // Новый филологический вестник. 2019. № 4(51). С. 16-26.

5. Быстрова Т. А., Никитюк А. Г. К вопросу об итальянском романе-автофикшн // Романские тетради : сборник статей памяти профессора Аллы Викторовны Щепиловой / МГПУ. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2020. – С. 129-135.

6. Данилова В. А., Данилов А. Г Выражение эмоций в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовыми компонентами «розовый» и «серый» // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1(62). С. 225-228.

7. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Перевод песен Zecchino d'oro с итальянского на русский как пример применения переводческих трансформаций // Итальянский язык в науке, образовании и культуре : Тезисы докладов Пятой международной научно-практической конференции МГЛУ, приуроченной к 50-летию кафедры итальянского языка, Москва, 17–18 октября 2023 года. М.: МГЛУ, 2023. С. 49-50.

8. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Репрезентация финансовых отношений в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовым компонентом // Перевод. Язык. Культура : Материалы XV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17-18 мая 2024 года. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 12-16.

9. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Репрезентация цвета в эмотивных фразеологизмах итальянского и португальского языков // Новейшая филология: современные парадигмы исследований: Сборник тезисов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Г. Г. Галич, Омск, 21-23 марта 2024 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 62-64.

10. Данилова В. А., Шихалкина Т. Г. Возможности использования мобильного обучения (m-learning) в процессе изучения английского языка для профессиональных целей (ESP) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39, № 2. С. 206-215.

11. Никитюк, А. Г. Лингвокультурная адаптация песен Zecchino d'oro с итальянского языка на русский // Перевод. Язык. Культура : Материалы XIV Международной научно-практической конференции (памяти Н.Л. Шадрина и к 30-летию факультета иностранных языков), Санкт-Петербург, 19-20 мая 2023 года. Санкт-Петербург: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2024. С. 91-94.

12. Никитюк А. Г., Данилова В. А. Переводческие трансформации при переводе итальянских поэтических текстов на русский язык (на материале песен Zecchino d'oro) // Грани языка. Грани текста. Грани перевода : Тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера, Москва, 08-09 декабря 2023 года. Москва: МГЛУ, 2024. С. 54-55.

13. Dizionario italiano. 2024. URL: https://www.dizionario-italiano.it/ (дата обращения: 10.02.2026).

БРИТАНСКОЕ ЧУВСТВО ЮМОРА. ЮМОР И КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Тиховская Ю.В., Титкова Д.И.
Научный руководитель: Карякина Е.С.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В работе рассматриваются понятия юмора как культурного кода, анализируются ключевые особенности британской юмористической традиции: ирония, самоуничижение, недосказанность (understatement), игра слов и «каменное лицо» (deadpan).*

Ключевые слова: *британский юмор, межкультурная коммуникация, ирония, самоуничижение, культурный код, языковая компетенция.*

Введение. В эпоху глобализации и расширения международных контактов особую актуальность приобретает проблема взаимопонимания между представителями разных культур. Одним из наиболее сложных для декодирования элементов национальной культуры является юмор. Как отмечают исследователи, именно непонимание шуток зачастую становится причиной коммуникативных неудач даже при высоком уровне владения иностранным языком [2].

Британский юмор занимает уникальное место в мировой культуре. Он признан одним из самых узнаваемых и одновременно самых трудных для понимания национальных стилей юмора [6]. Исследование, проведённое учёными Королевского колледжа Лондона, показало, что молодые европейцы (16-34 лет) описывают британский юмор такими словами, как «уникальный», «ироничный», «эксцентричный», «чёрный», «тонкий», «дерзкий» и «интеллектуальный» [6]. При этом многие респонденты отмечают, что британский юмор предпочтительнее американского, который нередко характеризуют как «базовый» и «упрощённый» [6].

Цель данной работы – выявить основные характеристики британского чувства юмора, определить его связь с культурным своеобразием нации и проанализировать трудности, возникающие при межкультурном восприятии британского юмора.

Юмор как культурный феномен и его функции

Прежде чем обратиться непосредственно к британскому юмору, необходимо определить само понятие юмора. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля юмор определяется как «веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев» [2]. Согласно определению словаря Merriam-Webster, юмор (*humour*) – это «смешное свойство или составная часть чего-либо» [2].

Юмор выполняет ряд важных социальных функций. Во-первых, он является средством передачи мыслей и чувств, как положительных (радость), так и отрицательных, которые открыто выражать в обществе не принято [2]. Во-вторых, совместное понимание юмора помогает устанавливать и поддерживать социальные отношения, снимать психологическое напряжение. В-третьих,

юмор выступает важным инструментом социализации и культурной идентификации [3].

В контексте межкультурной коммуникации юмор приобретает особое значение. Понимание шуток требует от коммуниканта не только языковой компетенции, но и глубокого знакомства с культурным контекстом, историей, традициями и системой ценностей носителей языка [5]. Исследователи подчёркивают, что юмор обладает значительным воспитательным и обучающим потенциалом при изучении менталитета иной культуры [5].

Исторические истоки британского юмора

Формирование британского юмора как устойчивого культурного феномена представляет собой длительный исторический процесс, связанный с развитием национальной литературы и культурных институтов.

Зарождение специфических черт британской юмористической традиции исследователи относят к периоду позднего Средневековья. В «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера (XIV век) впервые в английской литературе обнаруживается сочетание различных регистров комического – от утончённой иронии до гротеска. Универсальность заложенных в произведении комических приёмов обеспечила его непреходящую актуальность.

В эпоху Просвещения значительный вклад в развитие национальной юмористической традиции внёс Джонатан Свифт. В романе «Путешествия Гулливера» он осуществил переход от развлекательного комизма к философской сатире, направленной на обличение общественных пороков. Юмор приобрёл выраженную критическую функцию, став инструментом социального анализа.

Институционализация британского юмора произошла в XIX веке с появлением специализированных сатирических изданий. Еженедельники Fun и Punch способствовали формированию устойчивых жанровых форм комического, ориентированных на массовую аудиторию. В этот период творчество Джерома К. Джерома и П.Г. Вудхауса закрепило в национальной традиции такие черты, как ирония и внимание к бытовым несообразностям.

В XX веке существенную роль в эволюции британского юмора сыграла корпорация BBC. Документ 1948 года «The BBC Variety Programmes Policy Guide For Writers and Producers» («Зелёная книга») был призван ограничить использование в эфире вульгарной лексики и острой сатиры. Однако британские авторы систематически нарушали эти предписания, что способствовало формированию более изощрённых форм комического, адаптированных к условиям цензурных ограничений.

Таким образом, современный британский юмор представляет собой результат многовековой эволюции, в ходе которой литературная традиция и социокультурные изменения сформировали уникальный комплекс приёмов и тем.

Ключевые характеристики британского юмора

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько базовых характеристик, составляющих своеобразие британского юмора.

Центральное место в британском юморе занимает ирония – интеллектуальная насмешка, часто скрытая под маской серьёзности. Через

особенный тонкий британский юмор проходит сильная тема сарказма и самоуничижения, часто при абсолютно невозмутимой подаче [4]. Британцам свойственно шутить самоуничижительно и высмеивать собственные (и чужие) недостатки. При этом важно, чтобы шутка была утончённой, иначе она будет считаться попросту грубой и безвкусной [1].

Показательным примером самоиронии служит известный британский футбольный припев «Football's coming home» (буквально «Футбол возвращается домой»), отсылающий к тому, что современный футбол был изобретён именно в Англии. Эта фраза, ставшая названием официальной песни сборной Англии к чемпионату Европы 1996 года, звучит как на крупных турнирах, так и после очередного поражения английской команды, превращаясь в форму добродушной самокритики.

«Сухой юмор» (*dry humour*) – это особая манера подачи шутки, при которой человек сохраняет абсолютно серьёзное выражение лица (*deadpan*), даже если говорит нечто абсурдное или ироничное. Комический эффект возникает именно из-за несоответствия между содержанием сказанного и отсутствием эмоций на лице говорящего. Слушателю приходится самому догадываться, что это шутка, так как никаких явных сигналов (улыбки, смеха) нет [4].

Такая манера тесно связана с чертой, которую часто приписывают британскому национальному характеру, – эмоциональной сдержанностью [6]. В общении с представителями других культур это может создавать трудности. Например, если в культуре собеседника принято смеяться или улыбаться во время шутки, серьёзное лицо британца он может воспринять буквально и просто не понять, что это была шутка.

Использование преуменьшения (*understatement*) – ещё одна характерная черта британского юмора. Суть этого приёма заключается в том, что серьёзные, драматические или трагические события описываются нарочито сдержанно, как нечто обыденное и незначительное. Классический пример охарактеризовать ураган, снёсший половину дома, как «немного ветрено сегодня» (*a bit breezy today*). Этот приём отражает национальную черту – эмоциональную сдержанность и нежелание демонстрировать сильные чувства публично.

Британский юмор принято считать интеллектуальным, потому что его комический эффект строится не на внешних эффектах, а на языковых конструкциях, которые требуют от слушателя определённых умственных усилий. Один из самых распространённых приёмов – игра слов (каламбур), основанная на многозначности слов или их звуковом сходстве. Смешное возникает из-за неожиданного столкновения разных значений одного и того же слова, и слушатель должен уметь быстро уловить эту смысловую игру.

Интересно, что британцы часто сопровождают каламбур фразой «*no pun intended*» («без каламбура»). Хотя она буквально означает, что шутка не была задумана, на деле она как раз подчёркивает, что игра слов состоялась, и обращает на неё внимание собеседника.

Одной из характерных особенностей британской юмористической традиции является отсутствие строгих тематических ограничений. Британцы склонны шутить практически по любому поводу, включая политику,

королевскую семью, классовую систему, национальные стереотипы и даже трагические события. При этом важно понимать, что отсутствие запретных тем не означает вседозволенности: ключевое значение имеет не столько содержание шутки, сколько форма её подачи. Отсутствие утончённости или грубость в высмеивании серьёзных вещей воспринимаются как признак дурного вкуса.

За внешней эмоциональной сдержанностью и кажущейся бесчувственностью нередко скрывается психологический механизм защиты.

Юмор выполняет функцию своеобразного буфера, позволяющего говорить о сложных, болезненных или социально неудобных вопросах без излишнего драматизма. Однако для представителей иных культур, где принято более прямое выражение эмоций, такая манера может быть воспринята как проявление безразличия или даже цинизма. Это создаёт дополнительные барьеры в межкультурной коммуникации, поскольку за внешней формой собеседник не всегда способен разглядеть истинное отношение говорящего к обсуждаемой теме.

Для понимания британского юмора недостаточно владения языком – необходимо знание культурного контекста: истории, традиций, социального и политического устройства Великобритании. Без этого многие шутки остаются непонятыми или интерпретируются неверно, поскольку их смысл привязан к реалиям, незнакомым иностранцу.

В этом отношении юмор выполняет функцию социального фильтра: способность понять шутку сигнализирует о принадлежности к культурному кругу, тогда как непонимание выдает «чужака». Это создаёт барьер в межкультурной коммуникации: даже при свободном владении языком человек может оказаться исключённым из общения, если не улавливает скрытых отсылок и подтекстов.

Чрезмерная опора на стереотипы о «чопорности» и «холодности» англичан может мешать объективному восприятию их юмора. В действительности британцы готовы даже эти кажущиеся недостатки обратить в шутку и посмеяться над ошибочным мнением всего мира.

Британский юмор в современном медиапространстве

В современную эпоху британский юмор сохраняет и даже усиливает своё влияние на мировую культуру, выступая важным инструментом «мягкой силы» Великобритании. Основным каналом трансляции юмористической традиции выступают телевизионные сериалы и комедийные шоу, которые благодаря стриминговым платформам приобрели поистине глобальную аудиторию.

Примечательно, что молодые зрители в разных странах всё чаще предпочитают смотреть британский контент на языке оригинала, стремясь уловить аутентичное звучание и интонации, которые неизбежно утрачиваются при дубляже. Это свидетельствует о растущем понимании того, что юмор неразрывно связан с языком и манерой подачи.

Социальные сети играют важную роль в популяризации британских комедий среди молодёжи. Короткие фрагменты, разошедшиеся по цифровым платформам, создают ажиотаж вокруг нишевых шоу и привлекают к ним новых зрителей. Таким образом, британский юмор продолжает эволюционировать,

адаптируясь к новым форматам потребления контента, но сохраняя при этом свою национальную идентичность и оставаясь значимым фактором межкультурного взаимодействия.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Британский юмор представляет собой уникальный культурный феномен, сформировавшийся под влиянием многовековой литературной традиции. К числу его ключевых характеристик относятся ирония и сарказм, самоирония, «сухая» манера подачи с невозмутимым выражением лица (deadpan), недосказанность (understatement), интеллектуальная игра слов, а также широкий тематический диапазон при отсутствии строгих запретных тем.

В социальном измерении британский юмор выполняет функции психологической защиты, механизма социальной идентификации и своеобразного культурного фильтра, отделяющего «своих» от «чужих». Для адекватного восприятия британского юмора в межкультурной коммуникации необходимо не только высокое владение языком, но и знание культурного контекста, реалий, особенностей невербального поведения, а также способность преодолевать стереотипы.

Наконец, британский юмор остаётся значимым фактором «мягкой силы» и экспорта британской культуры в мире, успешно адаптируясь к современным форматам медиапотребления и сохраняя при этом свою национальную идентичность.

Литература:

1. Крошнева А. Как устроен английский юмор, и почему он так нравится читателям? [Электронный ресурс] / А. Крошнева // Национальная библиотека Беларуси. – 2026. – 27 февр. – URL: https://www.nlb.by/content/news/library-news/kak-ustroen-angliyskiy-yumor-i-pochemu-on-tak-nravitsya-chitatelyam-/ (дата обращения: 11.03.2026).

2. Мартынова И.А. Особенность британского юмора : научно-исследовательская работа / И.А. Мартынова ; МАОУ «Школа № 79 им. Н.А. Зайцева». – Нижний Новгород, 2019. – 37 с.

3. Кульков А.Н. Британский юмор. А где тут смеяться? : открытая лекция [Электронный ресурс] / А.Н. Кульков ; Национальный исследовательский универси*тет* «Высшая школа экономики», Нижегородский кампус. – Нижний Новгород, 2025. – URL: https://nnov.hse.ru/human/english/announcements/1046025792.html (дата обращения: 08.03.2026).

4. Британский юмор [Электронный ресурс] // Википедия. – 2016. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Британский_юмор (дата обращения: 08.03.2026).

5. Изучение английского юмора как языкового и социокультурного феномена // Державинский форум. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2024. – Т. 8, № 2 (30). – С. 150–157.

6. Research: British humour draws young Europeans to UK content [Electronic resource] // Advanced Television. – 2025. – 18 Feb. – URL: https://www.advanced-television.com/2025/02/18/research-british-humour-draws-young-europeans-to-uk-content/ (дата обращения: 11.03.2026).

ОТ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА К ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ: ЛИНГВОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕЙСКИХ ГОНОРАТИВОВ

Сергеева К.А., Борботько Л.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья посвящена применению лингвотехнологических методов для анализа адекватности машинного перевода корейских гонoративов на английский язык. На материале созданного параллельного корпуса медиатекстов проводится классификация ошибок нейросетевых моделей с позиций теории эквивалентности В.Н. Комиссарова.*

Ключевые слова: *корейские гонoративы, машинный перевод, параллельный корпус, нейросетевые модели (NMT), адекватность перевода.*

Развитие нейросетевых моделей машинного перевода (NMT) открыло новые возможности для межъязыковой коммуникации, однако вопрос передачи культурно-специфических и прагматически нагруженных элементов языка остается открытым. Корейский язык обладает одной из наиболее сложных грамматикализованных систем вежливости, где «гонoративы представляют собой грамматические и лексические формы, кодирующие социально приемлемое отношение говорящего к адресату и референту» [7].

Данное исследование выполнено на стыке компьютерной лингвистики и переводоведения. **Актуальность** работы определяется фундаментальным противоречием между дискретной логикой нейросетевых алгоритмов и континуальной, контекстуально-обусловленной природой гонoративных концептов.

Цель работы – демонстрация лингвотехнологического подхода: как специализированный параллельный корпус может служить инструментом для выявления закономерностей машинного перевода и классификации системных ошибок при передаче корейских средств вежливости.

Теоретической базой для оценки качества перевода служат критерии адекватности и эквивалентности. Вслед за В.Н. Комиссаровым, мы рассматриваем переводческую эквивалентность как «фактическую смысловую близость, достигаемую в конкретном переводе» [1], а адекватность понимаем как способность перевода выполнять ту же коммуникативную функцию в иной лингвокультуре.

Методологической основой эмпирической части является корпусная лингвистика, которая в современной науке представляет собой не просто электронное собрание текстов, а исследовательскую «идеологию», ориентирующую ученого на текст как главный объект теоретической рефлексии [3]. Для решения конкретной задачи был создан специализированный параллельный корпус, состоящий из отрывков новостей и дорам.

Для каждого корейского сегмента были собраны три машинных перевода (Google Translate, DeepSeek, Naver Papago) и профессиональный (антропогенный) перевод субтитров, выступающий в качестве эталона.

Классификация ошибок осуществлялась по обращении к теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова [1], адаптированной к задачам исследования гонораторов.

Ошибки 1-го типа (полное несоответствие цели коммуникации): вежливая просьба или уважительное обращение переведены как нейтральный вопрос или команда.

Ошибки 2-го типа (искажение ситуации): коммуникативная цель сохранена (просьба), но проигнорированы статусные отношения (нижестоящий к вышестоящему).

Ошибки 3-го типа (изменение способа описания): грамматическое выражение вежливости заменено лексическим, не соответствующим норме ПЯ.

Ошибки 4-5 типов: нарушения синтаксических структур или точной передачи семантики.

Количественный анализ распределения ошибок (от общего числа ошибочных переводов) позволил выявить следующие тенденции:

1. Полное игнорирование гоноративного маркера (нейтрализация): ~45%. Самый распространенный тип. Система переводит уважительную форму глагола (잡수시다) как нейтральную (eat), стирая социальную окраску.

2. Лексическая/грамматическая неточность при попытке передачи: ~30%. Система распознает необходимость вежливости, но выбирает неуместное средство (избыточные архаизмы, неверный модальный глагол).

3. Контекстуально необоснованное добавление вежливости (гиперкоррекция): ~15%. Добавление please там, где оригинал требует нейтрального стиля [2].

4. Искажение смысла из-за неправильной референции: ~10%. Ошибки в определении субъекта/объекта уважения.

Сравнительный анализ систем показал, что Naver Papago допустила статистически значимо меньше ошибок полного игнорирования (~35%) по сравнению с Google Translate (~48%) и DeepSeek (~50%). Это объясняется специализацией Papago на корейском языке и, предположительно, использованием обучающих данных, лучше аннотированных с точки зрения социального контекста.

Рассмотрим два характерных примера, демонстрирующих «языковую избирательность» – ситуацию, когда способ описания, обязательный для одного языка, оказывается неприемлем для другого [1].

Пример 1 (Субъектный гонорати в и адрессивная форма).

Оригинал: 대통령께서 국회에서 연설 하셨습니다.

МП (все системы): The President gave a speech in the National Assembly.

Анализ: Гоноративный суффикс -시- (하시-) и формальный стиль окончания -ㅂ니다 переданы нейтрально. Переводчик-человек, стремясь к прагматической адекватности, мог бы использовать: *His Excellency the President delivered an address*. Машинный перевод прагматически обедняет высказывание, стирая обязательный для корейского медиадискурса знак уважения к вышестоящему лицу.

Пример 2 (Комбинированная форма + лексический гоноратив).

Оригинал: 할아버지, 진지 잡수세요.

МП (типичная ошибка): Grandpa, eat your food.

Анализ: Система игнорирует и уважительный глагол 잡수세요, и гоноративную лексику 진지 (еда для старших). Происходит грубый прагматический сдвиг. Адекватная компенсация требовала бы перевода: Grandfather, please enjoy your meal.

Данные примеры иллюстрируют, что NMT-модели работают на уровне статистических ассоциаций между поверхностными формами, но не имеют доступа к экстралингвистическим знаниям о социальных ролях и культурных нормах, необходимых для адекватного перевода гонораторов [7].

В рамках лингвотехнологического подхода созданный параллельный корпус выполняет две ключевые функции. Во-первых, он выступает как «поисковая машина» (search engine) для сбора эмпирической базы – контекстов употребления гонораторов. Во-вторых, он служит «исследовательской машиной» (research engine) для верификации гипотез о закономерностях перевода [3].

Проведенный анализ позволяет сформулировать рекомендации для улучшения языковых моделей:

Обогащение обучающих данных: Необходима разметка параллельных корпусов метаданными о социальных отношениях коммуникантов (возраст, статус, степень близости), как это предлагается в подходах context-aware NMT [6].

Настройка на прагматику: модели должны обучаться не просто лексическим соответствиям, а компенсаторным стратегиям – использованию формальной лексики, модальных глаголов (would, could), соответствующих обращений (Sir, Mr. President) для передачи тона уважения.

Интеграция QE-систем: применение методов quality estimation на уровне слов (word-level QE) [5] могло бы помочь выявлять и маркировать потенциально ошибочные переводы гонораторов на этапе постредактирования.

Проведенное исследование подтверждает, что параллельный корпус является эффективным инструментом лингвотехнологического анализа. Контрастивное исследование корпуса корейских медиатекстов и их машинных переводов позволило выявить системные проблемы нейросетевых моделей: склонность к нейтрализации статусных маркеров, буквализм и слабое моделирование прагматики. Наиболее адекватные результаты демонстрирует специализированная система Naver Papago, однако и она требует существенного постредактирования для достижения прагматической эквивалентности. Перспективы улучшения качества МП связаны с созданием контекстно-ориентированных моделей, обучаемых на размеченных корпусах с учетом социальных параметров коммуникации.

Литература:

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Альянс, 2019. – 253 с. – Текст : непосредственный.

2. Сулейманова, О. А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? / О. А. Сулейманова, Л. А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 919-929. – DOI 10.21638/spbu09.2024.409. – EDN MICLLG

3. Сулейманова, О. А. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации / О. А. Сулейманова, А. Б. Гулиянц. – Текст : электронный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 4 (48). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lingvisticheskogo-issledovaniya-kak-aktualnyy-razdel-sovremennoy-nauchnoy-publikatsii (дата обращения: 30.09.2025).

4. Чернявская, В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-vozmozhnosti-diskursivnogo-analiza-v-korpusnoy-lingvistike (дата обращения: 30.09.2025).

5. Eo, S. Word-Level Quality Estimation for Korean-English Neural Machine Translation / S. Eo, C. Park, H. Moon, J. Seo, H. Lim. – Текст : электронный // IEEE Access. – 2022. – Vol. 10. – P. 44963–44973. – DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3169155.

6. Introduction of Context-Awareness in NMT for Korean. – Текст : электронный // 1stopasia.com : сайт. – URL: https://www.1stopasia.com/blog/introduction-of-context-awareness-in-nmt/ (дата обращения: 20.11.2025).

7. Yoon, S.-S. Honorifics / S.-S. Yoon. – Текст : непосредственный // The Handbook of Korean Linguistics / ed. by L. Brown, J. Yeon. – 2nd ed. – Wiley-Blackwell, 2024. – P. 1–18. – doi: 10.1002/9781394326055

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ИТАЛЬЯНСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Кох С.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Данное исследование направлено на выявление коммуникативных особенностей использования обращений в итальянском языке. Сопоставление обращений, отражающих особенности итальянского и русского речевого этикета, позволяет установить черты их сходства и различия.*

Ключевые слова: *обращение, итальянский язык, речевой этикет, межкультурная коммуникация, сопоставительный анализ.*

В условиях глобализации и интенсификации международных контактов первостепенное значение приобретает эффективное осуществление межкультурной коммуникации. Успешность коммуникативного акта зачастую зависит не только от лингвистической компетенции, но и от владения прагматическими и социокультурными нормами, составляющими основу речевого этикета. Включение культурного компонента в исследовательскую

парадигму является необходимым при интерпретации языковых фактов [2, 3, 5]. В современных исследованиях межкультурной коммуникации коммуникативное поведение рассматривается как алгоритмизированная последовательность речевых и неречевых действий [6]. Различия между различными культурами проявляются в сфере речевого этикета, в том числе в системе обращений.

В данном исследовании речевой этикет понимается как совокупность национально-специфичных, стереотипных и устойчивых формул общения, регулирующих речевое поведение в обществе с целью установления, поддержания и завершения контакта в заданной тональности. В этикетном дискурсе коммуникативное поведение связано с устойчивыми, клишированными формулами общения в стандартных этикетных ситуациях [1]. Обращение, по утверждению Н.И. Формановской, выполняет функцию призыва к адресату и является сигналом к началу или поддержанию общения [10]. Неверный выбор обращения может приводить к коммуникативным неудачам и восприниматься собеседником как невежливость, фамильярность или необоснованная дистантность. Корректность выбора обращений представляет интерес и с точки зрения теории перевода, поскольку в контексте итало-русского межкультурного взаимодействия выбор эквивалентных форм обращений также связан с определенными трудностями [4]. Кроме того, понятия этикетной нормы и языковой нормы имеют различное семантическое наполнение в концепциях организаций, которые осуществляют разработку норм и стандартов в странах романского ареала (например, в Италии и во Франции) [7-9].

Целью данной работы – выявление особенностей функционирования обращений в итальянском и русском речевом этикете.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

1) выявить и классифицировать основные формы обращений в итальянском языке;

2) определить ключевые особенности итальянского речевого этикета, проявляющиеся в системе обращений;

3) произвести сопоставление с системой обращений в русском языке;

4) установить черты сходства и различия в использовании формальных и неформальных обращений в русском и итальянском языках.

Материалом исследования являются тексты и лингвокультурологические комментарии из учебников T. Marin Nuovissimo Progetto Italiano I и Д.А. Шевляковой «Итальянский язык. Самоучитель для начинающих».

Итальянская система обращений характеризуется богатством и вариативностью форм, выбор которых детерминирован комплексом факторов: социальный статус, возраст, степень знакомства, формальность ситуации.

В итальянском языке местоимение *Lei* служит для вежливого обращения к одному лицу (аналогично русскому «Вы») и употребляется с глаголом в форме 3-го лица единственного числа. Для вежливого обращения используются также лексемы *signore* (господин), *signora* (госпожа, к замужней или зрелой женщине), *signorina* (синьорина, к незамужней девушке). Эти слова могут

использоваться самостоятельно или в сочетании с фамилией собеседника. В деловой переписке принято использовать их в сокращенном виде: *Sig., Sig.ra, Sig.na*. В случае неочевидности семейного положения при обращении ко взрослой женщине выбор между *signora* и *signorina* делается в пользу более нейтрального *signora*.

Также в современном итальянском языке при обращении к собеседнику активно используются профессиональные титулы и звания, например *dottore* (обращение к лицу с университетским дипломом, независимо от наличия у него научной степени); *professore* (профессор), *ingegnere* (инженер) и др. Данные формы активно используются в официальной и полуофициальной обстановке.

Что касается неформального общения, обращение с использованием местоимения *tu* используется при общении с друзьями, родственниками, детьми, коллегами в неформальной обстановке, а также со сверстниками. Также имеют широкое распространение обращения по имени. У многих имен существуют диминутивы – уменьшительно-ласкательные формы: *Marco → Marchetto, Francesca → Franci*.

В кругу семьи при обращении друг к другу её члены используют слова *mamma* (мама), *papà* (папа), *nonno* (дедушка), а также *ragazzo/a* (парень, девушка), *ragazzi* (ребята).

Сопоставление итальянской системы обращений с русской позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия между итальянской и русской культурами.

Сходство заключается в наличии в обоих языках бинарной оппозиции – формального обращения (рус. Вы – итал. *Lei*) и неформального (рус. ты – итал. *tu*). Выбор конкретной формы зависит от таких экстралингвистических факторов, как возраст, статус и степень близости с собеседником.

Различия между двумя культурами заключаются в скорости перехода на ты/*tu*. В итальянской культуре этот переход между людьми сопоставимого возраста и статуса происходит быстрее, часто по инициативе одного из собеседников. Согласно правилам русского этикета, этот процесс обычно требует больше времени и нередко сопровождается заключением вербальной или невербальной договоренности. Проведенные экспериментальные исследования также подтверждают, что русские коммуниканты, особенно женского пола, склонны демонстрировать большую осторожность в установлении контакта с незнакомыми собеседниками и менее открыты к неформальному общению без предварительной договоренности [6].

В Италии обращения с указанием профессии или должности вроде *dottore, professore, architetto* широко распространены в повседневном общении, в то время как в русском языке вне профессиональной среды они практически не употребляются (кроме обращения «профессор» в академической среде).

В итальянском языке сохраняется различие между обращениями *signora* и *signorina*, зависящее от формального семейного статуса или возраста, в то время как в русском языке обращение «девушка» стало универсальным и от данных факторов не зависит, в то время как обращение «женщина» часто даже является нежелательным из-за возможной негативной коннотации.

Итак, система обращений в итальянском языке обладает специфическими национально-культурными чертами: активным использованием обращений в профессиональной среде, вниманием к статусу собеседника. Основные отличия от русской системы обращений заключаются в скорости перехода к неформальному общению, в функционировании обращений в профессиональной среде и в стратегиях обращения к женщинам. Понимание этих различий имеет важное практическое значение для эффективного ведения межкультурной коммуникации, преподавания итальянского языка и теории перевода. Дальнейшие исследования по данной тематике могут быть направлены на выявление уникальных обращений в различных регионах Италии, а также в онлайн-коммуникации.

Литература:

1. Викулова Л. Г., Рянская Э. М. Этикетность диалога в коммуникативной практике XVII века // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1(41). С. 53-67.

2. Воронина Л. А., Летун С. А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 49-56.

3. Данилова В. А., Данилов А. Г Выражение эмоций в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовыми компонентами «розовый» и «серый» // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1(62). С. 225-228.

4. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Перевод песен Zecchino d'oro с итальянского на русский как пример применения переводческих трансформаций // Итальянский язык в науке, образовании и культуре : Тезисы докладов Пятой международной научно-практической конференции МГЛУ, приуроченной к 50-летию кафедры итальянского языка, Москва, 17–18 октября 2023 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 49-50.

5. Данилова В. А., Никитюк А. Г Репрезентация финансовых отношений в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовым компонентом // Перевод. Язык. Культура : Материалы XV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2024. С. 12-16.

6. Карданова-Бирюкова К. С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 85-97.

7. Никитюк, А. Г. Понятия "термин" и "терминология" в итальянском и французском терминоведении // Германские языки и сопоставительное языкознание: современные проблемы и перспективы развития / Институт иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». Том Выпуск № 4. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. С. 43-47.

8. Никитюк А. Г., Разумова Л. В. Нормализаторские институты современной Италии // Филологическое образование и современный мир : Материалы XVII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Чита, 09 апреля 2021 года. Том Часть 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 33-36.

9. Разумова Л. В., Никитюк А. Г. Нормализация терминологии сферы информационных технологий (на материале квебекского варианта французского языка) // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 3-3. С. 131-141.

10. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. Изд. стереотип. URSS. 2024. 160 с.

РЕЧЬ ПУБЛИЧНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В СМИ)

Маркелова М.К.
Научные руководители: Корнева Г.В., Герасимова Е.Е.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья посвящена сравнительному анализу речевых стратегий и тактик, используемых представителями различных профессиональных сфер в современном медиапространстве. В результате исследования формулируются универсальные принципы, составляющие основу эффективной публичной речи.*

Ключевые слова: *медийный дискурс, речевой портрет, коммуникативная стратегия, публичная риторика.*

В наше время, когда медиасреда стала главной площадкой для публичной коммуникации, речь человека – это его визитная карточка, инструмент влияния и способ построения диалога с обществом. Навык эффективной публичной речи важен не только для политиков, но и для спортсменов, деятелей искусства и предпринимателей [3]. Рассмотрим стили речи ярких публичных деятелей с целью понять, как язык и манера подачи служат достижению их целей и формированию имиджа.

Ярчайшим примером политика, чья речь стала самостоятельным медиафеноменом, является Владимир Вольфович Жириновский.

Стиль В.В. Жириновского – это явление «управляемого хаоса» и телевизионного эпатажа. Его речь была перформансом, рассчитанным на мгновенный эффект в прямом эфире. Политик часто использовал намеренную алогичность и сценарные срывы. Его выступление могло начинаться с конкретного вопроса, переходить в исторический экскурс, затем взрываться эмоциональной тирадой против оппонента и заканчиваться личным анекдотом. Эта непредсказуемость заставляла зрителя постоянно быть в напряжении.

Рассмотрим особенности речи В.В. Жирниновского. Он использовал слова и выражения, табуированные для классического политика («дурак», «идиот», «банда»), что создавало иллюзию «разговора начистоту», «народной прямоты» [4]. Его оценки и прогнозы всегда были максималистскими («через год тут будет пустыня!», «мы всех завоюем!») и запоминающимися.

Критика почти всегда была адресной и окрашенной в яркие эмоциональные тона, что превращало политические дискуссии в драматические диалоги.

Его речь была визуальным и аудиальным шоком, который ошеломлял, и сопровождалась зачастую угрожающей жестикуляцией.

Речь Жириновского не столько убеждала в правоте, сколько взрывала информационное пространство, закрепляя за ним роль «главного скандалиста». Она была отдушиной, громоотводом протестных настроений.

Публичное пространство не ограничивается политикой. В сфере спорта и медиа царит энергия, которой наполнена речь Дмитрия Викторовича Губерниева.

Д. Губерниев – это феномен, превративший спортивную комментаторику в самостоятельное шоу и мощный инструмент эмоциональной мобилизации. Его речь можно назвать «тотальной экспрессией».

Дмитрий Губерниев – спортивный комментатор, его задача – не просто информировать о событиях, а создать «эффект присутствия», накалить эмоции до предела, стать голосом трибун. Его аудитория – миллионы взволнованных болельщиков, что и предопределяет его стиль.

Рассмотрим более детально лексику и стилистику Д. Губерниева. Он виртуозно смешивает официальную спортивную терминологию («контратака», «финишное ускорение») с разговорной, уличной лексикой («врезал», «тащит»), сленгом.

Он постоянно коммуницирует с аудиторией и самими спортсменами, используя обращения: «Давай, жги!», «Не сдавайся!». Это стирает грань между наблюдением и соучастием [1]. Его знаменитые «МО-ЛО-ДЕЦ!» или крик в момент победы – кульминация речевого перформанса.

Голос – главный инструмент. Он работает с громкостью (от напряженного шепота до оглушительного крика), темпом (ускоряясь вместе с гонкой) и сверхэмоциональной интонацией. Его речь не всегда «грамотна» в академическом смысле, но она всегда точно выражает отношение фанатов к ситуации.

Комментатор демонстрирует, что в определенных коммуникативных нишах, таких как спорт или шоу, эмоциональная достоверность становится главным атрибутом речи.

Совершенно иная, академичная, речь у представителя мира высокой культуры – Николая Цискаридзе.

Речь Н. Цискаридзе – эталонная публичная речи деятеля культуры. Это «академический перфекционизм», перенесенный в медийное пространство.

Как ректор Академии русского балета и публичный интеллектуал, он представляет институцию, историю, высокое искусство. Его аудитория включает широкий круг слушателей: от студентов до поклонников культуры, ожидающих не скандала, а глубины.

В речи Николая Цискаридзе почти не встречаются элементы просторечия или сленг. Он использует сложные синтаксические конструкции, точную терминологию (как балетную, так и общегуманитарную), уместные иностранные слова, эпитеты.

Ирония Н. Цискаридзе – тонкая, интеллектуальная. Он может изящно парировать провокационный вопрос, не повышая голоса. Он начинает с тезиса, приводит исторические или профессиональные аргументы, иллюстрирует примерами и подводит итог. Высказывая критические замечания, он использует формулы типа «я позволю себе не согласиться», «с глубоким уважением к коллеге, замечу…».

Николай Цискаридзе контролирует и паралингвистические средства. У него спокойный, бархатный тембр, ровная, размеренная речь, отточенная дикция. Мимика выражает скорее работу мысли, чем сиюминутную эмоцию.

Речь Н. Цискаридзе – демонстрация высокой компетентности. Он как бы показывает, что культура речи – это проявление общей интеллектуальной и профессиональной культуры. Его выступления – мастер-класс по тому, как защищать свою позицию с безупречной вежливостью и аргументированностью.

Цифровая эпоха породила и новый тип публичной фигуры – технократического предпринимателя, такого как Павел Дуров.

Речь (и письменные высказывания) П. Дурова – это антипод экспрессивной публичности. Его стиль – «минималистичный технократический прагматизм».

Основатель VK и Telegram, идеолог цифровой свободы и приватности, он коммуницирует не со СМИ, а своими пользователями через текст (посты, заявления). Павел Дуров использует минимум слов, в которые вкладывает максимум смысла. Его высказывания похожи на тезисы или строки кода без лирических отступлений, эмоциональных оценок, образов.

В его речи доминирует техническая и бизнес-лексика («шифрование», «децентрализация», «монетизация»), абстрактные концепты («свобода», «приватность», «прогресс»). Он почти никогда не говорит о чувствах, в конфликтных ситуациях его сообщения сухи и фактологичны.

В его редких интервью можно заметить характерные паралингвистические средства: монотонная, ровная речь, отсутствие жестикуляции, «каменное», выражение лица. Этот намеренный безэмоциональный образ усиливает восприятие его как человека, чьи мысли ценнее, чем их эмоциональная упаковка.

Павел Дуров представляет новый тренд – оратор как «интерфейс». Его речь максимально функциональна, деперсонифицирована и нацелена на передачу идеи, а не на установление эмоциональной связи. Это вызов классическим представлениям об ораторском мастерстве, его сила в молчании и краткости [2].

Рассмотрим еще один принципиально иной тип публичной речи, который не стремится к эпатажу, экспрессии или манифесту. Это речь управленца, ректора, учёного и врача – ректора Рязанского государственного медицинского университета Романа Евгеньевича Калинина.

Роман Евгеньевич – мастер многослойной риторики. В отличие от предыдущих ораторов, он демонстрирует речь как инструмент, который меняется в зависимости от задачи, контекста и публики. Каждая из ролей Р.Е. Калинина требует своего речевого регистра: лекция для студентов, выступление от лица партии, презентация научной работы. Его уникальность – в умении их переключать.

В речи перед научным сообществом доминирует точная лексика, насыщенная терминами («патогенез», «нейродегенерация»). Предложения сложные, аргументация строится на данных исследований и ссылках на авторитетные источники. Это речь коллеги для коллег.

В выступлениях на официальных мероприятиях появляется управленческая лексика («стратегические цели», «эффективность использования ресурсов"). Речь становится более структурированной,

протокольной. Её цель – не вдохновить, а проинформировать и доложить результаты работы.

Когда Роман Евгеньевич выступает перед студентами, его тон становится более назидательным, он призывает слушателей следовать за собой, появляются морально-этические категории («долг врача», «профессиональная честь»).

Темп речи Р.Е. Калинина всегда размеренный, спокойный и немного замедленный. Это не монотонность и не экспрессия, это ритм человека, который взвешивает каждое слово, потому что несёт за него большую ответственность. Тембр низкий, уверенный, создающий ощущение фундаментальности.

В своих выступлениях Роман Евгеньевич помогает себе руками, он открыт к слушателю. Использует такие жесты, как «пальцы в шпиль» или «треугольником», что демонстрирует уверенность и контроль над ситуацией. Его мимика выражает серьезность, улыбка появляется дозированно, обычно в неформальных моментах общения или в моментах, предшествующих основной речи.

Речь Романа Евгеньевича – это блестящий пример работы с различными стилями, которые определяются аудиторией.

Таким образом, анализ речи публичных деятелей позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на разность стилей, все успешные ораторы следуют ключевым принципам культуры речи.

Культура речи публичного деятеля – это совокупность личного стиля, требований времени, аудитории и фундаментальных правил риторики. Изучение этих примеров помогает не только понять современную медиасреду, но и улучшить собственную речь.

Литература:

1. Голанова Е.И. Устная публичная речь: трансформации в цифровую эпоху // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2 (44). С. 102–118.

2. Дунев А.И., Ефремов В.А., Черняк В.Д. Риторика современной публичной коммуникации: учебное пособие. СПб.: САГА, 2021. 304 с.

3. Карасик В.И. Языковые ключи к имиджу публичной личности // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 33–45.

4. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Феномен речевого воздействия в современных СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 56–78.

КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Кудинова А.А.
Научный руководитель: Петрова И.М.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья посвящена сравнительному исследованию концепта «природа» как фундаментального элемента картины мира в русской и корейской лингвокультурах. Цель – выявить общее и специфичное в восприятии природы через анализ фразеологизмов и пословиц двух языков. Установлено, что в русской традиции природа часто предстаёт как объект созерцания или соратник, тогда как в корейской – как партнёр по гармоничному и одухотворённому сосуществованию. Результаты выявляют как универсальные черты концепта, так и национально-маркированные ценностные доминанты.*

Ключевые слова: *концепт «природа», лингвокультурология, фразеологизмы, пословицы, корейский язык, русский язык, сопоставительный анализ.*

Современные исследования в области лингвокультурологии и методики преподавания иностранных языков активно обращаются к изучению концептов и национально-культурного компонента образования. Так, основы концептного анализа художественного произведения подробно изложены в учебном пособии [2]. При этом особую актуальность приобретают работы, посвященные специфике преподавания восточных языков, где значительное внимание уделяется роли национально-культурного компонента при обучении корейскому языку [5] или анализу профессионального портрета учителя китайского языка [10].

Несмотря на наличие фундаментальных основ концептного анализа [2] и признание важности культурного компонента в восточных языках [5], остается недостаточно изученным вопрос системного сопоставления базовых лингвокультурных категорий. В связи с этим целью данной работы является сравнительный анализ концепта "природа", который выступает фундаментом как русской, так и корейской культур, и находит свое отражение в богатом фразеологическом и паремиологическом фонде обоих языков.

Настоящее исследование посвящено комплексному изучению репрезентации концепта «природа» в корейской и русской лингвокультурах на материале фразеологизмов и пословиц. Выбор именно этих языковых единиц обусловлен их способностью аккумулировать исторический опыт, культурные ценности и характерные особенности мировосприятия народа. Фразеологический и паремиологический фонды языка представляют собой уникальный материал для исследования, поскольку в них в концентрированной форме сохраняются архаичные представления, мифологические образы и национальные стереотипы.

Цель исследования – комплексное лингвокультурологическое исследование репрезентации концепта «природа» в русской и корейской лингвокультурах посредством анализа пословиц и фразеологических единиц, который позволяет выявить универсалии и культурно-специфические особенности его образной и ценностной репрезентации.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

− определить понятие и характеристики концепта как базовой категории лингвистики;

− обосновать выбор лингвокультурологического подхода и методологии анализа;

− проанализировать и сопоставить корпус русских и корейских пословиц и фразеологизмов, репрезентирующих концепт «природа»;

− выявить сходства и различия в образной составляющей и ценностных доминантах, закрепленных в данных единицах.

Объектом исследования является репрезентация концепта «природа» в корейских и русских лингвокультурах. **Предметом** исследования – пословицы и фразеологизмы, вербализирущие данный концепт в корейском и русском языках.

Концепт представляет собой фундаментальную категорию современной лингвистики, находящуюся на междисциплинарном стыке когнитивной науки, лингвокультурологии и семиотики. В отличие от классического лингвистического понятия, ориентированного на систему логических признаков, концепт аккумулирует весь комплекс субъективного, исторически изменчивого и культурно специфичного знания о явлении [1].

Для целей настоящего исследования была избрана структурная модель концепта, предложенная В.И. Карасиком [8], которая включает три ключевых компонента [11]:

– понятийный (логико-дискурсивный): система дифференциальных признаков, определяющих ядро концепта;

– образный (чувственно-ассоциативный): метафорические и символические репрезентации концепта, основанные на чувственном опыте;

– ценностный (аксиологический): культурная значимость и оценочные характеристики, связанные с концептом.

Данный подход является наиболее релевантным для сопоставительного анализа, так как позволяет системно описать и сравнить концепт через выделение его основных составляющих.

Методология когнитивного анализа, представленная в работах И. М. Петровой и Н. С. Гостевой, позволяет рассматривать концепт "природа" не как статичную единицу, а как динамичную систему, вербализуемую через вариативные атрибутивные структуры. Исследование таких лексем, как *снег*, *небо* и *погодные явления*, демонстрирует, как лингвокультурная специфика определяет способы репрезентации знаний о природном мире в русском и английском языках [7].

Историческое осмысление концепта «природа» в России и Корее изначально складывалось в разных философско-религиозных парадигмах. В русской традиции его формирование было неразрывно связано с православным мировоззрением и крестьянским укладом жизни, где природа воспринималась как божественное творение, источник жизненных сил и одновременно суровое испытание. Это породило амбивалентное отношение «противостояние-зависимость», ярко отразившееся в народном сознании.

В корейской культуре концепт природы складывался под влиянием буддизма, конфуцианства и даосизма, где гармония с естественным миром считалась основой миропорядка и социальной этики [4]. Ключевым принципом стало «единство Неба и человека» (**천인상관**), формирующее установку на нераздельное «единство-гармонию».

Лингвокультурология, сформировавшаяся на стыке лингвистики и культурологии, предлагает системный подход к анализу языковых явлений как феноменов, неразрывно связанных с культурным кодом нации. Основополагающий принцип заключается в том, что язык выступает не только как средство коммуникации, но и как кумулятор культурной информации [15].

Ключевой категорией для данного исследования является лингвокультурема – комплексная единица, воплощающая единство языкового выражения и культурного смысла. В структуре лингвокультуремы выделяют языковое значение и культурный смысл – дополнительное ценностное, историческое или этнопсихологическое содержание, отражающее специфическое видение мира носителями языка [9].

Фразеологизмы и пословицы являются идеальными объектами для лингвокультурологического анализа, так как обладают рядом уникальных свойств, например, образность и метафоричность, которые создают образные модели мира, где природа становится источником аналогий для описания человека и общества, а также оценочность и аксиологичность, транслирующие систему ценностей. Также включают в данную лингвокультурему и коллективный опыт и дидактизм, которые представляют собой сконцентрированный народный опыт, «учебник жизни», проецирующий законы природы на социальные отношения. Таким образом, фразеологизмы и пословицы выступают «концентрированным» выражением национального мировоззрения и оптимальным «окном» в культурное сознание нации.

Анализ образного компонента концепта «природа» позволяет выявить, через какие конкретные объекты и явления он репрезентируется в двух лингвокультурах. Универсальные образы присутствуют в обоих языках, что свидетельствует об общности человеческого опыта взаимодействия с окружающим миром. К ним относятся:

1. стихии (*вода, ветер, огонь, земля*): используются для описания эмоций, состояний и жизненных ситуаций, например, ср. Рус.: *как в воду опущенный* (состояние подавленности) и Кор.: «**물에 빠진 놈 지푸라기 잡는다**» («Утопающий хватается за соломинку») – отчаяние; «**불 보듯 뻔하다**» («Ясно, как глядеть на огонь») – очевидность;

2. животные: наделяются символическими чертами, отражающими национальный характер, например, ср. Рус.: *медведь на ухо наступил* (отсутствие музыкального слуха), где *медведь* – символ неуклюжести, но и силы и Кор.: «**호랑이도 제 말 하면 온다**» («Если говорить о тигре, он появится») – *тигр* как символ могущества и опасности, а также появления нежелательного.

Культурно-специфические образы демонстрируют различия в восприятии. Так, для русской культуры характерны образы, связанные с огромными

пространствами, суровостью и непредсказуемостью: *что ни дождь, то трава* (надежда) vs *гром не грянет – мужик не перекрестится* (пассивность). Образ ветра часто несет негативную коннотацию: *бросать слова на ветер*, *ветром сдуло*.

В корейской культуре, сформированной в условиях горного и морского ландшафта, более значимы образы, связанные с цикличностью, гармонией и практической пользой. Ветер может нести и положительную семантику: «바람 불면 장사 난다» («Когда дует ветер, производителям вееров достается выгода») – идея о новых возможностях.

Ключевые символы гармонии:

В корейских пословицах часто актуализируется принцип ясности и порядка мироздания: "산은 산이요 물은 물이로다" («Гора есть гора, вода есть вода»), что подчеркивает ценность восприятия вещей в их естественности и гармонии.

Ценностный анализ позволяет выявить, какие установки и модели поведения кодируются в паремиях и фразеологизмах.

В русской лингвокультуре доминируют следующие ценностные ориентации:

− амбивалентность и стоицизм: Природа – это и благодетельница, и угроза. Отсюда ценности терпения, выносливости и способности противостоять стихии. Пословица *терпи, казак, атаманом* будешь косвенно отражает эту установку, проецируя ее на социальный контекст.

− прагматизм и неизбежность жертв: *лес рубят – щепки летят* – оправдание неизбежных негативных последствий при достижении масштабной цели.

− зависимость и фатализм: *гром не грянет – мужик не перекрестится* – негативная оценка пассивности и недальновидности, но одновременно – признание власти стихии над человеком.

В корейской лингвокультуре аксиологические доминанты иные:

− гармония и порядок. Высшая ценность – жизнь в соответствии с естественным порядком вещей. Пословица «гору есть гора, вода есть вода» передает идею принятия и ясности.

− осмотрительность и бдительность: «믿는 도끼에 발등 찍힌다» («Наступить на лезвие топора, которому доверяешь») – ценность личной осмотрительности, предупреждение о потенциальной опасности даже от близкого.

− адаптивность и использование возможностей: «Когда дует ветер, производителям вееров достается выгода» – ценность умения извлекать пользу из любых обстоятельств, гибкости и адаптации к изменениям.

На основе проведенного анализа можно реконструировать фрагменты структуры концепта «природа» в двух лингвокультурах, используя модель В.И. Карасика. В Таблице 1 представлен результат подобного анализа.

Таблица 1. Репрезентация концепта «природа» в русской и корейской лингвокультурах

Компонент концепта	Русская лингвокультура	Корейская лингвокультура
Понятийный (ядро)	Стихийная сила, окружающая среда, источник ресурсов и испытаний	Естественный порядок, неотъемлемая часть бытия, модель гармонии
Образный	Медведь, лес, гроза, ветер, вода (часто как угроза или препятствие), масштабные пространства	Тигр, гора, вода (как ясность и поток), ветер (как изменение), локальные и символически насыщенные объекты
Ценностный	Амбивалентность, стоицизм, прагматизм, зависимость	Гармония, осмотрительность, адаптивность, порядок, единство

Проведенное сопоставительное исследование позволило выявить как универсальные, так и национально-специфические черты в репрезентации концепта «природа» в русской и корейской лингвокультурах.

Универсальным является сам принцип использования природных образов для осмысления и вербализации человеческого опыта. Общим является и набор ключевых образов (стихии, животные).

Основные различия коренятся в глубинных мировоззренческих установках. В русской лингвокультуре сформировался концепт с доминирующей амбивалентностью («противостояние-зависимость»), отражающий опыт жизни в суровых климатических условиях на огромных пространствах под влиянием православной традиции. Это находит выражение в масштабных, часто противоречивых образах и ценностях стоицизма и прагматизма.

Для корейской лингвокультуры, сформированной под влиянием буддизма, конфуцианства и даосизма в условиях горно-морского ландшафта, характерен концепт «единства-гармонии». Природа воспринимается как совершенный саморегулирующийся порядок, частью которого является человек. Это порождает ценности осмотрительности, адаптивности и следования естественному ходу вещей, что отражается в более сбалансированной и символически насыщенной образности.

Выявленные особенности репрезентации концепта «природа» важны для адекватного понимания культурных кодов России и Кореи. Результаты исследования могут быть применены в практике межкультурной коммуникации, в переводоведении для поиска эквивалентов, передающих не только смысл, но и культурную коннотацию, а также в учебных курсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М. : Academia, 1997. – С. 267—279.

2. Афанасьева, О. В. Основы концептного анализа художественного произведения : учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика» / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. –

Москва : Диона, 2019. – 130 с. – ISBN 978-5-6043411-7-9. – EDN UIBOTX.

3. Барлыбаева А. А. Корейская культура: традиции и современность. – М. : Восточная литература, 2010. – 214 с.

4. Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2004. – С. 30—43.

5. Воронина, Л. А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 49–56.

6. Гостева Н. С. Когнитивные основания вариативности порядка следования определений в русском и английском языках при описании погодных явлений // Научный старт-2023 : Сборник статей аспирантов и магистрантов. Том 2. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2023. – С. 48-53. – EDN KHFJED.

7. Гостева Н. С. Вариативность определений концептуального понятия «природа» в русском и английском языках // Культура и гуманитарные науки в современном мире : Сборник научных статей. Санкт-Петербург : Ассоциация содействия изучению и популяризации истории и социально-гуманитарных наук Научно-исследовательский центр "Пересвет", 2021. – С. 48-53. – DOI 10.46987/0507092021_48. – EDN TDHKBX.

8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2004. – 477 с.

9. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 336 с.

10. Курдюмов В. А. Профессиональный портрет учителя китайского языка / В. А. Курдюмов, О. А. Малых // Иностранные языки в школе. – 2020. – № 8. – С. 49-53.

11. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

12. Петрова И. М., Гостева Н.С. Вариативность атрибутивной структуры как лингвокультурная проекция репрезентации знаний (на материале лексемы «снег» в русском и английском языках) // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-1(58). – С. 349-352. – EDN YOZTAK.

13. Петрова И. М., Гостева Н.С. Когнитивный анализ вариативности атрибутивных структур, описывающих лексему небо, в русском и английском языках // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-1(54). – С. 210-214. – EDN WFSFHQ.

14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

15. Kim, Song-hwa. Korean Traditional Ecological Culture. – Seoul : Jipmoondang, 2018. – 305 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ КИТАЯ В МЕДИА И КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ ТАИЛАНДА

Смирнова К.Е.
Научный руководитель: Банкова Л.Л.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье анализируется способы продвижения «мягкой силы» Китая в Таиланде посредством таких каналов межкультурной коммуникации, как СМИ и онлайн-платформы.*

Ключевые слова: *мягкая сила, Китай, Таиланд, медиа, стриминговые платформы.*

В вопросе применения «мягкой силы» межкультурная коммуникация является важным инструментом, поскольку от нее напрямую зависит эффективность данной силы. С помощью экспорта культурных ценностей и работы медиа страны формируют свой позитивный образ на международной арене. Подобный механизм опирается на схожесть культур для укрепления двусторонних отношений [4].

Актуальность исследования обусловлена эффективностью цифровых и медийных каналов межкультурной коммуникации в современном обществе. Межкультурная коммуникация выступает инструментом трансляции культурных ценностей [3, 6], делая их доступными и привлекательными для иностранной аудитории, что помогает сформировать позитивный образ государства-инфлюэнсера в виде набора положительно окрашенных «концептуальных признаков» [2]. Китай осознает их важность, используя для продвижения своего положительного имиджа и традиционной культуры.

Цель исследования – анализ стратегий Китая в продвижении своей культуры и создании привлекательного образа в Таиланде на примере СМИ и цифровых платформ.

Китайские лидеры подчеркивают важность расширения международного влияния китайских СМИ для формирования национального имиджа Китая. Эти усилия особо заметны в Таиланде, о чем свидетельствует, во-первых, запуск в этом государстве финансируемой Коммунистической партией Китая газеты – тайской версии новостной страницы агентства Синьхуа в социальной сети Facebook (признана экстремистской и запрещена на территории РФ), и, во-вторых, улучшение качества трансляции Китайского международного радио на тайском языке [8]. В каждом из этих событий проявляется адаптация китайских СМИ для тайского населения, поскольку упомянутая выше социальная сеть является популярной в Таиланде, ею активно пользуются тайцы, а радио на тайском языке делает его доступным для более широкой аудитории.

Также на официальном сайте CGTN (китайский международный новостной телеканал для международной аудитории) в версии для тайской аудитории существует отдельная вкладка, посвященная отношениям Китая и Таиланда. Помимо освещения событий, посвященных пятидесятилетию со дня установления дипломатических отношений между странами, особое место здесь занимают новости о визите короля Таиланда в Китай в ноябре 2025 года. Это событие имеет историческое значение, и подчеркивается его важность для развития и укрепления дружественных отношений между двумя странами. Король является глубоко почитаемой фигурой в Таиланде, и в новостях сделан акцент на его позитивное отношение к Китаю. Отдельного внимания заслуживает раздел про экономическое сотрудничество двух стран. В нем показаны успешные совместные проекты, демонстрирующие, что КНР выступает надежным экономическим партнером для Таиланда, с которым выгодно сотрудничать.

В тайской версии «Жэминь жибао» (официальное печатное издание Центрального комитета Коммунистической партии Китая) отдельный раздел

посвящен новостям из сферы туризма, что является отличительной чертой тайской версии сайта. Китай целенаправленно развивает свой образ как популярного туристического направления для тайских туристов, опираясь на отраслевое сотрудничество и безвизовый режим, и транслирует этот образ посредством адаптированных для тайской аудитории медиа.

Приведенные выше примеры иллюстрируют то, как продвигается имидж и влияние Китая на международной арене посредством наиболее представительных и авторитетных китайский СМИ, целью которых является создание положительного впечатления о Китае. Однако тайцы могут получать информацию о Поднебесной через другие каналы, такие как тайские/западные информационные агентства и социальные сети, которые могут освещать события под критическим углом, представляя Китай в невыгодном свете. Тем не менее, можно сказать, что бурный рост официальных китайских СМИ в Таиланде отражает сдвиг в отношении тайцев к Китаю от отчуждения к принятию [5].

Помимо СМИ, Китай использует и другие каналы, не настолько официальные, но также находящиеся под контролем правительства. С середины 2000-х годов китайская индустрия развлечений в основном полагается на стриминговые платформы для привлечения аудитории. В 2019 году крупные китайские компании в сфере развлечений вышли на международный рынок. Они открыли дочерние компании в Юго-Восточной Азии – регионе, который является перспективным рынком благодаря своей культурной и географической близости к Китаю. Таиланд был выбран страной запуска WeTV – платформе, которая специализируется на азиатском контенте, предоставляя качественные субтитры на тайском языке, что является примером удачной локализации. Также в Таиланде существуют подразделения китайских компаний, занимающихся производством, распространением и продвижением китайско-тайских фильмов и сериалов.

В настоящее время Таиланд стал важным потребительским рынком китайских стриминговых сервисов в Юго-Восточной Азии. По данным Media Partners Asia, Китай теперь занимает первое место среди тайской аудитории, заняв впечатляющую долю рынка в 45 процентов в 2024 году. Это особенно заметно в таких жанрах, как исторические фильмы и фэнтезийные сериалы сянься (жанр, сочетающий китайскую мифологию, культуру, фэнтези и экшен) [7]. Китайские дорамы, популярные в Таиланде, демонстрируют общечеловеческие ценности и эмоции, которые находят отклик в тайской культуре, очень близкой в символическом плане культуре Поднебесной [1, 298]. Также очень часто сериалы в жанре сянься содержат в себе элементы буддийской мифологии, что не может не привлечь аудиторию в стране, где буддизм является официальной религией.

Опираясь на эту тенденцию, китайское правительство активно поддерживает партнёрства с китайскими стриминговыми платформами для упрощения распространения китайских дорам в мире. Эта инициатива является частью более широкой стратегии культурной дипломатии, используя развлечения как инструмент расширения «мягкой силы» Китая. Продвигая китайский контент на платформах, таких WeTV – которые формально являются

негосударственными акторами – Китай стремится привлечь мировую аудиторию и одновременно формировать более благоприятный международный имидж [7].

Локализация официальных СМИ, развитие стриминговых сервисов и совместное производство контента демонстрирует усилия Китая по построению эффективной межкультурной коммуникации в информационном пространстве, что помогает ему продвигать «мягкую силу». Таким образом, «мягкая сила» реализуется через популяризацию идей и ценностей, что развивает межкультурное понимание и сотрудничество.

Литература:

1. Банкова Л. Л. Концептуализация числа *два* в китайской лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2024. Т. 34, № 2. С. 298–305.

2. Банкова Л. Л. Концептуальные признаки труда (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2(11). С. 41–45.

3. Викулова Л. Г. Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов. Москва : Тезаурус, 2011. С. 196–230.

4. Тарева Е. Г. Обучение межкультурному диалогу как инструмент "мягкой силы" // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. №5(19-2). С. 13–19.

5. Liang Hu, Kookiattikoon Supath. A Comparative Study on China’s Image in Editorials from Chinese and Thai Media: An Intertextual Perspective // Evolutionary Studies in Imaginative Culture. 2024. Vol.8, No.2. P.1263–1273.

6. Tareva E. G., Tarev B. V. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, No. 10. P. 1699–1710.

7. Tungkeunkunt Kornphanat. Chinese Streaming Content in Southeast Asia: Opportunities for Thailand // Fulcrum ISEAS – Yusof Ishak Institute. 2025. №36. URL: https://fulcrum.sg/chinese-streaming-content-in-southeast-asia-opportunities-for-thailand/ (дата обращения 05.02.2026)

8. Tungkeunkunt Kornphanat. Culture and Commerce: China’s Soft Power in Thailand // International Journal of China Studies. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 151–173.

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ОНЛАЙН-СМИ

Бокова А.Г.

МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Представленное исследование направлено на выявление особенностей эвфемистической лексики, которая присутствует в текстах итальянских периодических изданий. В работе выявляются разновидности табуированной лексики и стратегии её эвфемизации, позволяющие избегать коммуникативных конфликтов и скрывать негативную информацию.*

Ключевые слова: *эвфемизм, итальянский язык, табуированная лексика, коммуникативный конфликт, онлайн-СМИ.*

Данная работа является актуальной в связи с двумя факторами: необходимостью овладения обучающимися социокультурной компетенцией, включающей знание этикета, правил поведения и социальных условий в стране изучаемого языка [2] и наличием научного интереса к проблемам медиалингвистики в современной научной парадигме [1]. Увеличение количества исследований в сфере фразеологии свидетельствует о значимости учёта культурных особенностей при анализе языковых явлений [3, 5]. Кроме того, в связи со спецификой языковой политики на территории Италии, вопрос о допустимости использования различных лексических единиц в формальном и неформальном общении остается предметом активного обсуждения [7]. Понятие о языковых нормах трактуется по-разному организациями, ведущими нормативную деятельность в странах романского ареала, и в настоящее время в одних странах эти нормы установлены, а в других их формирование продолжается [8]. Отметим также, что анализ переводческих стратегий, применяемых в рамках итало-русской межкультурной коммуникации, демонстрирует необходимость подбора определенных способов перевода лексики, не имеющей буквальных соответствий в других языках, чтобы избегать переводческих ошибок [4].

Цель исследования – выявление особенностей употребления эвфемизмов в текстах периодических изданий Италии.

Задачи исследования включают:

1. Составление классификации разновидностей табуированной лексики, присутствующих в современной итальянской периодической прессе.
2. Выявление способов эвфемизации табуированной лексики в рассматриваемых текстах.
3. Установление возможностей избегать коммуникативных конфликтов и скрывать негативную информацию с помощью эвфемизмов в исследуемых текстах.

Материалом исследования являются опубликованные в 2023-2025 гг. 40 статей из итальянских онлайн-СМИ *La Repubblica, Il Corriere della Sera,* отобранных с помощью приема сплошной выборки и содержащие не менее одного эвфемизма каждая.

В данном исследовании в соответствии с концепцией М.И. Зверевой под табу понимается социокультурный запрет на употребление определённых слов или выражений, обусловленный внелингвистическими факторами, такими как суеверия, предрассудки, религиозные или магические представления, а также стремление избежать грубых или непристойных выражений. С точки зрения лингвистики табу может рассматриваться как *слово*, прямое употребление которого ограничено или запрещено, и как *правило*, то есть норма, регулирующая коммуникативное поведение. Существование различных табу было характерным для архаических культур, но в модифицированной форме они сохраняются в современных языках, например, позволяя избегать прямых номинаций, связанных со смертью, болезнями или неприличными темами. Под эвфемизмом же понимается слово или выражение, используемое для замещения прямой номинации, воспринимаемой как грубая, непристойная, тактически

неуместная или социально нежелательная. Семантическая структура эвфемизма характеризуется несовпадением базового, то есть словарного, и контекстуального значений: эвфемизм обладает нейтральной или положительной коннотацией, тогда как замещаемое им выражение обладает негативной семантикой. Эвфемизм служит для смягчения, вуалирования или нейтрализации нежелательных ассоциаций, выполняя роль перифрастического средства в коммуникации. Возникновение эвфемизмов связано с существованием табу, а в современных языках они широко используются под влиянием политкорректности, этикетных норм и риторических стратегий [6].

Активное использование эвфемизмов в итальянской периодической печати обусловлено рядом факторов: требованиями цензуры, стремлением к соблюдению этических норм и смягчить воздействие текста на аудиторию.

В ходе исследования был произведен анализ содержания статей, который позволил разделить эвфемизмы, присутствующие в текстах итальянских периодических изданий, на несколько групп:

1. Нейтрализующие эвфемизмы. Они используются для корректного обсуждения неоднозначных тем, например:

- (*persona) diversamente abile* – человек с ограниченными возможностями (используется вместо *disabile* – инвалид);

- *migranti irregolari* – нелегально прибывшие мигранты» (вместо *clandestini* – нелегалы).

Подобная лексика призвана снизить риск дискриминации.

2. Социально-экономические эвфемизмы. Они смягчают негативные реалии экономической и общественной жизни:

- *rallentamento economico* – замедление экономики (вместо *crisi* – кризис);

- *tagli alla spesa pubblica* – сокращение соцрасходов (вместо слов со значением «снижение», «уменьшение»);

- *licenziamenti programmati* – «запланированные увольнения» (для смягчения категоричности высказывания добавляется слово «запланированные»).

Подобные эвфемизмы маскируют резкие изменения в жизни общества и делают новости менее тревожными.

3. Эвфемизмы, связанные с темой смерти и болезней, например:

- *venire a mancare* (букв. перейти в состояние нехватки) – уйти из жизни;

- *affetto da una lunga malattia* – охваченный длительной болезнью (вместо указания на конкретное заболевание);

- *situazione critica* – критическое состояние (вместо указания причины кризиса).

Подобные выражения смягчают эмоциональное воздействие на читателя.

4. Эвфемизмы для замены незаконных действий, смягчения агрессии:

- *tensione tra gruppi* – напряжение между группами (вместо указания на столкновения, насилие);

- *comportamento non appropriato* – неподобающее поведение (вместо названия конкретного преступления, действий насильственного характера).

Приведенные эвфемизмы призваны избежать обострения общественных конфликтов.

5. Политические эвфемизмы:

- *intervento militare mirato* – точечная (прицельная) военная операция (вместо имеющих негативную коннотацию слов «удар», «атака»);

- *misure di contenimento* – меры по сдерживанию (вместо слов «ограничения», «запреты»).

Подобные эвфемизмы помогают контролировать восприятие событий аудиторией онлайн-СМИ.

Таким образом, распространение эвфемизмов в современных итальянских онлайн-СМИ становится характерной для медийного дискурса тенденцией. Эвфемизация в подобных текстах позволяет автору медиатекста управлять тональностью сообщений и воздействовать на читателя мягко и ненавязчиво.

Литература:

1. Борисова Е. Г., Васильченко М. А., Гудков Д. Б. [и др.]. Медиалингвистика в современной научной парадигме : коллективная монография. Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2024. 308 с.

2. Воронина Л. А., Летун С. А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 49-56.

3. Данилова В. А., Данилов А. Г Выражение эмоций в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовыми компонентами «розовый» и «серый» // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1(62). С. 225-228.

4. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Перевод песен Zecchino d'oro с итальянского на русский как пример применения переводческих трансформаций // Итальянский язык в науке, образовании и культуре : Тезисы докладов Пятой международной научно-практической конференции МГЛУ, приуроченной к 50-летию кафедры итальянского языка, Москва, 17–18 октября 2023 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 49-50.

5. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Репрезентация цвета в эмотивных фразеологизмах итальянского и португальского языков // Новейшая филология: современные парадигмы исследований : Сборник тезисов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Г. Г. Галич, Омск, 21–23 марта 2024 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 62-64.

6. Зверева М. И. Табу. Политкорректность. Эвфемизм. Соотношение понятий // Филология: научные исследования. 2020. № 6. С 52-59.

7. Никитюк А. Г., Разумова Л. В. Нормализаторские институты современной Италии // Филологическое образование и современный мир : Материалы XVII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Чита, 09 апреля 2021 года. Том Часть 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 33-36.

8. Разумова Л. В., Никитюк А. Г. Нормализация терминологии сферы информационных технологий (на материале квебекского варианта французского языка) // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 3-3. С. 131-141.

МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ САМООЦЕНКИ И САМОИРОНИИ В СТРИМИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Никитина А.С., Борботько Л.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье анализируются самооценка и самоирония как инструменты самопозиционирования в рамках стриминговой коммуникации. В качестве эмпирического материала выступили записи англоязычных игровых стримов, размещенных на видеохостинге YouTube.*

Ключевые слова: *кибердискурс, стриминговая коммуникация, игровой стрим, самоирония, самооценка.*

Прямая трансляция игрового процесса, также называемая игровым видеостримом, определяется как «потоковая передача данных в синхронном режиме» [3]. Аудио- и видеоинформация, исходящая из видеоигры, а также изображающая стримера, комментирующего происходящее, образует единый комплекс, становится частью коммуникативного процесса. Технические возможности для общения со зрителями делают игровой стрим «одновременно поводом, площадкой и целью общения» [там же].

Стриминговая коммуникация как развлекательный медиажанр и кибер-дискурс в целом набирают популярность. Об этом свидетельствует статистика одного из крупнейших стриминговых сервисов *Twitch*: в день количество зрителей составляет в среднем 2 300 000 человек [1]. Кибердискурс прямого включения предполагает «реальное соучастие» автора и коллективного адресата [2], спонтанно взаимодействующих в синхронном или асинхронном режиме.

Стриминговые платформы функционируют аналогично социальным сетям, предполагая низкий порог для старта новых пользователей и возможности партнерства и развития. Реализация экономического потенциала стримов требует от ведущих уникального имиджа, идиостиля коммуникации, а также использования различных маркетинговых стратегий. В данном исследовании речевой акт, содержащий самоиронию, рассматривается как эффективный и многофункциональный инструмент самопозиционирования и оказания манипулятивного воздействия на аудиторию.

Объектом исследования являются тексты (транскрипты стримов), репрезентирующие кибердискурс прямого включения. **Предметом** исследования выступают метафорические модели как пример средств самопозиционирования ведущего стрима и, следовательно, как инструмент оказания манипулятивного воздействия на аудиторию в рамках стриминговой коммуникации.

Цель исследования – выявление и описание механизмов лингвистической репрезентации самооценки и самоиронии на материале стриминговой коммуникации.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1. проанализировать различные подходы к изучению иронии;

2. изучить основные характеристики и функции иронии;

3. проанализировать характерологические особенности дискурса видеоигр прямого включения;

4. отобрать и проанализировать практический материал на основе записей игровых стримов;

6. систематизировать наиболее продуктивные механизмы репрезентации самооценки и самоиронии и интерпретировать полученные результаты.

Обратимся к **методике исследования**. На первом этапе был произведен синопсис теоретических положений по исследуемой теме. На втором этапе в рамках практической части исследования был осуществлен дискурсивный анализ эмпирического материала с целью выявления языковых средств, релевантных для кибердискурса прямого включения. Этап сбора материала включал в себя подготовку и отбор записей англоязычных игровых стримов, размещенных на видеохостинге *YouTube*. Процесс транскрибирования предполагал работу на платформе *YouTubeToTranscript*.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее применения в преподавании ряда теоретических дисциплин, в частности, общего языкознания, лексикологии, стилистики, теории дискурса, а также тех дисциплин, предметом изучения которых являются механизмы дискурсивного анализа и особенности кибердискурса. Полученные результаты могут быть найти применение при написании учебных пособий, курсовых работ и магистерских диссертаций по смежной тематике исследования.

Рассмотрим промежуточные результаты анализа. В Таблице 1 представлены высказывания, содержащие положительные или отрицательные оценки хода игры. Выражение недоумения, разочарования, раздражения или радости по отношению к своему результату вовлекает зрителей эмоционально, умение смеяться над собой позволяет ведущему положительно позиционировать себя. В примерах (8-10) способы репрезентации самооценки коррелируют не с комментированием завершенной игры, а с прогнозированием еще не начавшейся. Подобная заниженная оценка привлекает внимание к стримеру, но вместе с тем не портит его образ в глазах аудитории. Следует отдельно отметить пример (10), в котором оценка усиливается с помощью нехарактерной для глагола *lose* формы простого настоящего времени. В таблице 1 также представлен пример предметной метонимии (11). В данном высказывании благодаря совпадению форм сокращенных лексем образуется игра слов, с помощью которой ведущий стрима иронизирует над своим результатом.

Таким образом, дискурс стриминговой коммуникации представляет собой актуальный предмет исследования. В процессе игрового стрима черты более традиционного массового медиадискурса и возможности компьютерных технологий синтезируют уникальный и продуктивный речевой жанр. Ведущие стримов используют самоиронию как один из инструментов позитивного самопозиционирования, что способствует продвижению контент-продукта. Дальнейшая обработка практического материала позволит систематизировать механизмы репрезентации самооценки и самоиронии в стриминговой коммуникации.

Таблица 1. Анализируемые примеры лингвистических средств

№	Тип примера	Пример
1	Риторические вопросы	*Why did I do that? Why did I-?*
2		*That's a cringe start, what do we do with this?*
3		*How many L's can one man take?*
4	Риторические восклицания	*This is cringe. This is kind of cringe. This is my brand of cringe!*
5		*O-okay, we suck!*
6		*I did it! Dad's proud of me!*
7		*Oh boy, I can shop again, you guys!*
8	Прогнозирование результата	*It's not going to matter because I'm going to be worthless.*
9		*Am I gonna die on the first jump? Chat's gonna make fun of me.*
10		*Alright, I lose.*
11	Игра слов, основанная на метонимии	*I need another L. As if I could take any more! I have so many!*

Литература:

1. Акимова, О. В. К определению понятия «стример видеоигр» в сетевой коммуникации / О. В. Акимова // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 2(58). – С. 22-28. – doi: 10.53315/1995-0713-2023-58-2-22-28. – EDN: MVAMMG.

2. Болотнов, А. В. Стрим как новый гипермедиажанр / А. В. Болотнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 111-120. – doi: 10.15688/jvolsu2.2021.2.10. – EDN EALVVK.

3. Селютин, А. А. Особенности дискурса видеостримов жанра "летсплей" / А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 4(426). – С. 170-175. – doi: 10.24411/1994-2796-2019-10423. – EDN HDSBWZ.

Раздел 2
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

ИЗМЕНЕНИЯ В ОПИСАНИИ СТРУКТУР МОЧЕПОЛОВОЙ СИСТЕМЫ В ДВУХ РЕДАКЦИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Фарруджа-Попович Н., Сандуца А.А.
РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Аннотация: *В статье анализируется латинская терминология, описывающая структуры мочеполовой системы, в двух редакциях Международной анатомической номенклатуры. Систематизированы терминологические расхождения и предложены версии причин их появления.*

Ключевые слова: *анатомия, анатомическая терминология, анатомическая номенклатура, мочеполовая система.*

Актуальность проведенного нами исследования связана с новыми возникающими данными о анатомических структурах, быстрым развитием международных стандартов анатомической терминологии и острой необходимостью преодоления коммуникативных барьеров, возникающих у специалистов.

Цель исследования – определение ключевых различий терминологии структур, связанных со строением мочеполовой системы, в издании «Международная анатомическая терминология» (2003) под редакцией Л. Л. Колесникова и «Международная анатомическая терминология» (2024) под редакцией Д. Б. Никитюка и предположительных причин возникновения соответствующих изменений в двух источниках.

Задачи исследования:

1. Сравнить морфологическую и лексическую составляющую латинских терминов, обозначающих структуры мочеполовой системы, и их перевод на русский язык в изданиях «Международная анатомическая терминология» (2003) под редакцией Л.Л. Колесникова и «Международная анатомическая терминология» (2024) под редакцией Д.Б. Никитюка.
2. Выявить и классифицировать изменения в наименованиях анатомических структур, включая преобразования латинских терминов и их перевод на русский язык.
3. Предположить причины перехода к новому стандарту.

При анализе вышеназванных источников использованы методы сплошной выборки и сравнительного анализа, которые позволили нам сравнить все термины, обозначающие структуры мочеполовой системы, и их перевод на русский язык, а также классифицировать типы расхождений по группам.

Ключевые изменения, коснувшиеся наименований структур мочеполовой системы:

1. Добавление уточняющего элемента, акцентирующего отношение структуры к конкретному органу или большему элементу органа. Например:

margo lateralis (латеральный край) [1] – *margo lateralis renis* (латеральный край почки) [2, 181];

polus superior (верхний конец; верхний полюс) [1] – *polus superior renis* (верхний конец почки; верхний полюс почки) [2];

capsula adiposa (жировая капсула) [1] – *capsula adiposa renis* (жировая капсула почки) [2].

Можно заметить, что соответствующие изменения коснулись и перевода на русский язык. В связи с общностью латинских обозначений многих элементов для разных структур (*facies posterior, margo lateralis*) необходимо стремиться к более четкому употреблению анатомических терминов и избеганию разночтений, чем и вызвано изменение в новом издании.

2. Изменение порядка слов: имя прилагательное, обозначающее глубину нахождения структуры, находится после определяемого слова. Например:

m. trigoni vesicae superficialis (поверхностная мышца мочепузырного треугольника) [1] – *musculus superficialis trigoni vesicae* (перевод аналогичен) [1];

m. trigoni vesicae profundus (глубокая мышца мочепузырного треугольника) [1] – *musculus profundus trigoni vesicae* (перевод аналогичен) [1].

Вышеуказанное различие между двумя изданиями связано с необходимостью уточнения конкретного расположения структур, а также с общей синтаксической тенденцией, наблюдающейся в издании «Международная анатомическая терминология» под ред. Д. Б. Никитюка (2024), при котором прилагательное непосредственно последует за определяемым существительным, чтобы четко обозначить связь между конкретной структурой и ее признаком.

3. Изменение порядка имен прилагательных, обозначающих топографию структур, в зависимости от важности уточненного расположения. Например:

stratum externum longitudinale (наружный продольный слой) [1] – *stratum longitudinale externum detrusoris vesicae* (перевод аналогичен) [1];

stratum internum longitudinale (внутренний продольный слой) [1] – *stratum longitudinale internum detrusoris vesicae* (перевод аналогичен) [1].

Приведенные нами изменения вызваны важностью принципа иерархичности при обозначении топографии структур, а именно их расположения по отношению к слоям органа.

4. Конкретизация термина, обозначающего нахождение структуры относительно оси симметрии. Например:

lig. umbilicale medianum (срединная пупочная связка) [1] – *ligamentum umbilicale mediale* (перевод аналогичен) [1].

Отдельно хотелось бы указать на смысловые отличия терминов *medianum* и *mediale*: *medianum* (срединный) описывает анатомические структуры, лежащие на срединной плоскости, *mediale* (медиальный) же, в свою очередь, несет

относительный по отношению к срединной плоскости характер, что не соответствует современным анатомическим представлениям о данной структуре. В соответствии с тенденциями характерными для нового издания «Международная анатомическая терминология» под ред. Д. Б. Никитюка (2024) необходимо более точно обозначить положения структур в пространстве и расположение его частей относительно друг друга.

5. Сокращение словосочетания, обозначающего функционал мышцы. Например:

m. detrusor vesicae (мышца, выталкивающая мочу) [1] – *detrusor vesicae* (перевод аналогичен) [1].

Можно заметить, что для исследуемого издания под редакцией Д.Б. Никитюка характерна стандартизация латинского языка и избавление от излишних терминов, имеющих очевидное или синонимичное значение.

6. Избавление от избыточных и устаревших терминов. В издании 2024 года «Международная анатомическая терминология» не упоминаются следующие термины. Например:

labyrinthus corticis (лабиринт коры (лабиринт коркового вещества)) [1];

aa. corticales radiatae (междольковые артерии почки) [1];

aa. interlobulares (радиальные корковые артерии; междольковые артерии) [1].

Данные изменения были вызваны необходимостью большей лаконичности, проявляющейся в объединении обозначений небольших структур органа (структуры, сведения о которых в настоящее время являются устаревшими или не столь значимыми), в том числе гистологических, в более крупные элементы.

7. Латинизация терминов в русском переводе. Например:

ostium urethrae internum (внутреннее отверстие мочеиспускательного канала) [1] – *ostium internum urethrae* (внутреннее отверстие уретры) [1];

urethra feminina (женский мочеиспускательный канал) [1] – *urethra feminina* (женская уретра) [2];

urethra masculina (мужской мочеиспускательный канал) [1] – *urethra masculina* (мужская уретра) [2].

Передача перевода с помощью транслитерации отражает общую тенденцию латинизации терминов и их переводов в новом издании.

8. Акцент на численности (единичности или множественности) образований. Например:

papilla renalis (почечный сосочек) [1] – *papilla renalis* (почечные сосочки) [2].

Обращает на себя внимание отсутствие соответствующих латинской грамматике изменений (papillae – сосочки). Возможно, имеет место акцент именно на логической составляющей – количестве структур.

9. Изменение перевода разделенных на структурные элементы терминов. Например:

venae intrarenales (внутрипочечные вены) [1] – *venae intrarenales renis dextri et venae intrarenales renis sinistri* (внутрипочечная вена правой почки и внутрипочечная вена левой почки) [2].

Вызывает интерес следующий термин: *venae intrarenales renis dextri/sinistri* (внутрипочечная вена правая/левая) является единичным образованием, однако соответствующий термин не соответствует правилам латинской грамматики (*venae* является формой множественного числа). Возможно, делается акцент на количестве структур, где ключевую роль играет именно функционально-клиническая точность, а не грамматическая корректность.

10. Изменение перевода.

Например, перевод термина *area cribrosa* изменился с «решетчатой зоны» [1] на «продырявленную область» [2]. Во-первых, стоит обратить внимание на то, что в связи с переходом к более общим понятиям и все большей актуальности визуальных методов исследований в издании под редакцией Д. Б. Никитюка закрепился перевод элемента термина area как «область», тогда как «зона» исторически применялась для описания узких, ограниченных окружающими структурами, участков. Во-вторых, в источнике [2] изменённый перевод прилагательного *cribrosa*: «продырявленный» более точно соотносится с описанием указанной структуры и ее актуальности для международной описательной анатомии, в отличие от характерного для сравнительной анатомии устаревшего перевода «решетчатый».

Итак, проведенное исследование позволило нам сделать вывод о том, что латинские обозначения структур, связанных со строением мочеполовой системы, и их перевод на русский язык в новом издании латинской анатомической терминологии, действительно, претерпели большие изменения, а именно:

1) обозначены тенденции к уточнению топографии и количества структур путем добавления родовых и уточняющих слов,

2) изменен порядок слов в терминах и их переводах (акцент на множественности структур и важности их характеристик за счет изменения числа определяющего имени существительного),

3) обозначена необходимость унификации обозначений за счет избавления от несмыслообразующих элементов терминов и отделения друг от друга терминов структур, имеющих разную топографию относительно стороны тела и оси симметрии.

Литература:

1. Международная анатомическая терминология (С офиц. списком рус. эквивалентов) / РАНК Рос. анат. номенклатур. комис. Минздрава РФ и др.; Под ред. чл.-корр. РАМН Л.Л. Колесникова. – М.: Медицина, 2003. – XII, 424 с.

2. Международная анатомическая терминология [TA2] / под ред. Д.Б. Никитюка. – «ГЭОТАР–Медиа», 2024 – 488 с.

3. Латинско-русский словарь: Ок. 200 000 слов и словосочетаний / И.Х. Дворецкий. – 6. изд., стер. – Москва: Рус. яз., 2000. – 843 с.

ЭВОЛЮЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ *VENTRALIS/DORSALIS* И *ANTERIOR/POSTERIOR* В TERMINOLOGIA ANATOMICA (TA1–TA2)

Коркунова С.М.
Научный руководитель: Новичкова О.А.
РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются исторические причины параллельного употребления терминов anterior/posterior и ventralis/dorsalis в анатомической номенклатуре. Показано, что в Terminologia Anatomica 1st edition (1998) допускалась терминологическая синонимия, тогда как во 2-й редакции (2019) прослеживается тенденция к разграничению их применения в зависимости от анатомической системы. Делается вывод о методологическом значении TA2 для медицинского образования.*

Ключевые слова: *анатомическая терминология, Terminologia Anatomica, TA1, TA2, ventralis, dorsalis, anterior, posterior.*

Введение. Для студентов, изучающих анатомию, нередко становится неожиданностью существование двух пар терминов, описывающих, казалось бы, одно и то же направление: *ventralis/dorsalis* и *anterior/posterior*. Формально оба набора обозначают противоположные стороны тела, однако их историческое происхождение и логика применения различны.

Цель данной работы – проанализировать эволюцию употребления указанных терминов от Terminologia Anatomica 1st edition (1998) к Terminologia Anatomica 2nd edition (2019) и выявить закономерности их систематизации в современной номенклатуре.

Анализ терминологической структуры Terminologia Anatomica 2nd edition проводился с использованием официального онлайн-ресурса TA2 Viewer [6], позволяющего проследить системную логику распределения терминов в действующей номенклатуре.

Объект исследования – Terminologia Anatomica 1st edition (1998) и Terminologia Anatomica 2nd edition (2019).

Предмет исследования – принципы использования терминов *ventralis/dorsalis* и *anterior/posterior*.

Исторические предпосылки терминологической двойственности. Возникновение дублирующих терминов связано с развитием двух методологических направлений в анатомии.

Немецкая эмбриологическая традиция. Представители немецкой школы (F. Hochstetter, O. Heldwig) рассматривали строение организма сквозь призму его эмбрионального развития [3, 4]. В рамках этого подхода фундаментальной считалась вентродорсальная ось тела. Термины *ventralis* (брюшной) и *dorsalis* (спинной) универсальны для всех позвоночных и отражают базисную организацию нервной трубки и осей тела.

Англо-американская описательно-топографическая традиция. В работах англо-американских авторов, включая «Анатомию Грея», акцент делался на описании тела взрослого человека в анатомической позиции [1]. В

этой системе естественно используются термины *anterior* (передний) и *posterior* (задний), ориентированные на положение человека в пространстве.

Компромисс между этими школами привёл к закреплению параллельных вариантов в международных номенклатурах XX века, что отразилось и в TA1.

Terminologia Anatomica 1 (1998): институционализация синонимии

В первой редакции Terminologia Anatomica нередко фиксировались равноправные варианты:

1. Radix anterior sive ventralis.

2. Funiculus anterior sive ventralis.

3. *Columna anterior sive ventralis* [5].

Таким образом, TA1 не устранила терминологическую двойственность, а закрепила её на нормативном уровне. Выбор термина оставался за автором учебника или преподавателем, что создавало трудности при обучении.

Terminologia Anatomica 2 (2019): тенденция к разграничению

Во второй редакции прослеживается последовательная тенденция к сокращению избыточной синонимии.

Нервная система. За структурами нервной системы преимущественно закрепляются термины *ventralis/dorsalis*, что отражает их эмбриологическую обусловленность:

- *Radix ventralis.*
- *Cornu ventrale.*
- *Nuclei ventrales thalami.*

Использование данных терминов подчёркивает связь с вентро-дорзальной осью и эволюционными принципами организации нервной системы.

Костно-мышечная система и топографическая анатомия. В описании структур опорно-двигательного аппарата и большинства органов закрепляется употребление *anterior/posterior*:

- *Musculus tibialis anterior.*
- *Ligamentum cruciatum anterius.*
- *Ramus anterior.*

Здесь термин отражает положение относительно переднезадней оси тела человека.

Закономерность применения терминов. Различие между парами терминов обусловлено их концептуальной основой:

- *Ventralis/Dorsalis* – ориентированы на биологическую ось тела (эмбриология, филогенез).
- *Anterior/Posterior* – ориентированы на положение человека в пространстве.

У четвероногих животных вентральная поверхность направлена вниз, а передняя – вперёд; оси не совпадают. У человека в результате прямохождения вентральная поверхность совпадает с передней, что исторически обусловило терминологическую путаницу.

В TA2 закрепляется следующая тенденция:

1. Для нервной системы – преимущественно *ventralis/dorsalis*.

2. Для опорно-двигательного аппарата и топографических описаний – *anterior/posterior*.

3. Исключения возможны, но не носят системного характера.

Обсуждение. Систематизация терминологии в Terminologia Anatomica 2nd edition имеет методологическое значение. Термин перестаёт быть произвольным обозначением направления и становится индикатором структурной принадлежности и эмбриологической логики.

Сокращение синонимии снижает когнитивную нагрузку в образовательном процессе и способствует формированию системного понимания анатомической номенклатуры. Терминология приобретает прогностическую и междисциплинарную ценность, связывая анатомию, эмбриологию и клиническую практику.

Заключение. Terminologia Anatomica 2nd edition демонстрирует переход от исторически сложившейся терминологической эклектики к более упорядоченной системе. Разграничение применения терминов *ventralis/dorsalis* и *anterior/posterior* отражает методологическую эволюцию анатомической науки и способствует более осознанному усвоению материала в медицинском образовании.

Литература:

1. Grignon B., Oldrini G. Teaching medical anatomy: what is role of imaging today? // *Surgical and Radiologic Anatomy*. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26298830/ (дата обращения: 14.02.2026).

2. Kachlik D., Baca V. Anatomical terminology and nomenclature: past, present and highlights // *Surgical and Radiologic Anatomy*. 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/8896145/ (дата обращения: 14.02.2026).

3. Heldwig O. *Elements of the development theory*. 1915. [Электронный ресурс]. URL: http://dfg-viewer.de/show/?set%5Bmets%5D=https%3A//digital.ulb.hhu.de%2Foai%2F%3Fverb%3DGetRecord%26metadataPrefix%3Dmets%26identifier%3D1720876 (дата обращения: 14.02.2026).

4. Hochstetter F. *Posts anatomy and history of development the blood vessel system*. 1910–1920. [Электронный ресурс]. URL: https://share.google/6xjwG9uNoULw8jH5r (дата обращения: 14.02.2026).

5. Terminologia Anatomica. Международная анатомическая терминология : (С офиц. списком рус. эквивалентов) / РАНК Рос. анат. номенклатур. комис. Минздрава РФ, Всерос. науч. о-во анатомов, гистологов и эмбриологов, Федератив. междунар. ком. по анатом. терминологии/ Л.Л. Колесников. – М. : Медицина, 2003. – XII, 409 с.

6. Terminologia Anatomica. 2nd edition (2019) (TA2) [Электронный ресурс] : интерактивная база данных / Federative International Programme for Anatomical Terminology (FIPAT), International Federation of Associations of Anatomists (IFAA). Version 2.7. 2019. URL: https://ta2viewer.openanatomy.org/ (дата обращения: 14.02.2026).

О СПОСОБАХ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «БОЛЬ» В МЕДИЦИНЕ

Ельцова Л.Ф., Савчук Т.Л.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье описываются некоторые способы языкового выражения концепта «боль» на уровне слова, словообразования и словосочетания. Показана приоритетность вербализации концептуальных признаков: продолжительность, патогенез, интенсивность, характер и локализация.*

Ключевые слова: *концепт «боль», язык боли, медицинская терминология.*

Феномен «боль» изучается представителями разных научных сообществ, но традиционно наибольший интерес к изучению боли всегда проявляли представители медицины. В медицине изучаются причины боли, механизмы её появления и развития, а также способы её лечения. Специалисты используют различные способы языкового выражения концепта «боль», для описания типов боли, составления диагностических симптомов и для оценки субъективного переживания боли пациентами. Настоящее исследование представляет собой попытку анализа средств языкового выражения концепта «боль», представленного в языке медицины. Концепт «боль» относят к универсальным ценностным концептам, так как он представляет общечеловеческую систему ценностей, входит в персональную систему ценностей каждого человека, что делает актуальным анализ средств языкового выражения данного концепта.

При выявлении приоритетных признаков концепта «боль» в научном представлении мы опирались на научное определение термина. Комитет по терминологии Российского межрегионального общества по изучению боли (РОИБ), утвердил перевод определения боли, подготовленного экспертами Международной ассоциации по изучению боли: «Боль – неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с действительным или возможным повреждением тканей, или схожее с таковым переживанием» (Данное определение опубликовано в Российском Журнале боли том 18 (№4) 2020 г.). Таким образом, «боль» – это комплексный концепт, он включает не только физическое, но и эмоциональное страдание. Боль может быть вызвана физиологическими причинами (например, травмой или заболеванием) или нарушениями в работе нервной системы, а также иметь психоэмоциональную природу, боль является сигналом как реального, так и вероятного повреждения.

Цель исследования – выявить особенности языкового выражения концепта «боль» в медицинской терминологии.

Для достижения данной цели решались следующие **задачи**:

1. Произвести отбор медицинских терминов, используемых для вербализации концепта «боль».
2. Провести структурно-семантический анализ отобранной лексики.
3. Проанализировать способы языкового выражения концепта «боль» на уровне слова, словообразования и словосочетания.

Исследование проводилось на **материале** терминов научных статей медицинской тематики, медицинских справочников, словарей и учебников для студентов медицинских вузов. Мы отобрали 356 терминов, используемых для вербализации концепта «боль» в медицине.

В работе были применены следующие **методы**: сплошной выборки научных наименований, описательный метод, сопоставительный метод, метод анализа дефиниций отобранных терминов, этимологический анализ, метод лингвистического моделирования, метод количественной обработки и обобщения полученных данных.

Анализ отобранных терминов показал, что для выражения концепта «боль» применяются различные средства языковой номинации, это как специализированные лексические единицы и терминоэлементы (морфемы или блоки морфем), так и синтаксические конструкции, несущие информацию о боли. К первой группе, например, относятся:

- *специализированные лексические единицы: боль, болевой, альгический, ощущение, переживание, мигрень, мигренознй, чувствительность, сенситизация, дискомфорт, ноцицепция;*
- *терминоэлементы: альго-, -альгезия, -альгия, -одиния, -эстезия, -патия.*

Самой продуктивной лексической единицей является существительное *«боль».* Оно чаще всего применяется для создания словосочетаний (мы насчитали 145 терминов), в которых оно является главным определяемым словом. Например: *ноципластическая боль, патологическая боль, нейрогенная боль, радикулитная боль, мышечная боль, суставная боль, ишемическая боль, воспалительная боль, дисфункциональная боль, послеоперационная боль, родовая боль, давящая боль, сжимающая боль, соматическая боль, абдоминальная боль* и пр.

Наиболее важными для медицины являются те признаки концепта «боль», которые помогают специалисту определить тип и локализацию боли, испытываемой пациентом, чтобы понять ее причины, поставить диагноз и назначить лечение. Поэтому в научной медицинской терминологии вербальное выражение находят такие характеристики концепта, которые напрямую связаны с классификационными признаками боли. Термины, в которых получили выражение классификационные признаки, обычно представлены двухсловными атрибутивными словосочетаниями.

Примеры наименований типов боли, с признаками классификации *по механизму*:

- *боль ноцицептивная* (возникает из-за повреждения тканей);
- *боль невропатическая* (вызвана повреждением нервов);
- *боль ноципластическая* (связана с дисфункцией центральной нервной системы).

Существует также классификация боли по *продолжительности, по патогенезу, по интенсивности и по характеру ощущения боли.* Например:

- по признаку продолжительности: *острая боль, хроническая боль, подострая боль*.

- по происхождению (патогенезу): *ноцицептивная боль, невропатическая боль, психогенная боль, соматическая боль, висцеральная боль*.
- по интенсивности: *легкая боль, умеренная боль, тяжёлая боль, неукротимая (невыносимая) боль*.
- по характеру боли: *тупая боль, острая боль, колющая боль, жгучая боль, пульсирующая боль.*

Для выражения концепта «боль» в научных наименованиях применяются также многословные конструкции, в которых получает языковое выражение комплекс признаков концепта. Чаще всего вербализуются *локативные* и *каузальные* признаки. Приведём примеры:

периферическая невропатическая боль, центральная невропатическая боль, невралгия седалищного нерва, нелокализованная боль, таламический болевой синдром, миофасциальный болевой синдром, туннельный синдром (синдром запястного канала), отраженный болевой синдром, синдромы головной боли (цефалгические синдромы), хроническая орофациальная боль, иррадиирующие боли при инфаркте миокарда, болевой синдром в спине, болевой синдром при ревматических заболеваниях, болевые посттравматические состояния, периферическая сенситизация, центральная сенситизация.

Для упрощения коммуникации в языке медицины многокомпонентные термины традиционно заменяют аббревиатурами: *хронический болевой синдром (ХБС), головная боль напряжения (ГБН), комплексный региональный болевой синдром (КРБС) I и II типов, миофасциальный болевой синдром (МФБС), глоссалгический синдром (ГС) или синдром обожженного рта (СОР).*

На уровне словообразования концепт «боль» чаще всего получает выражение в морфемах (или их сочетаниях) греческого происхождения. Наиболее продуктивны *производные термины***,** с опорными терминоэлементами *-алгезия -альгия, -одиния, -эстезия***.** Например:

- *гипералгезия, гипоалгезия, термальгезия, гемигипальгезия,*
- *аллодиния, психостоматодинией, кокцигодиния, офтальмодиния, вульводиния,*
- *парестезия, гиперестезия, гипестезия, дизестезия,*
- *мегальгия, артралгия, прозопалгия, цефальгия, рахиалгия, фибромиалгия*.

Однословные непроизводные термины встречаются редко. Например:

- *мигрень (от франц. migraine)* – особый вид головной боли, выделенный в самостоятельную клиническую форму по типичности симптомокомплекса;
- *ишиас (от греч. ischion бедро)* – невралгия седалищного нерва;
- *колика (от греч. kōlikē [nosos] кишечная болезнь)* – приступы болей, исходящие из органов брюшной полости, имеющие схваткообразный характер и вызывающие тяжелое ощущение стягивания и спазма.

Форма проявления боли (характер, интенсивность и пр.) – один из основных дифференцирующих признаков концепта «боль». В описании болевых состояний этот признак играет очень важную роль, поэтому он имеет большое количество вариантов языкового выражения на разных уровнях. Анализ специализированных лексических единиц показал, что для указания на

характер ощущения боли используются как существительные, так и прилагательные**.**

- существительные – *зуд, резь, ломота, жжение, давление, онемение, покалывание, пощипывание.*
- прилагательные – *колющая, тянущая, ноющая, тупая, режущая, горящая, зудящая, пронзающая, пульсирующая, пароксизмальная, сдавливающая, сжимающая, схваткообразная, приступообразная, волнообразная.*

Для выражения признака *интенсивность боли* применяются только *прилагательные*, например: *умеренная, легкая, непереносимая, нестерпимая, мучительная.*

В производных однословных терминах могут использоваться специализированные *морфемы*. Например, признак «*характер боли»* отражен в морфемах терминов:

каузалгия (от греч. kausis – жжение; algos – боль) – болевой синдром, обусловленный повреждением периферического нерва и раздражением его симпатических волокон, проявляется интенсивными болями жгучего характера, сосудодвигательными и трофическими нарушениями зоны его иннервации;

кинезиальгия (от греч. kinesis – движение; algos – боль) – боль, связанная с движением, в том числе боль при ходьбе.

онейродиния (от греч. oneiros – сон; odyne – боль) – расстройство сна, сопровождающееся болезненными сновидениями, с ощущением физического или душевного дискомфорта;

аллодиния (от греч. allos – другой, необычный; odyne – боль) – состояние, при котором обычные не болевые раздражители вызывают ощущение боли (например, от дуновение ветра).

Признак *«интенсивность боли»* получил выражение в морфемах следующих производных*:*

гиперпатия (*от греч. hyper – сверх; pathos – страдание)* – болевой синдром, характеризующийся ненормально болезненной реакцией на раздражитель, в особенности, на повторяющееся применение раздражителя;

мегальгия (от греч. megas – большой; algos – боль) – сильная боль, интенсивная боль.

Концепт «боль» – комплексный концепт, в его структуре присутствуют признаки, связанные с физическим страданием, а также признаки эмоционального страдания. Поэтому для описания типов боли в медицине применяется метафора. Например: *синдром «горящего рта», волнообразная боль, простреливающая боль, пугающая боль, кинжальная боль.*

Таким образом, пришли к **выводу**, что концепт «боль» имеет большую ценность для медицины, его вербализация в языке медицины осуществляется морфологическим способом, помощью разнообразных лексических единиц и синтаксических конструкций. Наиболее продуктивными в выражении концепта «боль» и его базовых дифференцирующих признаков являются следующие модели терминообразования: синтаксические конструкции с базовым компонентом, выраженным существительным «боль», и словообразовательные

модели со специализированными морфемами. В терминах существует приоритетность вербализации тех концептуальных признаков концепта «боль», которые являются наиболее ценными в сфере медицины: продолжительность, патогенез, интенсивность, характер и локализация.

Литература:

1. Ельцова, Л.Ф. О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению терминологической номинации (на примере медицинской терминологии) /Научно-методический журнал «Школа будущего» № 6, декабрь 2018, РО "Школа Безопасности". – Москва, 2018. – С.3-8.

2. Ельцова, Л.Ф. О специфике концепта «болезнь»/ С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва – Воронеж, 2002. – С. 166 – 170.

3. Ельцова, Л.Ф. К вопросу о коммуникативном потенциале производного термина (на примере клинической терминологии)/Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. науч. тр. в честь Е. С. Кубряковой, Москва, Языки славянских культур, 2009. – С.665-670.

4. Яхно, Н.Н., Кукушкин, М.Л., Чурюканов, М.В., Давыдов, О.С., Бахтадзе, М.А. Новое определение боли Международной ассоциации по изучению боли // Российский журнал боли. – 2020. – 18(4). – С.5-7.

5. Ткачева, О. Н., Наумов, А. В., Котовская, Ю. В., Рунихина, Н. К. , Мильто, А. С. , Алексанян, Л. А., Ховасова, Н. О., Мороз, В. И., Маневич, Т. М., Розанов, А. В., Остапенко, В. С., Мешков, А. Д. Хроническая боль у пациентов пожилого и старческого возраста. Клинические рекомендации // Российский журнал гериатрической медицины. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hronicheskaya-bol-u-patsientov-pozhilogo-i-starcheskogo-vozrasta-klinicheskie-rekomendatsii (дата обращения: 21.10.2025).

6. Насонов Е. Л., Яхно Н. Н., Каратеев А.Е., Алексеева Л. И., Баринов А. Н., Барулин А. Е., [и др.]. Общие принципы лечения скелетно-мышечной боли: междисциплинарный консенсус // Научно-практическая ревматология. 2016. №3.

О СТРУКТУРНЫХ ТИПАХ СИНОНИМОВ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОРФАННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Кузнецова Н.С.
Научный руководитель: Ельцова Л.Ф.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье описаны наиболее частотные структурные типы синонимов наименований орфанных заболеваний. Показана особая роль в синонимичных рядах многокомпонентных терминологических сочетаний, а также интернациональных терминов греко-латинского происхождения, исконно-русских наименований и эпонимических терминов.*

Ключевые слова: *медицинская терминология, синонимия, наименования орфанных заболеваний.*

В современной медицинской терминологии, существует большое количество проблем, связанных с быстрым развитием медицинской науки и практической медицины. Появление новых понятий и изменение значений уже используемых терминов ведёт к постоянному развитию и изменению

терминосистем медицинской терминологии. В процессе формирования медицинских терминосистем появляются многозначные термины, омонимы, синонимы, эпонимические термины, а также неправильно ориентирующие термины. Наличие таких терминов относят к недостаткам, так как они усложняют задачу упорядочения и унификации терминологии. Подобные термины затрудняют профессиональную коммуникацию, поэтому в последнее время ведётся большая работа по систематизации медицинской лексики.

Проблема синонимии терминологической лексики была и остаётся актуальной для медицинских специалистов. Явлениям синонимии в медицинской терминологии посвящено множество работ, но названия орфанных заболеваний не становились объектом изучения, что говорит об **актуальности** нашего исследования.

Единого определения орфанных заболеваний не существует, к ним относят редкие жизнеугрожающие и хронические прогрессирующие заболевания, которые характеризуются высокой смертностью и приводят к инвалидности. Такие заболевания могут быть генетическими, инфекционными, идиопатическими, аутоиммунными и токсическими. Распространенность орфанных заболеваний не более 10 случаев на 100 тысяч населения. Орфанные заболевания характеризуются очень низким уровнем распространенности, малой изученностью, но большим количеством нозологий. Поэтому система данных наименований сложна и плохо упорядочена.

Цель исследования – выявить основные структурные типы синонимов, обозначающих орфанные заболевания.

Исходя из поставленной цели, выдвигаются для решения следующие **задачи**:

1. Изучить особенности синонимии в медицинской терминологии.
2. Произвести отбор синонимичных наименований орфанных заболеваний.
3. Провести структурный и лексико-семантический анализ отобранных терминов.
4. Выявить основные характеристики и типы синонимов, применяемых для называния орфанных заболеваний.

Методы исследования:

а) сплошная выборка наименований из словарей, справочников, энциклопедий и научных статей;

б) лексико-семантическая характеристика терминов;

в) статистический метод количественных характеристик;

г) компаративный анализ терминов.

Для анализа нами были отобраны общепринятые в русскоязычной медицинской литературе и справочниках 297 названий редких болезней, включенных в перечень Минздрава России (от 12 марта 2025 г.). Большинство (193) изученных терминов имеют официальные синонимы с тождественным значением. Такие синонимы называют абсолютными, они являются взаимозаменяемыми в любом контексте.

В ходе исследования были выявлены **10 структурных типов** абсолютных синонимов:

1. Однословный термин / однословный термин

• *зигомикоз – мукормикоз*

2. Терминологическое словосочетание / однословный термин

• *злокачественное новообразование сетчатки – ретинобластом*

3. Терминологическое словосочетание / терминологическое словосочетание

• *множественный эндокринный аденоматоз – синдром множественных эндокринных неоплазий*

4. однословный термин / двухсловный эпоним

• *агранулоцитоз – синдром Костмана*

5. терминологическое словосочетание / двухсловный эпоним

• *дерматит герпетиформны – болезнь Дюринга*

6. двухсловный эпоним / эпонимическое словосочетание

• *карцинома Меркеля – рак из клеток Меркеля*

7. сочетание двухсловного термина с аббревиатурой / двухсловный эпоним

• *ганглиозидоз-GM2 – болезнь Сендхоффа*

8. аббревиатура / синонимичное терминологическое словосочетание

• *AADCD – дефицит декарбоксилазы ароматических аминокислот*

9. многокомпонентное словосочетание с аббревиатурой / двухсловный термин с аббревиатурой

• *расстройство нервного развития со спастической диплегией и дефектами зрения, связанное с геном CTNNB1 – Синдром CTNNB1*

10. многокомпонентное словосочетание с аббревиатурой / многокомпонентное словосочетание с аббревиатурой

• *Витамин-B12-дефицитная анемия вследствие избирательного нарушения всасывания витамина B12 с протеинурией – мегалобластная анемия с результате селективной мальабсорбции витамина B12.*

Анализ отобранной лексики показал, что особую роль в ряду синонимов наименований орфанных заболеваний играют многокомпонентные терминологические сочетания и эпонимические термины. Всего было выявлено 167 многокомпонентных и эпонимических синонимов.

Некоторые термины имеют не один синоним, а целый ряд синонимичных наименований. Например:

• *гистиоцитоз из клеток Лангерганса – лангергансоклеточный гистиоцитоз – гистиоцитоз Х (2 синонима);*

• *семейный аденоматозный полипоз кишечника – САП – доброкачественное новообразование ободочной кишки – полипоз (врожденный) ободочной кишки (4 синонима);*

• *болезнь Мюнхеймера – пргрессирующая оссифицирующая фибродисплазия – ПОФ – Прогрессирующий оссифицирующий миозит – параоссальная гетеротипическая оссификация – «болезнь второго скелета» (6 синонимов).*

В ходе исследования были выявлены синонимичные термины, в состав которых включены метафоры. Например:

• *лейциноз – болезнь «кленового сиропа» – болезнь с запахом мочи кленового сиропа;*

- *врожденный гиповентиляционный синдром – синдром Ундины;*
- *синдром Лежена – синдром кошачьего крика;*
- *синдром Уильямса – синдром «лица эльфа».*

Как показали результаты проведенного исследования, в состав синонимических рядов абсолютных синонимов входят как исконно русские термины, так и латино-греческие заимствования. Примеры:

- *злокачественное новообразование вилочковой железы – тимома;*
- *болезнь плотного осадка – мембранозно-пролиферативный гломерулонефрит.*

Выводы:

- Синонимия в терминосистеме орфанных заболеваний является очень распространенным явлением.
- Синонимичные ряды наименований орфанных заболеваний можно разделить на 10 структурных типов, в которых особую роль играют многокомпонентные терминологические сочетания.
- Наиболее частотны ряды интернациональных терминов греко-латинского происхождения, национальных терминов исконно-русского происхождения и терминов эпонимов, в состав которых входят имена учёных, впервые описавших данное заболевание.

Литература:

1. Колобаев В.К., Всеволодова А.Х. Синонимия в медицинской терминологии: PRO & CONTRA // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 5. С. 89-92; URL: https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11673 (дата обращения: 24.10.2025).

2. Федина Е.А. К проблеме синонимии в медицинской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2017. Вып. 6 (183). С. 85-90. doi: 10.23951/1609-624X-2017-6-85-90

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ГЕНЕТИКИ

Козеева А.Н., Чикина С.В., Стрелкова В.Д.
Научный руководитель: Калинина М.А.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются проблемы терминообразования в сфере генетики, приводятся результаты анализа структурно-семантических особенностей 70 терминов из словаря «Генетика», которые образованы с использованием греческих и латинских терминоэлементов.*

Ключевые слова: *термин, генетика, терминоэлемент, структурно-семантические особенности.*

Современная генетика является одной из наиболее динамично развивающихся областей науки. Её понятийный аппарат постоянно пополняется новыми терминами. Немалую часть их составляют, по мнению исследователей, классицизмы или неоклассицизмы [16], то есть слова, которые содержат

латинские и древнегреческие терминоэлементы [14]. Такие термины и стали объектом нашего интереса. Они были отобраны методом сплошной выборки из энциклопедического словаря Н.А. Картеля, Е.Н. Макеевой, А.М. Мезенко «Генетика» [11].

Несмотря на обилие работ по медицинской терминологии и методике ее преподавания, написанных, в т.ч., преподавателями и студентами нашего университета [3-10, 12, 13, 15, 17], состав и структура генетических терминов, образованных из греко-латинских элементов, изучены неполно, хотя понимание механизмов терминообразования на базе классических языков необходимо для унификации научного языка и успешной профессиональной коммуникации.

Основным методом представленного исследования выступил структурно-семантический анализ.

Цель работы – выявление и анализ структурно-семантических особенностей генетических терминов, созданных на базе греко-латинских терминоэлементов.

Задачи:

1. Проанализировать основные этапы развития терминологии генетики и ее проблемы.
2. Провести сплошную выборку терминов, основанных на греко-латинских терминоэлементах, из выбранного словаря.
3. Определить состав и частотность греческих и латинских терминоэлементов, участвующих в образовании генетических терминов.
4. Выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели и терминоэлементы.
5. Описать семантические группы, формируемые данными терминами.

В истории развития терминологии генетики ученые выделяют несколько этапов. Зарождение системы происходило в 1900-е гг. и связано с именами Г. Менделя, У. Бэтсона, В. Иогансена, Т. Моргана. В 30-е гг. 20 века терминология расширяется за счет терминосфер биохимии и физики. В середине 20 века формируется базис современной генетической терминологии. С 1970-х гг. по настоящее время терминосистема активно пополняется англоязычными заимствованиями и аббревиатурами.

В области терминообразования генетики, как считают современные ученые, существует в настоящее время достаточно много проблем, среди которых выделяются этические и социальные [20].

Кроме того, некоторые термины могут являться многозначными или употребляться в разных контекстах. «Ген» может означать функциональный участок ДНК (классическое определение); любую транскрибируемую последовательность (ENSCO-версия); «ген-единицу» в популяционной генетике [11].

Разные английские термины часто переводятся одинаково (например, mutation и variant как «мутация» [18]), отсутствует единый эквивалент термина (термины enhancer, silencer, insulator оставляют в транскрипции или переводят дословно («усилитель», «глушитель», «изолятор»), что теряет биологический смысл [21]).

В разных научных школах термины для обозначения одних и тех же явлений могут отличаться, например, HUGO Gene Nomenclature Committee (HGNC) задаёт символ, в русскоязычных текстах можно встретить «BRCA1», «BRCA-1», «брек-а-один», «ген рака молочной железы 1». При автоматическом переводе символы читаются как слова и искажаются: SEPT1 – «сентябрь-1».

В связи с появлением новых знаний и теорий некоторые термины теряют свою актуальность или становятся устаревшими, но продолжают использоваться в учебной литературе [14]. Переходные формы «рецессивный»/ «доминантный» сохраняются, хотя для сложных болезней точнее говорить «полигенный риск». «Генетический код» остаётся, хотя теперь известны кодирующие и некодирующие участки, эпигенетические уровни.

Существует разрыв между клиническим и исследовательским языком. Врачи пишут «носительство мутации»; исследователи – «гетерозиготный вариант»; биоинформатики – «SNP rsID» [20].

Для устранения этих проблем рекомендуется использовать перечень рекомендованных терминов Минздрава РФ (2021) и Международные стандарты и рекомендации, а также Государственные и отраслевые документы РФ [1, 2].

Нами была проанализирована примерно треть всего объема словаря «Генетика» (320 страниц), выявлено 70 терминов, которые основаны на греческих и латинских терминоэлементах [11].

В результате анализа структуры терминов оказалось, что подавляющее большинство (более 90%) выделенных терминов образовано с использованием древнегреческих корней и аффиксов, что совпадает с выводом ученых [14]. Латинские элементы встречаются реже и часто в комбинации с греческими или в составе более поздних заимствований, адаптированных через латынь.

Наиболее частотные греческие терминоэлементы: gen-/gene-/genesis (род, происхождение, рождение) – встречается в 15 терминах (*анагенез, андрогенез, филогенез, кариогены*); karyo- (ядро) (*эукариоты, кариогамия, кариология*) и pheno- (явление, фенотип) – встречаются в 8 терминах (*фенокопия, фенодевиант, феногенетика*); chrom-/chromat- (цвет, окраска) (*хромогены, эухроматин, ахроматин*) и bio- (жизнь) (*биогенез, биобласт, биоактивация*), а также plasi/-plasia/-plast (формирование, образование) – встречаются в 5 терминах (*анаплазия, аплазия, ахондроплазия*).

Наиболее частотные префиксы – a-/an- (без, не) (6 терминов, например, *асиндез, афибриногенемия, атрихия, ахондроплазия, анемия, аплазия*), trans- (через, за) (5 терминов, например, *трансгеноз, трансдукция, трансген*).

Латинские элементы чаще всего выступают в роли корней (virus, tumor, activus, valens, fibra) или встречаются в составе гибридных терминов (аутобивалент: греч. auto- + лат. bi- + лат. valens.

Анализ структуры отобранных терминов позволяет в качестве наиболее продуктивной модели выделить производные слова, которые образованы путем присоединения к корню аффиксов: *асиндез* (a- + syn- + desis), *антибиоз* (anti- + bios), *аплазия* (a- + plas- + ia).

Доминирующим типом словообразования является словосложение, например, двухкомпонентные: *биогенез* (bio- + genesis), *хромогены* (chromo- +

genes), *экотип* (eco- + typos); трехкомпонентные: *аллогетероплоиды* (allo- + hetero- + ploid), *аутоаллополиплоид* (auto- + allo- + poly- + ploid).

На основе анализа можно выделить следующие продуктивные модели:

1. «Корень1 + Корень2» (ген- + -gam- -> *андрогамон*; chromo- + -gen- -> *хромогены*).

2. «Префикс + Корень». Активно используется для уточнения, отрицания или указания на направление действия (a- + plasia -> *аплазия*; trans- + gen- -> *трансген*).

3. «Корень + Суффикс». Позволяет перевести понятие в категорию процесса (-osis: *апоптоз*).

4. Гибридные модели: соединение греческих и латинских элементов в одном термине (*аутобивалент*, *вироиды*).

Исследуемые термины можно распределить по нескольким семантическим полям:

1. Процессы и явления (наиболее обширная группа): термины на *-генез (биогенез, филогенез, андрогенез), -биоз (антибиоз), -плазия (анаплазия, ахондроплазия)*, а также *апоптоз, трансдукция, деполимеризация.* Они описывают развитие, образование, взаимодействие и изменения.

2. Структуры и органеллы: *биобласт (митохондрия), хромогены, нуклеокапсид, эухроматин, плазмида.* Термины этой группы обозначают материальные компоненты клетки и вирусов.

3. Клетки и организмы: *эукариоты, аллогетероплоиды, триплоиды, вироиды*.

4. Патологии и нарушения: *анемия, аплазия, нейрофиброматоз, некроз, новообразование, афибриногенемия, атрихия*. Многие термины этой группы содержат отрицательные префиксы (a-/an-) или корни, указывающие на разрушение (lysis).

5. Методы и технологии*: нанотехнология, биоактивация, деионизация, каскадный мутагенез*. Здесь заметно влияние английского языка, но базовая лексика имеет греко-латинские корни (*bio, nano, activus, ion, muta*).

Итак, термины, основанные на греко-латинских терминоэлементах, представляют собой достаточно большой пласт терминосистемы такой активно развивающейся отрасли, как генетика. Их использование позволяет избежать некоторых проблем, связанных с переводом и искажением смысла, что важно для межкультурной коммуникации врачей.

Литература:

1. ГОСТ 24169-80. Генетика. Основные термины. – М. : Изд-во стандартов, 1980. – 15 с.

2. ГОСТ Р 57961-2017. Молекулярно-генетические исследования. Термины и определения. – М. : Стандартинформ, 2017. – 12 с.

3. Ельцова Л.Ф. К вопросу о средствах номинации профессиональных концептов в языке клинической психологии // Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания. Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции, посвященной 50-летию кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ им. А.И. Евдокимова. – М., 2021. – С. 139-144.

4. Ельцова Л.Ф. Терминообразование с позиций когнитивной лингвистики (на примере медицинской терминологии) // Осенние коммуникативные чтения – 2018. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – М., 2020. – С. 50-57.

5. Ельцова Л.Ф., Амарисакаева Е.А., Володичев Г.И. Отражение в терминологии кардиологии и физики межпредметной интеграции понятий // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы. Материалы III Международной студенческой научно-теоретической конференции. – Рязань, 2021. – С. 70-73.

6. Ельцова Л.Ф., Ельцов А.В. Формирование терминологической компетенции иностранных студентов в медицинском вузе с учётом особенностей вербализации научного медицинского знания // ОБЖ: Основы безопасности жизни. – 2022. – № 5. – С. 33-37.

7. Ельцова Л.Ф., Короткова М.Е. К вопросу о взаимосвязи семантической структуры терминов с признаками научной классификации (на примере наименований опухолей) // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской студенческой научно-теоретической конференции с международным участием. – Рязань, 2020. – С. 76-79.

8. Ельцова Л.Ф., Поликарпова А.В. Способы выражения пространственных и временных значений в языке клинической медицины (на примере терминологии аритмологии) // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы. Материалы IV Международной научно-теоретической конференции. Рязань, 2022. С. 105-108.

9. Калинина М.А., Розыева Л.Ш. Медицинский термин «коморбидность» в свете когнитивной лингвистики // Актуальные вопросы экономики, права и образования в XXI веке: Материалы III Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2017. – С.500-503.

10. Калинина М.А. Способы активизации познавательной деятельности студентов-медиков 1 курса на лекционном занятии по латинскому языку // Современные подходы к формированию коммуникативной компетенции в вузе. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2023. – С. 210-217.

11. Картель Н.А. Генетика : энциклопедический словарь / Н.А. Картель, Е.Н. Макеева, А.М. Мезенко. – Минск, 2011. – 992 с.

12. Кечина Э.А., Насекина С.Н., Калинина М.А. Профессиональная мотивация студентов медицинского вуза: педагогический аспект // Современные проблемы науки и образования.-2022.-№4. – С. 52.

13. Костикова Л.П., Ельцов А.В., Ельцова Л.Ф., Илюшина А.В., Калинина М.А., Ким З.М., Козлова Л.В., Костюшина Ю.И., Корнева Г.В., Крутова И.Ю., Мартынова М.А., Царева Л.М. Актуальные вопросы профессиональной языковой подготовки студентов неязыкового вуза. – Москва, 2021.

14. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – 4-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.

15. Логачева Е.В., Калинина М.А., Костюшина Ю.И. К вопросу об использовании интернационализмов в обучении русскому языку как иностранному в медицинском университете // Школа будущего. – 2023. – № 4. – С. 54-66.

16. Муравьева Н.В., Яныкина К.В., Матыцина А.А. О некоторых особенностях терминологии медицинской генетики // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской студенческой научно-теоретической конференции с международным участием. – Рязань, 2020. – С.61-65.

17. Насекина С.Н., Кечина Э.А., Калинина М.А. К вопросу о значимости дисциплины «латинский язык» для формирования коммуникативной компетенции студентов медицинского вуза // Школа будущего. – 2022. – № 3. – С. 204-217.

18. Новодранова В.Ф. Латинские основы медицинской терминологии: учебное пособие / В.Ф. Новодранова. – М. : ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2000. – 150 с.

19. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Направления и методы терминологических исследований : Очерк и хрестоматия / В.А. Татаринов. – М., 1995. – 358 с.

20. Этические и правовые проблемы современной биологии и генетики : сборник статей / под ред. С.М. Ашитко. – М., 2021. – 240 с.

21. Collins F.S. The Language of Life: DNA and the Revolution in Personalized Medicine / F.S. Collins. – New York : Harper, 2010. – 368 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФАРМАКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ *LONG, DEPOT (DEPO)* И *RETARD* В НАЗВАНИЯХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

Никулин Д.Д.
Научный руководитель: Новичкова О.А.
РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются семантические и фармакотехнологические различия в употреблении терминоэлементов retard, depo(t) и long в названиях лекарственных препаратов. Целью данной работы является определение различия в значении, происхождении и фармакологическом употреблении данных наречий, анализ каждого наречия, рассмотрение контекстов их употребления в названиях существующих на рынке лекарственных препаратов. В конце подводится итог о значении элементов retard, depot (depo) и long в фармокологической лексике.*

Ключевые слова: *семантика, фармакология, наречия, retard, depot, long, фармакокинетика, контролируемое высвобождение, инъекционные препараты, маркетинговое позиционирование.*

Введение. Названия лекарственных средств нередко содержат латинские и английские терминоэлементы, указывающие на особенности действия препарата. Элементы *long*, *retard*, *depot* (*depo*) обозначают пролонгированный эффект, однако отражают различные фармацевтические технологии, что требует их точной интерпретации в клинической практике.

Цель исследования – определить, отражают ли элементы retard, depot и long реальные различия в фармакокинетике и технологиях высвобождения либо выполняют преимущественно маркетинговую функцию.

Методология исследования. Проведён семантический анализ терминоэлементов *retard*, *depot* и *long*, а также изучено их использование в наименованиях препаратов, представленных в реестре лекарственных средств РФ и справочнике Видаль. Проанализированы лекарственные формы и фармакокинетические характеристики, выявлены закономерности употребления данных элементов.

Происхождение наречий. Этимологически терминоэлемент retard восходит к латинскому глаголу *retardare*, что значит «замедлять» [1], что отражает принцип замедленного высвобождения действующего вещества. В свою очередь терминоэлемент. *Depot* (*depo*) восходит к латинскому существительному *depositum, i n* «вещь, отданная на хранение» [1], от которого

позднее образовалось французское *dépôt* – «хранилище, запас». Такой элемент встречается в названиях препаратов, которые представляют собой инъекционные формы, создающие своего рода «хранилище» для активного вещества, обеспечивая его долговременное и контролируемое высвобождение. Элемент *long* – пришло из английского языка, где оно изначально было прилагательным со значением «долгий, продолжительный» [5]. В фармацевтической номенклатуре элемент *long* указывает на увеличенную продолжительность действия.

Сравнение фармацевтических технологий. На основе анализа названий препаратов на российском фармацевтическом рынке, было обнаружено, что препараты с элементом *retard* в названии представляют из себя таблетки/капсулы с контролируемым высвобождением (матрицы, покрытия, гранулы) [3]. Например, «Диклофенак ретард», «Метиндол ретард» – пероральные НПВС пролонгированного действия [4]. Препараты *Depot* (*Depo*) – биоразлагаемые, инъекционные формулы для долгосрочого контролируемого выпуска лекарств из молекул, играющих роль хранилища для действующего вещества. Например, «Декапептил депо», «Клопиксол депо», «Депо-Провера» – инъекционные гормональные и психотропные препараты [3],[6]. В отношении элемента *long* установлено, что в ряде случаев он выполняет преимущественно маркетинговую функцию, обозначая увеличенную продолжительность действия без указания на конкретную фармакотехнологию пролонгации. Например, препараты «Мидокалм» и «Мидокалм Лонг» различаются по длительности действия, однако не всегда имеют принципиально отличающуюся технологию высвобождения [4]. Иногда элемент *long* используется для инъекций (Insulin Long, Diazepam Long), но без того эффекта, которым обладают препараты с наречием *depo*.

Заключение. Терминоэлементы *retard*, *depot* (*depo*) и *long* выполняют терминологическую и информативную функцию, обозначая пролонгированное действие. Несмотря на сходное значение «длительный эффект», каждый элемент отражает разную фармакологическую технологию. Элементы *retard* и *depot* коррелируют с конкретными фармакотехнологическими решениями, а *long* зачастую выступает как обозначение длительности действия без чёткого указания на механизм. Понимание этих различий важно для правильной интерпретации названий лекарственных средств и безопасного их применения в клинической практике.

Литература:

1. Дворецкий, Л., Латинско–русский словарь: 10-е изд., стереотипное / Л. Дворецкий. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – Режим доступа: http://slovoborg.su/vocabula/index.php. – Дата обращения: 25.01.2026.

2. Петрова, Г. Вс. Латинский язык и фармацевтическая терминология: учебник / Г. Вс. Петрова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 392 с. doi: 10.33029/9704-6637-7-LAT-2022-1-392

3. Справочник Видаль. – М.: Видаль Рус, 2022. – 1120 с.

4. Энциклопедия лекарств РЛС. – М.: Регистр лекарственных средств России, 2000–2026. – Режим доступа: https://www.rlsnet.ru/. – Дата обращения: 10.01.2026.

5. Cambridge Dictionary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/long. – Дата обращения: 06.01.2026.

6. Sharma R., Yadav S., Yadav V., Akhtar J., Katari O., Kuche K., Jain S. Recent advances in lipid-based long-acting injectable depot formulations // *Advanced Drug Delivery Reviews*. – 2023. – Vol. 199. – Art. 114901. – doi: 10.1016/j.addr.2023.114901

МИФ КАК ИСТОЧНИК МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ: СОХРАНЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ

Летова У.А., Протопопова А.Б.
Научный руководитель: Машьянова Е.Е.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья представляет собой анализ медицинской терминологии на наличие в ней терминов мифологического происхождения и эпонимов. Изучается сегодняшние тенденции и исторический путь мифологизмов.*

Ключевые слова: *терминология медицины, анатомическая номенклатура, клиническая номенклатура, фармацевтическая номенклатура, эпонимы, мифологизмы.*

Медицинская терминология – одна из самых интересных областей для исследования этимологии лексических единиц. Разнообразие происхождения терминов позволяет нам интерпретировать термин не изолированно, а в системе культурных, семантических и понятийных связей. Некоторые термины несут с собой историю, связанную с легендами и сказаниями. Обращение к мифологии позволяет проследить истоки медицинской лексики и понять, каким образом древние мифологические представления о теле, болезни и исцелении закрепились в научной терминологии.

В данной статье изучили роль мифологизмов в медицинской номенклатуре и проанализировали современные тенденции относительно эпонимов в терминологии. Рассматривали тему на основе трёх разделов медицины: анатомическая, фармацевтическая и клиническая терминологии.

Анатомическая терминология некогда была полна эпонимов, отсылающих нас к мифам и легендам. Мифологический эпоним часто лучше передавал форму, функцию или «характер» анатомической структуры. Наверняка всем известен термин «Ахиллесова пята» из мифа об Ахилле. Раньше существовал анатомический термин «Ахиллесово сухожилие» (*tendo Achillis*), но сейчас он заменен на более нейтральный и не содержащий мифологизмов «пяточное сухожилие» (*tendo calcaneus),* чтобы следовать правилам анатомической номенклатуры (эпонимы рекомендовалось избегать в официальной терминологии, а с недавних пор это закреплено окончательно).

Исследовали сколько действительно существующих эпонимов осталось в медицинской терминологии. Изучив материалы с публикации новой международной анатомической номенклатуры [8], можно обнаружить, что в

настоящее время официальное латинское наименование содержит эпоним только в 2 примерах, тогда как в номенклатуре 2019 года их было 12 [4]. Сохранившиеся на сегодняшний день: *Carunculae hymenales* – лоскуты девственной плевы, в котором – Гименей божество брака в древнегреческой мифологии. И второй пример *mons veneris* – лобковое возвышение, происходит от Венеры богини красоты в римской мифологии. Второй термин можно назвать условным, так как его официальное название *mons pubis*, а эпоним остался дополнительным [8], [1].

Фармакологическая терминология также содержит множество названий мифологического происхождения. Изучая материалы, мы пришли к выводу, что ранее они были более частоупотребимые, чем сегодня. Например, термин *Mithridatium* или *Antidotum Mithridaticum* – митридатиум, противоядие Митридатого или Митридатикум-териак. Данный термин известен за счёт понтийского предания о царе Митридате VI Эвпаторе. Царь изготовил для себя противоядие из 54 различных компонентов, которое в также помогало при укусе змеёй. В последующем применялся как противоядие при отравлениях. Данный термин просуществовал в фармакопеях Европы до 19 века [3]. Термин Панацея – *panakos* в официальной медицинской терминологии никогда не состоял, но использовался как термин во времена алхимиков, которые искали средство от всех болезней, примерно до 17 века. Изначально термин произошел от имени богини Панацеи, которая являлась покровительницей лекарственного лечения [3].

Из тех эпонимов, что сохранились по сей день, можно привести в пример эфир (*Aether*). В греческой мифологии Эфир – сын Эреба (вечной тьмы) и Никты (богини ночи). Название лекарственного препарата «Циклобарбитал» (*Cyclobarbitalum*) – указывает на циклическую структуру в названиях лекарств и связан с греческим существительным *cyclos* – круг. Основой этого существительного является часть прилагательного *cyclops* – круглоглазый, которое стало названием полумонстра-получеловека Циклопа в поэме Гомера "Одиссея" [7].

Большое количество лекарственных растений имеют в названии отсылку на легенду о своем происхождении. Например, пион (*Paeonia*). Цветок получил свое название от имени Пеона (ученика древнегреческого врача Асклепия), который производил с его помощью удивительные исцеления и вылечил даже Аида, бога ада, от раны, нанесенной ему Гераклом. Этот врачебный успех вызвал сильнейшую зависть у Асклепия, и он приказал убить Пеона, но выздоровевший Бог превратил целителя в цветок, который тщательно охранялся пестрым дятлом. Он старался выклевать глаза любому, кто пытался его сорвать. и из-за этого его искали не иначе как ночью, когда дятел спал [7]. Таких примеров огромное множество, достаточно принять во внимание тот факт, что все деревья и кустарники в латинском языке женского рода (*Cedrus, i f* – кедр, *Quercus, us f* – дуб, *Amygdalus, i f* – миндаль и т.д.) [7]. Такие в некотором роде исключения из правил происходят, потому что в древности люди верили, что в деревьях живут нимфы, которые назывались "дриады", они существовали и умирали одновременно с деревом, отсюда и грамматическая принадлежность к женскому роду.

Что касается клинической терминологии, то лексика также переполнена мифологизмами разных происхождений. В наше время используется такой

термин инкубация (от лат. *Incubatio* – «возлежание»). Но во времена культа асклепия данный термин использовался, как «священный сон Асклепия» – *somnus sacer Aesculapium,* который понимался как процесс, при котором больные люди засыпали в абатоне на полу и им снился сон, в котором им снился Асклепий (жрец храма) и давал различные советы. В наше время больше используется термин медицинский инкубатор – *incubator medicus,* который необходим для выхаживания недоношенных детей [6]. А вот термин кесарево сечение – *sectio caesarea* – очень прочно закрепился в латинской терминологии. Происхождение термина закреплено в легенде, согласно которой мать Цезаря, Аврелия, умерла при родах, но ребенок был извлечен путем оперативного вмешательства – кесарева сечения. То есть термин происходит от имени Гая Юлия Цезаря – *Caesar* [2]. Также в клинической терминологии существует наука гигиена – *hygiea*. Термин произошел от имени старшей дочери Асклепия – Гигиеи. Она была богиней здоровья и ухаживала за змеями храма Асклепия. Термин прочно закрепился в латинской терминологии и в наше время обозначает науку о здоровье человека [6].

Особенно обширно количество мифологизмов в названиях психиатрических заболеваний. Термин танатофобия (лат. *thanatophobia, ae f*) означает навязчивый страх смерти. Танатос в древнегреческой мифологии – это олицетворение смерти, сын Ночи и Мрака. Эта болезненная тревога заставляет людей избегать каких-либо ситуаций и мест. Или Нарциссизм (лат. *narcissismus, i m*) – влечение субъекта к самому себе. Проявляется в любовании собственным телом, своей красотой. Термин восходит к имени персонажа древнегреческой мифологии. Нарцисс – сын речного бога Кефиса, влюбившийся в свое отражение [5]. Это одни из немногих примеров мифологизмов в клинической терминологии, полный список довольно обширный.

Вывод. Мифологические термины в медицине – это в основном историческое наследие, «окаменевшая поэзия» в языке науки. Они встречаются в каждом разделе: анатомия, клиника, фармация. Мифы выступили важным культурным и символическим ресурсом, позволившим ранним ученым и врачам образно обозначать сложные явления человеческого организма, болезней и методов лечения. Чаще всего они встречаются в клинической терминологии, исторических текстах и служат яркими мнемоническими ориентирами. Часть мифологизмов ушла из официального обихода, такая тенденция особенно заметна по анатомической номенклатуре.

Литература:

1. Ахмерова К.Р.. Фархутдинова Г.С. Эпонимы в анатомической терминологии // Белые цветы. – 2022. – IX. – С. 235-236.
2. Горелова, Л. Е. Страницы истории "кесарева сечения" / Л. Е. Горелова // РМЖ. Мать и дитя. – 2008. – Т. 16, № 19. – С. 1292. – EDN THWMHH.
3. Грибанов Э. Д. Медицина в символах и эмблемах. – М.: Медицина, 1990. – 208 с.
4. Соколова А.Ю. Деэпонимизация анатомической терминологии / А.Ю. Соколова, О.А. Орлова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №5 (143). – URL: https://research-journal.org/archive/5-143-2024-may/10.60797/IRJ.2024.143.130 (дата обращения: 10.02.2026). – doi: 10.60797/IRJ.2024.143.130

5. Стафилова, М. В. Медицинские термины-мифологизмы, обозначающие психические расстройства / М. В. Стафилова, О. В. Моргунова // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения : Материалы VI Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов, посвященной году науки и технологий, Екатеринбург, 08–09 апреля 2021 года. Том 3. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. – С. 397-402. – EDN UXNTQH.

6. Этинген Л. Е. Мифологическая анатомия : [монография]. – 2-е изд., доп. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2009. – 528 с. – ISBN 978-5-88230-219-0.

7. Dmitrieva O. N., Kolesova A. N. Pharmaceutical terminology of mythological origin // МНКО. 2019. №6 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pharmaceutical-terminology-of-mythological-origin (дата обращения: 09.03.2026).

8. Terminologia Anatomica Humana. International Federation of Associations of Anatomists. FIPAT, 2024 Режим доступа: https://ifaa.unifr.ch/ (дата обращения: 27.02.2026).

РОЛЬ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕДАЧЕ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ

Галкин П.П., Пырсин Я.А.
Научный руководитель: Машьянова Е.Е.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья посвящена анализу роли арабского языка в сохранении, развитии и передаче медицинских знаний от античной эпохи к средневековой Европе. Рассматриваются переводческие центры исламского мира, вклад арабских ученых в развитие клинической медицины, фармакологии и медицинской терминологии.*

Ключевые слова: *иностранные языки, медицина, арабский язык, латинский язык, медицинская терминология, переводческая традиция.*

Развитие мировой медицины невозможно рассматривать вне вклада арабского языка и арабо-мусульманской научной традиции, сыгравших ключевую роль в сохранении, систематизации и дальнейшем развитии медицинских знаний античности и Средневековья. Арабский язык сыграл значительную роль в формировании медицинской науки и профессиональной медицинской лексики. На арабском языке были написаны фундаментальные энциклопедические сочинения, которые на столетия стали основными медицинскими авторитетами не только в мусульманском мире, но и во всей Европе. В эпоху Средневековья арабоязычная научная традиция стала важнейшим посредником между античным наследием и европейской медициной. В трудах арабских врачей и ученых были не только сохранены и переведены сочинения многих древнегреческих и древнеримских лекарей, но и существенно расширены представления о строении человеческого тела, диагностике и лечении заболеваний.

Греческие научные и медицинские тексты переводились на арабский язык, а затем, спустя время, снова переводились на латинский. Таким образом, удалось сохранить античные учения во времена Средневековья, когда часть научных трудов прошлого была утрачена или вытеснена новыми идеями того

времени. Благодаря этому, труды Гиппократа, Галена и Диоскорида в будущем стали частью учебных программ Западной Европы. Одним из ключевых механизмов этого процесса было формирование переводческих и книжных центров в Багдаде. В популярной традиции это часто связывают с Bayt al-Hikmah («Домом мудрости») [1]. Исследователь А.Р. Аль-Авад называет его «одним из ключевых научных и переводческих учреждений средневекового исламского мира, сыгравшее исключительную роль в развитии медицины и научного знания в целом» [3].

Из известных арабоязычных ученых можно отметить врача и ученого Ибн-Сину (Авиценну) (980-1037), чей труд «Канон медицинских наук» («Al-Qanun fi al-Tibb») считался основой медицины не только в исламском мире, но и в западных странах. Эта работа на протяжении нескольких столетий использовалась в университетах Европы как основной учебник по медицине. Авиценна также вошел в историю тем, что смог систематизировать знания греческой, римской, индийской и персидской медицины. [2].

Арабская медицинская традиция не ограничивалась переводами. Были разработаны клинические описания кори и оспы, усовершенствованы методы диагностики по пульсу и моче, систематизированы фармакологические средства растительного, минерального и животного происхождения. Важно и то, что арабский мир не просто «сохранял» античное знание, но и развивал его в форме крупных медицинских сводов. Об этом свидетельствует ещё один из знаменательных этапов истории – переход знаний в латинскую Европу через переводческие центры XII–XIII вв., особенно Толедо. Там научные тексты переводили с арабского на латинский, и это напрямую повлияло на университетскую медицину. В частности, сочинение ар-Рази (Разеса) 903 г., было переведено в Толедо Герардом Кремонским (ум. 1187) и стало известно в Европе как Liber ad Almansorem [1, 180].

Ар-Рази (Разес) также создал энциклопедический труд Kitāb al-Ḥāwī («Всеобъемлющая книга по медицине» или «Духовная медицина»), который позднее активно распространялся в Европе в латинских версиях, в 1279г. труд был переведен на латинский под названием Continens Rasis [3]. В результате всех этих работ и учета трудов предшественников появились новые термины, исконно арабского происхождения. Например: «*алкоголь*» (al-kuhl), «*сироп*» (sharab), «*эликсир*» (al-iksir), «*алкали*» (al-qali), «*алхимия*» (al-kimiya), «*чахотка, туберкулез*» (sull), «*плеврит, воспаление плевры*» (ḏ-al ātğ anb), «*почка*» (kul-ya) [4].

Медицинские тексты, созданные на арабском языке, отличались высокой степенью систематизации, точностью терминологии и стремлением к рациональному объяснению патологических процессов. Многие арабские медицинские термины и понятия вошли в латинский язык, а затем закрепились в современной международной медицинской номенклатуре. Это такие термины как: «*камфора*» (camphora, от араб. kāfūr), «*тамаринд*» (tamarindus, от араб. tamr hindī – «индийский финик»), «*мускус*» (muscus, от араб. misk), «*темперамент*» (от араб. mizāj – «смесь, натура, темперамент»), «*холера*» (от араб. ḥayḍa – «желчная болезнь, расстройство желудка»), «*лихорадка*» (от араб. ḥummā – «жар, горячка») [4].

Несмотря на преобладание арабского языка в Средние века, мы можем сказать, что в современной медицинской терминологии сохранились лишь единичные арабизмы. Так, в анатомической латинской номенклатуре уцелело лишь несколько слов арабского происхождения. Помимо этого, появились термины, пришедшие из арабского языка из-за ошибочной интерпретации переводчиков. Так, с неверным пониманием переводчиками арабских наименований связан и латинский неологизм «*retina*», которому соответствовало слово «*rescheth*». Ошибочное отождествление его с латинским словом «*rete*» «*сеть*» и явилось причиной создания переводчиком неологизма «*retina*» как «*сетчатка*». По мнению специалистов, такое значение связано именно с ошибкой при переводе [2].

Х.И. Бани, О.Г. Олехнович в своей работе дают больше примеров арабизмов. Некоторые из них – это твердая и мягкая мозговые оболочки. На латинском языке «*dura mater*» и «*pia mater*», при дословном переводе которых мы видим «*твердая мать*» и «*мягкая мать*». Причиной такого перевода кроется то, что *mater* обозначает не только «*мать*», но и вообще «*источник, основа*». Лингвисты отмечают, что причиной такого выбора слова послужила восточная традиция [2].

Представленные выше примеры демонстрируют нам насколько сильно арабский язык оказал влияние на становление и развитие мировой медицинской науки и профессиональной медицинской терминологии. Арабоязычная медицинская традиция не ограничивалась сохранением античного наследия, а внесла самостоятельный вклад в развитие клинического мышления, фармакологии и медицинской классификации. Осмысление роли арабского языка в медицине позволяет рассматривать медицинскую терминологию как результат длительного межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Изучение роли арабского языка в медицине позволяет глубже понять исторические механизмы развития медицинского знания и эволюцию профессионального медицинского языка.

Литература:

1. Аль-Авад А. Р. Предпосылки становления арабской средневековой научной терминологии в трудах арабских ученых как особый переход к научному знанию. №4, 2023, с. 180-189.

2. Бани, Х. И. Термины арабского происхождения в русской медицинской терминологии / Х. И. Бани, О. Г. Олехнович. – Текст: электронный // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: сборник статей I Международной (71 Всероссийской) научно-практической конференции молодых ученых и студентов, 13-15 апреля 2016 г. Т. 1. – Екатеринбург, 2016. – С. 671-674.

3. Герасимов И. В., Акель Я. Х. Медицинские термины в арабском *трактатекitāb al-mi'a fi al-ṭibb* («сто книг по врачебному искусству») абу сахла исы б. Йахьи ал-масихи (XI в.) // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-terminy-v-arabskom-traktatekit-b-al-mi-a-fi-al-ibb-sto-knig-po-vrachebnomu-iskusstvu-abu-sahla-isy-b-yahi-al-masihi-xi (дата обращения: 11.02.2026).

4. Чернявский М.Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. / под ред. Б.В. Петровского. М. : Сов. энциклопедия, 1984. Т. 3. С. 411-425.

Раздел 3
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Тимофеева Ю.А., Корбан В.В.
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Аннотация: *Учебное пособие Ю. А. Тимофеевой и В. В. Корбан посвящено формированию профессиональной языковой компетенции студентов в сфере связей с общественностью на португальском языке. Пособие учитывает специфику иберийского и бразильского вариантов языка, охватывает ключевые темы PR-коммуникации и направлено на развитие навыков устной и письменной профессиональной речи и перевода.*

Ключевые слова: *португальский язык, связи с общественностью, МГИМО.*

Необходимость написания учебного пособия преподавателей кафедры романских языков МГИМО (У) МИД России Тимофеевой Ю.А. и Корбан В.В. под названием “Португальский язык. Социальная коммуникация. Учебное пособие для студентов 3-4 курсов факультета журналистики, специализирующихся в сфере рекламы и связей с общественностью (Уровни B2-C1)” обусловлена интенсификацией российско-бразильских связей в последние годы, что проявляется на политическом уровне в рамках многосторонних форматов (БРИКС, ООН), в экономике и в академической сфере.

В МГИМО наблюдается устойчивый рост интереса к изучению португальского языка. В 2025/2026 учебном году университет насчитывал 17 групп, изучающих португальский язык в качестве первого иностранного языка, 13 групп – второго и 4 группы – третьего, то есть примерно 250 человек. Ежегодно студенты первого курса факультета Международной журналистики на кафедре связей с общественностью начинают изучение португальского языка как первого иностранного. Кроме того, в 2024 г. в МГИМО начал работать лектор Института Гимараинса Розы Жуау Паулу Медина, благодаря чему институт стал аккредитованной площадкой для проведения международного экзамена по португальскому языку Celpe-Bras [13].

На кафедре романских языков в МГИМО ранее были разработаны учебные материалы для подготовки специалистов-международников, владеющих португальским языком, в разных профессиональных сферах: политический перевод [3, 10, 11], экономический перевод [7, 8], деловое общение [9], дипломатическая переписка [4], перевод с сфере спорта [5].

В области PR-коммуникаций в МГИМО разработаны и используются в образовательном процессе следующие учебники и учебные пособия: «Испанский язык. Язык профессии. Связи с общественностью» [6], «Английский язык. Современные связи с общественностью = Modern Public Relations: уровни B2–C1» [1], «Английский язык. PR and Business: A Beginner's Guide: уровни B1+/B2» [2].

Учебное пособие Тимофеевой Ю.А. и Корбан В.В. [12] является первым изданием по связям с общественностью на португальском языке и отвечает современным запросам в условиях роста популярности профессии специалиста по связям с общественностью и активного развития медиакоммуникаций.

Учебное пособие разделено на 12 уроков, посвященных актуальным темам в сфере связей с общественностью: их истории, пиару в организациях и государственных структурах, пиар агентствам, этическим основам пиар, кризисному управлению, брендингу, новым медиа, пиару в странах БРИКС.

Структура уроков направлена на формирование и развитие профессиональной языковой компетенции: освоение специализированной лексики, развитие навыков устной и письменной речи, выполнение переводов, а также знакомство с особенностями профессионального дискурса в Португалии и Бразилии и углубление страноведческих знаний.

Каждый урок включает в себя профессионально ориентированный текст по теме урока, тематический словарь, лексические и грамматические комментарии. Затем новая лексика отрабатывается в упражнениях: вопросы по прочитанному тексту, лексические упражнения на поиск определений к профессиональным терминам, заполнение пробелов подходящими по смыслу словами и выражениями, предложения на перевод с активной лексикой. Далее предлагаются два дополнительных текста, раскрывающих разные аспекты темы урока, к которым также предлагаются вопросы для обсуждения и лексические упражнения. Для закрепления активной лексики урока составлены упражнения на устный и письменный перевод с португальского и с русского языков, устный перевод терминов поочередно с русского и португальского языков в быстром темпе и двусторонний перевод. Предполагается, что успешное выполнение лексических заданий позволит студентам подготовить устное сообщение на одну из предложенных тем и выполнить письменный перевод профессионально ориентированного текста с русского на португальский язык.

Иберийский и бразильский варианты португальского языка демонстрируют заметные расхождения в профессиональной лексике медиа сферы [14, 1], что особенно ярко проявляется в терминологии, связанной с коммуникацией и журналистикой. В учебном пособии подобраны тексты как на иберийском, так и на бразильском вариантах португальского языка, что соответствует цели авторов – подготовить студентов к профессиональной деятельности в сфере коммуникаций и связей с общественностью в любой португалоязычной стране.

В этом контексте особое значение имеет приложение с тематическим словарем, включающим наиболее используемые термины в сфере связей с общественностью и их эквиваленты в иберийском и бразильском вариантах португальского языка.

Так, авторы указывают, что термин «средства массовой информации» может быть переведен как *os m**e**dia, os m**é**dia* (используются в Португалии), *a m**í**di*a, реже – *as m**í**dias* (в Бразилии), а также через синонимичные выражения *os meios de comunicação* и *os meios de comunicação social,* используемые в более формальном контексте.

Наряду с общеупотребительным в Португалии термином *porta-voz,* в Бразилии используются варианты *assessor* и *assessor de imprensa* для обозначения “пресс-секретаря”; пресс-конференция в европейском варианте – это *conferência de imprensa,* тогда как в бразильской норме закрепились варианты *coletiva de imprensa* и *entrevista coletiva*. Аналогичные различия наблюдаются в сочетаниях *guerra m**e**diática* (pt[1]) и *guerra m**i**diática* (br[2]) – “информационная война”, а также когда речь идет о намеренном распространении дезинформации – *notícias falsas* (pt) и заимствованное из английского языка *fake news* (br).

В сфере PR-коммуникации сосуществуют термины для обозначения “пресс-релиза” или “сообщения для прессы” – *comunicado de imprensa* (pt) и *press release / release* (br), при этом термин *publicidade* – “реклама” – является общеупотребительным в Португалии и в Бразилии, тогда как использование термина *propaganda* в значении “реклама” в современном употреблении характерно только для Бразилии, в Португалии – это “пропаганда”.

Систематизация подобных различий имеет принципиальное значение для подготовки специалистов в сфере международной коммуникации. В связи с этим разработанный авторами учебник представляет особую ценность для студентов-международников. Он не только фиксирует нормативные расхождения между иберийским и бразильским вариантами португальского языка, но и последовательно раскрывает нюансы профессиональной лексики, формируя у обучающихся межвариантную компетенцию, необходимую для эффективной работы в медиасреде.

Таким образом, учебное пособие Тимофеевой Ю. А. и Корбан В. В. представляет собой актуальный и методически выверенный инструмент подготовки специалистов в сфере связей с общественностью, владеющих португальским языком на продвинутом уровне. Издание сочетает лингвистическую, профессиональную и страноведческую составляющие и отвечает современным образовательным и практическим потребностям студентов-международников.

Литература:

1. Английский язык. Современные связи с общественностью = Modern Public Relations: учебное пособие: уровни B2–C1 / О.К. Ильина, А.А. Тычинский, Т.А. Ивушкина [и др.]; под ред. О.К. Ильиной; МГИМО МИД РФ, Кафедра английского языка №3. – Москва: МГИМО-Университет, 2024. – 199, [2] с. – ISBN 978-5-9228-2925-0. – Текст: непосредственный.

2. Английский язык. PR and Business: A Beginner’s Guide: учебное пособие: уровни B1+/B2 / Н.Р.Абиева, В.Э.Беляева, М.М.Конколь [и др.]; под редакцией А.А.Тычинского,

[1] португальский вариант

[2] бразильский вариант

Н.Р.Абиевой; МГИМО МИД РФ, Кафедра английского языка №3. – Москва: МГИМО-Университет, 2024. – 129 с. —ISBN 978-5-9228-2893-2. – Текст: непосредственный.

3. Астахова Е.В. Португальский язык. Общественно-политическая лексика: активный словарь: термины и идиоматика: приложение к учебнику «Португальский язык. Перевод и общественно-политическая лексика» / Е.В. Астахова, М.С. Хван; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков имени Т.З. Черданцевой. – Москва: МГИМО-Университет, 2024. – 410, [1] с. – (Иностранные языки в МГИМО). – ISBN 978-5-9228-2825-3. – Текст: непосредственный.

4. Воронова А.Г. Португальский язык для дипломатов: дипломатическая переписка, официальное общение, документы: уровни B2-C1: учебное пособие / А.Г. Воронова, О.Л. Гренадерова, Г.Р. Галискаров; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков им. Т.З. Черданцевой. – Москва: МГИМО-Университет, 2016. – 248 с.

5. Воронова А.Г. Португальский язык в мире спорта. Часть 1. Футбол: учебное пособие / А.Г. Воронова, О.Л. Гренадерова; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков им. Т.З. Черданцевой. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 343 с.

6. Гусева И.В. Испанский язык. Язык профессии. Связи с общественностью.:учебное пособие / И.В. Гусева, И.И. Горелая; МГИМО МИД РФ, Кафедра испанского языка. – Москва : МГИМО-Университет, 2016. – 204 с. – ISBN 987-5-9228-1458-4.

7. Коновалова М.П. Учебное пособие по экономическому переводу. Португальский язык / М.П. Коновалова; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков им. Т.З. Черданцевой. – М.: МГИМО-Университет, 2004. – 239 с.

8. Коновалова М.П. Португальский язык для экономистов: учебник: уровни B2-C1 / М.П. Коновалова; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков им. Т.З. Черданцевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МГИМО- Университет, 2016 [1]. – 166 с. – (Иностранные языки в МГИМО / [ред. совет серии: А.В. Торкунов /пред./ и др.]

9. Петрова Г.В., Селиверстов С.С. Деловой португальский = Português de negócios / Г.В. Петрова, С.С. Селиверстов. – М.: Филоматис – Омега-Л, 2014. – 287 с.

10. Португальский язык. Перевод и общественно-политическая лексика: учебник. В двух частях: уровни B2–C1. Часть 1 / Е.В. Астахова, Г.В. Петрова, М.С. Хван; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков имени Т.З. Черданцевой. – Москва: МГИМО-Университет, 2021. – 249 [1] с. – (Иностранные языки в МГИМО). – ISBN 978-5-9228-2382-1. – Текст: непосредственный.

11. Португальский язык. Перевод и общественно-политическая лексика: учебник. В двух частях: уровни B2–C1. Часть 2 / Е.В. Астахова, Г.В. Петрова, М.С. Хван; МГИМО МИД РФ, Кафедра романских языков имени Т.З. Черданцевой. – Москва: МГИМО-Университет, 2021. – 219 [1] с. – (Иностранные языки в МГИМО). – ISBN 978-5-9228-2383-8 (ч. 2). ISBN 978-5-9228-2381-4. – Текст: непосредственный.

12. Тимофеева Ю.А. Португальский язык. Социальная коммуникация. Учебное пособие для студентов 3-4 курсов факультета журналистики, специализирующихся в сфере рекламы и связей с общественностью. Уровни B2-C1 / Ю.А. Тимофеева, В.В. Корбан; под ред. А.Г. Вороновой. – Москва: Прометей, 2025. – 264 с. – ISBN 978-5-00172-750-7. – Текст: непосредственный.

13. МГИМО получил аккредитацию INEP при Министерстве образования Бразилии для проведения международных экзаменов по португальскому языку. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/inep/ (дата обращения: 12.02.2026).

14. Diego Alves. 2025. Information Theory and Linguistic Variation: A Study of Brazilian and European Portuguese. In Proceedings of the 12th Workshop on NLP for Similar Languages, Varieties and Dialects, pages 9–19, Abu Dhabi, UAE. Association for Computational Linguistics.

SCIENTISTS' VIEWS ON COMMUNICATION IN THE SPHERE OF EDUCATION

Skalkina O.E., Kopylova N.A.
MPEI, Moscow, Russia

Abstract: *The article examines the views of scientists, teachers, and philosophers on education, and compares them with the current state of higher education. The article presents the results of a study on education conducted among teachers and students of MPEI.*

Keywords: *education, higher education, views of scientists, theory, practice.*

Introduction. Herbert Spencer is a well-known English philosopher and sociologist who played an important role in shaping Western philosophical thought in the 19th century. Among his most notable ideas is the statement that "the great goal of education is not knowledge, but action". At first glance, this statement may seem like a challenge to modern traditional views on education, because often the main goal of any educational institution is to provide knowledge.

In this paper, we explore H. Spencer's concept, its relevance for education and practical application in our days. By reviewing academic literature in Russian and English, conducting a public opinion poll and comparing views from different educational traditions, we will appreciate the role of knowledge and action in learning. In addition, the results of an experimental study will be provided, confirming the idea that active involvement improves the educational process.

Review of scientific literature

To fully understand H. Spencer's point of view, it is necessary to study its philosophical basis and connection with modern educational theories. In his book "Education: Intellectual, Moral and Physical", H. Spencer argues that education should not be limited to the knowledge accumulation; rather, it should develop critical thinking, practical skills and social activity. This view contradicts traditional learning models, which emphasize the assimilation of a large number of theories.

Despite the model of knowledge transfer that we currently have, numerous studies support the idea that the active participation of students improves the learning process. Scientists such as John Dewey and Paulo Freire have ruined these ideas, advocating experimental training and dialogue education. For example, J. Dewey emphasized that education should be based on real life experience, allowing students to put theoretical concepts into practice.

Similar principles can be found in Russian educational thought. The works of Vasily Sukhomlinsky and Anton Makarenko also emphasize the need to combine theoretical training with practical application. V. Sukhomlinsky, in particular, argues that knowledge alone is not enough for personal development if it is not supported by experience and is not focused on the public good.

Comparative analysis of Russian and Western approaches to education

A comparison of Russian and Western educational philosophies reveals some key differences in their emphasis on knowledge and action.

Western educational thought, influenced by the Enlightenment, attaches great importance to critical thinking and practical application of knowledge. Philosophers such as J. Dewey, P. Freire and H. Spencer emphasize the importance of learning through action and personal experience. J. Dewey viewed education as a continuous problem-solving process in which students actively interact with the environment rather than passively receiving information.

For most of its history, the Russian educational system has focused on theoretical training. However, in recent decades there has been a shift towards the model of theory with practice. V. Sukhomlinsky and A. Makarenko, among others, emphasized the importance of education in the formation of a person's ability to act effectively in society. In addition, Russian pedagogy traditionally links education with moral development, focusing on the holistic formation of a personality ready to contribute to the common good.

Public opinion poll

To get an idea of modern views on the relationship between actions and knowledge in education, we conducted a survey among students and teachers of National Research University "Moscow Power Engineering Institute". About 100 people took part in the survey, of which about 60% were students and 40% were teachers.

The results showed that the majority (72%) believe that education should be aimed at developing the ability to act, and not just on memorizing the theory. Students, in particular, emphasized the importance of personal experience, internships, industrial practices and the application of the knowledge gained in real conditions. The teachers also recognized that traditional approaches based on theory are not enough in themselves to prepare students for professional life.

However, 28% of respondents believe that education should primarily focus on acquiring knowledge. This point of view was more common among experienced educators, who argued that a solid theoretical basis was necessary for long-term professional growth (Копылова и др., 2024).

Experimental study

To further study the impact of action-oriented education at the university, we conducted an experiment. Two groups of students participated in it: one followed the traditional curriculum, and the other participated in a program that focused on active learning through practical project activities.

The results showed that the students who did the project coped better with the solution of practical problems and demonstrated a deeper understanding of the material. These results confirm Spencer's argument that education should not be limited to theoretical training, but should also give students the opportunity to effectively apply knowledge in real-world situations (Романовская и др., 2024).

Conclusion. Herbert Spencer's statement that "the great goal of education is not knowledge, but action" remains relevant in education even in our time. A review of scientific literature, public opinion data and experimental research confirms that an active, experience-based approach significantly improves learning outcomes and better prepares students for real-life issues.

Литература:

1. Копылова Н.А., Слепнева М.А., Яруллина Ж.А., Романовская Е.А. Сопоставительный анализ внутренних коммуникационных процессов в гуманитарном и техническом вузах на международном уровне // Обучение иностранному языку для профессиональных целей: традиции, инновации и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2024. С. 243-252.

2. Романовская Е.А., Копылова Н.А., Слепнева М.А., Яруллина Ж.А. Особенности взаимодействия между участниками образовательного процесса в учреждении высшего образования (на примере МГЛУ, Беларусь и МЭИ, Россия) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. 2024. № 1 (45). С. 24-34.

THE GRAMMAR OF DIAGNOSIS: DOCTOR'S SYNTAX SHAPING PATIENT'S PERCEPTION

Kuznetsov D.R.
Scientific supervisor: Krutova I.Yu.
Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: *This article explores the role of syntactic structures and grammatical choices in doctor-patient communication, focusing on how the formulation of a diagnosis can influence patient's perception, comprehension, and psychological state. The study highlights the risks of iatrogenic harm caused by poorly constructed speech and outlines main principles of ethical and productive medical communication based on up-to-date research in linguistics, medical deontology and psychology.*

Keywords: *syntax, nominalization, linguistic obstacles, iatrogenesis, paralinguistic elements, medical deontology, BREAKS protocol.*

The moment of learning the initial diagnosis is probably the most pivotal stage in the patient's journey, a point where information becomes a powerful force capable of shaping hope, understanding and future cooperation. However, the smooth transfer of this information is not a simple task. It is mediated and profoundly influenced by language and specifically, by the syntactic and lexical choices of the physician. The structure of a medical explanation – its syntax and vocabulary – is not merely a formality but an active agent that constructs the patient's reality. Effective communication is a recognized cornerstone of patient-centered care, directly linked to improved satisfaction, better treatment, and superior clinical outcomes. However, failure in this area can lead to more than simple confusion; it can create a form of iatrogenic harm where anxiety, misunderstanding and a sense of alienation become unintended consequences of the clinical encounter and sometimes it can even lead to severe disorders. A diagnosis delivered with overcomplicated phrases or a syntactic structure that distances the physician from the patient can damage trust and therapeutic unity as significantly as a pharmacological or medical error.

This report will explore how the syntax and structure of a doctor's speech shape patient's perception, the potential risks of misunderstanding and the principles of constructing clear, empathetic and effective communication.

Syntax, the arrangement of words and phrases creating well-formed sentences, is a fundamental mechanism of human communication. In professional areas, especially in medicine, syntactic choices can either clarify or vague the meaning. Research in linguistics and rhetoric shows that complex sentences, passive voice, nominalizations and medical jargon can create barriers to comprehension [11, 12].

Nominalizations (converting verbs to nouns: e.g., "to examine" becomes "the examination") clearly shows this phenomenon. While useful in academic writing, excessive nominalization in clinical speech creates abstraction and detachment. "We will conduct an investigation of the symptoms" distances the physician form the action whereas "We will investigate your symptoms" conveys collaborative engagement [11]. Passive voice constructions are also undesirable. "The procedure will be performed" is much drier than "I will perform the procedure" that establishes clear responsibility and builds trust [11]. Another aspect is sentence complexity. Long phrases can easily overwhelm working memory of already anxious patients. The research confirms that syntactic simplicity and straightforward sentence structures significantly improve patient's recall of medical information and commitment to treatment recommendations. A patient who cannot accurately remember instructions cannot implement them [8, 9, 13].

Medical communication differs fundamentally from everyday conversations due to the three factors: the asymmetry of specialized knowledge between a doctor and a patient, patient's emotional vulnerability and potentially life-alerting consequences of the new information [11, 13]. Physicians operate within a professional "sub-language" that often creates barriers for patients. Researchers identify four layers of **linguistic obstacles**: specialized jargon (lexis), ambiguous meanings (semantics), fancy sentence structures (syntax) and poor logical flow (coherence) [8; 11]. These barriers can trigger linguistic **iatrogenesis** – harm caused by the physician's words themselves: what is said, how it is said and what remains unspoken. A classic case illustrates this vulnerability: a patient believed he was diagnosed with a fatal condition called "flucky" after the doctor remarked he "got off lucky" [8,11, 12]. Other specific elements, like passive and indifferent constructions create fatalism and induce psychological trauma. **Paralinguistic elements** like pitch, volume and speed of speech are also clinically significant. Poorly delivered diagnosis can cause anxiety, depression and helplessness. In some susceptible patients it can even invoke psychosomatic symptoms – so-called "nocebo effect" [8, 9, 11].

So, knowing all of the potential dangers, what is the right way for doctors to structure their speech? Well, the answer emerges from combining **medical deontology** (an ethical theory using rules to distinguish right from wrong) with professional communication protocols. Contemporary medical ethics rests on four pillars: respect for autonomy, beneficence (generosity), non-maleficence (no-harm) and justice [7].

Among the most rigorously approved foundations for delivering significant medical information is the **BREAKS protocol** – a six-stage framework that guides physicians through diagnostic conversations systematically and humanely [9]. Each stage carries distinct meaning:

"B" (background) – the review of patient’s emotional state, cultural background, etc.;

"R" (rapport) – open-ended questions;

"E" (explore) – carefully constructed interrogatives;

"A" (announce) – three techniques: a preparatory "warning shot" for emotional bracing; plain language in short sentences and at the end patient’s consent to proceed;

"K" (kindling) – understanding and support;

"S" (summarize) – check-back questions [10, 11, 13].

Beyond structured protocols, effective communication requires paraphrasing, labeling and asking clarifying questions. These techniques transform monologue into a dialogue that also builds patient’s trust and cooperation. Is also important to take into the account cultural and generational syntax. For example, younger patients may positively respond to collaborative and conditional syntax while older ones may prefer clearer and more direct instructions [13]. But one way or another, it is important to find a unique approach to each patient.

So, **the main conclusion** is that the “grammar of diagnosis” is more than linguistic details – it is a vital component of effective medical practice. Syntactic choices directly influence how patients perceive their health, understand their options, and engage in treatment. By applying principles of clear, empathetic and structured communication, physicians can minimise iatrogenic harm, gain patient’s trust and overall improve clinical outcomes. In the modern healthcare environment where patient’s autonomy and psychological well-being are increasingly valued, mastering the “art” of speech is not optional but essential. Future training for medical professionals should definitely integrate linguistic and communication skills as core elements of clinical education [1-6].

References:

1. Воронец, С. М. Развитие навыков речи при обучении по индивидуальой траектории / С. М. Воронец, А. Н. Павлова, И. Ю. Крутова // Языковой дискурс в социальной практике : Материалы международной научно-практической конференции, Тверь, 05–06 апреля 2024 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – С. 25-31. – EDN SPWYHL.

2. Крутова, И. Ю. Методологический анализ познавательной активности студентов медицинского вуза в процессе овладения иностранным языком / И. Ю. Крутова // Европейский журнал социальных наук. – 2013. – № 8-2(35). – С. 92-100. – EDN RFKHOV.

3. Крутова, И. Ю. Формирование познавательной активности студентов в процессе обучения иностранному языку (на примере медицинского вуза) : специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Крутова Ирина Юрьевна. – Карачаевск, 2017. – 22 с. – EDN ZQEOGT.

4. Крутова, И. Ю. Субъектно-деятельностный подход к формированию познавательной активности студентов / И. Ю. Крутова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2016. – № 1(12). – С. 27-34. – EDN VRNRZV.

5. Крутова, И. Ю. Реализация принципа сознательности и активности обучающихся на занятиях по профессионально- ориентированному иностранному языку в медицинском вузе / И. Ю. Крутова, Л. М. Царева // Обучение иностранным языкам – современные проблемы и решения: сборник материалов II Международной научно-практической конференции имени Е.Н. Солововой, Москва, 06 ноября 2020 года / под ред. А.Е. Казеичевой, И.В. Хитровой [и др.]. – Обнинск: Издательство "Титул", 2021. – С. 220-224. – EDN OSMKAS.

6. Мозговой штурм как эффективный способ стимулирования творческой активности студентов на занятиях по профессионально-ориентированному иностранному языку / И. Ю. Крутова, И. С. Балова, А. Н. Павлова, С. М. Воронец // Актуальные проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Рязань, 05 апреля 2024 года. – Рязань: ИП Коняхин А.В., 2025. – С. 58-61. – EDN GARMPN.

7. Buckman, R. *How to Break Bad News: A Guide for Health Care Professionals*. Johns Hopkins University Press, 2014. URL: https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=49615 (дата обращения: 25.01.2026)

8. Conti, A. The evolution of the Italian Code of Medical Deontology: From paternalism to patient autonomy. *Journal of Medical Ethics*, 2017;43(2):45–52. URL: https://jme.bmj.com/content/43/2/45 (дата обращения: 09.02.2026).

9. Fallowfield, L., & Jenkins, V. Communicating sad, bad, and difficult news in medicine. *The* 2004;363(9405):312–319. URL: https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(03)15392-5/fulltext (дата обращения: 10.02.2026).

10. Langewitz, W., Denz, M., Keller, A., Kiss, A., Rüttimann, S., & Wössmer, B. Spontaneous talking time at start of consultation in outpatient clinic: cohort study. *BMJ*, 2002, 325(7366), 682–683. URL: https://www.bmj.com/content/325/7366/682 (дата обращения: 09.02.2026).

11. Makoul, G. Essential elements of communication in medical encounters: The Kalamazoo consensus statement. *Academic Medicine*, 2001, 76(4), 390–393. URL: https://journals.lww.com/academicmedicine/fulltext/2001/04000/essential_elements_of_communication_in_medical.21.aspx (дата обращения: 11.02.2026).

12. National Institutes of Health (NIH). Doctor-Patient Communication: A Review of the Evidence. *PMC PubMed Central*, 2022. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8976543/ (дата обращения: 07.02.2026).

13. Street, R. L., & Haidet, P. How well do doctors know their patients? Factors affecting physician understanding of patients' health beliefs. *Journal of General Internal Medicine*, 2011, 26(1), 21–27. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11606-010-1453-3 (дата обращение: 07.02.2026).

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH CLASSES AT A MEDICAL UNIVERSITY

Sergeeva A.A.
Scientific supervisor: Krutova I.Yu.
Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: *The article examines the potential of using artificial intelligence in teaching English to medical students.*

Keywords: *artificial intelligence, English language, medical education, digitalization, intercultural communication, adaptive learning, language technologies, educational platforms.*

In today's globalized healthcare environment, English language proficiency is becoming not just an advantage, but a necessary professional skill for every healthcare professional. Traditional methods of teaching English in medical schools face a number of significant limitations: a limited number of study hours, a high cognitive burden on students and the complexity of specialized medical terminology require the search for innovative solutions.

Artificial intelligence (AI) opens up new horizons in the personalization of the educational process [1, 5, 6]. Adaptive systems allow you to customize the content to each student's level, chatbots provide round-the-clock language practice, and error analysis algorithms help effectively eliminate individual knowledge gaps [10]. The issue of integrating these technologies into the educational process of a medical university is becoming particularly relevant.

Current trends in the development of medical education require rethinking traditional approaches to teaching language competencies [2-4]. The need for constant updating of knowledge, access to international research and the opportunity to participate in global medical projects make the issue of introducing innovative technologies into the educational process particularly relevant.

The **aim** of this study is to identify effective ways to integrate AI into the process of teaching English language to medical students.

According to this, **the following tasks** were set:

1) to study the practice of using AI tools among medical students when learning English;

2) to identify the advantages and disadvantages of using AI to learn medical English;

3) to formulate recommendations for combining AI and traditional teaching methods.

The **material** of the study was selected from original medical sources. **Research methods** include empirical – questionnaire (survey in Google form) and theoretical – comparative analysis of the data obtained.

The study puts forward the hypothesis of a synergy of traditional and digital methods: AI does not replace the professor, but enhances the effectiveness of classes.

The study was conducted among the 1st and 2nd year students of our university. The students were asked to answer 4 yes/no questions and 1 question with a detailed answer. 50 students took part in the survey: 20 1st year students and 30 2nd year students.

The yes/no questions were as follows:

1) Have you ever used artificial intelligence tools to learn English?

2) Do you think that AI can effectively replace traditional methods of learning medical English (for example, textbooks, classes with a professor)?

3) Are you interested in using AI-based platforms (for example, virtual tutors or adaptive learning systems) in your future English classes?

4) Have you encountered any difficulties or limitations when using AI tools to learn English?

The students also answered one detailed question: How do you think artificial intelligence can improve the process of learning English at a medical university? Please describe specific tools, scenarios or benefits.

According to the results, 64% of students are already using AI tools (translators, text generators, language applications), 73% do not consider AI a full-fledged substitute for a teacher, but see it as an auxiliary resource, 71% expressed willingness to use AI platforms in the classroom and 82% did not encounter significant difficulties when working with technology.

According to the students, the key advantages of artificial intelligence are:

6. automatic grammar correction – instant analysis of errors in medical texts;

7. personalized exercises – adapting the difficulty to individual progress;

8. dialogue simulation – practicing medical consultations in English with chatbots;

9. terminological simulators – memorization of highly specialized vocabulary through interval repetition;

10. listening to real cases – analysis of audio recordings of medical rounds with subtitles and explanations.

There are also limitations [7]:

1) insufficient accuracy of translation of medical terms;

2) lack of emotional interaction;

3) dependence on the quality of the Internet connection.

The results confirm the hypothesis. Contextual learning (task generation based on clinical cases), micro-learning (short sessions of 10-15 minutes to memorize terminology), and progress analysis (visualization of each student's weaknesses) are especially valuable for medical education.

These are some integration recommendations:

1) introduction of hybrid formats (lecture + AI practice);

2) development of specialized medical text corpora for training models;

3) teaching educators how to work with AI tools.

So, **the main conclusion** is the following**:** medical students actively use AI to learn English, but remain critical of its capabilities. The most promising areas are adaptive terminology simulators and simulation of professional dialogues [8]. Effective integration requires consideration of the specifics of medical communication, a combination of digital and traditional methods, and constant monitoring of the quality of AI content [9]. Further research may be aimed at creating reference AI solutions for medical English with verified terminology.

References:

1. Воронец, С. М. Развитие навыков речи при обучении по индивидуальной траектории / С. М. Воронец, А. Н. Павлова, И. Ю. Крутова // Языковой дискурс в социальной практике: Материалы международной научно-практической конференции, Тверь, 05–06 апреля 2024 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – С. 25-31. – EDN SPWYHL.

2. Крутова, И. Ю. Формирование познавательной активности студентов в процессе обучения иностранному языку (на примере медицинского вуза): специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Крутова Ирина Юрьевна. – Карачаевск, 2017. – 193 с. – EDN NZMHDI.

3. Крутова, И. Ю. Моделирование процесса формирования познавательной активности студентов медицинского вуза на занятиях по иностранному языку / И. Ю. Крутова // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – № 3-2(42). – С. 112-119. – EDN SHNHQN.

4. Крутова, И. Ю. Развитие познавательной активности в процессе преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка для будущих специалистов в области медицины / И. Ю. Крутова // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе: материалы Международной научно-практической конференции, Рязань, 21–22 марта 2013 года / отв. ред.: Е.Е. Сухова, Т.В.

Ризина. – Рязань: Издатель Ситников, 2013. – С. 45-49. – EDN THPBTN.

5. Профессиональная языковая подготовка студентов в условиях трансформации высшего образования / А. В. Ельцов, Л. Ф. Ельцова, Л. П. Костикова [и др.]. – Москва: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2024. – 186 с. – ISBN 978-5-88045-630-7. – EDN SBARJB.

6. Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе : Сборник материалов III Межвузовской научно-практической конференции (Москва, 10-11 апреля 2020 г.), Москва, 10–11 апреля 2020 года / отв. ред.: М.А. Чигашева, Е.А. Зимина; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра немецкого языка. – Москва: МГИМО-Университет, 2020. – 372 с. – ISBN 978-5-9228-2347-0. – EDN HNZZUO.

7. Akinsemolu A., Onyeaka H. The Role of Artificial Intelligence in Transforming Language Learning: Opportunities and Ethical Considerations // Journal of Language and Education. – 2025. – Vol. 10, No. 2. – P. 148–152.

8. Tao G., Pan Yu. AI-Driven Personalized Learning in Medical Education: Enhancing Cognitive Skills and Addressing Language Proficiency Challenges // Forum for Linguistic Studies. – 2025. – Vol. 7, Issue 4. – P. 366–384. DOI: https://doi.org/10.30564/fls.v7i4.8932

9. Varma J.R., Fernando S., Ting B.Y., Aamir S., Sivaprakasam R. The Global Use of Artificial Intelligence in the Undergraduate Medical Curriculum: A Systematic Review // Cureus. – 2023. – Vol. 15, No. 8. – P. 1-25.

10.Warschauer M. Computer-Assisted Language Learning: An Overview // Multimedia Language Teaching. – 2023. – Vol. 25. – P. 15–42.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КИТАЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Вэнь Нинюй
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В условиях стремительной цифровизации образования генеративные нейронные сети становятся важным инструментом трансформации процесса преподавания искусства. Данное исследование фокусируется на анализе опыта внедрения технологий искусственного интеллекта в преподавание изобразительного искусства в китайских университетах. Опираясь на существующую образовательную практику и личный опыт использования инструментов на основе нейронных сетей (генерация изображений, восстановление архивных фотографий), рассматриваются педагогические возможности и ограничения искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *нейросети; изобразительное искусство; высшее образование Китая; ИИ-реставрация; человеко-машинное сотворчество; цифровая педагогика*.

Мы живем в эпоху, когда граница между человеческим творчеством и алгоритмической генерацией становится всё более проницаемой. С момента прорывного появления ChatGPT в конце 2022 года генеративный искусственный интеллект (ИИ) перестал быть экзотическим инструментом и превратился в неотъемлемую часть образовательного ландшафта. Китай, активно

реализующий стратегию цифровизации образования, демонстрирует показательный пример интеграции ИИ-технологий в учебный процесс. В системе высшего образования Китая также происходят значительные изменения. В Хуачжунском университете науки и технологии разработана первая в Китае супервычислительная платформа для художественного образования ARTI Designer, которая за первые четыре месяца работы привлекла более 340 тысяч пользователей из 362 университетов и предприятий.

Однако за впечатляющими цифрами и технологическими инновациями скрывается фундаментальный педагогический вопрос: как сохранить творческую субъектность студента-художника в мире, где машина способна генерировать тысячи изображений в секунду? Данное исследование предлагает взгляд на эту проблему через призму личного опыта автора.

Нейросети в художественном образовании

Рынок нейросетей для создания изображений предлагает сегодня широкий спектр инструментов – от специализированных западных платформ до отечественных разработок, адаптированных под специфику китайского языка и культурного контекста.

Западные платформы – Midjourney, достигшая к 2025 году версии 7, остается эталоном качества генерации, однако её использование в Китае сопряжено с техническими сложностями (необходимость VPN, оплата подписки иностранной картой). DALL-E 3 от OpenAI также демонстрирует высокое качество фотореалистичных изображений, но требует подписки ChatGPT Plus. Stable Diffusion XL привлекает пользователей открытым кодом и возможностью тонкой настройки.

Китайские разработки – Особого внимания заслуживает экосистема нейросетей семейства Kandinsky от Сбера, которая активно используется в образовательных целях благодаря поддержке русского и китайского языков, а также доступности через Telegram-ботов. Платформа ARTI Designer, разработанная под руководством профессора Цай Синьюаня в Хуачжунском университете, представляет собой уникальный пример специализированного образовательного решения. Она поддерживает генерацию изображений и видео по текстовому описанию, а в обновленной версии ARTI Designer XL разработчики внедрили обширную базу китайской культуры, включающую анализ традиционной кухни, идиом, пословиц и поэтических текстов.

Технологии реставрации изображений

Особый интерес в контексте художественного образования представляют нейросетевые инструменты реставрации и улучшения качества изображений. Современные технологии позволяют не только восстанавливать поврежденные фотографии, но и реконструировать утраченные архитектурные памятники на основе архивных снимков.

Нейросеть Google Gemini (модель Nano Banana) демонстрирует впечатляющие возможности: она способна не просто колоризировать черно-белые снимки, но и распознавать мельчайшие детали на зернистых фотографиях – наличники, балконы, купола, которые человеческий глаз уже не

различает. Этот инструмент доступен бесплатно всем владельцам аккаунта Google через AI Studio, что открывает широкие возможности для его использования в образовательных целях.

Российская платформа Gen-A, использующая гибридную архитектуру (сочетание диффузионных моделей и GAN-архитектур), демонстрирует прирост до 25% по уровню восстановленной детализации по сравнению с западным эталоном Topaz, при этом обеспечивая обработку в два раза быстрее. Хотя этот инструмент пока не получил широкого распространения в Китае, его технологические решения показательны для понимания вектора развития ИИ-реставрации.

Для пакетной обработки и профессиональной ретуши активно используются инструменты Adobe Firefly, интегрированный в экосистему Photoshop, а также Luminar Neo и Remini для быстрого улучшения качества снимков.

Нейросети как инструмент творческой реализации

Авторский личный опыт работы с нейросетями начался с попыток визуализировать концептуальные художественные проекты, для реализации которых требовались ресурсы, выходящие за рамки учебных возможностей. Используя платформу Kandinsky и GigaChat, я обнаружила, что технология позволяет не просто копировать существующие стили, но и создавать уникальные визуальные миры.

В одном из проектов, посвященном синтезу традиционной китайской живописи и футуристических образов, нейросеть помогла сгенерировать серию работ в стиле "гохуа", но с элементами киберпанка. Достаточно было задать промпт: "традиционная китайская тушь, горный пейзаж, но с элементами неонового освещения, парящие цифровые драконы, стиль эпохи Тан встречает". Результат превзошел ожидания: нейросеть не просто механически соединила различные элементы, но предложила несколько композиционных решений, которые стали отправной точкой для дальнейшей ручной доработки.

Важно подчеркнуть: нейросеть не заменила творческий процесс, а выступила катализатором идей. Как отмечают исследователи, ИИ снижает "внешнюю когнитивную нагрузку", освобождая ресурсы для концептуальной работы. Я тратила меньше времени на техническое исполнение и могла сосредоточиться на смысловом наполнении работ.

Реставрация архивных фотографий

Особенно впечатляющим оказался опыт использования нейросетей для реставрации старых семейных фотографий.

Используя подход, аналогичный описанному в руководствах по ИИ-реставрации, я применила поэтапную стратегию восстановления. Первый запрос был направлен на устранение царапин: "Восстановите винтажный портрет с видимыми царапинами, удалите царапины на фоне и незначительные поверхностные отметины с одежды, улучшите четкость, сохраните оригинальные текстуры и оставьте классический винтажный тон". На втором этапе я работала с цветом: "Восстановите слегка выцветший портрет с мягкой

коррекцией цвета, улучшите тонкие детали лица, улучшите реалистичную текстуру кожи, сохраните освещение мягким и естественным для аутентичного винтажного вида". Третий этап включал реконструкцию порванных краев: "Восстановите поврежденную старую фотографию с порванными углами, заполните недостающие части, точно воссоздайте детали фона, сохраните фотографический стиль эпохи".

Результат оказался поразительным: фотографии, которые казались навсегда утраченными, обрели новую жизнь. При этом важно отметить, что нейросеть не просто "закрасила" повреждения, но реконструировала утраченные элементы с учетом стилистики эпохи. Как отмечают специалисты, современные алгоритмы способны не только восстанавливать, но и выявлять то, что может не заметить человеческий глаз, помогая исследователям проверять гипотезы.

Этот опыт убедил меня, что нейросети – не угроза художественному творчеству, а мощный инструмент демократизации искусства. Технологии делают сложные художественные практики доступными для людей без специального технического образования. Любой человек с доступом к интернету сегодня может не только восстановить семейные архивы, но и создать произведение в стиле любимого художника, просто описав словами то, что хочет увидеть.

Нейронные сети в художественном образовании китайских вузов

Опыт применения нейронных сетей в китайском университетском художественном образовании демонстрирует сложную диалектику возможностей и рисков. С одной стороны, технологии генерации и реставрации изображений открывают беспрецедентные перспективы: они демократизируют творчество, ускоряют рутинные процессы, позволяют визуализировать сложные концепты и по-новому осмысливать культурное наследие. Мой личный опыт работы с нейросетями подтверждает: то, что раньше требовало многолетнего обучения и дорогостоящего оборудования, сегодня становится доступным любому человеку, способному точно сформулировать свой запрос.

Литература:

1. Hanspud. Исследование текущего состояния применения генеративного искусственного интеллекта студентами педагогических специальностей и стратегии их подготовки (на основе опроса вузов города Шаоян) [Электронный ресурс]. (2025-15-03). Hanspud.org. – Режим доступа: https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperID=110308 – Дата доступа: 15.02.2026.

2. Платформа для подачи статей в международные журналы. Формирование экосистемы базового курса академического рисунка на основе генеративного ИИ [Электронный ресурс]. (2025-10-29). – Режим доступа: https://www.fcipub.org/articleDetail/1133?periodicalId=2 – Дата доступа: 15.02.2026.

РОЛЬ МЕДИЦИНСКОГО СЛЕНГА В ВОСПРИЯТИИ ИНФОРМАЦИИ ПАЦИЕНТАМИ

Руденко А.А., Трефилова Д.О.
Научный руководитель: Сиваков М.А.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье анализируется влияние медицинского сленга и профессионального жаргона на понимание медицинской информации пациентами в условиях цифровой трансформации здравоохранения. Исследование направлено на выявление эффективных стратегий коммуникации, способствующих повышению медицинской грамотности и улучшению клинических исходов. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта в адаптации медицинской терминологии для пациентов.*

Ключевые слова: *медицинский сленг, медицинская грамотность, коммуникация врач-пациент, цифровое здравоохранение, искусственный интеллект, качество медицинской помощи.*

Введение. В современной клинической практике эффективная коммуникация между медицинскими работниками и пациентами приобретает критическое значение для обеспечения качества оказания помощи. Согласно статистическим данным 2025 года, приблизительно 90% населения США испытывают затруднения при интерпретации базовой медицинской информации, что формирует латентный кризис, негативно влияющий на клинические исходы и приводящий к росту экономических затрат в системе здравоохранения [2]. В Российской Федерации уровень медицинской грамотности в 2024 году составил 31,87%, демонстрируя положительную динамику роста на 2,17 процентных пункта по сравнению с предыдущим отчетным периодом.

Эволюция медицинского дискурса в цифровую эпоху. Традиционно медицинский сленг выполняет ряд специфических функций внутри профессионального сообщества: оптимизация коммуникации в экстренных ситуациях, реализация механизмов психологической защиты в условиях стресса, а также консолидация профессиональной идентичности. Однако экстраполяция профессионального жаргона на взаимодействие с пациентами создает существенные семантические барьеры. Эмпирические данные 2024 года свидетельствуют, что в среднем при одной клинической консультации медицинский персонал использует около 4 единиц профессионального жаргона. При этом коэффициент понимания информации пациентом составляет лишь 60%. Структурный анализ используемого жаргона выявил преобладание технической терминологии (40,73%) и собственно медицинского сленга (37,08%) [3].

Влияние лингвистических барьеров на клинические исходы. Исследования 2025 года подтверждают корреляцию между низким уровнем медицинской грамотности и неблагоприятными клиническими исходами при хронических заболеваниях, профилактических мероприятиях и стационарном лечении [4]. Недостаточное понимание медицинской терминологии ассоции-

ровано с увеличением частоты госпитализаций, снижением приверженности к лечению хронических патологий и ростом показателей смертности [4]. Проблема усугубляется в условиях цифровизации здравоохранения, где от пациента требуется компетенция в интерпретации медицинских концепций и данных здоровья в цифровых интерфейсах [2]. В 2024 году зафиксирован рост доли голосовых коммуникаций в медицине на 15-20%, что актуализирует необходимость разработки стандартизированных коммуникативных стратегий [7].

Психологические и этические детерминанты. Использование медицинского сленга обладает двойственным психологическим эффектом. С одной стороны, применение эвфемизмов (например, «неблагоприятный исход» вместо «смерть», «дискомфорт» вместо «боль») способствует редукции эмоционального напряжения. С другой стороны, употребление терминов с уничижительной коннотацией может эродировать доверие пациента к медицинскому учреждению. В 2023 году Министерством здравоохранения РФ были разработаны методические рекомендации, предписывающие исключение профессионального жаргона из коммуникации с пациентами и переход на вербализацию в доступной лингвистической форме [8]. Для медицинских работников столичного региона внедрены стандарты вежливого общения, регламентирующие корректность формулировок [8].

Инновационные подходы к оптимизации коммуникации. В настоящее время выделяются следующие приоритетные направления совершенствования взаимодействия врач-пациент:

Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) и больших языковых моделей (LLM). 2025 год характеризуется активным внедрением ИИ в медицинскую коммуникацию. Большие языковые модели демонстрируют высокую эффективность в трансляции сложной медицинской терминологии на язык, доступный для понимания пациентами [5]. Специализированные модели, такие как o1 (OpenAI), DeepSeek-R1, Polaris 3.0 (Hippocratic AI), обеспечивают высокую точность адаптации клинической информации [3]. Технологии, ранее классифицируемые как гипотетические, перешли в категорию операционных инструментов клинической практики [5].

Методика Teach-Back. Применение метода обратной связи (Teach-Back) доказало свою валидность в верификации понимания пациентом диагностических и терапевтических инструкций [1]. В 2025 году реализованы целевые программы обучения коммуникативным навыкам для врачей первичного звена на основе методики SEGUE («установление контакта», «сбор информации», «предоставление информации») [6]. С 2024/2025 учебного года коммуникативные тренинги включены в обязательную программу медицинских вузов [6].

Телемедицинские платформы предоставляют автоматизированные письменные резюме с декодированием терминологии. Мобильные приложения используют визуализацию и упрощенный язык для улучшения усвоения информации. Современные исследования формулируют следующие ключевые стратегии:

– Минимизация жаргонизмов. Рекомендован переход на принципы «plain language» (простого языка). Это подразумевает использование лаконичных

синтаксических конструкций с низкой глубиной вложения придаточных предложений, а также лексики с высокой частотностью употребления в общеязыковой практике. Исключение профессионального жаргона снижает риск семантической неоднозначности и минимизирует когнитивный диссонанс у пациента. Важно соблюдение оптимального темпа речи и паузирование для обработки информации реципиентом [3][8].

– Персонализация. Статистические данные свидетельствуют, что 75% потребителей медицинских услуг коррелируют уровень общей удовлетворенности качеством оказания помощи непосредственно с качеством коммуникации [7]. Персонализация предполагает адаптацию стиля общения под индивидуальные психоэмоциональные особенности и уровень здоровья (health literacy) пациента [2]. Критически значимыми компетенциями становятся навыки активного слушания (active listening), вербализация эмпатии и поддержание невербального контакта (зрительный контакт, открытая поза), что укрепляет терапевтический альянс и повышает доверие к медицинскому вмешательству [6, 8].

– Многоканальность. Несмотря на сохранение устойчивого предпочтения телефонной связи для первичной записи на прием (69%), наблюдается экспоненциальный рост спроса на асинхронные цифровые каналы (мессенджеры, защищенная электронная почта, чат-боты) [7]. Эффективная коммуникационная стратегия должна обеспечивать бесшовную интеграцию различных каналов связи, позволяя пациенту выбирать наиболее комфортный формат взаимодействия без потери качества передачи медицинской информации [7].

– Развитие культурной и языковой компетентности. Качество коммуникации является детерминантой здоровья для пациентов с ограниченным владением языком страны пребывания [2]. Языковая конкордантность (совпадение языка врача и пациента) существенно влияет на точность сбора анамнеза и удовлетворенность лечением [2]. Стратегия включает использование профессиональных переводческих сервисов, адаптацию образовательных материалов с учетом культурных особенностей восприятия здоровья и болезни, что способствует обеспечению равного доступа к медицинской помощи и снижению диспаритетов в здравоохранении [2],[8].

Заключение. Роль медицинского сленга в восприятии информации пациентами представляет собой многофакторную проблему, требующую комплексного междисциплинарного подхода. Профессиональный жаргон сохраняет функциональную ценность для внутрисистемной коммуникации медицинских работников, однако его использование в диаде «врач-пациент» создает барьеры понимания и потенциально ухудшает клинические прогнозы [3, 4].

Современные технологические решения, в частности искусственный интеллект и большие языковые модели, предоставляют новые инструменты для лингвистической адаптации медицинской информации [3],[5]. Тем не менее, технологические инновации должны дополнять, а не замещать развитие коммуникативных компетенций медицинского персонала [6],[8]. Признание влияния языковых факторов на понимание и удовлетворенность пациентов

способствует формированию более эффективной коммуникационной среды, что непременно ведет к улучшению клинических результатов и реализации принципов пациентоориентированности в условиях цифровой трансформации здравоохранения [2, 7, 8].

Литература:

1. Health literacy interventions and health literacy-related outcomes for older adults: a systematic review // BMC Health Services Research. 2025. Vol. 25. P. 287.

2. Evaluating adult digital health literacy, 2020–2025: systematic review // PLOS Digital Health. 2025. Vol. 4(1). e0001075.

3. README: Bridging Medical Jargon and Lay Understanding for Patient-Centric Care // Proceedings of EMNLP 2024. P. 1247-1263.

4. Impact of health literacy on healthcare outcomes in hospitalized patients // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. Article 6789.

5. Enhancing doctor-patient communication using large language models // BMC Medical Informatics and Decision Making. 2025. Vol. 25. Article 45.

6. Changes of physician–patient communication skills among general practitioners after intervention of targeted SEGUE training // BMC Medical Education. 2025. Vol. 25. Article 156.

7. Five critical trends reshaping patient communications in 2025 // Amplyfi Healthcare Insights. 2025. July.

8. Минздрав России. Рекомендации по совершенствованию коммуникации медицинских работников с пациентами. М., 2023.

АРГУМЕНТАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ В РАБОТЕ ХИРУРГА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ Д. ПРАВДИНА «ЗАПИСКИ РАЙОННОГО ХИРУРГА»)

Булганина Е.С.
Научный руководитель: Сиваков М.А.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Исследуются речевые стратегии и коммуникативные приёмы, применяемые хирургами в профессиональном взаимодействии, на примере книги Д. Правдина «Записки районного хирурга». Через анализ художественно воссозданных клинических сценариев раскрываются механизмы убеждения пациентов и их близких в целесообразности хирургического лечения. Особый акцент сделан на сравнении результативных и ошибочных моделей аргументации, а также на определении условий, влияющих на успешность диалога в условиях дефицита времени, стресса или при стандартном приёме. Показано, каким образом интеграция рациональных обоснований и эмоционально-психологических методов способствует получению информированного согласия, а также обозначены распространённые недочёты в речи медицинского специалиста.*

Ключевые слова: *речевое воздействие, тактики общения, аргументативные стратегии, врачебная коммуникация, медицинский дискурс, хирургическая помощь, пациентоцентричность.*

В современных научных работах, затрагивающих особенности профессионального взаимодействия и специфику медицинского дискурса, всё чаще поднимается тема качества общения между врачом и пациентом [1, 2, 4, 7]. Наибольшие трудности в установлении диалога возникают тогда, когда специалисту необходимо мотивировать больного или его семью согласиться на хирургическое лечение. Такие случаи часто усугубляются нехваткой времени, высоким уровнем тревожности или заранее сформированными сомнениями пациента относительно предлагаемой терапии. Именно поэтому анализ аргументативных практик, ориентированных на нужды пациента, на стыке художественной литературы и реальной клинической практики сохраняет высокую научную значимость и требует дальнейшего осмысления.

Эмпирическую базу исследования составила книга Д. Правдина «Записки районного хирурга» [3], в которой автор, опираясь на собственный клинический опыт, художественно воспроизводит типичные рабочие сценарии. Данный источник ценен для изучения речевого поведения хирурга благодаря своей документальной основе, оно отражает современный медицинский дискурс и содержит множество диалогов врача с пациентами и их родственниками, демонстрирующих различные модели аргументирующей речи. Анализ этих диалогов позволяет выявить как успешные, так и неудачные примеры аргументации, а также проследить использование различных коммуникативных тактик в зависимости от ситуации.

В книге Д. Правдина можно найти яркие примеры того, как хирург выстраивает линию аргументации для достижения согласия на операцию. В одном из эпизодов врач сталкивается с пациентом, который отказывается от хирургического вмешательства при явных признаках острого аппендицита. Ситуация осложняется тем, что пациент сомневается в диагнозе и настаивает на «более щадящих» методах лечения. Хирург начинает с тактики информирования и предупреждения, чётко формулируя диагноз и его последствия: «У вас острый аппендицит. Если не прооперировать в ближайшие часы, возможен перитонит это смертельно опасно». Это высказывание выполняет сразу две функции: информирует пациента о реальной угрозе и создаёт эмоциональную напряжённость, побуждающую к действию.

Далее врач приводит логический аргумент с опорой на статистику и объяснение механизма развития болезни: «В 95% случаев при таком диагнозе требуется операция. Аппендикс воспаляется, может лопнуть, и инфекция попадёт в брюшную полость. Это приведёт к заражению крови». Такой подход апеллирует к рациональному мышлению пациента, подкрепляя первоначальное предупреждение объективными данными. Затем хирург использует психологический аргумент с акцентом на безопасность: «Операция стандартная, мы проводим такие регулярно. Анестезиологи и хирурги – опытные специалисты, риски сведены к минимуму». Здесь врач снижает тревожность пациента, подчёркивая профессионализм команды и рутинность процедуры.

Завершает аргументацию тактика создания альтернативы, где один вариант явно предпочтительнее другого: «Либо мы оперируем сейчас, и вы поправитесь через неделю, либо ждём – и рискуем получить осложнения, которые будут

стоить жизни». Чёткое противопоставление вариантов помогает пациенту сделать выбор в пользу операции. Благодаря сочетанию логических доводов и психологических приёмов пациент соглашается на хирургическое вмешательство, что демонстрирует эффективность выбранной стратегии. В противоположность этому в другом эпизоде книги показана неудачная попытка аргументации. Хирург пытается убедить пожилого пациента с грыжей в необходимости плановой операции. Врач подробно рассказывает о возможных осложнениях, демонстрирует схемы, объясняет технику операции. Ключевые фрагменты диалога выглядят так:

Врач: «Смотрите, вот здесь показано, как грыжа сдавливает кишечник. Если не оперировать, может произойти ущемление – тогда потребуется экстренная операция, и риски будут гораздо выше».

Пациент: «Мне уже 70 лет, доктор. Я боюсь наркоза. Лучше я полечусь травами, как соседка советовала».

Анализ этой ситуации позволяет выделить несколько причин неудачи. Во-первых, избыточность информации перегружает пациента и вызывает дополнительную тревогу. Во-вторых, врач не учитывает психологические особенности собеседника: страх пожилого человека перед операцией и наркозом оказывается сильнее рациональных доводов. В-третьих, формальный подход к аргументации – использование стандартных фраз без адаптации к конкретному пациенту – снижает убедительность речи. В результате пациент отказывается от операции, что подчёркивает важность индивидуального подхода в коммуникативной стратегии хирурга.

Ещё один показательный эпизод связан с работой с агрессивным пациентом. В книге описан случай, когда пострадавший с травмой живота (Гриша Муромский) категорически отказывается от операции, несмотря на угрозу жизни. Его реакция эмоциональна и вызывающа: «Я Гриша Муромский! -орал пострадавший. Отказываюсь от операции, и всё тут! Помру, тебя посадят! Гы-гы-гы! Докторишка!». Хирург сначала пытается использовать тактику убеждения через предупреждение: «Григорий, вы умрёте, если вас не прооперировать!», но это не действует. Ситуация меняется только после вмешательства анестезиолога, который применяет тактику прямого воздействия, физически перемещая пациента в операционную. Хирург же в итоге сосредотачивается на тактике профессиональной уверенности: «Вам показана операция, успокойтесь, у вас, пардон, кишки наружу!». Этот пример показывает, что в экстремальных ситуациях стандартные тактики аргументации могут не работать, и врачу приходится искать нестандартные решения.

Анализ эпизодов из книги Д. Правдина позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, эффективная аргументация требует сочетания логических доводов («В 95% случаев требуется операция») и психологических приёмов («Риски сведены к минимуму»). Во-вторых, важно учитывать эмоциональное состояние, возраст и уровень осведомлённости пациента (пожилой пациент боится наркоза). В-третьих, лаконичность и чёткость формулировок повышают убедительность речи врача («Либо мы оперируем сейчас… либо ждём – и рискуем»). В-четвёртых, в критических ситуациях могут потребоваться

нестандартные тактики (физическое перемещение пациента в операционную). Наконец, неудача в коммуникации часто связана с формальным подходом и игнорированием индивидуальных особенностей собеседника (подробный рассказ о грыже не убедил пожилого пациента).

Таким образом, книга Д. Правдина «Записки районного хирурга» даёт богатый материал для изучения коммуникативных тактик и способов аргументации в работе хирурга. Выявленные алгоритмы убеждения сохраняют высокую прикладную значимость для современного медицинского образования. Целенаправленное освоение данных коммуникативных приёмов способно существенно расширить профессиональную компетенцию врача, обеспечивая более конструктивный диалог с пациентами в широком спектре клинических условий: от рутинного приёма до экстренных вмешательств.

Литература:

1. Иванов И.И. Коммуникация в медицине: теория и практика. – М.: Медицина, 2020.
2. Петрова А.В. Пациентоцентричный подход в современной медицине. – СПб.: Питер, 2019.
3. Правдин Д. Записки районного хирурга. – М.: Эксмо, 2023.
4. Сидоров С.С. Аргументация в профессиональном общении. – Казань: КГУ, 2021.
5. Фёдоров В.Л. Медицинский дискурс: стратегии и тактики. – Н. Новгород: ННГУ, 2022.

ПРОЕКТ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ РОССИИ И ИРАКА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Альмихи Юсиф Хашим Джамиль
Научный руководитель: Вишневская Е.М.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье представлена технология развития межкультурной коммуникативной компетенции студентов России и Ирака с использованием цифровых технологий. Выявлены лингвокультурные барьеры и предложены пути их преодоления в цифровой среде через поэтапное моделирование ситуаций диалога.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникативная компетенция, цифровые технологии, лингводидактика, компаративный анализ, Россия, Ирак, цифровые платформы, искусственный интеллект.*

Современная образовательная среда высшей школы претерпевает перманентную трансформацию под влиянием конвергенции глобализационных процессов и стремительного технологического прогресса [8]. Трансформация лингводидактической парадигмы в условиях глобальных цифровых вызовов обусловлена необходимостью поиска новых технологических решений для обеспечения эффективного образовательного диалога между регионами с различными лингвокультурными базами. В последнее время обучение

иностранным языкам в вузах эволюционировало от узкоутилитарного освоения структур к формированию целостной личности, способной к функционированию в поликультурном цифровом пространстве. Владение английским языком выступает сегодня не как самоцель, а как стратегический инструмент международного сотрудничества между Российской Федерацией и странами Ближнего Востока.

Технология развития межкультурной коммуникативной компетенции понимается как научно обоснованная система педагогических мероприятий, направленная на постепенное формирование у учащихся готовности к эффективному и бесконфликтному общению в многокультурной цифровой среде. Технология основана на интеграции межкультурного, сравнительного и коммуникативного подходов [8]. Центральным понятием актуальной лингводидактики является межкультурная коммуникативная компетенция (МКК), определяемая как способность к адекватному взаимодействию с представителями иных культур при признании паритета лингвокультурных систем.

Теоретическую основу исследования составляют принципы межкультурного подхода, обоснованные в работах Н. Д. Гальсковой и Е. Г. Таревой, где ключевой ценностью выступает «культурная эгалитарность» – отказ от доминирования культуры изучаемого языка над родной культурой [2, 4]. Согласно концептуальным положениям Е. Г. Таревой, «усвоение фактов иной культуры осуществляется в следующем направлении: знакомство с фактом иной культуры перенос его в родную культуру и осознание ее особенностей переосмысление родной культуры постижение с этих позиций явления иной культуры» [4].

Эффективность образовательной технологии детерминирована контекстом её применения. В Российской Федерации развитие высшего образования опирается на систему ФГОС ВО 3++, а вузы, такие как ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (МГПУ), демонстрируют высокую степень готовности к цифровой интеграции. Современная система российского высшего образования стремится найти достойный и оперативный ответ на насущные вызовы нашего времени. Она должна развивать перспективные тенденции, которые предопределяют новые методы обучения в контексте идеологии новой антропоцентрической парадигмы.

Следуя новым формулам общественного порядка, выпускники вузов должны быть готовы, помимо традиционных результатов обучения, принимать решения в ходе общения с зарубежными партнерами, коллегами в различных профессиональных областях, в том числе в конфликтных ситуациях общения [10]. В то же время Курдистанский регион Ирака (КРИ) проходит через период масштабных реформ, внедряя систему кредитов ECTS и электронные системы управления, такие как Zanko, для обеспечения прозрачности образовательного процесса [7]. Однако переход к студентоцентрированному подходу в Ираке сталкивается с системными барьерами: от инфраструктурных ограничений до психолингвистических особенностей студентов [7].

На коммуникацию влияет культурный фактор диалога: дискурс на одну и ту же тему – даже очень строго определенную (например, деловое письмо,

выражение соболезнования, речь на совещании, извинение за опоздание и т. д., не говоря уже о традиционных жанрах, таких как сказки или ритуальные формулы) – сильно различается [10].

Для проектирования технологии развития МКК учитывается специфический профиль обучающегося из Ирака. На лингвистическом уровне доминирует проблема фонетической интерференции (отсутствие в курдском языке фонем /æ/ и /ʌ/), что требует использования ИИ-тренажеров. Психологический уровень характеризуется «высоким аффективным фильтром» – повышенной тревожностью при говорении из-за страха ошибки перед преподавателем. Социокультурный контекст КРИ определяется «коллективным дуализмом» – сочетанием традиционных ценностей и стремления к индивидуализации через глобальные цифровые тренды.

Интеграция цифровых технологий на сегодняшний день перешла на этап «интеллектуальной цифровизации», где платформы выступают когнитивным расширением процесса обучения. Системы управления обучением (LMS) играют роль институционального фундамента. Искусственный интеллект в лингводидактике реализует функции генерации контента, машинного перевода как объекта анализа и интеллектуального редактирования [5].

Таблица 1. Классификация цифровых платформ
по лингводидактическому потенциалу

Категория платформ	Примеры инструментов	Целевой компонент МКК
LMS	Moodle, Zanko System, Google Classroom	Когнитивный
Коллаборативные среды	Miro, Padlet, Zoom, Microsoft Teams, Holst	Поведенческий
Социальные медиа	Telegram, VK, YouTube	Аффективный
Искусственный интеллект	ChatGPT, Speech-to-Text, Grammarly	Когнитивный и регулятивный

Технология включает четыре блока: целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный. Технологический блок представляет собой последовательность трех этапов. На мотивационно-ориентировочном этапе студенты изучают теорию межкультурной коммуникации в LMS. На репродуктивно-моделирующем этапе происходит выполнение заданий в бикультурных парах «Россия – Ирак» на виртуальных досках. Продуктивно-преобразующий этап реализуется через метод глобальных симуляций в формате видеоконференций.

Важным методом формирования когнитивного компонента является сопоставительный анализ лингвокультурных кодов фольклора [1]. Работа с образами Бабы-Яги или Царевны-Лягушки и др. позволяет студентам КРИ дешифровать специфические русские концепты, а российским студентам – знакомиться с курдским эпосом, например, "The Legend of Newroz" (داستانا نەورۆزێ) и "Frog Mirza" (میرزایێ بەق).

Диагностика проводится по трем векторам: регулятивному, познавательному и коммуникативному, на основе критериальной матрицы [3].

Реализация технологии в Ираке может столкнуться с проявлениями цифрового неравенства, что требует «технологической инклюзивности»: использования мобильных версий (Mobile-first) и асинхронных платформ с низким трафиком (Telegram).

Роль преподавателя трансформируется в сторону электронного лидерства и медиации [9]. Как отмечают исследователи, «межкультурная коммуникативная компетенция должна актуализироваться не только в благоприятных условиях взаимодействия, она также предполагает готовность выйти из сложного коммуникативного конфликта» [6]. Исследование подтверждает, что успех формирования МКК в цифровой среде зависит от интегративного подхода, сочетающего теорию с адаптивным использованием технологических инструментов.

Литература:

1. Беспалко, К. В. Фольклор в аспекте межкультурной коммуникации: методика работы со сказкой на занятиях по английскому языку / К. В. Беспалко // Преподаватель XXI век. – 2021. – Т. 1, № 3. – С. 162–171.

2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – Москва: АРКТИ, 2018. – 192 с.

3. Пищеров, И. К. Критериальное оценивание межкультурной коммуникативной компетенции в цифровой среде / И. К. Пищеров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Педагогические науки. – 2022. – № 3 (48). – С. 45–58.

4. Тарева, Е. Г. Межкультурный подход к обучению иностранным языкам: теория и практика / Е. Г. Тарева // Иностранные языки в школе. – 2020. – № 5. – С. 2–9.

5. Aljanabi, M. ChatGPT: Future directions and open possibilities / M. Aljanabi // Mesopotamian Journal of Computer Science. – 2023. – Vol. 2023. – P. 16–17.

6. Borbotko, L. A. Intercultural Education on the Way to Cross-Cultural Prospects / L. A. Borbotko, E. M. Vishnevskaya, E. V. Nersesova // EDULEARN 19 Proceedings: 11th International Conference on Education and New Learning Technologies, Spain, 01–03 июля 2019 года. Vol. EDULEARN19. – Spain: IATED Academy, 2019. – P. 4348-4352.

7. Higher Education in the Kurdistan Region: Statistical Report 2022-2023 / Ministry of Higher Education and Scientific Research, KRG. – Erbil: KRG, 2023. – URL: https://mhe-krg.org/storage/uploads/2023/12/Higher-Education-Statistics-2022-2023.pdf (дата обращения: 7.02.2026).

8. Novikov, S. I. Comparative Analysis of Educational Digitalization: Russia and the Middle East / S. I. Novikov, A. F. Kadhim, N. V. Larionova // Journal of Digital Learning in Teacher Education. – 2023. – Vol. 39, № 4. – P. 234–250.

9. Salih, D. M. Digital transformation leadership in higher education: A case study of Iraqi Kurdistan / D. M. Salih, E. V. Smirnova // Journal of Applied Research in Higher Education. – 2023. – Vol. 15, № 4. – P. 1205–1220.

10. Tareva, E. G. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design / E. G. Tareva, B. V. Tarev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, No. 10. – P. 1699-1710. – DOI 10.17516/1997-1370-0329.

OPINION В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ЖУРНАЛЕ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАНИЯ, ЯЗЫКА

Ковалева Д.А., Соколова А.И.
Научный руководитель: Полякова И.В.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье анализируются структура, тематика, языковые особенности статей типа Opinion, опубликованных в Британском медицинском журнале. Делается вывод о принадлежности текстов статей к публицистическому стилю.*

Ключевые слова: *статья Opinion, Британский медицинский журнал, научный стиль, публицистический стиль.*

Известно, что существует большое количество авторитетных англоязычных медицинских журналов, публикующих на своих страницах результаты новейших научных достижений, относящихся к различным областям медицины. Видное место среди англоязычных медицинских журналов занимает Британский медицинский журнал (British Medical Journal) с разнообразными типами статей, включая Opinion – статьи-мнения.

Цель данной статьи – анализ структуры, тематики, а также языковых особенностей статей, относящихся к типу Opinion, опубликованных в BMJ в период с конца 2024 года по апрель 2025 года.

Материалами для данной статьи послужили тексты статей-мнений, опубликованных в BMJ в период с конца 2024 года по апрель 2025 года.

Все статьи, относящиеся к типу Opinion, имеют абсолютно одинаковый объём: ровно на одну страницу. Их структура не носит типичный характер: такие подразделы, как Background, Materials and Methods, Conclusions, которые обязательно должны быть выделены в тексте англоязычной медицинской статьи, отсутствуют в рассматриваемом нами типе статей. Отсутствует в последних и аннотация. Однако, учитывая крайне небольшой объём анализируемых нами публикаций, а также тот факт, что они не носят характер исследований, отсутствие выделения в текстах статей типичных подразделов вполне оправдано.

Тематика статей типа Opinion, регулярно выходящих в свет в BMJ, весьма разнообразна. Для наглядной демонстрации данного разнообразия приведем названия некоторых публикаций и кратко опишем их содержание и отметим некоторые языковые особенности.

В статье “Bans of junk food advertising are a vital move to protect our children’s health” («Запрет рекламы вредной еды – важный шаг к защите здоровья наших детей» – перевод наш) автор приветствует будущее принятие закона о запрете рекламы нездоровой пищи в Великобритании в октябре 2025 года. Он приводит статистические данные о распространённости ожирения, диабета, заболеваний сердца среди детей, весьма эмоционально называя «детское ожирение не просто вопросом здоровья общества, а национальным позором»: “Childhood obesity isn’t just a public health issue: it’s a national

disgrace” [1]. Помимо эмоционально окрашенной лексики, автор статьи пытается привлечь внимание читателя к описываемой проблеме использованием разговорных фраз, например: “Let’s seize this opportunity, as our children deserve no less” («Давайте не упустим эту возможность, так как наши дети этого заслуживают» – перевод наш) [2]. Наличие эмоционально окрашенной лексики, разговорных фраз, сокращённых форм глаголов-связок (isn’t) не свойственно научному функциональному стилю.

В статье “How is the climate crisis affecting our food supplies” («Как климатический кризис влияет на поставки продовольствия» – перевод наш) автор не только раскрывает взаимосвязь между изменениями климата и возможностью вырастить урожай в количестве, достаточном для населения всей планеты, но и упоминает другие причины проблем с продовольствием, например, военные действия на территории Украины [3].

Несколько особняком среди множества статей типа Opinion стоит публикация с ярким и в буквальном смысле загадочным названием “A living funeral with my friends” («Живые похороны с моими друзьями» – перевод наш). Автор, работая в отделении интенсивной терапии, в течение нескольких лет записывал ощущения, эмоции пациентов, переживших клиническую смерть, с целью издания книги о том, что смерть – это не конец жизни, а начало нового, неизведанного. Основываясь на переживаниях пациентов, он делает вывод о том, что только находясь в одном шаге от смерти человек может многое переосмыслить и начать жить по-другому, не придавая особого значения второстепенным вещам. На основе антитезы, выстроенной автором на антонимичных парах death-life, dying-living, неоднократно повторяющихся в статье, он предлагает читателю пересмотреть какие-то моменты в жизни и не проводить её впустую. Использование оксюморона “a living funeral” («живые похороны» – перевод наш) как в названии статьи, так и в её тексте, создаёт яркий образ нашей повседневной жизни с точки зрения её восприятия автором и привлекает к нему внимание читателя.

Таким образом, проведённый нами анализ структуры, тематики и языковых особенностей статей, относящихся к типу Opinion и опубликованных в BMJ, позволяет сделать вывод об их принадлежности к публицистическому стилю. Отсутствует структура, характерная для научной статьи. Тематика публикаций позволяет читателю познакомиться со многими проблемами общественной жизни разных стран. Яркий, эмоциональный язык с использованием изобразительно-выразительных средств привлекает внимание к статьям, в частности, и к журналу, в целом, тем самым расширяя читательскую аудиторию периодического издания.

Литература:

1. Jenner K. Bans on junk food advertising are vital move to protect our children’s health // BMJ. 2024. P. 7.

2. Morgan M. A living funeral with my friends // BMJ. 2025. P. 9.

3. Pattnaiik A. How is the climate crisis affecting our food supplies // BMJ. 2024. P. 24-25.

Раздел 4
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ АНГЛОГОВОРЯЩИХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Варламов А.В.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются специфические барьеры социокультурной адаптации англоговорящих иностранных студентов российского медицинского вуза, анализируются доказательные методы их психологического сопровождения, включая скрининговые, профилактические и терапевтические подходы.*

Ключевые слова: *иностранные студенты, аккультурационный стресс, медицинский вуз, психологическое сопровождение, межкультурная адаптация, социальная поддержка, когнитивно-поведенческая терапия.*

Российские медицинские вузы принимают значительное число иностранных студентов из стран с англоязычным обучением – преимущественно из Индии, стран Африки и Ближнего Востока. Данная категория обучающихся оказывается в условиях комплексного средового воздействия: необходимость одновременной адаптации к требованиям академической среды, освоения профессионального русскоязычного дискурса, выстраивания новых социальных связей и урегулирования практических вопросов, связанных с визовым статусом, создаёт совокупный стрессовый эффект, существенно влияющий на психологическое благополучие студентов [3, 5].

По данным исследований, около 28,7% иностранных студентов демонстрируют показатели аккультурационного стресса выше пороговых значений по стандартизированным шкалам [5]. При этом парадоксальная закономерность состоит в том, что, испытывая повышенный психологический дискомфорт, данная группа обучающихся существенно реже обращается за профессиональной психологической помощью по сравнению с отечественными студентами [4]. Среди факторов, обусловливающих недоиспользование услуг психологической поддержки, ключевую роль играют культурная стигматизация обращения за помощью, ограниченная психологическая грамотность, языковые барьеры в коммуникации со специалистами, а также опасения, связанные с возможными последствиями для визового статуса [2, 4].

В контексте российского медицинского вуза специфика ситуации усугубляется рядом дополнительных обстоятельств. Англоговорящие студенты сталкиваются с необходимостью освоения клинической терминологии и коммуникации с пациентами на русском языке, что создаёт нагрузку, не

характерную для обучающихся по программам с полностью англоязычным преподаванием. Языковая компетентность при этом выступает одним из наиболее надёжных предикторов результатов психического здоровья, действуя как прямо (через языковые барьеры как самостоятельные стрессоры), так и опосредованно – снижая возможности студентов к формированию значимых социальных контактов.

Идентификация студентов группы риска предполагает оценку по нескольким ключевым параметрам: стране происхождения, уровню владения русским языком, степени социальной включённости, финансовому положению и наличию опыта дискриминации. Установлено, что лонгитюдная траектория адаптации в целом имеет позитивную направленность: показатели аккультурационного стресса, тоски по дому и адаптационных затруднений значимо снижаются к концу первого учебного года при наличии надлежащей поддержки. Это свидетельствует о высоком потенциале устойчивости данной группы студентов и о принципиальной значимости своевременного вмешательства именно в начальный период обучения.

Среди методов, демонстрирующих измеримую эффективность, выделяется несколько доказательных подходов. Краткая когнитивно-поведенческая терапия, специально адаптированная для работы с депрессией и тоской по дому у иностранных студентов, обеспечивает значимое снижение выраженности аффективных нарушений при высокой практической реализуемости в условиях ограниченных ресурсов консультационных служб. Групповой тренинг ассертивности показывает снижение негативного аффекта и улучшение эмоциональной адаптации с сохранением эффекта на протяжении семестра. Вмешательства на основе осознанности, в том числе реализуемые в онлайн-формате, демонстрируют улучшение субъективного благополучия и снижение тревожности, что обусловлено их меньшей стигматизированностью и трансляцией через разные культурные контексты.

Принципиально важным условием эффективности является культурная адаптация применяемых методов: стандартизированные западные подходы, основанные на ценностях индивидуальной автономии и вербализации внутренних переживаний, нередко оказываются малорелевантными для студентов из коллективистских культурных традиций [5]. Программы наставничества, предполагающие устойчивое участие студентов-наставников из числа российских обучающихся, обеспечивают накопление социального капитала, повышение уверенности при обращении за поддержкой и снижение показателей отчисления.

Комплексный институциональный подход к психологическому сопровождению включает несколько взаимодополняющих компонентов: скрининг первокурсников с применением валидизированных инструментов (в частности, Шкалы аккультурационного стресса для иностранных студентов), проактивный охват в критический первый семестр, диверсификацию форм помощи (индивидуальное и групповое консультирование, онлайн-форматы, психообразовательные семинары), межведомственную координацию между психологической службой, деканатом иностранных студентов, академическими

кафедрами и жилищными подразделениями, а также обучение преподавательского состава навыкам распознавания признаков психологического неблагополучия и процедурам направления к специалистам [2, 5].

Таким образом, психологическое сопровождение англоговорящих иностранных студентов в российском медицинском вузе представляет собой актуальную прикладную задачу, решение которой требует отказа от универсальных подходов в пользу систематических, культурно чувствительных и институционально интегрированных моделей поддержки

Литература:

1. Ali Y. A., Hussein R. S., Mostafa N. S., Manzour A. F. Factors associated with acculturative stress among international medical students in an Egyptian university // BMC Medical Education. 2024. Vol. 24. № 1. P. 1009. doi: 10.1186/s12909-024-05947-5 (3)

2. Responses to mental health issues in international education [Электронный ресурс] // NAFSA. URL: https://www.nafsa.org/professional-resources/learning-and-training/responding-mental-health-issues-international-education (дата обращения: 10.01.2025). (4)

3. Rudakova K., Lal S. Mental health concerns and needs of international students in higher education settings: a scoping review protocol // PLoS ONE. 2025. Vol. 20. № 8. P. e0327812. doi: 10.1371/journal.pone.0327812 (2)

4. Zhang J., Goodson P. Predictors of international students' psychosocial adjustment to life in the United States: a systematic review // International Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 139–162. (5)

5. Константинов В. В., Иванчин С. А. Психологическое сопровождение иностранных студентов в российских вузах: по итогам заседания межрегионального круглого стола // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-inostrannyh-studentov-v-rossiyskih-vuzah-po-itogam-zasedaniya-mezhregionalnogo-kruglogo-stola (дата обращения: 02.03.2026). (1)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Варламова А.В.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья посвящена анализу межкультурных особенностей, влияющих на преподавание психологии студентам. Рассматриваются основные трудности, возникающие при обучении студентов из различных культурных контекстов, предлагаются практические подходы к их преодолению.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, психология, культурный контекст, иностранные студенты, психологические концепции, культурная адаптация.*

Современное высшее образование в России активно интернационализируется, привлекая студентов из разных стран и культурных регионов [1]. Это ведет к необходимости создания интегрирующей коммуникативной среды [2, 3], что приобретает особую значимость при изучении психологических дисциплин: с самого становления психологии как науки она совмещает два

контекста философии, западный и восточный подход, таким образом, изначально являясь местом диалога различных по происхождению социокультурных позиций. Данное обстоятельство создаёт для преподавателей психологии специфическую задачу: обеспечить качественное усвоение учебного материала в условиях культурного многообразия аудитории.

Многие вопросы психологии решались преимущественно в западно-европейском и североамериканском контекстах, что неизбежно повлияло на теоретические основы, примеры и методологические подходы. Однако студенты из Азии, Африки, Ближнего Востока и иных регионов обладают иными культурными установками, существенно влияющими на восприятие психологических теорий и концепций.

Одной из ключевых проблем является различие в культурном понимании личности и индивидуальности. В западной психологии индивидуализм рассматривается как норма развития, тогда как во многих восточных, африканских и латиноамериканских культурах приоритет отдаётся коллективной идентичности и групповым ценностям. Студенты из коллективистских культур могут испытывать концептуальные затруднения при изучении классических теорий личности, особенно тех, которые акцентируют автономию и самоактуализацию индивида, как, например, пирамида потребностей А. Маслоу.

Существенным препятствием является также различное отношение к психическому здоровью и психологической помощи. В ряде культур психические расстройства сопровождаются стигматизацией, а обращение к специалисту может восприниматься как признак слабости или семейного позора. Это создаёт барьеры при обсуждении тем, связанных с депрессией, тревожностью, психотерапией и психологическим консультированием.

Различия в педагогических стилях и коммуникационных предпочтениях также требуют внимания [4]. Студенты из культур с высокой дистанцированностью от власти нередко воспринимают преподавателя как непоколебимый авторитет, избегая полемики и критических вопросов, что затрудняет проведение интерактивных занятий, дискуссий и групповых практик, значимых для присвоения психологического знания и понимания современной методологической проблемы.

Перспективой развития межкультурного взаимодействия также является преодоление языкового барьера для адекватного восприятия иностранными студентами специфики отечественных психологических концепций и подходов к пониманию психических явлений, т.к. несмотря на использование синонимов из других языков, исследуемые на занятиях конструкты имеют свой уникальный контекст, которым зачастую преподаватель вынужден пренебрегать для более простого объяснения их содержания.

Таким образом, учёт межкультурных особенностей в преподавании психологии является необходимым условием повышения качества образования в поликультурном академическом пространстве и способствует развитию у студентов межкультурной компетентности. Эффективными стратегиями адаптации курса психологии к поликультурной аудитории являются: включение незападных психологических концепций и эмпирических примеров из

различных культур; использование кросс-культурного сравнительного анализа как ключевого метода обучения; развитие у студентов навыков культурной рефлексии и критического анализа; создание безопасной учебной среды, где обсуждение культурных различий поощряется и уважается.

Литература:

1. Апасова М.В., Кулагина И.Ю. Условия адаптации иностранных студентов в вузах // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 4. С. 129–137.

2. Базарова Т. С., Ван Ю. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации иностранных студентов в контексте интернационализации высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4(65). С. 386—390. doi: 10.25683/VOLBI.2023.65.817.

3. Попова М.А., Сафронова А.М. Межкультурное образование: теория и практика интегрированного обучения студентов из разных стран // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 5. С. 156–164.

4. Юсупова Ф. М. Межкультурная компетентность современного педагога // Academic research in educational sciences. 2021. № 12. С. 168-174.

ДВУХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОЖАТОГО КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДЕТСКОМ ЛАГЕРЕ

Тихоненков Н.И.
ВГСПУ, Волгоград, Россия

Аннотация: *В тезисах представлена двухуровневая модель профессиональной компетентности вожатого, включающая универсальный и профильный компоненты. Модель разработана на основе синтеза подходов И.А. Зимней и А.В. Хуторского и ориентирована на повышение эффективности подготовки кадров для детских лагерей.*

Ключевые слова: *профессиональная компетентность вожатого, двухуровневая модель, универсальные компетенции, профильные компетенции, социально-коммуникативная компетенция, организационно-управленческая компетенция, психолого-педагогическая компетенция.*

Современные социокультурные условия функционирования детских оздоровительных лагерей требуют пересмотра традиционных подходов к профессиональной подготовке педагогических кадров. Узкое понимание профессионализма как простой совокупности знаний и умений уступает место компетентностной модели, центрированной на способности эффективно действовать в нестандартных ситуациях реального педагогического процесса. Профессиональная компетентность вожатого представляет собой сложное, интегративное личностное образование, обеспечивающее целостность педагогической деятельности во временном детском коллективе. Формирование данной компетентности должно базироваться на фундаментальных теоретических моделях, что обусловливает актуальность их синтеза для разработки практико-ориентированной структуры.

В качестве методологического фундамента для построения структуры профессиональной компетентности вожатого нами избраны две взаимодополняющие концепции. Во-первых, это интегративная модель И.А. Зимней, выделяющая три группы компетенций, относящихся к личности, социальному взаимодействию и деятельности [1]. Данная модель позволяет рассматривать вожатого как целостного субъекта, включенного в систему многообразных связей. Во-вторых, это деятельностно-ориентированная модель А.В. Хуторского, разграничивающая ключевые (надпредметные), общепредметные и предметные компетенции [2]. Синтез этих подходов позволяет преодолеть фрагментарность в описании профессии и выстроить иерархическую систему, адекватно отражающую многогранность труда вожатого.

Предлагаемая двухуровневая модель включает универсальный (ключевой) и профильный уровни. Универсальный уровень выступает фундаментальным и инвариантным для любого типа детского лагеря. В его структуре выделяются четыре ключевые компетенции, находящиеся в тесной взаимосвязи. Социально-коммуникативная компетенция является системообразующей и охватывает два вектора: работу с детской группой (управление групповой динамикой, фасилитация) и взаимодействие с родителями (партнерство, консультирование) [5]. Организационно-управленческая компетенция обеспечивает реализацию педагогических целей через организацию режима и коллективно-творческую деятельность, базирующуюся на наследии И.П. Иванова [3].

Психолого-педагогическая компетенция направлена на глубокое понимание возрастных особенностей и эмоциональных состояний детей. Она включает владение техниками медиации и ненасильственного общения для разрешения конфликтов [5], а также развитую педагогическую наблюдательность для диагностики эмоционального неблагополучия и реализации индивидуального подхода. Предметно-деятельностная компетенция представляет собой практический инструментарий вожатого. Она складывается из высокого уровня игротехнической культуры – свободного владения репертуаром игр и понимания их развивающего потенциала [4], а также мастерства ведущего, необходимого для проведения массовых мероприятий. Интегративный характер универсального уровня проявляется в том, что эффективность одной компетенции напрямую зависит от развитости других.

Профильный уровень компетентности является вариативным и детерминирован спецификой конкретного типа лагеря (палаточный, трудовой, пришкольный и др.). Если универсальные компетенции составляют фундамент, то профильные определяют качественное своеобразие деятельности. Так, для вожатого палаточного лагеря приоритетными становятся компетенции в области обеспечения безопасности в природной среде, экологии и краеведения, а также готовность к преодолению экстремальных нагрузок. Для вожатого трудового лагеря на первый план выходят компетенции тьютора и наставника в конкретной трудовой сфере, а также способность развивать у подростков финансовую и правовую грамотность.

Деятельность вожатого пришкольного лагеря с дневным пребыванием требует иных акцентов. Здесь особое значение приобретает компетенция

интеграции с образовательной программой школы для обеспечения преемственности учебного и воспитательного процессов. В условиях ограниченного времени необходима продвинутая компетенция интенсивной краткосрочной коммуникации, позволяющая быстро устанавливать продуктивный контакт с детьми. Кроме того, вожатый должен обладать способностью эффективно взаимодействовать с администрацией школы и педагогическим коллективом, встраиваясь в существующую внутришкольную систему.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что профессиональная компетентность современного вожатого представляет собой иерархическую структуру, состоящую из универсального (инвариантного) и профильного (вариативного) уровней. Такая двухуровневая модель соответствует общим тенденциям дифференциации образования и позволяет системе подготовки кадров перейти от унифицированного к гибкому и адресному подходу. Современные контексты, такие как цифровизация, инклюзия и новые вызовы безопасности, актуализируют постоянное обогащение содержания обоих уровней. В частности, в структуру универсальных компетенций активно встраивается цифровая компетентность, связанная с использованием цифровых инструментов и профилактикой киберрисков. Таким образом, проектирование программ подготовки вожатых на основе предложенной модели будет способствовать формированию адаптивного, рефлексирующего профессионала, готового к эффективной работе в многогранной педагогической действительности.

Литература:

1. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 5. – С. 34–42.

2. Хуторской, А. В. Педагогическая инноватика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Хуторской. – М.: Академия, 2005. – 256 с.

3. Иванов, И. П. Энциклопедия коллективных творческих дел / И. П. Иванов. – М.: Педагогика, 2005. – 360 с.

4. Тетерский, С. В. Как стать вожатым и остаться в живых: практическое руководство для начинающих и опытных / С. В. Тетерский. – М.: Национальный книжный центр, 2019. – 200 с.

5. Розенберг, М. Язык жизни. Ненасильственное общение / М. Розенберг; пер. с англ. – М.: София, 2012. – 288 с.

6. Меренков, А. В. Игротехника вожатого: учеб.-метод. пособие / А. В. Меренков. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – 152 с.

КИТАЙСКАЯ ПРАКТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРОФИЛАКТИКУ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ: НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМЫ TENCENT «ЗАЩИТА РОСТА»

Чжан Лиюе
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *Технологическое вмешательство является важным измерением в системе профилактики интернет-зависимости среди подростков в Китае. Под руководством политических и нормативных актов интернет-компании активно выполняют свои основные обязанности, разрабатывая и применяя различные технологические инструменты. В данной статье на примере платформы Tencent «Защита роста» систематически рассматривается её технологическая практика в области профилактики интернет-зависимости среди подростков.*

Ключевые слова: *защита несовершеннолетних в интернете; профилактика интернет-зависимости; технологическое вмешательство; платформа Tencent «Защита роста».*

По мере того, как интернет глубоко интегрируется в повседневную жизнь подростков, проблема интернет-зависимости стала серьёзным вызовом, влияющим на здоровый рост несовершеннолетних. Под руководством политических и нормативных актов интернет-компании активно выполняют свои основные обязанности, разрабатывая и применяя различные технологические инструменты для поддержки семей в профилактике интернет-зависимости среди подростков. Среди них практика платформы Tencent «Защита роста» является показательной. В данной статье будут систематически рассмотрены практики технологического вмешательства Tencent в профилактику интернет-зависимости среди подростков с трёх аспектов: ограничение времени игры и проверка личности, использование технологий ИИ для поддержки семейного управления, постоянное обновление технологической оборонительной линии.

Под руководством политических и нормативных актов интернет-компании активно выполняют свои основные обязанности, разрабатывая и применяя различные технологические инструменты для поддержки семей в профилактике интернет-зависимости среди подростков. Среди них практика платформы Tencent «Защита роста» является показательной.

Ограничение времени игры и проверка личности

В соответствии с соответствующими правилами, в течение 29 дней зимних каникул 2026 года несовершеннолетние могут играть в игры в общей сложности 15 часов. Во время зимних каникул Tencent Games запустила режим «специального патрулирования зимних каникул», усиливая проверки с помощью распознавания лиц. Одновременно, в сочетании с технологиями ИИ, постоянно оптимизируются комплексные большие модели «портретов вероятных несовершеннолетних» и «портретов подозрительного черного рынка аренды аккаунтов», усиливается способность различать вероятные аккаунты

несовершеннолетних, проводится многоуровневое патрулирование на ключевых этапах, таких как вход в систему, игровой процесс и пополнение счета, повышая порог для использования чужих аккаунтов в играх и пополнения счета.

Технологии ИИ для управления на уровне семьи

В связи с увеличением времени использования интернета несовершеннолетними во время зимних каникул и потенциальными проблемами, такими как частое использование общих семейных аккаунтов, Tencent Games запустила специальную акцию по защите несовершеннолетних на зимних каникулах 2026 года, экспериментируя с внедрением технологий ИИ и создавая продуктовую матрицу «функции ИИ + прямые эфиры с реальными людьми», чтобы помочь родителям перейти от «пассивного контроля» к «научному управлению».

1. Еженедельный игровой отчет с ИИ: чтобы родители «понимали». Трудность в оценке нормальности игрового поведения и непонимание игрового контента являются одними из распространенных проблем, с которыми сталкиваются родители при контроле. «Еженедельный игровой отчет с ИИ» может регулярно отправлять родителям отчеты с анализом данных, включая продолжительность игры, время игры, сумму расходов, амплитуду изменений, более детально показывая семейную игровую ситуацию. «Еженедельный игровой отчет с ИИ» будет отмечать случаи нахождения в сети после 22:00 или во время учебных занятий, помогая родителям обнаруживать нездоровое игровое поведение, а также объяснять особенности и содержание игр, в которые играет ребенок, предоставляя информационную основу для родительско-детского общения и помогая родителям более полно понимать игровой опыт ребенка. Основываясь на представлении данных и интеллектуальной интерпретации «Еженедельного игрового отчета с ИИ», родители могут более четко сравнивать и оценивать, является ли игровое поведение здоровым, переходя от «контроля по ощущениям» к «контролю на основе фактов».

2. Одно кнопочное управление с ИИ: чтобы родители «могли контролировать». В ответ на проблему «функций много, но не знаю, как выбрать», «Одно кнопочное управление с ИИ» значительно упрощает процесс выбора и операции. Родителям нужно только один раз пройти проверку личности, и система автоматически диагностирует количество, продолжительность игры, расходы и другие параметры игровых аккаунтов, зарегистрированных на их имя, и на основе анализа ИИ предоставляет план «комплексного управления», включая ограничение общего времени игры на нескольких аккаунтах, общий лимит расходов, функции самостоятельной отправки родителями запроса на распознавание лиц для входа в игру и т.д., пользователи могут включить его одной кнопкой по мере необходимости.

3. Родительский помощник с ИИ: чтобы родители «могли узнать». Даже при наличии инструментов некоторые родители по-прежнему сообщают, что им неясны правила, они не уверены в мере контроля, не знают, какая схема подходит для их семьи, как общаться с ребенком. В связи с этим Tencent «Защита роста» запустила «Родительского помощника с ИИ», включающего

энциклопедию правил по защите от зависимости, предварительную диагностику проблем контроля в играх с помощью ИИ, интеллектуальные указания по использованию инструментов и другие услуги. Энциклопедия правил по защите от зависимости предоставляет информацию о политике, правилах, функциях, связанных с защитой от зависимости, включая представление схем контроля различных производителей оборудования и различных операторов, помогая родителям быстро и точно разобраться в правилах защиты от зависимости. Услуга предварительной диагностики с помощью ИИ может, основываясь на предоставленной родителями информации о ребенке, выдать эксклюзивный план контроля и предоставить рекомендации, родители могут выбрать план с подходящей интенсивностью в соответствии с потребностями семьи и включить соответствующие функции контроля.

Постоянное обновление технологической оборонительной линии

Непрерывное обновление системы здоровья сформировало динамическую и взаимосвязанную технологическую оборонительную линию против зависимости. В периоды повышенной частоты использования, такие как каникулы, с помощью более точной идентификации и более предварительного вмешательства, происходит дальнейшее сокращение серого пространства для использования чужих аккаунтов и обхода системы, а также обеспечивается более стабильная технологическая поддержка для родительского контроля. Помимо обновления функций и технологий, в связи с практическими потребностями семейного управления во время зимних каникул Tencent «Защита роста» также запустила ряд сопутствующих мероприятий, например, в феврале было проведено 7 прямых эфиров по практической борьбе с зависимостью во время зимних каникул, с пошаговыми объяснениями на основе реальных сценариев, таких как контроль игр, управление устройствами, защита, осуществляемая старшим поколением, и родительско-детское общение, помогая родителям лучше понять правила, эффективно использовать инструменты и хорошо наладить семейное управление.

Практика платформы Tencent «Защита роста» показывает, что основная ценность технологического вмешательства заключается в том, что оно превращает профилактику интернет-зависимости из простого «запрета» в «направление», из «пассивной тревоги» родителей в «активное управление». С помощью технологий ИИ платформа помогает родителям осуществить переход от «контроля по ощущениям» к «контролю на основе фактов», от «незнания, как выбрать» к «включению управления одной кнопкой», от «непонимания правил» к «возможности получить ответы».

Истинное значение технологических инструментов заключается в предоставлении родителям поддержки для научного управления, чтобы дети могли в цифровую эпоху наслаждаться благами технологий и при этом, здорово расти. Китайские интернет-компании, представленные Tencent, формируют технологическую линию обороны со стороны платформы, внося корпоративный вклад в профилактику интернет-зависимости среди подростков.

Литература:

1. Huanqiu.com. Tencent Games запускает специальную акцию по защите несовершеннолетних на зимних каникулах 2026 года [Электронный ресурс]. (2026-02-05). QQ News. – Режим доступа: https://news.qq.com/rain/a/20260205A05JUB00 – Дата доступа: 14.02.2026.

2. Ху Сю APP. Tencent Games: начало поэтапного тестирования функций, связанных с ИИ на платформе «Защита роста» [Электронный ресурс]. (2026-02-05). – Режим доступа: https://www.huxiu.com/ainews/8479.html – Дата доступа: 14.02.2026.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЕМА JIGSAW НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Плешанова В.Д., Габеева К.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В данной статье рассматривается организация учебного взаимодействия младших школьников на уроках английского языка посредством приема «Jigsaw». Основное внимание уделяется методическим аспектам создания условий для позитивной взаимозависимости и развития умений сотрудничества в процессе работы с иноязычным материалом.*

Ключевые слова: *прием «Jigsaw», учебное взаимодействие, сотрудничество, иностранный язык, групповая работа, интерактивное обучение, кооперативное обучение.*

Актуальность исследования состоит в необходимости формирования у младших школьников навыков учебного взаимодействия и сотрудничества в соответствии с требованиями ФГОС НОО.

Анализ зарубежного опыта показывает, что кооперативные методы обучения, к которым относится и прием Jigsaw, являются стандартом в развитых образовательных системах, ориентированных на формирование навыка коллаборации [2]. В дидактике иностранного языка в начальной школе, как и в современных семантических исследованиях, все больше смещается акцент с индивидуального усвоения знаний на формирование способности обучающихся к учебному сотрудничеству и взаимодействию [7]. Это требование отражено во ФГОС НОО, где развитие коммуникативных УУД, включая умение договариваться, распределять роли и работать на общий результат является одной из приоритетных задач. Прием «Пазл» («Jigsaw») представляет собой не просто технику работы с информацией, а целостную модель организации социально-конструктивистского обучения, при которой знания приобретаются в процессе активного диалога и взаимного обучения. Изначально разработанный психологом Аронсоном Э. для улучшения межгрупповых отношений, сегодня он признан одним из наиболее эффективных методов кооперативного обучения.

Ключевым психолого-педагогическим принципом, лежащим в основе приема «Jigsaw», является позитивная взаимозависимость, когда успех каждого члена группы невозможен без успеха остальных. Как отмечают ведущие

теоретики кооперативного обучения Джонсон Д. и Джонсон Р., именно этот принцип трансформирует группу случайных учеников в сплоченную команду, где возникает взаимная ответственность и поддержка [5]. В контексте младшего школьного возраста, характеризующегося высокой социальной восприимчивостью и потребностью в одобрении сверстников, данный принцип, по мнению Выготского Л. С., работает особенно эффективно, формируя мотивацию, основанную не на соперничестве, а на коллективном достижении в «зоне ближайшего развития (ЗБР)» [3].

Методическая суть приема, подробно описанная такими отечественными специалистами по интерактивным методам, как Лазутова Л. А. и Пискунова С. И., заключается в поэтапной организации работы, имитирующей сборку пазла:

1) Формирование домашних (базовых) групп с общей конечной задачей (например, составить общий рассказ, заполнить сводную таблицу).

2) Распределение фрагментов материала (частей текста, лексики, грамматических правил) между членами домашней группы.

3) Работа в экспертных группах, куда входят «специалисты» по одному фрагменту из разных домашних групп. Их задача – глубоко разобрать материал, договориться о способе его объяснения, оказать друг другу помощь.

4) Возвращение и обучение в домашних группах. Каждый «эксперт» возвращается и обучает своих товарищей, выступая в роли носителя уникальной информации.

5) Консолидация и контроль. Группа собирает воедино все фрагменты, выполняет итоговое задание, а учитель оценивает как групповой продукт, так и индивидуальный вклад каждого [6].

Этот алгоритм, как подчеркивает Алферьева-Термсикос В. Б., создает структурированные ситуации для взаимодействия на двух уровнях: в экспертной группе (взаимопомощь в понимании) и в домашней группе (обучение других и интеграция информации) [1].

Для наглядной демонстрации методики рассмотрим ее применение в рамках конкретных учебных тем. Например, при изучении темы «My pet» в 3 классе, целью которой является активизация лексики, связанной с животными и глаголами действия, работа может быть организована следующим образом. Материалом служит карточка с описанием питомца, разрезанная на 4 смысловых фрагмента: внешность (appearance), способности (abilities), предпочтения (preferences) и среда обитания (home). На первом этапе формируются домашние группы по 4 человека, где каждый ученик получается один уникальный фрагмент. Далее происходит переход в экспертные группы: все «специалисты» по внешности, способностям и другим аспектам объединяются для глубокой проработки своего материала. В этих группах, используя картинки и невербальные средства, дети помогают друг другу с произношением и пониманием лексики, задавая вопросы: How to say “пушистый”? – Fluffy. Затем эксперты возвращаются в свои первоначальные группы и поочередно, используя заготовленные речевые клише (Our pet is …. It can …), знакомят одноклассников со своей частью информации, совместно согласовывая детали будущего общего питомца (Let’s say it’s big and brown!).

Итогом взаимодействия становится создание коллективного рисунка и его короткая устная презентация классу, где каждый член группы вносит вклад в описание.

Другой пример можно реализовать в 4 классе при изучении темы «Seasons» для отработки грамматической структуры “In winter I can …”. Учебной целью становится создание совместного постера «Наши любимые занятия в разные времена года». Каждой домашней группе предоставляются 4 коротких текста-описания (зима, весна, лето, осень), каждый из которых состоит из трех простых предложений. Ученики в группах распределяют между собой роли экспертов по сезонам. На этапе в экспертных группах учащиеся совместно читают текст, разбирают лексику и готовятся отвечать на ключевые вопросы, например, What can you do in winter? Вернувшись в домашние группы, каждый эксперт рассказывает о своем времени года, а остальные участники активно слушают, задают уточняющие вопросы и фиксируют полученную информацию. Завершающим этапом является совместное оформление постера, где визуально и вербально интегрируются знания всех членов команды, после чего следует презентация итогов совместной работы всему классу. Этот процесс, как отмечают Дэвид и Роджер Джонсоны, наглядно воплощает принцип позитивной взаимозависимости, где личный успех эксперта неразрывно связан с успехом его товарищей по основной группе в усвоении всего материала.

Эффективность приема Jigsaw для развития взаимодействия имеет прочное научное обоснование. Классический эксперимент его создателя, Аронсона Э., наглядно показал, что структурированное кооперативное обучение по этой модели не только повышает академические результаты, но и кардинально улучшает социально-психологический климат в разнородных классах, формируя взаимную эмпатию и ответственность.

В отечественном образовательном контексте прикладные исследования также демонстрируют положительный эффект. Так, работа Лазутовой Л. А. и Пискуновой С. И. доказала, что применение приема «Jigsaw» способствует формированию у будущих педагогов ключевых компетенций по организации учебного сотрудничества. Адаптация приема для младших школьников, проведенная Алферьевой-Термсикос В. Б., показала его результативность для развития сплоченности, ответственности за общий результат и преодоления коммуникативных барьеров.

Таким образом, системное использование приема «Jigsaw» способствует не только решению языковых задач, но и формированию важных метапредметных компетенций и навыков, отвечающих вызовам современного образования, где происходит переориентация с трансляции готового знания на проектирование образовательных ситуаций, требующих от обучающихся сотрудничества, обмена ресурсами и совместного решения задач [9]. Перспективными направлениями для дальнейшего изучения остаются вопросы диагностики формируемых навыков сотрудничества и адаптации приема для инклюзивной образовательной среды.

Литература:

1. Алферьева-Термсикос В. Б. Организация взаимодействия младших школьников посредством метода Jigsaw на дистанционных занятиях // Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Россия, г. Ульяновск), 2022. 6-9 с.
2. Бокова Т. Н. Образование в зарубежных странах: состояние и перспективы развития : УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ / Т. Н. Бокова, К. А. Габеева. – Москва : Языки Народов Мира, 2025. – 220 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. —352 с.
4. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 6-е изд., стер. – Москва: Академия, 2009. – 336 с.
5. Джонсон Д., Джонсон Р. Кооперативное обучение: фундамент активного взаимодействия в классе // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. – Л., 1985. – Вып. 5. – 77–84 с.
6. Лазутова Л. А., Пискунова С.И. Использование интерактивных приемов и цифровых инструментов в процессе практической подготовки учителя иностранных языков // Самарский научный вестник. – 2022. – 290-294 с.
7. Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2018. – 304 с.
8. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
9. Современная {цифровая} дидактика : Монография / К. А. Баранников, Т. М. Босенко, А. А. Воронков [и др.]. – Москва : "Издательство Интеллект-Центр", 2024. – 133 с.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛИТЕТА

Галимова Л.А., Суслина В.А.
Научный руководитель: Илюшина А.В.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье рассматривается связь языка и процесса формирования менталитета личности, особенности выражения этого процесса в языке, а также положительные и отрицательные стороны взаимопроникновения ментальных картин мира.*

Ключевые слова: *язык, культура, формирование менталитета, образ мышления.*

Менталитет – это термин, который определяется наличием определенного склада ума, особенного типа мышления, ценностных ориентиров, культурных ценностей. Менталитет является значимым фактором, определяющим взаимоотношения внутри общества, культурных и социальных групп. Благодаря общему взгляду на окружающий мир люди способны строить гармоничные отношения друг с другом, соответственно разность менталитетов может вызывать трудности в понимании иных культур и стран, в особенности при коммуникации с жителями других стран [1, 8, 9].

Менталитет неотрывно связан с языком, на котором говорит человек. Во всем мире существует более 7160 языков, которые относятся к 142 различным языковым семьям. Ими владеют люди, которые имеют разное представление о

жизни, обществе и о других нациях. Кроме того, у каждого человека имеется свое представление о бытии, потому что нас отличают друг от друга воспитание, окружающая среда, окружение людей и материальное положение. При этом, во всех этих реалиях участвует язык. Язык – это не только средство общения, с помощью языка от родителей переходят знания детям. Все мы рождаемся в определенной языковой среде. Мы не замечаем, как язык формирует нас, пока не оказываемся в чужой стране, в безмолвии одиночества или в споре с тем, кто говорит, казалось бы, теми же словами, но живёт в совершенно ином мире смыслов. Наш родной язык – это не только словарь и грамматика. Это первая вселенная, которую мы осваиваем. Она учит нас не только называть вещи, но и чувствовать время, понимать причину и следствие, отличать важное от второстепенного, своё от чужого [7]. За каждым, кажущимся непереводимым, понятием стоит целая философия жизни, которая складывалась веками. Мы впитываем её с первыми сказками, с незаметными репликами учителя и многим другим. К тому времени, когда мы начинаем задумываться о своём мировоззрении, оно уже во многом готово – выстроено тем самым языком, на котором мы думаем.

История знает множество попыток понять власть слова над духом. Философы и лингвисты давно спорят: язык отражает наше видение мира или же он сам это видение формирует? Сильней всего этот вопрос ударил по сознанию науки в XX веке, когда путешествия и войны столкнули между собой народы с совершенно разными картинами реальности. И оказалось, что перевести можно не всё. Что некоторые понятия живут только в одном языке и умирают в другом. Что даже время, пространство и цвет разные народы ощущают и делят по-разному. И главный инструмент этого деления – язык [9].

Яркими примерами связи языка и образа мышления являются фразеологизмы и идиомы. Фразеологизм русского языка «заварить кашу» (начать хлопотное дело) восходит к обычаю угощать бесплатной кашей народ во время княжеских торжеств. Или возьмем другой пример – частое и даже чрезмерное употребление восклицательного знака в русском языке говорит о большей эмоциональности, более ярком проявлении эмоций по сравнению с носителями того же английского языка, где распространены выражения, передающие сдержанность в речи, скрытность: «*Silence is golden*» («Молчание – золото»), «*Brevity is the soul of wit*» («Краткость – душа ума») [6].

В английском языке преобладание аналитических конструкций над синтетическими отражает прагматичный подход к коммуникации: фиксированный порядок слов SVO (*Subject-Verb-Object*), использование вспомогательных глаголов и предлогов вместо падежных окончаний. В то же время, богатый словарный запас в области бизнеса и технологий отражает ориентацию на практическую деятельность, важность профессиональной успешности, технологический прогресс как ценность. Для английского языка также типична лексика, подчёркивающая индивидуальные достижения и ответственность: «*self-made man*» воспринимается как культурный идеал, «*personal responsibility*» выступает ключевым понятием в работе. Широко отмечается использование спортивных метафор в бизнесе и повседневной речи:

«*team player*», «*goal-oriented*», «*win-win situation*», что демонстрирует отражение соревновательного духа культуры, перенос спортивных ценностей в другие сферы жизни [2-4].

В немецком языке можно наблюдать стремление к конкретике и буквальности, что отражается в структуре языка. Например, слово «*Handschuh*» (перчатка) буквально означает «ботинок для руки», «*Kühlschrank*» (холодильник) – «холодный шкаф». Эта особенность отражает прагматичный подход немцев к описанию реальности, когда название предмета точно отражает его функцию.

В области медицины общественные реалии, нравы и обычаи различных эпох также подвергаются метафорической номинации и находят выражение в терминологии. Например: *анатомическая табакерка, альтруистическая смерть клетки, поза гладиатора, походка денди, иерусалимский синдром, олимпийский лоб* и другие [5].

Не возникает сомнений, что язык определяет образ мышления, особенности восприятия действительности, систему ценностей, моральные ориентиры и приоритеты, традиции и обычаи семьи, которые, в свою очередь, формируют определенное направление мышления. У каждого человека складывается картина мира с жизненными предпочтениями. Таким образом, язык действительно можно назвать судьбой менталитета – но не в смысле неотвратимого приговора, а в смысле пути, который он прокладывает.

Согласно исследованиям, на формирование менталитета оказывают влияние следующие факторы:

- исторический опыт (прошлые события оставляют след на сознании народов, в особенности национальные трагедии);
- психологический фактор (совокупность особенностей мышления и эмоциональные реакции влияют на психотип);
- социальные институты (школа, семья, университет и государство воспитывают определенные ценности и представления о мире);
- этнические и религиозные особенности, природа, географическое местоположение значительно влияет на формирование черт характера.

Кроме того, менталитет может быть изменен в соответствии с определенными обстоятельствами. К примеру, переезд в другую страну – это новая среда, окружение людей, у которых другие интересы и идеалы. Человеку предстоит адаптироваться к этому новому окружению, выработать привычки и найти подход к незнакомым нормам поведения, оправдать ожидания окружения. Разумеется, данный процесс подразумевает культурную интеграцию, погружение в новые культурные элементы, такие как музыка, еда, искусство, особенности языка и праздники. Безусловно, на начальном этапе может быть недопонимание в виде языкового барьера или конфликты, вызванные незнанием местной культуры. Со временем человек приучается уважительно относится к чужим взглядам и находить компромиссы. Бесспорно, человек вынужден провести глубокий анализ и переоценку собственных убеждений и представлений о жизни. Но, в то же время, он получает возможность видеть преимущества и недостатки прежнего и нового подходов к оценке

действительности, развивая гибкость мышления. Исследователи указывают, что переход из одного менталитета в другой оказывает как положительное, так и негативное влияние на личность, затрагивая личные, социальные и профессиональные сферы жизни человека [1, 8, 9].

Очевидно, к положительной стороне относится расширение кругозора и мировоззрения. Когда жизнь проходит в иной культурной среде, происходит расширение кругозора, обогащение личного опыта, развитие аналитических способностей, человек получает возможность посмотреть на вещи глазами других людей. Действительно, знание одного или более языков помимо родного языка повышает уровень межкультурной компетенции.

Опыт деятельности в другой культурной среде может обеспечить карьерный рост за счет налаживания профессиональных связей и улучшения профессиональных навыков благодаря изучению иных стратегий и подходов к решению профессиональных задач. Зачастую иная культурная и языковая среда способствует разоблачению скрытых талантов и определенных личностных качеств, можно открыть что-то новое в себе.

В то же время следует обратить внимание, что к негативной стороне иноязычной и «инокультурной» коммуникации исследователи обычно относят стресс и тревогу в связи с адаптацией к новому окружению, беспокойство и неприятные ощущения, что ты находишься где-то не на своем месте или тоска по родине, по родным людям. Иногда наблюдается чрезмерная адаптация и изменение собственного менталитета при длительном нахождении в окружении круга людей иной культурной принадлежности. Это обусловлено,сложностями в установлении дружеских связей из-за языкового барьера на начальном этапе и поддержания своих ценностей и традиций, что способствует внутреннему противоречию и борьбе с самим собой, заставляя самого себя выбирать между двумя системами ценностей.

Таким образом, переход из одного менталитета в другой носит положительный и отрицательный характер. С одной стороны, это даёт инструмент для глобального взаимопонимания, с другой – несёт риск размывания уникальных черт национальных менталитетов, их своеобразной «гибридизации». Более тревожной тенденцией является стремительное исчезновение малых языков. Каждый язык, уходя в небытие, уносит с собой целую вселенную – уникальный способ категоризации опыта, систему метафор, особый взгляд на природу и человеческие отношения. Это потеря не только лингвистическая, но и общечеловеческая, обедняющая когнитивное и культурное разнообразие нашего вида.

На современном этапе,можно наблюдать рождение нового феномена – языка интернет-пространства, со своим сленгом, мемами и правилами. Он порождает стремительно меняющиеся субкультурные менталитеты со своими ценностями и юмором, что открывает новое поле для изучения того, как язык продолжает творить реальность здесь и сейчас.

Выводы. Таким образом, менталитет – это ни что иное, как история, застывшая в грамматике, география, отзвучавшая в поговорках, коллективный опыт, уснувший в значении самых простых, бытовых слов вроде «порядок»,

«воля» или «дом». Но парадокс в том, что, осознавая власть родного языка над собой, человек обретает и первую степень свободы от неё. Увидев границы своей вселенной, он может сделать шаг за её пределы. Билингвизм, погружение в иную культуру, труд перевода – всё это не стирает личность, а делает её глубже. Человек, способный думать на двух языках, подобен жителю пограничья: он знает, что за холмом начинается другая земля с иными красками, и эта двойная перспектива становится его главным богатством. Сохранить язык – значит сохранить уникальный инструмент познания, особый способ быть в мире. Потерять его – значит навсегда закрыть одну из дверей в реальность. Задача сегодняшнего дня – не выбрать между «своим» и «чужим», а научиться жить в диалоге этих голосов, понимая, что каждый язык говорит о мире правду, но ни один – всю правду целиком. И в этом осознании – наша надежда на то, что человечество не сведётся к единому, удобному коду, а останется живым, сложным и удивительно разным полифоническим целым.

Литература:

1. Добычина, О. А. Язык и менталитет: проблема взаимодействия // Философия и наука. 2013. Т. 12. С. 93-98.

2. Козлова, Л. Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник. 2016. № 5(19-2). С. 53-64.

3. Левина, В. А. Значение интерпретации в формировании языковой картины мира // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 6. С. 65-72.

4. Нейман, В. Л. Фразеология как индикатор уникальных национальных и культурных особенностей английского языка // Архонт. 2025. № 9(60). С. 83-90.

5. Панфилова В.В., Туря И.П. Медицинская метафора как результат взаимосвязи культуры и медицины // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы: материалы IV Международной научно-теоретической конференции / под общей редакцией д.м.н. проф. Сучкова И.А.; ред. кол.: Л.Ф. Ельцова, Э.А. Кечина, М.А. Калинина; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. Рязань: ОТСиОП, 2022. С. 113-116.

6. Спатарь-Козаченко, Т. И. Межъязыковое сопоставление идиом: лингвокультурный аспект русского, китайского и английского языков // Сервис plus. 2025. Т. 19, № 3. С. 210-219. DOI 10.5281/zenodo.16979917.

7. Ткачева, Ю. Г., Кравчук Д. В. Лингвокультурный концепт как инструмент формирования металитета общества // Поколение будущего : сборник статей XLIX международной научной конференции, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2024. С. 43-47.

8. Чугурова, А. А., Горбачева Ю. М. О влиянии языка на формирование культурных ценностей и норм // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : Материалы X Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 октября 2023 года. Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2023. С. 242-247.

9. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2018. 304 с.

СИМФОНИЯ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДИК ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИННОВАЦИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

Чжэн Юэчуань
Научный руководитель: Поддубская Е.А.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье проводится сравнительный анализ методик обучения игре на традиционных музыкальных инструментах Китая и Беларуси. Рассматриваются исторические основы педагогических школ, современные подходы к преподаванию и влияние цифровых технологий на образовательный процесс. Делается вывод о потенциале взаимного обогащения двух национальных педагогических традиций.*

Ключевые слова: *традиционные музыкальные инструменты, сравнительная педагогика, методика обучения, Китай, Беларусь, культурное наследие.*

В современном мире, характеризующемся процессами глобализации и унификации культур, вопросы сохранения национальной идентичности приобретают особую остроту. Одним из важнейших проводников культурного кода народа является традиционная музыка и, в частности, обучение игре на национальных музыкальных инструментах. Китай и Беларусь, обладая богатейшими музыкальными традициями, демонстрируют различные подходы к передаче этого наследия новым поколениям.

Цель данной работы – сравнительный анализ методик обучения игре на традиционных музыкальных инструментах двух стран, выявление их специфических черт, общих тенденций и точек соприкосновения в контексте культурного наследия и инноваций в образовании.

Исторические основы формирования педагогических школ в Китае и Беларуси имеют принципиальные различия, обусловленные спецификой культурного развития. Китайская традиция инструментального исполнительства насчитывает тысячелетия и всегда была тесно связана с философско-религиозными учениями – конфуцианством и даосизмом. Метод «синь чуань» (передача от сердца к сердцу), предполагающий неразрывную связь учителя и ученика, глубокое погружение в философию инструмента, долгое время оставался основополагающим. Обучение игре на цитре цинь или пипе было не просто освоением ремесла, а путем духовного совершенствования. Белорусская же профессиональная инструментальная педагогика, при богатстве народных традиций игры на дуде, лире, позднее – на цимбалах, сформировалась преимущественно в XIX–XX веках под сильным влиянием западноевропейской академической музыкальной школы. Это наложило отпечаток на системность, структурированность и ориентацию на нотный текст как на первичную основу обучения.

Современные методики обучения в обеих странах демонстрируют интересный синтез традиции и новаторства. В Китае на протяжении последних десятилетий наблюдается процесс активной академизации традиционного исполнительства. Созданы разветвленные системы начального, среднего и высшего музыкального образования, где игра на национальных инструментах изучается наравне с европейскими. Методики стали более унифицированными, появились подробные школы игры, технические этюды, хрестоматии. При этом сохраняется глубокое внимание к интонированию, к передаче национального музыкального языка, характерного для конкретного инструмента. В Беларуси система обучения игре на национальных инструментах, прежде всего на цимбалах, баяне, домре, также интегрирована в академическую систему. Особенностью белорусской школы является ярко выраженная ориентация на фольклорные истоки, активное использование обработок народных мелодий в педагогическом репертуаре. Методика часто строится от освоения народной манеры звукоизвлечения к последующему овладению академическими приемами.

Сравнивая конкретные подходы к начальному этапу обучения, можно выделить как общие, так и специфические черты. В обеих странах большое значение придается постановке исполнительского аппарата, развитию чувства ритма и музыкального слуха. Однако китайская методика, особенно на начальном этапе обучения игре на струнно-щипковых инструментах, делает сильный акцент на освоении огромного количества традиционных орнаментальных приемов (мелизмов), которые являются не просто украшением, а неотъемлемой частью мелодической линии и национального тембра. Это требует от ученика раннего погружения в специфическую звуковую эстетику. В белорусской же методике, например, в обучении игре на цимбалах, первостепенное внимание уделяется качеству удара, координации рук и освоению различных фактурных приемов, что связано с аккордово-гармонической природой инструмента и его ролью в ансамбле.

В последние десятилетия обе педагогические школы активно осваивают инновационные подходы. Развитие информационных технологий привело к появлению электронных учебных пособий, мобильных приложений для настройки инструмента и тренажеров ритма, видео-мастер-классов. В Китае широкое распространение получили системы онлайн-обучения, позволяющие заниматься с ведущими педагогами из других городов. Это способствует унификации методик, но одновременно ставит вопрос о сохранении локальных исполнительских традиций. В Беларуси также активно внедряются цифровые технологии, но сохраняется сильная приверженность системе индивидуальных занятий как основному методу передачи тонкостей исполнительского мастерства и «живого» музыкального опыта.

Особого внимания заслуживает сравнение роли конкурсно-фестивального движения в образовательном процессе. В Китае конкурсы исполнителей на национальных инструментах имеют массовый характер, являясь мощным стимулом для учащихся и важным элементом профессионального роста. Это формирует высокую конкурентность и ориентацию на виртуозность. Белорусские конкурсы и фестивали, такие как знаменитый «Звіняць цымбалы і

гармонік», также играют важную роль, но в них зачастую сильнее акцентируется не только техническое совершенство, но и сохранение аутентичности, связь с региональными народными традициями, что отражает европейский подход к фольклоризму.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ методик обучения игре на традиционных музыкальных инструментах Китая и Беларуси выявляет как глубокие исторические различия, так и современные тенденции к сближению. Китайская школа демонстрирует уникальный опыт масштабной академизации древних традиций, создавая мощную педагогическую систему, сохраняющую национальную специфику. Белорусская школа, базируясь на европейских академических принципах, находит пути органичного включения аутентичного фольклорного материала в современный образовательный процесс. Взаимный интерес и изучение опыта двух стран могут стать основой для плодотворного сотрудничества и взаимного обогащения педагогических методик, что будет способствовать сохранению и развитию культурного наследия в XXI веке.

Литература:

1. Ли Мин. Традиционная китайская музыка и проблемы музыкального образования. – Пекин: Музыкальное издательство, 2019. – 215 с.

2. Нисневич И.И. Белорусские народные музыкальные инструменты: история и современность. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 187 с.

3. Чжан Вэй, Сяо Ин. Сравнительная педагогика в области музыкального образования: Китай и страны Европы. – Шанхай: Консерватория, 2021. – 198 с.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СИНЕРГИЯ КАК ПРАКТИКА ДИАЛОГА СУБКУЛЬТУР ДЕТСТВА И СТАРОСТИ, НАХОДЯЩИХСЯ В ИНТЕРНАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Савостьян А.В., Островская А.А.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье обосновывается психолого-педагогическая модель взаимодействия, рассматривающая межпоколенческую коммуникацию как диалог субкультур детства и старости. Синергия возрастных групп преодолевает социальную изоляцию и формирует устойчивые эмоциональные связи.*

Ключевые слова: *межпоколенческая коммуникация, синергия, социальная изоляция, субкультуры детства и старости, диалог культур.*

Современное общество сталкивается с парадоксом: при формальном увеличении продолжительности жизни и развитии социальных институтов наблюдается углубление разрыва между поколениями. Особенно остро этот разрыв проявляется в условиях институциональной сегрегации, где представители возрастных групп не просто разделены, а лишены возможности диалога как такового. Детство и старость в данном контексте выступают не просто возрастными периодами, а особыми субкультурами, каждая из которых

обладает уникальным языком, ценностями, способами восприятия мира и трансляции опыта.

Проблема межкультурной коммуникации традиционно рассматривается на материале этнических или национальных культур. Однако, с точки зрения психолого-педагогического подхода, возрастные субкультуры представляют собой не менее сложный объект для исследования. Отсутствие диалога между субкультурами детства и старости приводит к депривации базовых психологических потребностей: у детей – в наставничестве и семейном тепле, у пожилых людей – в трансляции опыта и ощущении «нужности». Преодоление этого разрыва требует не просто организации досуга, а создания *синергетической среды*, где происходит взаимное культурное обогащение.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на конец 2024 года в домах-интернатах для престарелых и инвалидов (ныне пансионатов) в нашей стране проживало 18,2 тыс. людей пожилого возраста. Тем временем в детских интернатных учреждениях и детских домах семейного типа проживает 4,6 тыс. детей. Обе категории находятся в условиях институциональной сегрегации, будучи в определённой степени изолированными не только от общества в целом, но и друг от друга [1].

Дети в интернатах испытывают дефицит семейного тепла и индивидуального внимания, что актуализирует необходимость переключения их фокуса с личных переживаний на позитивное взаимодействие и проявление заботы [2].

Пожилые люди, в свою очередь, остро нуждаются в ощущении значимости и возможности передачи опыта, поскольку снижение социального статуса и сужение круга общения порождают экзистенциальный вакуум [3].

Институциональная форма организации способствует закреплению межпоколенческой дистанции: дети и пожилые люди, находясь в системе закрытых учреждений, фактически не имеют площадок для естественного контакта. В качестве инструмента сближения предлагается модель межпоколенческой коммуникации, предполагающая формирование пространства, в котором дети через взаимодействие со старшим поколением развивают эмпатию и ответственность, а пожилые люди обретают востребованность и реализуют наставническую функцию.

Данная модель основана на принципе синергии – объединении человеческих ресурсов для достижения большего эффекта. Апробация модели позволит оценить её эффективность и выявить оптимальные условия для применения в различных социальных контекстах. Синергетическая платформа выступает новой формой межпоколенческой коммуникации, впервые объединяющей носителей субкультур детства и старости через четыре взаимосвязанных фактора:

- *индивидуальные силы*, включающие в себя опыт и знания старшего поколения, а также эмоциональность и открытость детей;
- *общественные силы*, которыми выступает взаимодействие государственных учреждений социального обслуживания;
- *культурные силы* – это потенциал межпоколенческого взаимодействия,

направленный на укрепление эмоциональных связей, создание чувства принадлежности и культурный обмен поколений;

• *контекстуальные силы*, для которых играет роль энергия и целеустремлённость инициаторов взаимодействия.

Инструментом реализации данной платформы выступает *модель взаимодействия 4С* (рис. 1), представляющая собой последовательный процесс формирования и развития межпоколенческой коммуникации. Четыре взаимосвязанных этапа – *Стремление, Соединение, Соучастие, Состояние* – обеспечивают постепенный переход от первичной мотивации к устойчивому диалогу между представителями разновозрастных субкультур. Каждый этап решает конкретную задачу: формирование готовности к контакту, установление эмоциональной связи, углубление взаимодействия через совместную деятельность и закрепление коммуникативных практик. Логика модели позволяет выстроить *целостную систему культурного обмена*, в которой пожилые люди и дети выступают равноправными субъектами коммуникации.

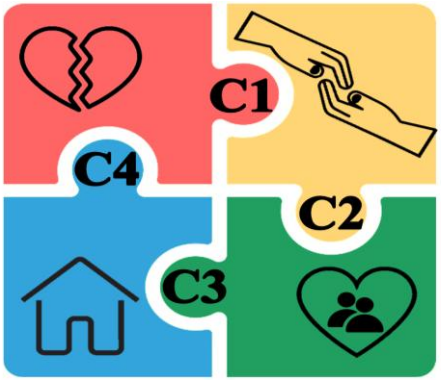

Рисунок 1 – Модель взаимодействия 4С.

С1 – Стремление – начальный этап, на котором основное внимание уделяется выявлению и формированию взаимного интереса как у пожилых людей, так и у детей. Важно, чтобы участники были готовы к взаимодействию друг с другом как носителями разного культурного опыта и осознавали задачи совместной деятельности. Цель этапа – создать мотивацию для взаимодействия и подготовить участников к следующему этапу.

С2 – Соединение – на этом этапе акцент делается на создание условий для непосредственного взаимодействия между пожилыми людьми и детьми. Здесь проводятся первые встречи как акт межкультурного контакта: знакомство с возрастными традициями, играми детства пожилых, современными увлечениями детей. Цель этапа – установить эмоциональную связь между участниками и создать базу для дальнейшего взаимодействия.

С3 – Соучастие – данный этап сосредоточен на развитии устойчивых и значимых отношений между поколениями через регулярный культурный обмен посредством совместной деятельности: творческие мастерские, кулинарные практики, чтение, занятия по ландшафтному дизайну. Эти мероприятия способствуют взаимодействию и передаче культурного наследия. Цель этапа –

углубить эмоциональную связь и создать чувство общности между участниками.

С4 – Состояние – завершающий этап ориентирован на закрепление коммуникативных практик и формирование устойчивой системы поддержки, позволяющей участникам сохранять отношения после окончания регулярных встреч. Цель этапа – обеспечить долговременный эффект взаимодействия и воспроизводство модели в других условиях.

Предложенная модель демонстрирует потенциал социальной работы как инструмента организации межпоколенческой коммуникации между носителями субкультур детства и старости. Регулярная совместная деятельность создаёт условия для взаимного культурного обмена: дети не только развивают коммуникативные навыки и эмпатию, но и усваивают модели семейного поведения через контакт со старшим поколением. Пожилые люди, в свою очередь, преодолевают состояние социальной изоляции, обретая утраченную функцию наставников и чувство принадлежности к сообществу. Таким образом, предложенная модель демонстрирует эффективный психолого-педагогический инструментарий для организации межкультурного диалога между поколениями. Синергия двух возрастных субкультур выступает не только ресурсом их социальной интеграции, но и конкретным примером того, как педагогически организованное общение преодолевает культурные и психологические барьеры.

Литература:

1. Статистический ежегодник 2024. Республика Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; ред. кол. : И. В. Медведева [и др.]. – Минск, 2024. – 317 с.

2. Магомедова А. Н. Психологические особенности детей-сирот / А. Н. Магомедова // МНКО. – 2014. – №3 (46). – С. 27-29. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-detey-sirot (дата обращения: 01.02.2026).

3. Северин А. В. Социально-психологическая адаптация пожилых людей к изменяющемуся миру: психологические проблемы пожилых и способы их решения : монография / А.В. Северин. – Брест : Альтернатива, 2020. – 84 с.

ПРОФИЛАКТИКА ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

Купреева Д.Ю.
Научный руководитель: Погодина Е.К.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье рассматривается научно-практический потенциал арт-терапии как инструмента профилактики виктимизации подростков. На основе анализа личностных детерминант виктимного поведения доказывается, что низкая самооценка и дефицит самопознания являются базовыми факторами формирования роли «жертвы».*

Ключевые слова: *виктимность, подростки, самооценка, самопознание, Я-концепция, психологическая устойчивость, профилактика, арт-терапия.*

Подростковый возраст – это период развития личности, соответствующий переходу от детства к взрослости, характеризующийся качественными изменениями в самосознании, системе отношений и социальном статусе. Подростковый возраст является критическим периодом для формирования целостной личности, где центральными задачами выступают становление адекватной самооценки и углубление самопознания [1].

Будучи по своей природе социальным существом, человек находится в прямой зависимости от общественных отношений: для него принципиально важны оценки окружающих, признание его способностей, личностных качеств и внешних характеристик. Однако не менее значимой является «самооценка» – внутреннее отношение к самому себе, формирующееся на протяжении всего жизненного пути. Именно от уровня восприятия собственных достоинств и недостатков зависят социальная активность личности, ее уверенность в своих силах и положение в общественной иерархии.

Самопознание представляет собой непрерывный психический процесс постижения собственных качеств, свойств, интеллектуальных особенностей, черт характера и специфики межличностного взаимодействия. Данный процесс обеспечивает целостность и развитие личности на протяжении всей жизни. Формирование самопознания происходит поэтапно, коррелируя с процессом отражения внешнего мира и углублением познания собственной субъектности.

В структуре самопознания выделяют три уровня, соответствующих сферам организации индивида:

1. биологический уровень – идентификация себя как отдельного живого организма;
2. социальный уровень – освоение социальных норм, умений и способности к научению;
3. личностный уровень – реализация права выбора, принятие ответственности за решения и жизненное самоопределение.

Центральное место в структуре самосознания занимает самооценка. В психологии под ней понимается система представлений личности о себе, сформированная на основе сравнения своих качеств с качествами окружающих. Эти представления являются ключевым фактором в конструировании образа собственного «Я».

Самооценка проявляется не только во внутреннем самоощущении, но и во внешних реакциях, например, в том, как индивид оценивает достижения других людей. Важнейшую роль в этом процессе играют внешние оценки социума и объективные результаты деятельности индивида [2]. Становление личности возможно исключительно в пространстве социального взаимодействия; вне общества развитие полноценной личности неосуществимо, так как все её структурные элементы возникают в контексте совместной деятельности [3].

В современной психологии выделяют следующие виды и уровни самооценки:

– адекватная (оптимальная) – объективно отражает реальные способности и качества личности, соответствуя действительности;

– неадекватная (неоптимальная) – характеризуется значительным отклонением от реальности в сторону завышения или занижения.

Стоит отметить, что склонность оценивать себя несколько выше среднего уровня часто рассматривается как психологическая норма. Однако устойчивая самооценка как компонент самосознания должна сохранять стабильность вне зависимости от ситуативных факторов.

Люди с завышенной самооценкой склонны к доминированию, стремятся находиться в центре внимания и брать на себя единоличную ответственность. Для данного типа личности характерны:

– неприятие критики и раздражительность при столкновении с чужим мнением;

– комплекс превосходства и убежденность в собственной непогрешимости;

– отказ от внешней поддержки и помощи;

– склонность делегировать вину за неудачи окружающим;

– эгоцентризм и пренебрежительное отношение к другим.

Крайние формы самооценки (как чрезмерно высокая, так и чрезмерно низкая) провоцируют внутриличностные конфликты. Заниженная самооценка часто коррелирует с развитием «комплекса неполноценности», высокой тревожностью, самообвинением и отсутствием инициативы.

Формирование самооценки – это сложный процесс синтеза различных её компонентов, которые могут находиться в состоянии противоречия или дополнения. Личность постоянно концентрируется на внутреннем мире, стремясь определить свою значимость в системе социальных связей [4].

Проведенное среди учащихся 8-9 классов учреждений общего среднего образования г. Минска исследование выявило у 18% подростков низкий уровень самооценки, коррелирующий со склонностью к виктимному поведению. Подростки с низкими показателями по шкале «Я-концепции» чаще демонстрируют тревожность и неуверенность, попадая в группу риска.

В условиях современного мира, насыщенного информационными и социальными вызовами, многие подростки испытывают трудности в понимании себя, принятии своих особенностей и построении устойчивого позитивного самоотношения. В связи с этим поиск эффективных, косвенных и экологичных методов психолого-педагогической поддержки приобретает особую значимость. Арт-терапия, опираясь на невербальные каналы коммуникации и символическое творческое самовыражение, создает уникальные условия для рефлексии и безопасного выражения и трансформации внутреннего опыта. Это делает ее эффективным инструментом для коррекции самооценки и содействия процессам самопознания в подростковом возрасте.

В классической интерпретации арт-терапия представляет собой профессиональный психологический и психотерапевтический инструмент, направленный на коррекцию психики индивида посредством художественного творчества. Этимологически термин происходит от английского art (искусство) и therapy (терапия). В более узком, прикладном смысле арт-терапия понимается как использование изобразительного творчества с целью целенаправленного воздействия на психоэмоциональную сферу [5].

Применение арт-терапии в образовательной среде представляет особую научно-практическую ценность, так как данный метод базируется на способности личности к спонтанному самовыражению и исследованию внутренних ресурсов через созидательную деятельность. Рисование, конструирование и игровая активность являются естественными формами познания мира для детей и подростков. В рамках арт-терапевтических сессий создается безопасное пространство, позволяющее участнику экстернализировать свои переживания на бумаге или в пластических образах, а также проработать сильные стороны личности через погружение в ресурсные состояния. Данный подход демонстрирует высокую эффективность в случаях, когда индивид испытывает трудности с вербализацией своих внутренних состояний [6].

Как специализированная форма психологической помощи, арт-терапия опирается на невербальную коммуникацию между субъектом и психологом, а также между автором и продуктом его творчества. Вовлечение в созидательный процесс активирует такие психологические механизмы, как сублимацию, проекцию, диссоциацию и интеллектуализацию. Это открывает доступ к бессознательным структурам психики, позволяя в символической форме объективировать суть психологического затруднения и найти вариативные способы его разрешения [7].

Арт-терапия, как метод психологической работы, основанный на использовании художественного творчества для выражения и осмысления внутренних переживаний, предоставляет уникальный невербальный канал для такой работы. Ее потенциал заключается в создании безопасного пространства для проекции и рефлексии, что делает ее эффективным средством развития самооценки и самопознания в подростковом возрасте [8].

На основе результатов проведенного исследования была разработана программа «Развитие самооценки подростков средствами арт-терапии», включавшая 10 занятий («Знакомство с собой», «Преодоление барьеров самооценки», «Сила позитивных утверждений», «Мой путь к уверенности», «Рисуем свое будущее» и др.) с использованием арт-терапевтических техник: рисования, создания масок, коллажей и др. Программа ориентирована на подростков 12–14 лет, склонных к виктимному поведению, и направлена на укрепление их самоценности как базового антивиктимного фактора. Цель программы: развитие позитивной Я-концепции у подростков с помощью методов арт-терапии.

Апробация программы в учреждениях образования показала ее эффективность: наблюдается сокращение числа учащихся с высоким уровнем виктимности, улучшение психоэмоционального состояния участников программы, повышение самооценки и уверенности в себе.

Таким образом, в современной психолого-педагогической практике арт-терапия является перспективным методом формирования благоприятной образовательной среды. Она способствует гармоничному психическому развитию учащихся, раскрытию их индивидуально-личностных ресурсов и выступает высокоэффективным средством психологической коррекции личности посредством художественного творчества.

Литература:

1. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития / под ред. Т. В. Ермоловой. СПб.: Питер, 2013. 940 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
3. Кулагина И. Ю. Психология развития и возрастная психология: учеб. пособие. М., 2011. 432 с.
4. Кашкуш А. Специфика формирования самооценки в подростковом возрасте // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). С. 70–72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-formirovaniya-samootsenki-v-podrostkovom-vozraste (дата обращения: 14.02.2026).
5. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 1024 с.
6. Матанцева Т. Н. Особенности психологического изучения детей с отклонениями в развитии // Молодые исследователи. 2016. С. 143–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskogo-izucheniya-detey-s-otkloneniyami-v-razvitii (дата обращения: 14.02.2026).
7. Копытин А. И. Практикум по арт-терапии. СПб.: Питер, 2000. 448 с.
8. Осипова А. А. Общая психокоррекция: учеб. пособие. М.: ТЦ Сфера, 2004. 512 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Карамнов С.А., Татанова Л.И.
РГУ им. С.А. Есенина, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья рассматривает роль цифровых образовательных ресурсов в развитии функциональной грамотности школьников при обучении английскому языку, акцентируя интеграцию цифровых и языковых компетенций в условиях смешанной реальности.*

Ключевые слова: *цифровые образовательные ресурсы, функциональная грамотность, английский язык, школьники, смешанная реальность, цифровая компетентность.*

С учётом цифровой трансформации общества функциональная грамотность обретает новое качество – цифровую функциональную грамотность. Она охватывает умение эффективно использовать цифровые технологии для решения повседневных и учебных задач, что делает цифровые и функциональные компетенции взаимодополняющими. Именно цифровая функциональная грамотность отвечает требованиям современной «смешанной реальности», в которой обучение и жизненный опыт тесно переплетаются с информационно – коммуникационными технологиями. В этом контексте умение критически и безопасно применять цифровые инструменты становится неотъемлемой частью образовательного процесса.

Теоретические подходы к формированию цифровой функциональной грамотности базируются на двух взаимодополняющих моделях: инструментально-методологической, ориентированной на освоение приемов и методов работы с

цифровыми средствами, и компетентностной, направленной на развитие комплексных цифровых компетенций. Важную роль играет овладение сквозными цифровыми технологиями, среди которых компьютерное моделирование выделяется как универсальный метод, способствующий развитию навыков, необходимых для профессиональной и социальной активности.

Интеграция понятий цифрового обучения и функциональной грамотности формирует основу современных образовательных стратегий. Использование цифровых образовательных технологий предоставляет обучающимся возможности для развития необходимых компетенций в условиях постоянно меняющегося цифрового общества. Это позволяет адаптировать образовательные программы под требования смешанной реальности, повышая качество и эффективность обучения, а также готовя учеников к успешной жизни в цифровом мире [4, 6, 9, 10].

Для формирования функциональной грамотности средствами английского языка у школьников используются разнообразные цифровые образовательные ресурсы, охватывающие разные языковые навыки и предлагающие гибкие форматы занятий. Среди основных типов таких ресурсов можно выделить платформы для развития лингвистической и социолингвистической компетенций.

В категории ресурсов для тренировки говорения популярны канал Speak English With Vanessa, предлагающий диалоги и лексику в живом формате. Также сайты, подобные Basic English Speaking, предоставляют подборки слов и фраз для ежедневной практики, что способствует развитию навыков непринужденного общения [1].

Для совершенствования навыков чтения активно используются сайты с адаптированными текстами, такие как News in levels, где новости представлены в трех уровнях сложности, Breaking news English с материалами для различных уровней от A1 до C1 и Learn English — New с короткими историями и книгами, что позволяет плавно повышать сложность и развивать читательскую компетенцию.

Работа с грамматикой осуществляется с помощью ресурсов, таких как English grammar online, Perfect English grammar, и English grammar. Они предлагают как теоретические материалы, так и упражнения по темам, структурированные по уровням владения языком, что помогает систематизировать и закреплять грамматические знания.

Для расширения лексического запаса существуют приложения Phrasal verbs и Word formation, которые разделяют упражнения по уровням сложности, а также интерактивные ресурсы, например, Lyrics training, где обучение происходит через песни с пропусками слов, и Lexican, обучающий словам в контексте с синонимами. Эти сервисы делают процесс запоминания слов разнообразным и более увлекательным.

Применение цифровых образовательных ресурсов в обучении английскому языку способствует развитию функциональной грамотности школьников за счёт расширения умений применять языковые знания в различных ситуациях. Анализ результатов показывает, что цифровые технологии формируют не только традиционные навыки чтения и письма, но и способствуют развитию

критического мышления, способности работать с информацией и адаптироваться к динамическим условиям обучения. В частности, интерактивные среды и мультимедийные материалы стимулируют способность структурировать информацию, корректно интерпретировать тексты и применять знания в новых контекстах, что является ключевым для функциональной грамотности [5, 7].

По мнению профессора Костиковой Л.П., практическая направленность обучения находит свое отражение в подготовке презентаций по теме исследования на иностранном языке. При подготовке выступления с презентацией обучающиеся отрабатывают произношение и готовятся к публичным выступлениям на иностранном языке [2].

Использование платформ с мгновенной обратной связью и адаптивными заданиями, как в примерах практической интеграции, способствует контролю и коррекции учебного процесса в режиме реального времени. Это позволяет выявлять слабые места у каждого ученика и направлять усилия на их преодоление, тем самым улучшая качество усвоения языкового материала и укрепляя умения, важные для самостоятельного применения знаний. Особую роль играет развитие цифровой компетентности – учащиеся учатся эффективно использовать цифровые инструменты для выполнения учебных заданий и коммуникативных задач в смешанной онлайн-офлайн среде, что расширяет их возможности для самообразования и профессиональной ориентации в будущем [7, 9].

Дополнительным эффектом цифрового обучения становится повышение мотивации и вовлечённости школьников в учебный процесс. Геймифицированные задания, проектная деятельность и коллективное взаимодействие через цифровые платформы способствуют формированию умений работать в команде, творчески и критически подходить к решению задач, что является важным аспектом формирования глобальных компетенций и креативного мышления. Такое комплексное развитие способствует не только успешному усвоению английского языка, но и развитию многоаспектной функциональной грамотности, востребованной в современных условиях [3, 8].

Пандемия COVID-19 стала катализатором активного внедрения цифровых образовательных технологий, что ускорило адаптацию педагогов и учащихся к новым форматам обучения. В результате участники образовательного процесса приобрели опыт работы в цифровой среде, что повысило готовность детей эффективно использовать технические средства в учебе и жизни. Это отражается на формировании новой цифровой функциональной грамотности, сочетающей владение традиционными языковыми навыками и умение адаптироваться к смешанной реальности, насыщенной цифровыми коммуникациями и сервисами [8, 9].

Исследования, проведённые в образовательных организациях, подтверждают, что активное использование цифровых ресурсов улучшает учебные достижения, особенно у тех школьников, для которых традиционные методы были менее эффективны. Наиболее заметный прогресс наблюдается в развитии читательской и математической грамотности в контексте английского языка, что связано с использованием интерактивных задач и адаптивных платформ, предоставляющих персонализированный образовательный опыт. Это

свидетельствует о том, что цифровое обучение способно качественно повысить уровень функциональной грамотности посредством комплексного и гибкого подхода к обучению [7, 8].

Литература:

1. 19 ресурсов для изучения английского вне урока [Электронный ресурс] // skyteach.ru – Режим доступа: https://skyteach.ru/survey/19-saytov-dlya-izucheniya-anglijskogo/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 26.01.2026).

2. Актуальные вопросы подготовки специалистов в современных условиях / И. А. Мурог, А. Ф. Маруков, Л. П. Костикова [и др.]. – Рязань : Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2023. – 183 с. – ISBN 978-5-907635-17-3. – EDN BYVNJT.

3. Бадаква А.С. Использование цифровых образовательных технологий для развития функциональной грамотности учащихся: анализ интерактивных методик // Вестник науки. 2024. №11 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyh-obrazovatelnyh-tehnologiy-dlya-razvitiya-funktsionalnoy-gramotnosti-uchaschihsya-analiz-interaktivnyh (дата обращения: 25.01.2026).

4. Министерство науки и высшего образования Российской... [Электронный ресурс] // lpi.sfu-kras.ru – Режим доступа: https://lpi.sfu-kras.ru/files/formirovanie_funkcionalnoy_gramotnosti_obuchayushchihsya_2021.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 26.01.2026).

5. Опубликованные материалы: Использование цифровых... [Электронный ресурс] // solncesvet.ru – Режим доступа: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/ispolzovanie-cifrovyh-obrazovatelnyh-res.2700909036/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 26.01.2026).

6. Оспенникова Е.В., Моисеева Л.В., Югова Е.А. Цифровая функциональная грамотность: моделирование структуры и содержания, тенденции развития // Педагогическое образование в России. 2025. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-funktsionalnaya-gramotnost-modelirovanie-struktury-i-soderzhaniya-tendentsii-razvitiya (дата обращения: 13.01.2026).

7. Формирование функциональной грамотности с помощью... [Электронный ресурс] // teacher.yandex.ru – Режим доступа: https://teacher.yandex.ru/posts/formirovanie-funktsionalnoy-gramotnosti-s-pomoschyu-tsifrovykh-instrumentov-kak-eto-delat, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 25.01.2026).

8. Формирование функциональной грамотности школьников... [Электронный ресурс] // emreview.ru – Режим доступа: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/2019, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 27.01.2026).

9. Функциональная грамотность и цифровые образовательные... [Электронный ресурс] // znanio.ru – Режим доступа: https://znanio.ru/media/funktsionalnaya-gramotnost-i-tsifrovye-obrazovatelnye-tehnologii-2849025, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 26.01.2026).

10. Цифровая функциональная грамотность: моделирование... [Электронный ресурс] // pedobrazovanie.ru – Режим доступа: https://pedobrazovanie.ru/archive/2025/4/tsifrovaya-funktsionalnaya-gramotnost-modelirovanie-struktury-i-soderzhaniya-tendentsii-razvitiya, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 25.01.2026).

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КОММУНИКАТИВНОГО УСПЕХА: ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Никитушкина Д.А.
Научный руководитель: Вишневская Е.М.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья раскрывает психолого-педагогические условия использования компенсаторных стратегий для достижения коммуникативного успеха. В статье раскрывается приоритетность базовых компенсаторных умений в преодолении лингвистического дефицита и сохранении нормативности речи.*

Ключевые слова: *компенсаторные стратегии, коммуникативный успех, английский язык, диалогическая речь.*

Актуальность темы данной статьи заключается в том, что в контексте глобализации и роста межкультурных контактов английский язык становится фундаментальным инструментом интеграции личности в мировое пространство. Одной из задач педагогики становится развитие межкультурной компетенции, определяемой исследователями как способность эффективно общаться адекватно различным ситуациям взаимодействия, опираясь на систему знаний, умений и ценностей [9]. В условиях закономерного дефицита языковых ресурсов у обучающихся особое значение приобретает развитие компенсаторной компетенции как важнейшего механизма, обеспечивающего непрерывность коммуникативного акта и нивелирующего речевые барьеры. Согласно коммуникативному подходу как лингводидактической идеологии, «обучение языку должно учитывать особенности реальной коммуникации, и в основе процесса обучения должна находиться модель реального общения» [7].

Императивом современных межкультурных взаимодействий представляется необходимость развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. В связи с этим, компенсаторные стратегии рассматриваются не только как средство преодоления неизбежных коммуникативных затруднений, но и как фундаментальный механизм обеспечения результативности речи. Таким образом, использование компенсаторных стратегий в процессе ведения диалога поможет обучающимся достичь коммуникативного успеха.

В «Новом словаре методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина коммуникативный успех определяется как «реализация цели коммуникативного (речевого) акта, когда сообщение без существенных помех передается адресантом и адекватно воспринимается, понимается, усваивается, оценивается адресатом» [1]. Успешность общения, согласно Е. М. Лазуткиной, является осуществлением коммуникативной цели инициатора (инициаторов) общения и достижением собеседниками согласия [5].

Компенсаторные стратегии же определяют как «деятельность по реализации субординатных целей и средств, ведущую к достижению главной и

первоначальной цели – компенсации прерванного процесса коммуникации вследствие дефицита языковых средств» [4]. На международном уровне, в документах CEFR, компенсация также признается конструктивным подходом к использованию имеющихся ресурсов для создания опоры в новых коммуникативных условиях [10]. Компенсаторные стратегии включают в себя использование определённых компенсаторных умений, которые при этом разделяются М. Р. Кореневой на базовые и факультативные [2]. К факультативным умениям относятся стратегии уклонения от темы, отказ от коммуникативного намерения, а также использование нелингвистических средств (жестов, мимики) и калькирования. Факультативные компенсаторные умения зачастую носят редуктивный характер (сокращение сообщения) или ведут к нарушению языковой нормы. Базовые компенсаторные умения способствуют качественному расширению лингвистического репертуара обучающихся и сохранению нормативности речи в условиях дефицита языковых средств. В данном исследовании мы сознательно фокусируемся на базовых умениях, поскольку именно они обеспечивают конструктивный путь достижения коммуникативного успеха. Для систематизации компенсаторные стратегии с макростратегиями и базовыми компенсаторными умениями вынесены в таблицу.

Компенсаторные стратегии	Базовые компенсаторные умения
Лингвистические стратегии	
Стратегия аппроксимации	– умение использовать синонимы; – умение прибегать к перифразу; – умение использовать слова-субституты; – умение употреблять родовое понятие.
Стратегия переноса	– умение использовать ассоциации; – умение применять знания из области словообразования.
Аналитическая стратегия	– умение делать все виды описания; – умение употреблять комментарий: интерпретацию, простые и усечённые фразы; – умение применять теоретические знания о языке.
Стратегии достижения	
Стратегия обращения за помощью	– умение обратиться за помощью к партнёру; – умение задать вопросы; – умение извиниться за незнание.
Стратегия продолжения контакта	– умение переспросить; – умение дать знать собеседнику о своём намерении; – умение использовать новые формулировки фразы.

Таким образом, эффектом использования компенсаторных лингвистических стратегий можно назвать сохранение семантической точности при дефиците лексических средств, а эффектом стратегий достижения – поддержание диалога и разделение ответственности за успех.

Внедрение компенсаторных стратегий в учебный процесс помогает создать благоприятные психолого-педагогические условия, способствуя существенному

снижению уровня психологического дискомфорта и нивелируя страх перед возникновением коммуникативных барьеров [6]. Ввиду современных социально-психологических вызовов, во время которых обучающиеся нередко сталкиваются с ощущением несостоятельности и неуспеха, овладение компенсаторным инструментарием позволяет им закрепить позитивный опыт преодоления лингвистических трудностей. Это критически важно для предотвращения психологической отчужденности и поддержания высокой мотивации к саморазвитию в ходе обучения [8].

Методически обоснованное применение данных стратегий обеспечивает создание условий для эффективного самоопределения и ориентирования личности в поликультурном пространстве [6]. Формируя ситуацию успеха через использование базовых компенсаторных умений (перифраза, уточнения, использования ассоциаций и др.), педагог трансформирует коммуникативное затруднение из барьера в ресурс для развития речевой автономности. Такой подход обеспечивает достижение цели речевого акта в случае дефицита языковых средств, что делает обучающихся более психологически устойчивыми и более уверенными в ситуациях реального общения [8].

Реализация потенциала компенсаторных стратегий требует разработки системы проблемно-ориентированных упражнений, в которых доминирующим вектором выступает передача сообщения без существенных искажений смысла в условиях дефицита языковых средств. Одним из инструментов здесь может является техника информационного пробела, которая детерминирует подлинный мотив к речевому взаимодействию и реализует «принцип субъект-субъектного взаимодействия между учащимися» [3]. Рекомендуется моделировать ситуации, где обучающийся лишен возможности прямо назвать объект (например, при описании характеристик предмета без знания термина), что вынуждает его использовать стратегию аппроксимации: компенсаторное умение прибегать к перифразу. Такие задания смещают акцент с формальной правильности на достижение коммуникативного успеха, превращая диалог в деятельность по совместному преодолению речевых барьеров.

Процесс обучения применению компенсаторных стратегий должен строиться на основе системного методического алгоритма, обеспечивающего постепенный переход от детерминированных речевых действий к спонтанной коммуникации. На этапе первичного закрепления целесообразно использовать упражнения с визуальными опорами или упражнения на подстановку, обучающие умениям запроса помощи или переспроса. По мере автоматизации базовых компенсаторных умений поддержка опорами минимизируется, уступая место проблемным задачам свободного характера. Такая осознанность способствует формированию речевой автономности и готовности к коммуникации в условиях межкультурного диалога.

Подводя итог, следует отметить, что развитие компенсаторной компетенции выступает фундаментальным условием достижения коммуникативного успеха. Акцент на базовых компенсаторных умениях (аппроксимации, перифраз и др.) позволяет обучающимся сохранять семантическую точность речи в условиях дефицита языковых средств.

Реализация психолого-педагогических условий через технику информационного пробела и проблемно-ориентированные задания снижают тревожность, формируя ситуацию коммуникативного успеха. Системное использование компенсаторных стратегий не только обеспечивает продолжительность межкультурного диалога, но и служит залогом успешной интеграции личности в современное пространство, обучая собеседников эффективному взаимодействию.

Литература:

1. Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009.

2. Коренева, М. Р. Методика формирования компенсаторных умений говорения у студентов языкового вуза (II курс, французский язык): дисс. … к. пед. н. Улан–Удэ, 2003.

3. Корзун, О. О. Развитие компенсаторной компетенции учащихся средней (полной) общеобразовательной школы при обучении говорению на английском языке / О. О. Корзун, Е. В. Штанько // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 51–57.

4. Крекнин, С. А. Сущностная характеристика компенсаторных стратегий обучения разговорной речи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (105).

5. Лазуткина, Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. – М., 1998. – С. 50–79.

6. Лаптева, Е. И. Формирование коммуникативно-компенсаторной компетенции обучающихся основной школы : дис. … к. пед. н. Челябинск, 2020.

7. Тарева, Е. Г. Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций / Е. Г. Тарева // Педагогическое образование и наука. – 2014. – № 5. –

8. С. 98-103.

9. Фельдштейн, Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д. И. Фельдштейн // Вестник практической психологии образования. – 2010. – № 2 (23). – С. 12-18.

10. Borbotko, L. A. Intercultural Education on the Way to Cross-Cultural Prospects / L. A. Borbotko, E. M. Vishnevskaya, E. V. Nersesova // EDULEARN 19 Proceedings : 11th International Conference on Education and New Learning Technologies, Spain, 2019. Vol. EDULEARN19. – Spain: IATED Academy, 2019. – P. 4348-4352.

11. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge, 2001.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ В РАЗВИТИИ УМЕНИЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ К ОГЭ

Дерягин А.В.
Научный руководитель: Вишневская Е.М.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье анализируется потенциал использования ментальных карт в обучении устной монологической речи на этапе основного общего образования в целях подготовки обучающихся к прохождению государственной итоговой аттестации в конце 9 класса.*

Ключевые слова: *английский язык, монологическая речь, развитие умений монологической речи, ОГЭ, ментальные карты*

Развитие умений устной монологической речи обучающихся как неотъемлемой части иноязычной коммуникативной компетенции является актуальной целью обучения английскому языку на этапе основного общего образования. Данная актуальность детерминирована, в частности, форматом итогового контроля основным средством которого на этапе основного общего образования является Основной государственный экзамен (ОГЭ) в конце 9 класса. Так устная часть экзамена включает в себя задание №3, где от учащихся требуется составить короткий монолог объемом 10-12 предложений на заданную тему с 1,5 минутами на подготовку и 2 минутами на само выступление.

Одним из потенциально эффективных инструментов развития умений устной монологической речи обучающихся являются ментальные карты, также известные как интеллект-карты или карты памяти. Они представляют собой высокоструктурированное графическое представление информации, в основе которого лежит принцип радиантного мышления, предполагающий нелинейное запоминание материала, основанное на ассоциациях [1]. Обычно ментальная карта имеет вид схемы, состоящей из ключевого центрального элемента (слова / рисунка) и отходящих от него ветвей, иллюстрирующих основные связанные с ним понятия, которые, в свою очередь, могут разветвляться на отдельные пункты и подпункты [7].

В лингводидактике ментальные карты преимущественно рассматриваются как инструмент систематизации обучающимися уже имеющихся знаний с помощью схем, однако потенциал их применения весьма широк. В том числе возможно развитие с их помощью умений монологической речи учащихся. Здесь ментальные карты оказываются особенно ценным инструментом в первую очередь в виду того, что позволяют структурировать знания и активизировать системное запоминание материала [1], ведь именно в построении монологического высказывания особенно важна структура, необходимо планирование и программирование его общего содержания. Эта особенность монологической речи подчёркнута в Задании №3 из устной части ОГЭ. В нём, выстраивая монологическое высказывание, обучающийся опирается на пункты-

подсказки, содержащие информацию об ожидаемых содержании и структуре монолога. Успешное выполнение задания невозможно без освоения учащимися композиции высказывания по представленным критериям [6].

Среди различных видов ментальных карт, выделяемых исследователями под разные учебные цели, в обучении монологу особенно эффективны так называемые опорные ментальные карты, так как они позволяют структурировать содержание высказывания, облегчая преодоление языкового барьера [4]. Применение именно данного вида ментальных карт целесообразно и во время подготовки к прохождению итоговой государственной аттестации по английскому языку. Также данный вид работы позволяет в значительной степени реализовать индивидуализацию обучения на основе созданных обучающимися ментальных карт, учитывающих «развитие интеллектуальной, учебной и творческой автономии в ходе построения собственной образовательной траектории» [3].

При рассмотрении особенностей монологической речи, стоит выделить также обязательную обусловленность высказывания контекстом, так называемой речевой ситуацией [5]. Актуальной проблемой является также речевое оформление, выражающееся в подборе языковых средств для успешной реализации монологического высказывания. С точки зрения исследователей, преимущества применения ментальных карт в обучении иностранному языку включают самостоятельную творческую работу учащихся по отбору и систематизации языковых средств, необходимых для успешного построения высказывания, оптимизирующую качество запоминания и последующего воспроизводства информации [7]. Лексический и грамматический материал, как новый, так и ранее изученный, может быть сгруппирован по темам (например, еда, путешествия, работа) или ситуациям общения (например, в ресторане, в магазине), что облегчает запоминание и применение его в различных контекстах [1]. Эффективным также представляется использование ментальных карт синонимов, которые объединяют сходные по значению слова вокруг общего значения. Они помогают систематизировать и разнообразить словарный запас учащихся, развивая их компенсаторную компетенцию. Подобным образом возможно создание ментальных карт устойчивых словосочетаний и речевых клише [7].

Особого внимания заслуживает влияние ментальных карт на развитие памяти учащихся. Необходимо учитывать и их положительный эффект в развитии долговременной памяти [8]. Это значит, что ментальные карты не только облегчают запоминание и предлагают способ сохранения информации, но и учат манипулировать ею. Познавательная эффективность ментальных карт обусловлена их модальной структурой. Процессы познания и усвоения информации целесообразно организовывать в мультимодальной образовательной среде, в которой дидактические единицы репрезентируются одновременно в нескольких сенсорных модальностях (зрительной, слуховой и др.), что способствует более глубокой когнитивной обработке информации. При использовании ментальных карт мобилизуются основные способности мозга, а именно: развивается ассоциативное мышление, визуализация, восприятие, синтез и запоминание [2].

Тем не менее, эффективность применения ментальных карт в учебном процессе детерминирована соблюдением ряда дидактических условий. Во-первых, реализация данного приема предполагает сформированность у обучающихся способности к нелинейному (радиантному) мышлению. Во-вторых, продуктивное использование ментальных карт требует предварительного освоения технологии их построения. В связи с этим в процессе обучения необходимо предусматривать достаточный временной ресурс для создания карт, а также ориентировать учащихся на лаконичность оформления, применение цветовой кодировки и символических обозначений, способствующих структурированию и запоминанию информации. В-третьих, значимым условием выступает формирование у обучающихся привычки к автономному использованию ментальных карт. Достижение данной цели возможно при условии систематического включения данного инструмента в различные виды учебной деятельности: ведение заметок, пересказ текстов, проектную работу, а также использование ментальных карт в качестве визуальной опоры при организации дискуссий и устных высказываний [2].

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Ментальные карты являются эффективным средством развития умений монологической речи обучающихся основного общего образования в рамках подготовки к прохождению государственной итоговой аттестации. Выступая в роли визуальной опоры, они способны решить основные проблемы монологического высказывания – его планирование и программирование, а также оптимизировать усвоение и применение лексико-грамматического материала. Несмотря на то, что эффективное использование ментальных карт требует обучения технике их создания, адаптации карт к конкретным экзаменационным темам и регулярной практики, данный инструмент работает не только на краткосрочный результат, но и на перспективу, развивая у учащихся важнейшие компетенции. Таким образом, систематическое применение приема ментальных карт в подготовке к ОГЭ способно не только повысить формальный результат выполнения задания, но и существенно развить умения монологической речи обучающихся.

Литература:

1. Алиева, П. М. Ментальная карта как средство оптимизации процесса обучения говорению на иностранном языке на среднем этапе общеобразовательного учреждения / П. М. Алиева, М. К. Халимбекова // Форум молодых ученых. – 2024. – № 11 (99). – С. 6–10. – Текст : непосредственный.

2. Гвоздева, А. В. Дидактический потенциал ментальных карт в обучении иностранным языкам / А. В. Гвоздева // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. – 2023. – № 18. – С. 45–49. – Текст : непосредственный.

3. Гончарова, В. А. Тенденции современного образования: от проблем к возможностям / В. А. Гончарова // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 101-115. – Текст : непосредственный. – EDN ALNVOS.

4. Данилова, Е. С. Методические возможности использования ментальных карт в процессе изучения английского языка / Е. С. Данилова // Филология и лингводидактика: взгляд молодых исследователей : материалы Всероссийской студенческой конференции с

международным участием (Брянск, 24–25 апр. 2025 г.). – Брянск : Брянский гос. ун-т, 2025. – С. 79–84. – Текст : непосредственный.

5. Морозова, Т. В. Особенности формирования навыка говорения при подготовке к сдаче ОГЭ по английскому языку / Т. В. Морозова, Л. Р. Яруллина // Terra linguae : Сборник научных статей. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – С. 120–123. – EDN DOFOWJ.

6. Рябинина, Д. С. Развитие умений устной речи на уроках английского языка в процессе подготовки к Основному государственному экзамену / Д. С. Рябинина // Актуальные вопросы гуманитарных наук : Сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. – Москва : Парадигма, 2025. – С. 449–456. – EDN MSPDZX.

7. Согумбаева, С. К. Использование ментальных карт для развития умений монологической речи на среднем этапе обучения иностранному языку / С. К. Согумбаева // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. В 2 ч. (Омск, 16 мая 2025 г.). – Омск : Военная академия материально-технического обеспечения, 2025. – Ч. 1. – С. 205–209. – Текст : непосредственный.

8. Borbotko, L. Mnemonics as a Tool for Cognitive Architecture / L. Borbotko, E. Vishnevskaya // Linguistic encoding and decoding in global contexts : selected papers of the 54th linguistic colloquium in Moscow 2019, Moscow, Russia, 19–22 сентября 2019 года. – Peter Lang (Berlin), 2024. – P. 25-32. – EDN XDUMWQ.

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF FOREIGN LANGUAGE LITERARY TEXTS FOR TEACHING READING TO HIGH SCHOOL STUDENTS

Mitroshina T.A., Gabeyeva K.A.
MSPU, Moscow, Russia

Abstract: *The article examines the linguodidactic potential of authentic foreign language literary texts for developing reading skills and socio-cultural competence among high school students. It substantiates the effectiveness of a staged system of tasks that integrates creative, analytical, and communicative activities within a dialogue of cultures context.*

Keywords: *authentic text, literary text, reading skills, senior high school students, intercultural communication, vocabulary expansion, personal-activity approach, three-stage model, task system.*

The contemporary paradigm of foreign language education places high demands on the quality of instruction, where the ability to read and understand authentic texts plays an important role in the formation of communicative competence of the students. Within this paradigm, a literary text ceases to be merely an illustration of grammatical and lexical phenomena and becomes a "cultural artifact," a key to understanding the values, mentality, and historical and social context of the country of the language being studied [9]. Reading foreign language literature contributes to the development of foreign language proficiency and at the same time allows students to plunge into the cultural and mental world of the foreign language, promoting intercultural dialogue. Analysis of international experience reveals a consistent trend towards using authentic literary texts in middle and high school not only for developing language skills but also as a stimulus for reflection, discussion,

and overcoming cultural stereotypes [2]. This view is confirmed by the following statement of the researchers, "Working with authentic texts containing a socio-cultural component promotes the formation of cross-cultural communication skills, as it allows the students to 'address the foreign (English) speaking country culture'." Moreover, in modern conditions there is a special need in «developing students' information literacy as a skill in working with information from diverse sources in the context of "information overload"..., as an ability to process previously unfamiliar material, and as a shift towards significant learning (connected to real-life problems), transformative learning, which stimulates changes in the student's personality» [5]. In the context of the foreign language classroom, authentic texts are distinguished by their special type, characterized by the presence of artistic imagery, cultural content, and the ability to evoke the reader's emotions and thoughts. The relevance of the application of authentic texts, including literary ones, is confirmed by the majority of methodologies. B. G. Soldatov and N. V. Soldatova, for instance, state that «working with foreign language authentic texts containing a socio-cultural component promotes cross-cultural communication skills forming» [6]. This socio-cultural component is particularly salient in literary texts, where the traditions, values, humour, and historical context of the nation are reflected. The process of teaching reading with the help of literary texts needs to be methodologically grounded with the formulation of the system of tasks, taking into account the psychological and age characteristics of high school students.

An effective approach involves adopting a staged structure of work. Thus, a three-stage model (starting, intermediate, and final) is suggested by B. G. Soldatov and N. V. Soldatova for work with advertising texts, which "can be successfully used with literary texts" [6]. In the starting stage, the main objective is to overcome lexical and grammatical barriers, activate the student's prior knowledge, and stimulate their motivation. The following activities are possible: searching for information about the author and the era when the book was written, pre-study of key words and their meanings, and prediction of the narrative based on the title or pictures. The intermediate stage focuses on fostering a profound comprehension and analytical understanding of the text. In this stage, the application of different strategies for different types of reading is critical. According to H. Paluanova, «proficient reading depends on the ability to recognize words quickly and effortlessly» and is a «creative, multifaceted process» [4]. The following activities are possible: analysis of characters' actions, searching for cultural information, discussing the author's style, and highlighting linguistic features such as metaphors and comparisons. This stage aligns with the personal-activity approach, emphasized by L. G. Vikulova et al., who argue that multimedia study aids based on interactive technologies «prompt students to be actively involved in the educational process» and develop their creativity skills «that manifest themselves when students try to make their own intellectual and informational content based on what they have read» [8].

The final stage is dedicated to the creative interpretation and application of the knowledge acquired. It involves projects, dramatization, writing of alternative endings, essay-writing on differences between cultures, and discussions. This methodology helps to promote critical thinking and express a point of view. As

shown in E. N. Tsay and A. V. Pyagay's study on working with a newspaper, students are able to «gain knowledge of cultural and daily language trends» and express their thoughts on a given topic [7]. Literary texts offer a basis to discuss universal themes like friendship, love, duty, and choice, which are of special interest to high school students [3]. It is an undeniable fact that an essential advantage of working with literary texts is their special vocabulary, which includes idioms, phrasal verbs, and variations of speech. According to E. N. Tsay and A. V. Pyagay, working with authentic texts, like a newspaper, allows students to get to know «everyday vocabulary and a lot of idiomatic expressions of the culture» [7].

The same is true of literary texts, but in a more artistically organized way, which is more conducive to memorization. In order to expand vocabulary, one can suggest a number of effective methods, like compiling a personal dictionary, selecting synonyms and antonyms of key words, and creating texts like sentences and stories using new vocabulary units. Literary texts in a foreign language have considerable potential in teaching reading to high school students. Working with a literary work in a foreign language develops not only the communicative but also the conceptual competence of learners, enabling them to understand how culturally specific meanings and images are constructed through linguistic means [1]. They offer an opportunity to develop simultaneously linguistic, communicative, and socio-cultural skills. The effectiveness of this process is guaranteed through a methodological system based on a multi-stage activity-based approach, which includes not only analysis but also creative and communicative activities. As B. G. Soldatov and N. V. Soldatova conclude, «Linguistic analysis... contributes to the development of the ability to conduct cultural research of these texts as a cross-cultural communication means, forms the texts information critical comprehension skill» [6]. The inclusion of authentic literary works in the educational process not only improves the students' reading skills but also helps to establish a tolerant worldview and the ability for intercultural dialogue, which is an important requirement in the educational process of foreign language learning. In conclusion, the linguodidactic potential of authentic foreign language literary texts in the educational process of teaching reading skills to high school students is multifaceted and substantial. Literary works are not only a source of linguistic material but also a means to get acquainted with the cultural, historical, and social realities of the target speech community. The inclusion of authentic literary works in the educational process, based on a multi-stage approach, helps to successfully accomplish important aspects of the educational process: the development of reading skills, the expansion of active and passive vocabulary, the formation of critical and analytical thinking, and the establishment of a tolerant worldview. As the research suggests, a multi-stage approach, which begins with preparatory work, proceeds to in-depth analysis, and concludes with creative work and application, allows students to go beyond the simple decoding of the text and engage with the material in a meaningful way. The personal activity approach, with the help of multimedia technology, also contributes to the effectiveness of this engagement. Finally, the use of literary texts fits into the broader framework of the aims and purposes of modern foreign language education, namely, to produce not just speakers or users of a linguistic code, but rather empathetic participants in a global intercultural dialogue.

References:

1. Afanasyeva O. V. Fundamentals of conceptual analysis of a literary work: textbook for Master's degree students majoring in "Linguistics" / O. V. Afanasyeva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupryna. – Moscow : Dion, 2019. – 130 p. – ISBN 978-5-6043411-7-9. – EDN: UIBOTX.

2. Bokova T. N. Education in foreign countries: state and development prospects: textbook / T. N. Bokova, K. A. Gabeeva. – Moscow : Languages of the World Publishing, 2025. – 220 p. – ISBN 978-5-605-30345-9. – EDN: TNNNWL.

3. Muminova Z. I. Reading in English lessons as a way to develop functional literacy of high school students / Z. I. Muminova // Current issues of pedagogy and psychology. – 2022. – Vol. 5, No. 1 (46). – P. 44-49.

4. Paluanova H. Reading comprehension and its development in teaching foreign languages / H. Paluanova // Theory and methods of teaching and upbringing. – 2016. – No. 50-2. – P. 67-71.

5. Postmodernism as the dominant trend in the development of the education system in the USA and Russia / T. N. Bokova, V. G. Malakhova, E. G. Tareva [et al.]. – Moscow : Languages of the World Publishing, 2020. – 224 p. – ISBN 978-5-89191-098-0. – EDN: UQFOYQ.

6. Soldatov B. G. Teaching reading English advertising texts in the cultures dialogue context / B. G. Soldatov, N. V. Soldatova // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogy. – 2022. – No. 2. – P. 49-61.

7. Tsay E. N. Improving vocabulary of high-school students through reading authentic newspapers in teaching EFL / E. N. Tsay, A. V. Pyagay // Conference proceedings. – 2021. – P. 19-26.

8. Vikulova L. G. Multimedia study aids in teaching creative foreign language reading: personal-activity approach / L. G. Vikulova, S. A. Gerasimova, I. V. Makarova, E. M. Vishnevskaya // Proceedings TSNI-2021. – 2021. – P. 1082-1093.

9. Yazykova N. V. Implementation of the intercultural paradigm of language education in the research activity of the department of English language teaching methodology and business communication / N. V. Yazykova // Intercultural paradigm of language education: theoretical aspects and technological solutions : collected scientific papers / Institute of Foreign Languages of Moscow City University. – Moscow : Languages of the World Publishing, 2022. – P. 7–27. – EDN: QLQOGA.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАБОТЕ С ФРАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИ В РАМКАХ ОЛИМПИАДНОЙ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Нестеренко К.И.
Научный руководитель: Титова О.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья доказывает ключевую роль фразовых глаголов в олимпиадной подготовке по английскому языку. На основе анализа заданий ВсОШ обосновывается необходимость целенаправленной работы с идиоматическими единицами. Представлена система методических рекомендаций.*

Ключевые слова: *фразовые глаголы, Всероссийская олимпиада школьников, лексическая компетенция, подготовка к олимпиадам, методика преподавания английского языка.*

В контексте глобализации и усиления межкультурных контактов формирование иноязычной коммуникативной компетенции перестает быть

сугубо образовательной задачей, превращаясь в социальный и профессиональный императив. В Российской Федерации эта цель закреплена на государственном уровне, а ее достижение в системе школьного образования находит выражение не только в повседневной учебной деятельности, но и в таких формах работы с одаренными учащимися, как Всероссийская олимпиада школьников (далее – ВсОШ). Успешное выполнение олимпиадных заданий требует выхода за рамки базовой школьной программы и демонстрации уровня владения языком, приближенного к B2-C1 по общеевропейской шкале (CEFR), что подразумевает свободное, точное употребление лексики повышенного уровня сложности.

Одним из наиболее значимых маркеров такого высокого уровня владения английским языком являются фразовые глаголы – полифункциональные и полисемантичные единицы, составляющие ядро повседневной устной и письменной речи носителей английского языка. Будучи менее формальными эквивалентами глаголов латинского происхождения (например, *put off* вместо нейтрального эквивалента *postpone, find out* вместо – *discover*), они обеспечивают естественность и социокультурную адекватность высказывания. Однако именно их идиоматичность, структурная вариативность (разделяемость/ неразделяемость) и многозначность создают существенные трудности для изучающих английский как иностранный, формируя «лексический барьер», который особенно ощутим в условиях олимпиадного соревнования. [1].

Цель данной работы – обоснование значимости фразовых глаголов для достижения успеха участниками ВсОШ и представление системы методических рекомендаций для их усвоения обучающимся.

1. Лингвистические особенности и трудности усвоения изучаемых единиц. Фразовый глагол понимается как устойчивое сочетание глагола с адвербиальной или предложной частицей, образующее единое смысловое целое, значение которого часто идиоматично (например, *give up* – сдаваться). Как отмечает Д. С. Виноградова, фразовые глаголы занимают промежуточное положение между словом и словосочетанием, представляя собой «более или менее прочные фразовые единства, представляющие в смысловом отношении эквиваленты отдельных слов» [2]. Основные трудности для обучающихся связаны с:

1. Идиоматичностью: невозможностью буквального перевода (*run into* – случайно встретить).

2. Полисемией: наличие у одной единицы множества значений (*take off* – взлетать, снимать, становиться популярным).

3. Структурной вариативностью: разделяемые (*turn the light on*) и неразделяемые (*look after the children*) модели.

4. Семантической ролью частицы: именно послелог часто придает глаголу переносное значение, а один глагол в сочетании с разными частицами образует ряд различных по смыслу единиц (ср.: *run away, run into, run out of*).

2. Значимость уверенного владения фразовыми глаголами для ВсОШ. Анализ заданий заключительного этапа ВсОШ за последнее десятилетие показывает, что фразовые глаголы являются неотъемлемым компонентом конкурсных материалов. Они регулярно встречаются в аутентичных текстах

для аудирования и чтения [4], в лексико-грамматическом разделе (*Use of English*), а также напрямую влияют на оценку письменной и устной речи, где использование богатой и органичной лексики является ключевым критерием [3]. Таким образом, игнорирование систематической работы с фразовыми глаголами существенно снижает шансы участников на успех.

3. Методические рекомендации. На основе созданного глоссария из 438 фразовых глаголов, систематизированных вокруг 72 ключевых (таких как *run, take, get*), предлагается трехэтапная система работы.

Этап 1: Ознакомление. Введение единиц через аутентичные тексты и ситуативно-тематическую группировку (*«Учеба», «Общение»*). Формирование навыка работы с толковыми словарями.

Этап 2: Отработка. Выполнение упражнений на дифференциацию значений, заполнение пропусков в контексте, коммуникативные задания в парах, игровые элементы (квизы, например, *«Объясни значение слова»*).

Этап 3: Активизация в речи. Выполнение продуктивных письменных (*эссе, письмо*) и устных (*презентация, дискуссия*) заданий, моделирующих реальные ситуации, с обязательным использованием изученных глаголов. Применение интервального повторения для закрепления.

Заключение. Целенаправленная и систематическая работа с фразовыми глаголами является обязательным элементом успешной подготовки к ВсОШ по английскому языку. Предложенная методика, основанная на последовательном прохождении этапов ознакомления, отработки и активизации, позволяет преодолеть типичные трудности учащихся и вносит значительный вклад в формирование у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции.

Литература:

1. Афанасьева, О. В. Лексикология английского языка. English lexicology : Учебник и практикум / О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова, Г. Б. Антрушина. – 8-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 196 с. – ISBN 978-5-534-07119-1. – EDN: ZDRPWZ.

2. Виноградова, Д. С. Фразовые глаголы в современном английском языке: терминология, особенности, классификация / Д. С. Виноградова. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №12. – С. 236-241. – URL: Фразовые глаголы в современном английском языке: терминология, особенности, классификация (cyberleninka.ru)

3. Симонян, Т. А. Готовимся к олимпиаде по английскому языку: задания раздела "Use of English" / Т. А. Симонян, О. А. Титова // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 6. – С. 68-74. – EDN: RVKENH.

4. Титова, О. А. Конституция США / О. А. Титова, Е. В. Штанько // Иностранные языки в школе. – 2017. – № 11. – С. 39-44. – EDN: ZWQCUJ.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ КАК СПОСОБА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

Камзолкина А.С.
Научный руководитель: Габеева К.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья посвящена проблеме развития языковой компетенции у обучающихся основной школы в процессе изучения полисемии английского языка. В статье рассматриваются теоретические аспекты полисемии, её когнитивные основы, а также методические приемы и технологии.*

Ключевые слова: *полисемия, английский язык, языковая компетенция, основная школа, лексическая многозначность, методика обучения.*

Актуальность темы статьи заключается в «…освоении полисемии, как способности слова иметь несколько взаимосвязанных значений, становится необходимым элементом эффективного обучения» [5]. Одним из фундаментальных элементов лексической системы является освоение полисемии. Елисеева В. В. дает определение данному феномену, согласно которому полисемия рассматривается с точки зрения наличия у единицы языка более одного значения, при условии семантической связи между ними или переноса признаков с одного денотата на другой. Полисемия возникает как «следствие естественной диспропорции между ограниченным числом языковых знаков и бесконечным количеством понятий, требующих выражения» [1]. Таким образом, «лексическая многозначность – результат действия закона языковой экономии…» [4].

Основные теоретические подходы к классификации полисемии обобщены на рисунке 1.

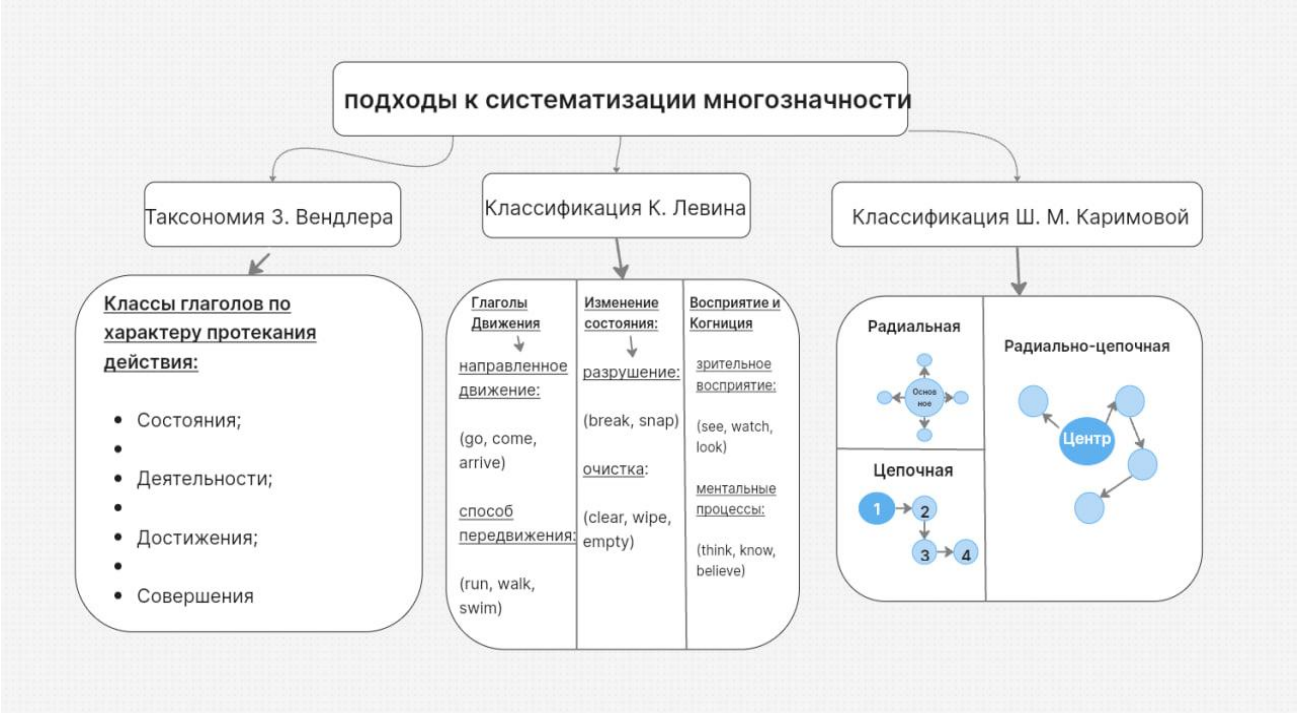

Рисунок 1 – Подходы к систематизации многозначности.

Несмотря на значимость данного феномена для глубокого понимания языка, в школьной практике полисемии часто не уделяется должного внимания. Существующие методики не всегда учитывают сложность разграничения полисемии и омонимии, что приводит к поверхностному усвоению материала [2]. В связи с этим разработка действенных подходов к обучению полисемии английского языка является актуальной задачей современной лингводидактики, направленной на формирование полноценной языковой компетенции.

Для совершенствования навыка использования многозначных слов предложили систему упражнений, разработанную на основе подхода Габеевой К. А. (табл. 1), соотносящихся с фазами речевой деятельности Зимней И. А. [3].

Таблица 1. Этапы работы

Этапы работы	Цель этапа	Рекомендуемые приемы и визуальные средства
1. Мотивационный	Создание стимула к речи через личный опыт	Языковые игры, комиксы, сравнение фотографий для поиска общего концепта
2. Подготовительный	Лексико-грамматическое оформление высказывания	“Spider graphs”, радиальные диаграммы, анализ текста-образца
3. Этап реализации	Создание самостоятельного высказывания	Ролевые игры, задания на базе аутентичных материалов
4. Рефлексивный	Самооценка и контроль	Критерии оценивания, анализ индивидуального стиля

Переход от теории к практике требует внедрения специфических стратегий обучения. «Для эффективного усвоения многозначности необходимы: контекстуальный анализ…, визуализация связей…, прагматические задания…» [6]. Методический арсенал учителя должен включать контекстуальный анализ (например, с *light* в значениях «свет» и «лёгкий»), визуализацию связей через диаграммы, а также прагматические задания. Не менее важен сопоставительный анализ, позволяющий сравнить полисемию в родном и целевом языках. «Изучение полисемии способствует развитию когнитивных навыков и лингвистического мышления, что является ключевым элементом формирования языковой компетенции» [9].

Для эффективного запоминания полисемантических слов целесообразно использовать комбинацию традиционных и современных стратегий [10]. Одной из наиболее действенных является контекстуализация, подразумевающая изучение слов в составе предложений и текстов. Например, понимание того, что слово *bank* может означать как финансовое учреждение, так и берег реки, приходит через контекст [8].

Также важную роль играют коллокации в процессе изучения того, какие значения слова приобретают в контексте (табл. 2).

Создание рифм и ассоциаций (рис. 2) является эффективным инструментом, особенно для учащихся с творческим мышлением.

Таблица 2. Коллокации «*Strong*»

Коллокация	Значение в контексте	Перевод *"strong"*	Тип связи
Strong tea	Высокая концентрация	Крепкий	Интенсивность
Strong wind	Физическая сила	Сильный	Мощность
Strong argument	Логическая убедительность	Веский	Абстракция
Strong accent	Выраженность признака	Сильный	Степень

Рисунок 2 – Радиально-цепочная связь «*Spring*».

При изучении полисемии обучающиеся могут столкнуться с такими трудностями, как интерференция родного языка, дословный перевод слова и игнорирование вторичных смыслов, незнание различий между английской и русской семантическими структурами. «Управление полисемией требует чёткого разграничения значений» [7].

Анализ контекста может стать причиной возникновения трудностей с восприятием содержания текста, что приводит к коммуникативным сбоям. Этому способствует ограниченный словарный запас, который провоцирует трудности с выражением мыслей и пониманием вариативности языка. Следует выделить недостаточную сформированность компенсаторной компетенции – развитие умений выходить из положения в условиях дефицита языковых средств.

Преодоление вышеперечисленных трудностей требует комплексного подхода, которое не ограничивается знакомством с понятием полисемии в процессе изучения иностранного языка, а включает разработку комплекса упражнений, направленного на сравнение значений и выбор правильного варианта в зависимости от наличия контекста. Аутентичные материалы более эффективно обеспечивают погружение в естественную языковую среду, где обучающиеся встречаются с практическим применением многозначности.

Заключение. Изучение полисемии английского языка в основной школе напрямую способствует развитию языковой компетенции обучающихся. Полисемия отражает богатство и адаптивность лексической системы языка. Освоение многозначности способствует не только расширению словарного запаса, но и развитию гибкого лингвистического мышления. Изучение данного феномена невозможно без учета его когнитивной природы и применения разнообразных методических приемов. Системное освоение является залогом формирования языковой компетенции.

Литература*:*

1. Антонова М. Б. Полисемия английских прилагательных в когнитивном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 15–29.

2. Афанасьева О. В. Лексикология английского языка. English lexicology: Учебник и практикум / О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова, Г. Б. Антрушина. – 8-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 196 с.

3. Габеева К. А. Развитие умений монологической речи на иностранном языке в основной школе / К. А. Габеева // Иностранные языки в школе. – 2017. – № 12. – С. 41-45.

4. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 51-64.

5. Демидова С. А. Полисемия английских глаголов / С. А. Демидова, С. В. Прокудина // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: Сб. материалов XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 23–24 мая 2019 года. – Красноярск: СибГТУ, 2019. – С. 48-49.

6. Jager B. Polysemy Advantage with Abstract But Not Concrete Words / B. Jager, A. A. Cleland // Journal of Psycholinguistic Research. – 2016. – Vol. 45, No. 1. – P. 143-156.

7. Karimova Sh. M. Radial, Chain and Mixed Polysemy in Polysemantic Words in English // Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology. – 2018. – No. 4 (95). – P. 88-94.

8. L'Homme M. C. Managing polysemy in terminological resources // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. – 2024. – Vol. 30, No. 2. – P. 216-249.

9. Nasritdinova Kh. T. Practical Usage of Polysemy in Teaching English // Экономика и социум. – 2024. – № 4-2 (119).

10. Suleimanova O. A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices / O. A. Suleimanova // Training, Language and Culture. – 2020. – Vol. 4, No. 4. – P. 39-50.

Раздел 5
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РЯЗГМУ

Леонова Т.И., Гребенщикова Е.Е., Симонов В.Р.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья посвящена описанию результатов исследования декларируемых ценностных ориентаций иностранных студентов, обучающихся в Рязанском государственном медицинском университете имени академика И.П. Павлова.*

Ключевые слова: *ценностные ориентации, личность, иностранные студенты.*

Перманентно актуальной исследовательской и прикладной задачей психологии является изучение ценностных ориентаций личности, которые могут отражать ее наиболее значимые отношения к самому себе, другим людям и миру в целом, являться ориентиром в принятии важных решений и даже являться фактически сжатой программой жизни [1]. Особый интерес исследование ценностных ориентаций может приобретать в ситуациях значительных жизненных изменений, например, при смене места жительства и пребывании, в связи с этим, в отличающемся от привычного, культурном контексте [2]. Наиболее часто в подобной ситуации оказываются студенты, которые приняли решение получать образование в другой стране, помимо прочего перед ними встают задачи адаптации к новым условиям жизни и обучения, в чем заинтересованы и специалисты, сопровождающие данный процесс, что определяет актуальность и значимость исследования декларируемых данными студентами ценностных ориентаций.

Для изучения особенностей декларируемых ценностных ориентаций иностранных студентов, обучающихся в Рязанском государственном медицинском университете имени академика И.П. Павлова, было проведено пилотное исследование, в рамках которого студентам было предложено продолжить ряд предложений, касающихся их представлений о наиболее значимых личных и общественных ценностях: «Самое ценное для меня..», «Больше всего в других людях я ценю...», «Я думаю, что большинство людей сейчас ценят...». В исследовании приняли участие 13 студентов, приехавших на обучение из стран СНГ (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан) [3], 18 студентов – из Египта [4], а также 25 студентов из России в возрасте от 18 до 25 лет.

Установлено, что среди наиболее значимых личных ценностей студенты из стран СНГ чаще всего называли ценности, связанные с родственными, близкими взаимоотношениями (семья, родители, близкие и родные), они составили более чем 70% от всех упомянутых ими ценностей. Отмеченная тенденция становится еще более выраженной в ответах студентов из Египта, среди декларируемых личных ценностей которых ценность семьи была названа более чем в 90% случаев. Вероятно, это может быть связано со значительной удаленностью в настоящий момент от своей семьи в связи с получением образования в другой стране, необходимостью поддержания и укрепления личной и этнической идентичности в этот период, а также особенностями менталитета. Это предположение подтверждает то, что российские студенты (этого же возраста и находящиеся на одинаковой с иностранными студентами ступени профессионального образования) называли данную ценность только в трети случаев. Далее иерархия декларируемых личных ценностей иностранных студентов приобретает большую специфику. Второй по частоте упоминания студентами из стран СНГ стала ценность здоровья, далее расположилась ценность жизни. Можно отметить интерес данных студентов к личному и общечеловеческому благополучию, признание ими важности заботы о физическом и психологическом состоянии человека, что может быть значимым в том числе в контексте мотивации получения медицинского образования. Второй по частоте упоминания у студентов из Египта оказалась ценность учебы, которая отмечалась ими в четверти случаев, в то время как российские студенты называли ее значительно реже, менее чем 10% важных личных ценностей были связаны у них с обучением и образованием. Видимо, материальные и пространственные барьеры, которые необходимо преодолеть студентам из Египта для получения образования в России, могут способствовать признанию ими важности процесса и результата этого образования как минимум на декларативном уровне, что может быть также полезно при планировании образовательного и воспитательного процессов в высших учебных заведениях, в том числе в РязГМУ. Также студентами из Египта назывались ценности, так или иначе связанные с личным благополучием: здоровье, будущее, саморазвитие, личное счастье, «Я».

Интересно, что большую согласованность имели ответы студентов разных стран на вопрос о том, что они больше всего ценят в других людях. И студенты из стран СНГ, и из Египта, и из России чаще всего называли ценности честности, уважения, доброты и чувства юмора как значимые, на их взгляд, в окружающих. Видимо, несмотря на культурные различия и специфику собственных ценностей, межличностное взаимодействие имеет для студентов единую ценностную основу и связано со взаимным уважением, искренностью и порядочностью. Такое сходство общечеловеческих ценностей может становиться благоприятной почвой при построении межкультурной коммуникации в условиях нахождения и учебы во многонациональном коллективе.

Далее рассмотрим ценности, которые приписывались студентами разных стран другим людям. Студенты из стран СНГ чаще всего в качестве значимой

для других людей ценности называли материальное благополучие и деньги, что было свойственно и для российских студентов несмотря на то, что в качестве личных ценностей чаще выступали те, которые связаны с близкими межличностными отношениями. Это позволяет сделать предположение о том, что семейные ценности могут являться декларируемыми, признаваемыми и одобряемыми в обществе и поэтому разделяемыми большей частью молодых людей и называемыми ими как важные. В то же время значимость для них могут иметь и внешние ценности, связанные с видимым благополучием и материальным достатком, данные ценности напрямую не приписываются студентами себе, вероятно, ввиду возможной негативной общественной оценки, однако обнаруживаются в ответах на проективные вопросы, что позволяет предполагать их наличие в ценностном поле студентов и определенный мотивационный потенциал [1]. Студенты из Египта, в свою очередь, чаще всего приписывали другим людям ценность любви и несколько реже – честности и уважения, вероятно, данные ценности, связанные с близкими, искренними отношениями, не только декларируются этими студентами, но и могут определять их активность и ее направленность.

Таким образом, в ходе изучения особенностей декларируемых ценностных ориентаций иностранных студентов, обучающихся в Рязанском государственном медицинском университете имени академика И.П. Павлова, было установлено, что они значительно чаще, по сравнению с российскими однокурсниками, отмечали значимость для себя семейных ценностей и близких отношений, студенты из стран СНГ декларировали важность физического и психологического благополучия, а студенты из Египта – значимость обучения. Установлено, что в представлении студентов, не зависимо от их этнической принадлежности, межличностное взаимодействие имеет единые ценностные основы и связано со взаимоуважением, искренностью, добротой по отношению к ближнему. При этом для студентов из Египта данные ценности могут иметь, помимо признания их важности, мотивационный потенциал, для студентов из стран СНГ и России данный потенциал к тому же могут иметь материальные ценности финансового благополучия.

Полученные в ходе данного пилотного исследования результаты могут быть полезны специалистам, сопровождающим образовательный и воспитательный процессы в высших учебных заведениях, а также адаптацию иностранных студентов к условиям жизни и обучения в новом культурном контексте, для более глубокого понимания психологических особенностей данной группы студентов, оптимизации и обогащения их учебной и внеучебной деятельности.

Литература:

1. Лесин А.М. Определение личностной значимости и содержания ценностей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2020. – Т. 8, № 4 (31). – С. 445-455. Доступно по: https://humjournal.rzgmu.ru/art&id=460. Ссылка активна на 03.03.2026. doi: 10.23888/humJ20204445-455.

2. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5, № 2. – С. 37-67.

3. Симонов В.Р. Особенности ценностных ориентаций студентов из стран СНГ // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2025» [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2025. – Доступно по: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/37713/186128_uid1045401_report.pdf.

4. Гребенщикова Е.Е., Леонова Т.И. К вопросу о ценностных ориентациях студентов из Египта // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2025» [Электронный ресурс]. – М.: Макс Пресс, 2025. Доступно по: https://lomonosov-msu.ru/archive/lomonosov_2025/data/37713/186126_uid1040388_report.pdf.

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Дученков К.А., Гребенкин А.Я., Ненахова Е.В.
ИГМУ, Иркутск, Россия

Аннотация: *В статье проводится оценка уровня адаптации иностранных студентов в Иркутском государственном медицинском университете среди обучающихся из Восточной, Средней, Южной Азии и Африки по методике А.В. Янковского. Обработка данных осуществлялась в Excel со статистической проверкой по t-критерию Стьюдента ($p<0,05$).*

Ключевые слова: *иностранные студенты, медицинское образование, академическая адаптация, социокультурная интеграция.*

В последние годы российские медицинские вузы демонстрируют устойчивую тенденцию к интернационализации образовательного процесса. Привлечение иностранных обучающихся не только расширяет международное сотрудничество в сфере здравоохранения, но и способствует межкультурному обмену, обогащая академическую среду вуза. Вместе с тем процесс интеграции иностранных студентов в новую образовательную и социокультурную атмосферу сопряжен с рядом существенных трудностей [1, 4, 5]. К ключевым адаптационным барьерам относят: социокультурные различия, климатические особенности, языковой барьер, психоэмоциональный стресс. Причем данные факторы способны оказывать значительное влияние на академическую успеваемость, и у иностранных студентов могут возникать сложности в усвоении материала, что снижает мотивацию к обучению. Вместе с тем повышение уровня тревожности может провоцировать риск развития депрессивных состояний, изменяя социальную активность, резко ограничивая круг общения, и зачастую способствуя изоляция от студенческого сообщества [2, 3, 6].

На этом основании целью работы явилось выявление уровня академической и социокультурной адаптации иностранных студентов в медицинском вузе Российской Федерации. Для достижения поставленной цели на базе Иркутского государственного медицинского университета (ИГМУ) проведено исследование, в котором приняло участие 60 иностранных студентов возрастной категории 22,5±4,5 лет, находящихся на начальном этапе обучения. Основную выборку составили студенты из Индии (Южная Азия), Узбекистана (Средняя Азия), Китая (Восточная Азия) и Африки. В исследовании

использована методика оценки адаптации иностранных студентов, разработанная на основе подхода А.В. Янковского и адаптированная для контекста медицинского образования, где затронуты четыре сферы жизнедеятельности: академическая адаптация, социальная интеграция, психоэмоциональное состояние и культурно–личностная идентичность.

Сбор данных осуществлялся посредством онлайн опроса, где респонденты оценивали свои ощущения, и по итогу набранных баллов выявлялся уровень адаптации: «высокий» (65–80), «средний» (50–64), «низкий» (35–49), «состояние дезадаптации» (20–34), при этом максимальный балл мог составлять 80, а минимальный – 20, при максимальной величине по каждой сфере в 20 баллов. Для лучшего понимания вопросов и повышения достоверности результатов опросник был представлен на двух языках: русском и английском. Статистическая обработка данных проведена с помощью программы Windows (Excel) и расчетом t–критерия.

По результатам опроса установлено, что большинство респондентов демонстрируют «высокую» «уверенность в своих учебных компетенциях» и «благоприятно оценивают организацию учебного процесса». Участники в целом в 72% случаев «выразили уверенность в своих академических знаниях и понимание правил обучения в вузе», в 96% – уверены, что «легко могут обратиться за помощью к преподавателю или куратору» (18±2 баллов). При этом наименьшие показатели в академической сфере наблюдаются у студентов Средней Азии ИГМУ (12,5±2,5), что вероятнее всего указывает «на сохранение барьера в коммуникации с преподавательским составом» ($p<0,05$).

Однако уровень межличностных связей с российским студенческим сообществом остается невысоким в целом. Только в 40% случаев «иностранные студенты имеют дружеские контакты с российскими однокурсниками», что является свидетельством низкой социальной интеграции ($p<0,05$). Среди опрошенных лидирующую позицию по числу «людей с дружескими связями» занимают студенты Африки и Индии (93 и 90%; 18±1 и 17±1 баллов, соответственно), они «лучше интегрированы» благодаря владению английским языком, в меньшей степени китайские студенты (76%) (15±1 баллов). При этом у иностранных студентов из Средней Азии в 66% случаев, зафиксировано минимальное количество баллов в данной сфере (10±2 баллов) ($p<0,05$).

Психоэмоциональное состояние является наиболее уязвимым аспектом для всех исследуемых групп, показывая самые «низкие» усредненные баллы. Наиболее выраженные трудности в этой сфере испытывают студенты Китая и Средней Азии в 70 и 63% случаев (12±2) по сравнению с другими иностранными студентами ($p<0,05$). В большинстве случаев они указывают на «сложности в эмоциональной адаптации к новой среде обитания», и основной причиной является «сильная тоска по дому», что подчёркивает актуальность в психологической поддержке иностранных студентов. Учащиеся из африканских стран и Индии демонстрируют более высокие показатели (78,6 и 91%, соответственно). Хотелось бы отметить, что в 35% случаев иностранные студенты сталкиваются с «проявлением предвзятого отношения из–за своего происхождения», и на это указывают респонденты Африки и Китая в 35,7 и

35,3% случаев, соответственно ($p<0,05$). Более 40% «переживают внутренний культурный конфликт», и в большей степени это студенты Китая (47,2%).

На этом основании укрепление психоэмоционального благополучия должно стать одним из приоритетных направлений программ адаптации в университете. Вместе с тем, по результатам оценки сферы «карьерного ожидания» участники в 75% случаев верят, что российский диплом откроет большие профессиональные возможности ($p<0,05$), причем в 50% случаев студенты планируют остаться в России после учебы.

При оценке общего уровня адаптации в 70% случаев у иностранных респондентов в целом наблюдается «средний» уровень (55,6±5,5 из возможных 80 баллов), где лидерами являются студенты Индии и Африки в большинстве случаев со средним значением (60,45±6,5 и 59,1±6,5 соответственно) ($p<0,05$). Минимальные показатели той же категории выявляются у студентов Китая и Узбекистана (53,35±3,2 и 54,43±2,3, соответственно). Причем индийские студенты демонстрируют лучшую адаптацию благодаря владению английским языком, культурной гибкости и карьерной мотивации, китайские студенты, чаще оказываются в изоляции из–за языковых и культурных барьеров. Вместе с тем у остальных иностранных студентов Индии и Африки регистрируется «высокий» уровень адаптации (71,1±2,1 и 71,2±1,5), который также выявляется в 18% случаев и у студентов Китая. Данная когорта демонстрирует более успешную адаптацию к «академической и социальной жизни», чувствуя себя частью сообщества при стабильном психологическом состоянии. Стоит обратить особое внимание на студентов из Средней Азии, у которых в 40% случаев выявляется «низкий» уровень адаптации (43±6), и на участников опроса из Китая, которые в 6% находятся в состоянии дезадаптации (31±1), что серьезно мешает учебе и повседневной жизни и говорит о сепарации или маргинализации.

Исследование выявило парадокс: относительно высокая академическая адаптация часто сочетается со слабой социальной интеграцией. При этом языковой барьер, хотя и важен, но не является единственной причиной трудностей, порой культурные различия, индивидуалистическая ориентация российского общества и замкнутость национальных групп значительно замедляют процесс адаптации.

Адаптация иностранных студентов в российском медицинском вузе – сложный многогранный процесс. Для её успешности необходима системная поддержка со стороны университета: языковые курсы, межкультурные мероприятия, психологическая помощь и др. Именно такой многофакторных подход позволит не только улучшить адаптацию иностранных студентов, но и повысить привлекательность российского медицинского образования на международном уровне [6].

Литература:

1. Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 108-118.

2. Константинов В. В., Иванчин С. А. Психологическое сопровождение иностранных студентов в российских вузах: по итогам заседания межрегионального круглого стола // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, № 3 (51). С. 285–291.

3. Положенцева И. В., Чеснова Е. Адаптационная готовность иностранных студентов: влияние тревожности и культурных различий // Журнал прикладных исследований. – 2025. Т. 10. № 10. С. 244–248

4. Ряскин К. А., Торубарова И. И. Интернационализация как тенденция развития высшего медицинского образования на современном этапе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12. С. 151–154.

5. Mulyadi E., Permatasari D., Soares D., Syarifudin M., Pinto T. da S., Sarmento J. Culture Shock: Challenges of International Students // International Journal of Health, Engineering and Technology, 2024.

6. Ryumshina L.I., de Oliveira D.L. Culture Shock Descriptions by Chinese Students Studying in Russia: Qualitative and Quantitative Analysis. Integration of Education, 2025.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В БЕЛОРУССКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Чернова Д.В.
МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье обосновывается необходимость разработки методики коррекции коммуникативных стереотипов иностранных студентов в белорусских вузах.*

Ключевые слова: *коммуникативные стереотипы, коррекция, методика, адаптация, иностранные студенты.*

В современном глобализированном мире эффективная межкультурная коммуникация становится ключевым фактором успешной интеграции иностранных студентов в учебную среду. Республика Беларусь, как образовательный центр, привлекает студентов из разных стран, что создает уникальные условия для культурного обмена и формирования многообразия. Однако, одним из значительных препятствий, с которыми сталкиваются иностранные студенты, является наличие коммуникативных стереотипов, основанных на различных культурных традициях, нормативах общения и восприятии информации.

Коммуникативные стереотипы иностранных студентов – устойчивые когнитивно-эмоционально-поведенческие установки, определяющие ожидания и модели взаимодействия с представителями принимающего социокультурного пространства – оказывают существенное влияние на адаптацию обучающихся, качество межкультурного взаимодействия и образовательные результаты. В Республике Беларусь в последние десятилетия наблюдается рост притока иностранных студентов из Азии, Африки, Ближнего Востока и СНГ, что требует системного обеспечения их успешной академической и социокультурной интеграции.

Иностранные студенты часто оказываются в ситуации, когда их привычные коммуникативные стереотипы немедленно сталкиваются с новыми реалиями, что приводит к недопониманию, психологическому дискомфорту и, в некоторых случаях, социальным изоляциям. В контексте образовательного процесса это может негативно сказаться не только на успеваемости студентов, но и на их эмоциональном здоровье и общей адаптации в новой среде.

Обучение иностранных граждан в вузах Беларуси осложнено необходимостью освоения программы на неродном языке в непривычной социокультурной среде. Ключевым фактором академической успеваемости является уровень языковой компетенции студента. Основные трудности возникают при восприятии лекционного материала из-за высокого темпа его подачи, что провоцирует быструю утомляемость, снижение концентрации и успеваемости. Вследствие языкового барьера иностранные студенты склонны к самоизоляции: они реже проявляют активность на занятиях, скрывают непонимание материала и испытывают сложности в коммуникации с русскоязычными сверстниками.

Трансформация социокультурной среды и сужение привычного коммуникативного поля иностранных граждан в период обучения в Беларуси актуализируют проблему их социально-психологической адаптации. Одной из ключевых характеристик данного процесса выступает повышенная эмоциональная лабильность при столкновении с академическими трудностями. По сравнению с национальным студенческим контингентом, иностранные студенты острее воспринимают неудовлетворительные оценки, что обусловлено доминированием экстернальных факторов мотивации и ответственности перед семьей, вузом и официальными ведомствами страны происхождения [1].

Проблема недостатка научных исследований, посвященных коррекции таких стереотипов, подчеркивает необходимость разработки и внедрения эффективных методик, способствующих адаптации иностранных студентов. Введение таких методик повысит уровень межкультурной компетенции студентов, что, в свою очередь, позитивно отразится на их обучении и социальном взаимодействии.

Научные исследования и практический опыт показывают, что применение теоретико-экспериментального подхода позволяет глубже понять природу коммуникативных стереотипов и разрабатывать целенаправленные программы их коррекции. Такие программы могут включать элементы обучения межкультурной коммуникации, развитие социальных и эмоциональных навыков, а также внедрение инновационных методов, таких как ролевые игры, обратная связь и культурные обмены.

Цель данного исследования – теоретико-экспериментальное обоснование методики коррекции коммуникативных стереотипов иностранных студентов, основываясь на анализе существующих методик и практик, а также на эмпирических данных, собранных в процессе наблюдений и интервью.

В рамках достижения данной цели предполагается решить ряд **задач**:

- анализ теоретических аспектов межкультурной коммуникации и коммуникативных стереотипов;

• выявление особенностей коммуникативных стереотипов иностранных студентов в контексте обучения в Республике Беларусь;

• разработка и апробация методики коррекции этих стереотипов на основе экспериментального подхода;

• оценка эффективности предложенной методики с использованием различных педагогических инструментов и показателей [2].

Методика коррекции коммуникативных стереотипов – это подход, направленный на изменение привычных моделей общения и взаимодействия, которые могут быть неэффективными или мешать пониманию между людьми. Она основывается на идее, что в межличностных отношениях часто возникают определенные стереотипы, которые формируются на основе социального опыта, культуры, образовательного фона и привычек.

Коррекция таких стереотипов может включать в себя:

1. Осознание стереотипов. Понимание того, как определенные убеждения или отношения могут влиять на общение. Это первый шаг к изменению.

2. Наблюдение за собственным поведением. Анализ собственного стиля общения и выявление проблемных моментов или неэффективных подходов.

3. Развитие навыков общения. Обучение новым стратегиям взаимодействия, таким как активное слушание, открытость к диалогу, эмпатия и гибкость в коммуникации.

4. Практика. Регулярное применение новых навыков в реальных ситуациях общения, что поможет закрепить изменения и сделать их привычными.

5. Обратная связь. Получение отзывов от иностранных обучающихся о своем общении, что поможет выявить еще не замеченные аспекты для улучшения [3].

Теоретико-экспериментальное изучение и формирование эффективной методики коррекции коммуникативных стереотипов соответствует стратегическим задачам международной образовательной политики, повышению качества академической среды и созданию инклюзивной среды для иностранных студентов. Отсутствие в белорусской научно-педагогической практике интегрированной, эмпирически проверенной методики, адаптированной к локальным особенностям университета и многонационального студенчества, обусловливает высокую значимость исследования.

Таким образом, разработка методики коррекции коммуникативных стереотипов у иностранных студентов белорусских вузов имеет важное научное и практическое значение. Методика коррекции, разработанная на основе теоретических и практических данных, сможет не только улучшить коммуникативные навыки иностранных студентов, но и способствовать более гладкой интеграции их в белорусское общество, успешной адаптации и укреплению академической среды.

Литература:

1. Методические рекомендации Управления воспитательной работы с молодежью Республиканского института высшей школы «Социально-педагогическое и психологическое сопровождение иностранных граждан, обучающихся в высшей школе Республики Беларусь».

2. Окуневич Ю.А. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов в вузах беларуси (на примере Гродненского государственного медицинского университета) // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. – Минск, 2017. С. 287-290. URL: https://rep.bsmu.by/bitstream/handle/BSMU/17171/064.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 05.02.2026).

3. Чернышева Т.Л. Адаптация иностранных студентов в рамках реализации третьей миссии университета // Перспективы науки и образования. 2024. № 3 (69). С. 90-112.

FOREIGN MEDICAL STUDENTS' LIFE IN RUSSIA: THE LANGUAGE BARRIER AND OTHER ADAPTATION CHALLENGES

Tribunko E.I.
Scientific supervisor: Krutova I.Yu.
Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: *The article shows the various difficulties of adaptation of foreign medical students in Russia and their consequences.*

Keywords: *language barrier, adaptation, challenges, difficulties, educational space, medical students.*

Russia attracts a large number of foreign applicants who dream of becoming doctors, thanks to its high level of medical education and affordable prices. However, the path to obtaining a coveted diploma can be challenging for many students, not only due to the academic workload but also due to the numerous adaptation issues. These include the language barrier, cultural differences, social isolation and others. The language barrier is one of the most significant problems of foreign students, it is a “wall” between knowledge and understanding.

The **aim** of the study is to identify the main life difficulties and problems that foreign students may face when moving to Russia and enrolling in a medical university.

According to this, **the following tasks** were set:

1) to study materials on the problems of adaptation of foreign students in Russia,

2) to give examples of situations from the lives of foreigners who have faced some difficulties when changing their country to study,

3) to show the possible consequences of the language barrier, cultural differences and social exclusion for foreign students.

The **material** of the study was selected from original medical sources. The **methods** used in the study are represented by analysis, generalization and systematization of publications of Russian researchers [4-10] on the above-mentioned problems, comparative data analysis.

For most foreign medical students, Russian is a completely new language. Despite the preparatory language courses, which most often precede basic education, the level of Russian language proficiency remains insufficient for a full understanding of difficult medical terminology.

The consequences of the language barrier are diverse. Firstly, there are academic difficulties. Students struggle to understand lectures, read textbooks, and write assignments. This leads to decreased academic performance, stress, depression, and even expulsion. Secondly, there are challenges in clinical practice. Communicating with patients, collecting medical histories, and explaining procedures require a strong command of the language. The inability to effectively communicate with patients not only hinders learning but can also pose a threat to their health. Thirdly, there is limited interaction with professors and fellow students. The language barrier prevents students from asking questions, participating in discussions, and fully integrating into the learning process. This creates a sense of isolation and hinders the formation of professional connections. Fourthly, there is psychological discomfort. The constant pressure of translating words in their minds, the fear of making mistakes or being misunderstood, and the feeling of inferiority can have a negative impact on students' mental health [2].

In addition to the language barrier, foreign students face profound cultural differences that affect all aspects of their lives. For example, the educational system: The Russian educational system may differ from what students are used to. This includes teaching methods, grading systems, and requirements for independent work. Furthermore, there are differences in living conditions, such as living in a dormitory, dietary habits, and the climate. For students from warmer countries, the harsh Russian winters can be a significant challenge.

Moreover, there are some differences in social norms and customs. Variations in etiquette, behavior patterns, and attitudes towards personal life can lead to misunderstandings and awkward situations [1].

The combination of the language barrier and cultural differences often results in social isolation. Students may struggle to make friends among their Russian groupmates and feel like outsiders. This is exacerbated by homesickness, separation from family, and a lack of familiar surroundings. The consequences of social isolation include depression, anxiety, feelings of loneliness and helplessness, the inability to express emotions and experiences, decreased motivation to study due to a lack of support and understanding from others, sleep and appetite disturbances.

Thanks to regular monitoring and methodological developments aimed at tracking, stabilizing and improving the educational process, a set of practical solutions for smoothing the problems of adaptation of foreign students in Russian medical universities is also being determined. A large number of bilingual scientific and methodological materials are being developed, and serious research is being conducted in the field of teaching disciplines provided for in the educational programs of the Russian Federation [3]. And the speed of their implementation in Russian higher education depends only on the interest of universities in improving the quality of education received by foreign citizens, which invariably affects the priority of foreigners choosing higher education institutions in the Russian Federation.

So, **the main conclusion** is that the habituation of foreign students to the Russian educational space is a long and difficult process.

Obviously, for faster and less painful adaptation of foreign students in Russian medical universities, various student discussion clubs and research laboratories are being created, which involve the maximum integration of foreigners into the Russian educational space, their involvement in science and high motivation aimed at obtaining high-quality higher education.

References:

1. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сборник научно-методических трудов. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2014. – 276 с.
2. Адаптация иностранных студентов в Российском ВУЗе. – URL: https://science-education.ru/article/view?id=24651&ysclid=ml7z5k3lqm838604947 (дата обращения: 27.01.2026).
3. Адаптация иностранных студентов в Российских ВУЗах: опыт и вызовы. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/141395/1/978-5-8295-0923-1_2024-11.pdf?ysclid=ml806qeqv9546753824 (дата обращения: 23.01.2026).
4. Воронец, С. М. Формирование навыков устного иноязычного общения в ходе занятий по иностранному языку с помощью дистанционного курса на образовательной платформе вуза / С. М. Воронец, А. Н. Павлова, И. Ю. Крутова // Актуальные проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка : Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Рязань, 05 апреля 2023 года. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023. – С. 18-23. – EDN: TWGVNA.
5. Крутова, И. Ю. Акмеологические ориентиры формирования познавательной активности студентов в процессе обучения иностранному языку / И. Ю. Крутова // Психолого-педагогический поиск. – 2015. – № 4(36). – С. 153-159. – EDN: VOOKBT.
6. Крутова, И. Ю. Формирование познавательной активности студентов в процессе обучения иностранному языку (на примере медицинского вуза) : специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Крутова Ирина Юрьевна. – Карачаевск, 2017. – 22 с. – EDN: ZQEOGT.
7. Крутова, И. Ю. Использование инновационных информационных и коммуникационных технологий в процессе формирования познавательной активности у студентов-медиков на занятиях по иностранному языку / И. Ю. Крутова // Инновации на основе информационных и коммуникационных технологий. – 2013. – № 1. – С. 60-62. – EDN: RBKIAN.
8. Проблема адаптации иностранных студентов в Российских вузах. – URL: https://research-journal.org/archive/3-129-2023-march/10.23670/IRJ.2023.129.62?ysclid=ml7yxmwksz947289099 (дата обращения: 25.01.2026).
9. Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития / Т.Р. Рахимов // Дефиниции культуры: сборник трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск: Издательство Томского университета, 2011. – № 9. – С. 406-411.
10. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: процесс, способность, результат. – URL: https://moluch.ru/archive/139/39163 (дата обращения: 01.02.2026).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Чембарова Е.А.
Научный руководитель: Островская А.А.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *Статья затрагивает актуальную тему и даёт представление об основных факторах, провоцирующих дезадаптацию, о механизме развития адаптации и о ключевых тенденциях проявления дезадаптации среди иностранных студентов.*

Ключевые слова: *дезадаптация, адаптация, социокультурные условия, учебная деятельность, иностранные студенты.*

В связи с современными вызовами, такими как глобализация, важность представляет изучение вопроса адаптации иностранных студентов в новых социокультурных условиях. При перемене страны может возникнуть состояние дезадаптированности, не способное компенсироваться внутренними психологическими механизмами. Это состояние, в свою очередь, приводит к развитию акцентуированных черт характера и к девиантному поведению. В данной статье предлагаем рассмотреть, как дезадаптация влияет на иностранных студентов и проследить уровень адаптированности на примере студентов, обучающихся в БГПУ.

Сначала следует рассмотреть проблемные области адаптации, которые могут возникнуть при перемене социокультурных условий. Для этого обратимся к работе Ли Циня, который отмечает: «выделяются четыре проблемных аспекта адаптации: *приспособление к условиям жизни и быта* (вопросы питания, проживания, транспорта, климата, охраны здоровья, финансового обеспечения и др.); *вхождение в незнакомую систему образования* (освоение организации учебного процесса и содержания новых учебных дисциплин, преодоление языкового барьера и др.); *освоение непривычного социокультурного окружения* (инокультурных традиций и феноменов, норм и правил социального поведения и др.); *проблемы психологического свойства* (вопросы идентификации, психологической совместимости, сензитивности к инновациям, эмоциональной чувствительности, преодоление когнитивного диссонанса, депрессивности и др.)»[1]. Эти трудности препятствуют интеграции в новую социокультурную среду.

Механизм адаптации является многоуровневым и включает в себя следующие этапы:

1. Ориентация в новой социокультурной среде, содержит в себе трудности в адаптации к иной культуре, другому образу жизни и нормам.

2. Аккомодация, как процесс приспособления к отличным требованиям общества. При нарушении данного процесса может возникнуть состояние фрустрации.

3. Ассимиляция – представляет собой активное включение в социальную жизнь и учебную деятельность.

4. *Интеграция,* заключается в успешной адаптации к обществу и формировании устойчивого представления о специфике жизни в новой среде.

Нарушение на каждой стадии ведёт к развитию трудно корректируемых процессов. «Иностранные студенты на момент поступления, как правило, имеют сложившиеся представления о должном, основанные на собственном опыте, мировоззрении, специфических этнических, психологических и поведенческих особенностях и др.» [2]. При переходе в новую социокультурную ситуацию человек теряет ценностные ориентиры и сталкивается иным мировоззрением, что создаёт культурный диссонанс.

Адаптация к новым социокультурным условиям сопровождается рядом внутренних психологических механизмов, проявляющихся в когнитивной, эмоциональной и саморегулирующей сферах. К основным механизмам можно отнести:

1. Когнитивную переработку, которая включает осмысление новых норм и ценностей, формирование индивидуальных представлений, преодоление несоответствия внутриличностных установок;

2. Ощущение своего «Я», заключается в пересмотре «Я-концепции» в рамках новой культуры и подключение механизмов для сохранения баланса между собственной идентичностью и принятием новых культурных правил;

3. Психологическая защита, как способ защитить психику при столкновении с новым мировоззрением;

4. Эмоциональный интеллект. Управление стрессом, возникающим как следствие перехода к другой культуре;

5. Внутренние ресурсы для поддержания мотивации. Переоценка ценностей и приоритетов для постановки новых целей в изменившихся условиях;

6. *Социальное научение* – наблюдение и усвоение поведенческих моделей.

Недостаток ресурсов для поддержания одного из механизмов может вызвать сбой и в других, что, в свою очередь, приводит к дезадаптации.

В целях исследования остроты выраженности проблемы было проведено пилотажное исследование среди иностранных студентов БГПУ им. М. Танка. Для этого взята «методика исследования адаптированности студентов в вузе» Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой [3] и переведена для удобства восприятия её иностранными студентами. Она направлена на исследование резервных ресурсов обучающихся, которые предопределяют возможность преодоления различного рода трудностей, связанных с получением образования. Это особенно актуально в рамках нашей работы, так как позволяет проследить уровень приспособленности студентов к новым условиям обучения в рамках изменения социокультурных условий. Были получены следующие результаты, которые представлены в диаграммах.

Следует пояснить значение каждого уровня:

- *Высокий уровень:* означает, что студент хорошо адаптировался к новой учебной среде, принимает её нормы и ценности и комфортно себя в ней чувствует; отсутствует языковой барьер и непонимание со стороны однокурсников.

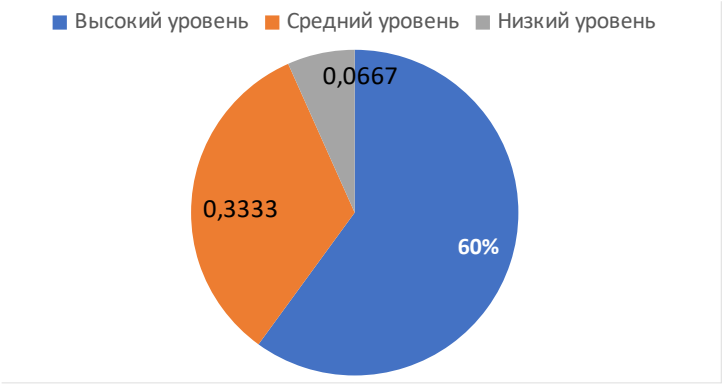

Рисунок 1 – Диаграмма, отражающая адаптированность к учебной группе.

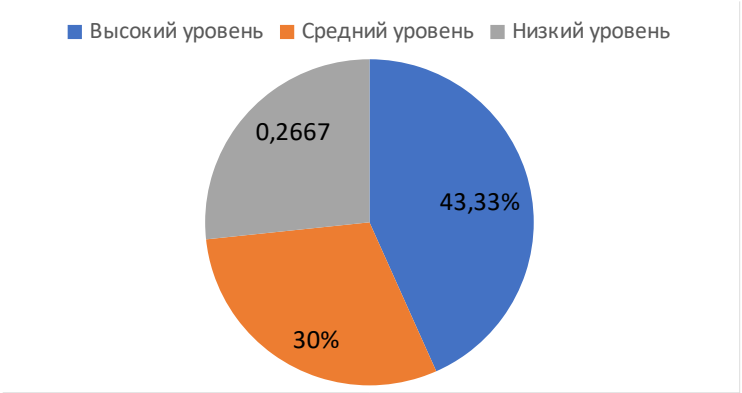

Рисунок 2 – Диаграмма, отражающая адаптированность к учебной деятельности.

- *Средний уровень:* респондент частично принимает нормы и стремится принять участие в жизни вуза, однако не может полностью включиться в новую среду из-за разности условий; самочувствие в новой среде приемлемое; языковой барьер средней выраженности.
- *Низкий уровень:* отсутствует стремление включиться в жизнь вуза, чувство непонимания и непринятия со стороны окружающих; выраженный языковой барьер; возможны девиантные проявления.

Теперь перейдём к рассмотрению выявленных показателей. Сначала ознакомимся с *адаптированностью в учебной группе*, как видно из диаграммы, высокий уровень показало 60% студентов, что свидетельствует о положительной тенденции. Однако, 33,33% респондентов не до конца адаптированы к новой среде, что может в будущем перейти как к положительной, так и к отрицательной тенденции. Такие высокие показатели объясняются тем, что группы студентов формируются в основном с учётом национальности и встречают уважительное отношение со стороны других студентов и преподавателей. Также было выявлено 6,67% студентов с низким уровнем адаптации, что свидетельствует об отрицательной корреляции.

По *шкале адаптированности к учебной деятельности* показатели кардинально отличаются. Высокий уровень отмечается у 43,33 % студентов. Можно отметить, что низкий уровень приближается по значению к среднему, что свидетельствует о развитии негативной тенденции в освоении учебных дисциплин. Это частично может быть связано с языковым барьером.

Таким образом, тема довольно актуальна, но недостаточна разработана. Требуется дальнейшее проведение исследований в данной области для более точного выявления и предотвращения негативных тенденций.

Литература:

1. Цинь, Ли. Проблемы адаптации иностранных студентов в социокультурно-образовательном пространстве зарубежных стран (анализ исследований современных китайских учёных) / Ли Цинь // Образование и наука в XXI веке : ежегод. сб. науч. тр. БГПУ : 2022 год / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: А. В. Торхова (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – Вып. 4. – С.15–19. URL: http://elib.bspu.by/handle/doc/56504 (дата обращения: 25.01.2026).

2. Айбазова, М. Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах / М. Ю. Айбазова // Вестник Омского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 117-121.

3. Дубовицкая, Т. Д. Методика исследования адаптированности студентов в вузе / Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова // Электронный журнал: «Психологическая наука и образование». 2010. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27814 (дата обращения: 24.01.2026).

МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН В ОСВОЕНИИ ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Ло Мэйлин
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье обосновывается эффективность использования русских и белорусских народных песен в обучении иностранных студентов русскому языку на довузовском этапе.*

Ключевые слова: *народная песня, русский как иностранный, межкультурная коммуникация, фонетика, лексика, социокультурная адаптация.*

Теоретические основы использования песенного фольклора в обучении РКИ

С позиций лингводидактики, песенный текст представляет собой сложное семиотическое единство вербального и музыкального кодов. Это единство создает благоприятные условия для непроизвольного запоминания языкового материала благодаря эффекту эмоционального воздействия музыки. Исследователи отмечают, что музыка активизирует оба полушария головного мозга, что способствует более глубокой и долговременной переработке языковой информации.

Согласно теории аффективного фильтра, разработанной американским психолингвистом Стивеном Крашеном, успешность овладения иностранным

языком зависит от уровня психологического комфорта обучающегося. При высоком уровне тревожности возникает так называемый «аффективный фильтр», который блокирует поступление языкового материала в зоны долговременной памяти. Музыкальное сопровождение снижает этот фильтр, создавая расслабленную и эмоционально благоприятную атмосферу, что повышает восприимчивость к языковому материалу.

В культурологическом аспекте народная песня выступает как хранитель и транслятор культурных кодов, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов этноса. По мнению исследователей, формирование «вторичной языковой личности» невозможно без погружения в концептосферу изучаемого языка. Через песенные тексты иностранные студенты получают доступ к ключевым концептам русской и белорусской культур, что является необходимым условием формирования подлинной межкультурной компетенции.

С позиций психологии обучения, пение активизирует механизмы непроизвольного запоминания, которые, как доказано исследованиями, являются более эффективными для долговременного удержания информации, чем произвольное заучивание. Эмоциональная вовлеченность, возникающая при исполнении песен, способствует выработке эндорфинов, что создает положительную ассоциацию с процессом изучения языка и повышает внутреннюю мотивацию учащихся.

Лингводидактический потенциал народных песен

В фонетическом аспекте ритмомелодическая структура народных песен способствует освоению интонационной системы и ритмики русского языка. Русский язык характеризуется сложной системой интонационных конструкций, которые представляют значительную трудность для иностранных учащихся. Мелодия песни служит естественным носителем интонационного рисунка, облегчая его восприятие и воспроизведение.

Пение активизирует артикуляционный аппарат и автоматизирует произносительные навыки. При пении многократно повторяются определенные звукосочетания, что способствует выработке мышечной памяти речевого аппарата. Кроме того, протяжное пение развивает речевое дыхание, что важно для формирования нормативного произношения.

В лексико-грамматическом аспекте песенный материал представляет языковые явления в естественном контексте. Повторяемость лексических единиц и грамматических конструкций в песенных текстах обеспечивает их непроизвольное запоминание. Исследования показывают, что для прочного усвоения лексической единицы необходимо от 7 до 12 повторений в различных контекстах. Песни, особенно с припевами, обеспечивают многократное повторение ключевых слов и конструкций в эмоционально окрашенном контексте.

Народные песни содержат базовую лексику, отражающую ключевые концепты культуры. Это так называемая «культурно маркированная лексика», которая несет информацию о традициях, верованиях, ценностях и образе жизни народа. Усвоение такой лексики необходимо для адекватного понимания русскоязычных текстов и успешной коммуникации с носителями языка.

В грамматическом плане народные песни демонстрируют функционирование морфологических и синтаксических явлений в живой речи. Например, песни позволяют наблюдать употребление падежных форм в естественных конструкциях, видовременные отношения глаголов, особенности согласования и управления. Особую ценность представляют уменьшительно-ласкательные формы, широко представленные в народных песнях и являющиеся важной стилистической особенностью русской и белорусской речи.

Социокультурный аспект и межкультурная коммуникация

В социокультурном аспекте народные песни отражают традиции, обряды, исторический опыт и систему ценностей народа. Они служат источником лингвострановедческой информации и средством формирования межкультурной компетенции. Каждая народная песня представляет собой «культурный текст», в котором закодирована информация о мировосприятии этноса.

Календарно-обрядовые песни знакомят с народным календарем, сельскохозяйственными циклами и связанными с ними верованиями. Семейно-бытовые песни раскрывают систему родственных отношений, представления о браке, материнстве, воспитании детей. Исторические песни и баллады отражают народную оценку исторических событий и личностей. Лирические песни передают эмоциональный мир человека, его представления о любви, разлуке, счастье и горе.

Особую ценность представляет сравнительное изучение русских и белорусских народных песен. Будучи близкородственными культурами, имеющими общие восточнославянские истоки, русская и белорусская традиции обладают уникальными чертами, сформировавшимися под влиянием различных исторических, географических и политических факторов.

Сравнительный анализ позволяет выявить:

- общие жанры и сюжеты, восходящие к древнеславянскому единству;
- специфические жанры, характерные только для одной из традиций;
- различия в музыкально-стилистическом оформлении;
- лексические и фонетические различия при общей семантике.

Такое сравнение позволяет студентам не только углубить знания о каждой культуре, но и развить навыки межкультурного анализа, что является важной составляющей межкультурной компетенции. Понимание сходств и различий между близкими культурами формирует более тонкое восприятие культурных явлений и готовность к диалогу культур.

Методические аспекты интеграции народных песен в учебный процесс

Интеграция народных песен в учебный процесс требует учета уровня языковой подготовки учащихся и методической обработки аутентичного материала. Аутентичные тексты часто содержат устаревшую лексику, диалектизмы и сложные поэтические образы, поэтому необходима тщательная предтекстовая работа.

Таким образом, русские и белорусские народные песни обладают значительным лингводидактическим и культурологическим потенциалом. Их использование в обучении иностранных студентов позволяет комплексно решать задачи формирования фонетических, лексических и социокультурных

навыков, способствует межкультурной адаптации учащихся и повышению мотивации к изучению языка.

Теоретический анализ подтверждает, что песенный фольклор активизирует механизмы непроизвольного запоминания, снижает аффективный фильтр, обеспечивает погружение в концептосферу изучаемого языка и знакомит с культурными кодами этноса. Сравнительное изучение русских и белорусских песен открывает дополнительные возможности для формирования межкультурной компетенции и развития навыков межкультурного анализа.

Перспективой дальнейшего исследования является разработка конкретных методических моделей работы с песенным материалом с учетом уровня владения языком и национального состава учебных групп, а также создание учебных пособий, интегрирующих русский и белорусский песенный фольклор в процесс обучения РКИ.

Литература:

1. Борджакова О. Песни на занятиях по русскому языку как иностранному : выпускная квалификационная работа / О. Борджакова ; науч. рук. И.В. Шумкина ; Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева. – Самара, 2023. – 78 с.

2. Дунькович Ж.А., Рукавишникова С.М., Фатеева С.И. Использование песенного материала на занятиях РКИ // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному : материалы V Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 19 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С.И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 41-44.

3. Крашен С. Вторая языковая компетенция и ее формирование / пер. с англ. А.Н. Щукина. – М. : Прогресс, 1988. – 215 с.

4. Михайлова Е.В., Назарко Е.В. Тексты песен как материал для изучения русского языка на занятиях с иностранцами-музыкантами // Лингводидактика : материалы VII Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 23 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С.И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 75-81.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Азарова Е.В.
Научный руководитель: Островская А.А.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье рассматриваются психолого-педагогические трудности адаптации иностранных учащихся в образовательной среде и основные факторы, влияющие на процесс адаптации. Обосновывается необходимость комплексного психолого-педагогического сопровождения.*

Ключевые слова: *адаптация, психолого-педагогические трудности, иностранные учащейся, образовательная среда.*

На современном этапе развития международного образовательного сотрудничества наблюдается рост числа иностранных учащихся в

университетах. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2025 год, в учреждениях высшего образования обучается 21 043 иностранных студентов и магистрантов, представляющих более 10 стран, таких как Китай, Узбекистан, Туркменистан, Российская Федерация и многие другие, что составляет 9,0% от общей численности студентов [1]. Университеты становятся пространством для межкультурного взаимодействия, что, в свою очередь, не только открывает новые возможности для обмена знаниями и различным культурным опытом, но и одновременно порождает различные трудности в адаптации иностранных учащихся. Современные образовательные учреждения все чаще сталкиваются с необходимостью создания условий для успешной интеграции иностранных учащихся из различных культурных и языковых сред в образовательное пространство.

Как отмечают А. А. Горожанкин М. В. и Ионцева: «недостаточная адаптация иностранных учащихся может приводить к снижению учебной мотивации, к повышению уровня тревожности, к трудностям в межличностном взаимодействии и академической неуспеваемости». Исходя из этого, исследование и анализ психолого-педагогических трудностей процесса адаптации иностранных учащихся, поиск эффективных и актуальных способов и механизмов сопровождения являются важными направлениями современных научных педагогических и психологических исследований [3].

Цель данной работы – анализ основных психолого-педагогических трудностей адаптационного процесса иностранных учащихся в новой образовательной среде и обоснование необходимости комплексного подхода к сопровождению на основе теоретического анализа научной литературы и практического исследования.

Теоретическую базу для исследования процесса адаптации иностранных учащихся и основных трудностей данного процесса на современном этапе составили научные работы российских исследователей Г. В. Гришиной, Л.В. Уховой, А. К. Санаевой, С.Н. Бочаровой и многих других. Значение педагогических условий в процессе адаптации иностранных учащихся изучались ранее в работах Н. М. Борытко, А. А. Налчаджян, О. И. Михайленко.

Само понятие адаптация относится к биологии и представляет собой процесс, который направлен на приспособление организма к условиям внешней среды. А социально-психологическую адаптацию в новой образовательной среде О. И. Михайленко определяет как «приспособление и привыкание индивида к новым условиям среды с затратой определенных усилий индивида, влияние самого субъекта на эту среду, взаимное приспособление индивида и среды» [6].

Можно сказать, что адаптация в новой образовательной среде представляет собой сложный и многоуровневый процесс приспособления личности к новым условиям обучения, новым условиям социального взаимодействия и новой культурной среде.

Анализ различных научных работ и источников позволяет выделить ряд основных трудностей, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся в процессе адаптации.

В первую очередь сюда относятся языковые трудности и барьеры, так как недостаточный уровень владения языком затрудняет процесс обучения, восприятие учебного материала, участие в межличностном взаимодействия, что негативно сказывается на академической успеваемости обучающихся и их академической уверенности в собственных силах, а также на трудностях в установлении коммуникации.

Далее к основным трудностям относят социокультурные барьеры. Различия в социальных и культурных нормах и правилах, культурный шок, который проявляется в непонимании норм поведения и ценностей общества, могут стать причиной недопонимания и межкультурных затруднений в образовательной среде.

И к основным трудностям относятся эмоционально-психологические трудности, которые проявляются в виде тревожности, стресса, чувства одиночества и эмоционального напряжения, они также снижают уровень учебной мотивации [3].

Проанализировав и обобщив основные психолого-педагогические трудности процесса адаптации иностранных учащихся в образовательной среде, важно сказать, что комплексное сопровождения является ключевым условием успешной адаптации. Сопровождение должно быть системным и включать в себя психологическое консультирование, кураторское и тьюторское сопровождение, индивидуальные адаптационные и ориентационные программы, а также различные мероприятия по развитию межкультурного взаимодействия и межкультурной компетентности [2].

В рамках данного исследования было проведено анкетирование иностранных учащихся, обучающихся в БГПУ имени М. Танка, с целью выявления основных психолого-педагогических трудностей адаптации и потребностей в психолого-педагогическом сопровождении.

В исследовании приняли участие 70 иностранных учащихся (34 девушки и 36 юношей). Анкетирование проводилось на добровольной и анонимной основе.

Результаты исследования показали, что наиболее значимыми трудностями в процессе адаптации респонденты считают: языковые трудности – 68%; сложности в межкультурном общении – 54% опрошенных; эмоциональное напряжение и тревожность – 47%; а также трудности в понимании требований образовательной системы, их отметили 42%.

При этом 71% респондентов отметили важность регулярной педагогической и психологической поддержки со стороны учреждения образования. А более половины опрошенных (58%) отметили необходимость проведения различных специальных адаптационных мероприятий, включая психологические консультации, ориентационные встречи и различные тренинги, а также встречи по межкультурной коммуникации.

На основе теоретического анализа и результатов проведенного исследования можно предложить некоторые направления для совершенствования процесса адаптации в образовательных учреждениях:

1. разработка индивидуальных первичных программ адаптации для иностранных учащихся на основе предварительной диагностики образовательных и социокультурных потребностей;

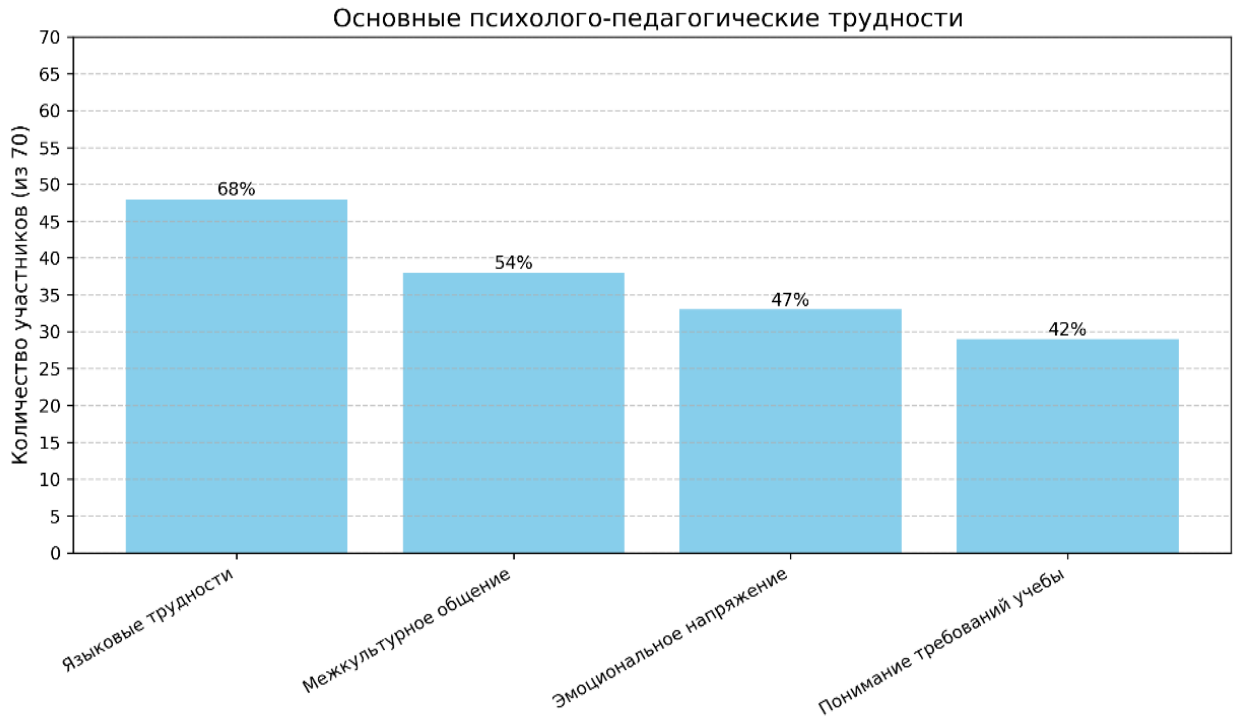

Рисунок 1 – Основные психолого-педагогические трудности адаптации иностранных учащихся в образовательной среде

2. организация доступного психолого-педагогического сопровождения путем предоставления тьютора со знанием иностранного языка;

3. повышение межкультурной компетентности преподавателей и кураторов посредством проведения обучающих семинаров и тренингов по межкультурной коммуникации;

4. использование различных цифровых средств и платформ для консультирования и необходимой информационной поддержки за счет внедрения онлайн-консультаций и специальных образовательных платформ;

5. формирование и поддержание толерантной и поддерживающей образовательной среды через организацию совместных межкультурных мероприятий и проектной деятельности.

Таким образов, процесс адаптации иностранных студентов является важнейшим направлением в современной системе образования и напрямую влияет на качество образования, успешность обучения, социальную интеграцию иностранных учащихся и также на качество межкультурного взаимодействия. Но данный процесс сопровождается рядом психолого-педагогических трудностей, которые на сегодняшний день являются актуальной проблемой и подтверждают важность и необходимость внедрения и развития комплексной системы сопровождения в учреждениях образования как важного условия повышения эффективности процесса адаптации, что, в свою очередь, способствует созданию благоприятной образовательной среды и повышению качества образовательного процесса в условиях интернационализации образования.

Литература:

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: http://belstat.gov.by (дата обращения 08.01.2026).
2. Башеров О. И., Мерзликина Н. И., Тростина К. В., Синицына И. А. Роль тьюторского сопровождения в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tyutorskogo-soprovozhdeniya-v-protsesse-sotsiokulturnoy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-v-rossiyskih-vuzah (дата обращения: 14.01.2024).
3. Горожанкин А. А., Ионцева М. В. Особенности социально-психологической адаптации иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья // Вестник университета. – 2024. – № 12. – С. 208-216.
4. Гришина Г. В. Педагогические условия сопровождения адаптации иностранных студентов в российском вузе с учетом возможностей цифровой среды // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 9. № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-soprovozhdeniya adaptatsii-inostrannyh-studentov-v-rossiyskom-vuze-s-uchetom-vozmozhnostey tsifrovoy-sredy/viewer (дата обращения: 05.01.2024).
5. Михайленко О. И. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации студентов-мигрантов в вузе // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук : сб. науч. тр., приуроч. к году науки и технологий. Ч. 3. Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2021. – С. 420-429.

THE PSYCHOLOGICAL MECHANISM OF CROSS-CULTURAL ADAPTATION AMONG INTERNATIONAL STUDENTS AND EDUCATIONAL SUPPORT STRATEGIES

Gao Guanghui
Scientific supervisor: Ostrovskaya A.A.
BSPU named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Abstract: *The article examines the internal psychological mechanisms of intercultural adaptation of international students, analyzes the influence of a number of external factors and proposes practical strategies for improving the ability of international students to intercultural adaptation.*

Keywords: *international students, intercultural adaptation, psychological mechanism, educational support, social integration.*

Against the backdrop of advancing educational internationalization and constructing a unified education space, an increasing number of students choose to study abroad. When studying and living in a foreign country, international students often face varying degrees of cross-cultural adaptation difficulties due to differences in culture, language, and living habits.

During the period of studying and practicing in Belarus, the author found through interviews and observations of international students that their adaptation difficulties present common group characteristics: some students have low participation in interactive sessions such as classroom questioning and group discussions due to insufficient oral expression ability and professional vocabulary reserve; most freshmen are prone to negative emotions such as loneliness and anxiety

in the initial stage of enrollment. These problems not only affect students' learning efficiency but also reduce their sense of life well-being. As young people studying abroad in the new era, we must face up to these adaptation difficulties, and more importantly, take the initiative to explore solutions, temper our abilities and broaden our international horizons in the process of cross-cultural adaptation.

Based on this, combined with observations and interviews of international students, and referring to relevant academic research results, this paper analyzes the psychological mechanisms and core influencing factors of international students' cross-cultural adaptation, and puts forward targeted practical support strategies, hoping to provide a reference direction for international students to actively cope with adaptation difficulties.

The core of cross-cultural adaptation is a dynamic process in which individuals gradually adjust at the cognitive, emotional, and behavioral levels after entering a heterogeneous cultural environment, and ultimately achieve harmonious coexistence with the new environment [1; 2]. John W. Berry's acculturation theory divides international students' adaptation strategies into four categories: *integration, assimilation, separation, and marginalization*. Among them, the integration strategy that balances local culture and foreign culture has the best adaptation effect [3]. This two-way cultural tolerance and active integration are most easily observed in daily campus life, especially during festivals. The strong public cultural atmosphere during New Year and Christmas in Belarus has provided a particularly vivid confirmation of this theory.

As New Year and Christmas approach, the squares in front of dormitories and teaching buildings are decorated with festive ornaments early. A several-meter-tall spruce Christmas tree stands in the center, with warm yellow string lights winding around its branches, hung with colorful balls, pinecones, ribbons and handmade cabins. When the lights are on in the evening, the whole tree glows gently in the winter night. A simple holiday market is set up nearby, where students gather to chat and laugh wrapped in thick coats, and the sound of blessings and laughter is particularly clear in the cold air. When immersed in such an atmosphere, I can truly feel an open and warm collective vibe, and better understand the role of cultural interaction in promoting the adaptation process. I observed that international students who adopt the integrated adaptation method will not only simply decorate their dormitories with their compatriots with festive ornaments from their own countries and share their hometown customs, but also take the initiative to go downstairs to participate in local activities. They follow Belarusian students to hang decorations on the Christmas tree and say “С новым годом”, in the Russian they have just learned. Even if their pronunciation is not standard and their expression is not fluent, they are willing to take the initiative to speak and interact with a smile. Such students can often quickly break the sense of unfamiliarity, their oral English level improves significantly, and they are more confident and calm in collective activities such as class group discussions and classroom presentations. On the other hand, some international students prefer to stay closed in the small circle of their fellow countrymen even when surrounded by a strong festive atmosphere, and rarely go out of the dormitory to participate in public activities. Over time, their language progress is slow, and they are more prone to nervousness and withdrawal when facing the

collective collaborative classroom model, resulting in a significantly longer overall adaptation cycle.

International students' cross-cultural adaptation is a dynamic process of gradual psychological adjustment affected by multiple factors, mainly reflected in cognitive adjustment and emotional adjustment. International students who first arrive in Belarus often take their own national culture as a reference and experience temporary discomfort with the relaxed classroom atmosphere of “free speech and no fixed sitting posture”. With the deepening understanding of local culture, this cognitive difference will gradually ease, thereby better integrating into classroom and campus life. In campus life, it can be seen that many international students often cannot independently complete the payment of tuition and accommodation fees at the bank for the first time because they are not familiar with the operation of self-service equipment. With the joint assistance of school teachers and bank staff, everyone can usually complete the procedures smoothly. The temporary inconvenience caused by such daily trivial matters will be gradually resolved with the accumulation of experience and external support, which requires both personal active adaptation and the goodwill help from people around.

Summarizing the results of six months of study abroad, and analyzing the research of L.S. Yelgina, G.V. Tkacheva, Yu. Gonts, and A. Buglak, we came to the conclusion that two key factors influence the speed of adaptation.

First, language proficiency. Students with good oral communication skills in a foreign language learn material more easily and cope with tasks, and their emotional state is more stable; weak language skills are likely to exacerbate communication difficulties and negative emotions.

Second, social initiative. International students who actively participate in cultural events and interact with local students quickly adapt to the new environment and form new friendships; students who have spent a long time in a small circle of their compatriots often demonstrate slower linguistic and cognitive adaptation. Additionally, minor differences in communication style and the rhythm of group interaction across cultures can also cause short-term difficulties, but with basic language skills and an open mind, they can usually adapt quickly.

To more quickly adapt to life abroad, international students can take the initiative in language practice, social interaction, daily life, and psychological adjustment, using concrete and achievable methods that combine them with real-life situations. Many students have successfully integrated into the local environment in this way.

Among them, the integration strategy that balances local culture and foreign culture has the best adaptation effect. “Research has shown that cultural empathy, openness, and flexibility have a positive impact on intercultural adaptation” [4, P.54]. *Accordingly, we have developed some recommendations in this area.*

1. Regarding language improvement, don't be afraid of awkward expressions, but take the initiative in finding study partners, use foreign languages to familiarize yourself with the campus curriculum and cafeteria menus in everyday life, and participate in extracurricular activities, such as campus performances during free time, to expand your vocabulary and practice speaking English.

2. Regarding cultural integration, take the initiative, step out of your comfort zone, and participate in school activities, such as international cultural exhibitions and learning about local customs. For example, the campus communal kitchen is a vibrant communication platform where international students from different countries showcase their unique culinary traditions. Chinese students typically use rice, soy sauce, oyster sauce, and so on to prepare home-cooked dishes by stewing and frying; Belarusian students often use flour, butter, and eggs to bake traditional pastries; and students from Turkmenistan use lamb, onions, potatoes, and spices to prepare home-cooked dishes. By sharing ingredients and culinary techniques, everyone naturally strengthens mutual understanding, reducing distance in a relaxed, vibrant atmosphere.

3. When dealing with everyday issues, such as visa extensions, student ID cards, and health insurance registration for the first time, you can seek guidance from the university's International Student Center or go through the procedures with experienced students, writing down key steps and frequently used Russian phrases to avoid repeating mistakes while maintaining an open and friendly attitude.

4. If differences in expression arise in class or minor misunderstandings in social interactions, don't rush to retreat. Instead, take the initiative, talk, and consider the situation rationally. With the help of self-improvement and your teachers, gradually adapt to the unfamiliarity of student life, build your circle of friends, and a sense of belonging on campus.

To summarize, intercultural adaptation of international students is a dynamic process of coordinated adjustment of cognitive, emotional, and behavioral aspects, influenced by numerous factors, such as cultural distance, personality traits, social support, and language proficiency. We agree that its essence lies in achieving the dual goals of psychological balance and social integration [3]. The practical support strategies that serve as a guide for international students in enhancing their intercultural adaptation ability can be summarized as follows: "*cultural awareness – psychological counseling – academic assistance – life integration*", which serve as a guide for international students in enhancing their intercultural adaptation ability. For international students, intercultural adaptation requires not only external support but also their own active adaptation. As young people studying abroad in this new era, we should view the process of intercultural adaptation as a valuable opportunity to hone our abilities and expand our international horizons.

References:

1. Berry J. W. Acculturation as varieties of adaptation // Acculturation: Theory, models, and some new findings. – Boulder: Westview Press. 1980. – P. 9-25.

2. Ward, C., Bochner, S., Furnham, A. The psychology of culture shock. – 2nd ed. – London: Routledge, 2001.

3. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5-34.

4. Man Luo, Xiaofeng Zhang. Research Status on Influential Factors of International Students' Cross-Cultural Adaptation with Different Models // Open Journal of Social Sciences. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 51-63.

5. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. – 1936. – Vol. 38, No. 1. – P. 220-234.

IMPACT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ON BE CANTO TEACHING

Cui Fangyu
Scientific supervisor: Ostrovskaya A.A.
BSPU named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Abstract: *This paper analyzes the specific influences of cross-cultural communication on bel canto teaching from three dimensions: teaching content, teaching philosophy and mode, as well as the competence requirements for teachers and students.*

Keywords: *cross-cultural communication, bel canto teaching, vocal music education, cultural integration, teaching reform.*

Against the backdrop of globalization, intercultural communication has become an inevitable trend in the development of art education, and its impact on bel canto teaching is increasingly prominent. Bel canto, originating in Italy, has evolved into a global vocal art form through cross-cultural dissemination. As shown in the research of Chinese and foreign scholars such as Shen Xiang, Yu Yixuan, and Caruso, intercultural communication not only enriches the teaching content and methods of bel canto but also promotes the integration and innovation of vocal art among different cultures.

The core impact of intercultural communication on bel canto teaching lies in breaking the single cultural perspective and realizing the mutual reference of teaching concepts. Western bel canto teaching has always emphasized scientific vocal techniques, such as diaphragmatic breathing support and unified vocal register, which are summarized in the research of Italian tenor Caruso, who pointed out that only normal breathing can provide the accurate frequency required for correct pitch [1]. In contrast, Chinese traditional vocal art attaches importance to the integration of sound and emotion, as recorded in Mao Shi Xu: "Emotions move in the heart and take shape in words; when words are insufficient, one sighs; when sighs are insufficient, one sings" [2]. In modern bel canto teaching in China, the integration of these two concepts has become a common practice. For example, teachers refer to Western scientific breathing training methods while guiding students to grasp the emotional connotation of Chinese works through traditional vocal aesthetics, forming a teaching model that combines technique and emotion.

Practical cases fully verify the positive role of intercultural communication in optimizing bel canto teaching. Liao Changyong, president of Shanghai Conservatory of Music, has long been committed to the international promotion of Chinese art songs [3]. He performed 16 Chinese art songs such as *Mid-Autumn Festival Tune: When Will the Moon Be Bright?* at the Como Opera House in Italy, using bel canto techniques to interpret Oriental poetic connotations, making Western audiences understand Chinese culture through music. This practice not only promotes cultural exchange but also provides a new direction for bel canto teaching-guiding students to adapt to the expression of works from different cultural backgrounds. Similarly, the Sino-Italian cultural exchange tour concerts held by teachers and students of the

Vocal Music and Opera Department of Central Conservatory of Music, which performed both Chinese classic works like *The River Runs East* and Italian opera arias such as *Recondita Armonia*, enabled students to experience the differences and commonalities of bel canto expression in different cultures

A comparative analysis of multiple sources shows that intercultural communication promotes the diversification of bel canto teaching materials and the innovation of teaching methods. The publication of *16 Chinese Art Songs* compiled by Liao Changyong and Hartmut Höll and published by Germany's Bärenreiter Verlag has filled the gap in the international promotion of Chinese art songs and provided important teaching materials for bel canto teaching involving cross-cultural elements [4]. In contrast, the *Rossini Chamber Vocal Works Collection* compiled by Chinese scholars systematically sorts out the bel canto works of Western composers, helping Chinese students grasp the essence of Italian bel canto [5] These two types of teaching materials, representing Eastern and Western cultural contexts, complement each other in teaching, enabling students to form a comprehensive understanding of bel canto art.

Below, we present a table developed based on an analysis of bel canto teaching assessment standards in intercultural communication settings, taking into account research on vocal music teaching assessment indicators conducted by Shen Xiang, Yu Yixuan, and other scholars, as well as practical teaching experience. This table demonstrates the applicability of bel canto teaching assessment indicators in intercultural communication settings.

Standard	Indicator	Beginner level	Fundamentals level
Activity motivation	Social or cognitive	usable	usable
Musicality and rhythm	High, medium and low levels	usable	usable
Coordination	High, medium and low levels	usable	unavailable
Spatial orientation	High, medium and low levels	usable	usable
Subject results	High, medium and low levels	usable	usable
Technical	Fractions from 1 to 10	unavailable	usable
Consciousness		unavailable	usable
Creative self-expression	High, medium and low levels	usable	usable
Physical fitness	High, medium and low levels	unavailable	usable
Socializing	Number of participations	usable	usable
Independent and creative activities	High, medium and low levels	unavailable	usable
Diligence	Fractions from 1 to 10	usable	usable
Behavioral culture	High, medium and low levels	usable	usable
Student Achievement	Participate in different levels of competitions, festivals and achievements	usable	usable

From the table it is clear that assesses the usability of 14 indicators for measuring the impact of cross-cultural communication on bel canto teaching, comparing their applicability between beginner and fundamentals-level students, revealing that most indicators are usable at both stages while some only apply to one, reflecting a shift in assessment focus with student progression.

In conclusion, intercultural communication has a profound impact on bel canto teaching: it integrates the advantages of vocal training concepts from different cultures, enriches teaching examples and materials, and facilitates the internationalization and localization of bel canto teaching. Based on our research, we conclude that to improve the quality of bel canto teaching in the context of intercultural communication, it is necessary to adhere to the principle of "mutual learning and shared prosperity," absorb the essence of various cultural vocal arts, and cultivate vocal talents possessing both professional skills and intercultural communication abilities.

References:

1. Caruso E. Caruso's Method of Voice Production. – New York: G. Schirmer, 1922. – 126 p.
2. Wang Q. S. The Integration of Chinese Traditional Vocal Aesthetics and Bel Canto Teaching // Journal of Chinese Vocality. – 2022. – No. 18 (4). – P. 56-63.
3. Li M. On the International Communication Path of Chinese Art Songs from the Perspective of Bel Canto // Journal of Shanghai Conservatory of Music. – 2023. – No. 40 (2). – P. 89-97.
4. Liao C. Y. Höll, H. Three Wishes of a Rose: 16 Chinese Art Songs. – Kassel: Bärenreiter Verlag, 2024. –198 p.
5. Zhang Y, Bianchi L. Cross-Cultural Expression of Bel Canto: A Case Study of Sino-Italian Vocal Exchange Concerts // International Conference on Art Education and Cultural Communication. Rome, 2025. – P. 112-118.

УЧИТЕЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК МЕДИАТОР КУЛЬТУР: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бондаренко П.П., Иванова О.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье рассматривается роль учителя иностранного языка как «медиатора культур» в профессиональной деятельности и при участии в диалоге культур.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, медиатор культур, учитель иностранного языка, диалог культур, лингводидактика.*

Современное образование все чаще трактует учителя иностранного языка как активного субъекта межкультурной коммуникации. В условиях глобализации и цифровизации педагог становится посредником между родной и иноязычной культурами. Наша задача состоит в обобщении ключевых проблем, релевантных для межкультурной коммуникации, с которыми сталкивается преподаватель иностранных языков при осуществлении профессиональной деятельности.

На современном этапе развития лингводидактики произошло переосмысление роли учителя иностранных языков. Согласно исследованиям Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, современный учитель перестает быть исключительно носителем «книжной» нормы языка. Он трансформируется в медиатора – личность, находящуюся на границе культур и способную интерпретировать одну культурную реальность средствами другой. «В рамках поликультурного мира, где представители различных стран взаимодействуют друг с другом как в повседневной жизни, так и на профессиональной арене, для человека становятся необходимыми расширение кругозора, глубокое понимание родной культуры, формирование иноязычной картины мира, и наконец, готовность вступать в межкультурное общение с положительным результатом для обеих сторон» [Машкова, Будникова, Кабанова, 2018: 62]. Непосредственное участие в межкультурной коммуникации требует от представителя лингвосоциума готовности и способности декодировать смыслы. Следовательно, учитель ИЯ как потенциальный субъект межкультурной коммуникации и фильтр, через который ученик воспринимает чужую культуру, должен обладать социокультурными и лингвокультурными знаниями (Д.К. Бартош).

Е.Г. Тарева выделяет разрыв между языковой и концептуальной картинами мира как главную проблему современного учителя иностранного языка. Педагог может владеть лексикой на уровне С1, но испытывать трудности в интерпретации иронии, имплицитных смыслов или прецедентных феноменов.

Можно привести пример, широко используемый педагогами иностранного языка. Учитель представляет ученикам фразу «How are you?» как формулу приветствия, но не всегда способен объяснить ритуальность этой фразы в культуре, где ответ не предполагает реального рассказа о проблемах, проецируя на нее русскую традицию общения. Иным примером соизучения языка и культуры может выступить концепт «хлеб». В России это черный кирпичик, в Америке – белая буханка в нарезке, в Китае – рис. За концептом стоят традиции, быт, отношение к еде. Следовательно, можно подчеркнуть важность обучения не только словам, но и смыслам. Формальное знание языка без понимания культурного кода создает ситуацию псевдокоммуникации. Это один из ключевых вызовов, с которым сталкивается учитель в образовательном пространстве и в процессе межкультурной коммуникации наравне с проблемой стереотипизации культур.

Исследователи – В.В. Сафонова, П.В. Сысоев – указывают на опасность трансляции культурных стереотипов. Учитель может закреплять в сознании учащихся такие шаблоны, как «все англичане каждый день пьют чай», «американцы поверхностны в общении», что может стать причиной недопонимания в ситуациях реального диалога культур. Таким образом, представляется целесообразным использование межкультурного подхода к обучению ИЯ, который отличается «направленностью на установление равноправия культур в процессе обучения иностранному языку» [7].

Одной из основных и наиболее доступных площадок для осуществления межкультурной коммуникации остается цифровая среда. Раньше, чтобы пообщаться с иностранцем, нужно было ехать за границу. Сейчас учитель

может найти собеседника через онлайн-платформу в довольно сжатые сроки. Учитель должен сам уметь общаться в сети с носителями и учить этому обучающихся. Сегодня учитель участвует в межкультурной коммуникации посредством: 1) электронной переписки с носителями ИЯ; 2) участия в международных онлайн-конференциях или программах повышения квалификации за рубежом; 3) ведения образовательного блога и взаимодействия с аудиторией, 4) участия в конкурсах профессионального мастерства.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в современной образовательной парадигме происходит фундаментальная трансформация профессионального профиля учителя иностранного языка. Из простого транслятора лингвистических знаний педагог превращается в активного субъекта межкультурной коммуникации и «медиатора культур», чья деятельность разворачивается на стыке различных мировоззрений и ценностных систем. Учитель иностранного языка является ключевым агентом межкультурной коммуникации в образовательном пространстве.

В перспективе дальнейшее развитие компетентности учителя иностранного языка должно быть связано с совершенствованием цифровой компетенции в образовании и окончательным отказом от этноцентризма. Учитель, обладающий развитой вторичной языковой личностью и готовый к непрерывному декодированию смыслов в глобальном пространстве, становится гарантом успешного диалога культур и формирования открытого мировоззрения у будущих поколений.

Литература:

1. Бартош Д. К. Особенности лингвокультурной компетентности будущего учителя иностранного языка // Педагогика и психология образования. 2011. № 1. С. 23–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lingvokulturnoy-kompetentnosti-buduschego-uchitelya-inostrannogo-yazyka (дата обращения: 12.02.2026).

2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика : учеб. пособие для студентов. М. : Академия, 2004. 335 с.

3. Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы : коллект. моногр. / В. А. Гончарова [и др.] ; под общ. ред. В. А. Гончаровой, И. Н. Столяровой. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 254 с.

4. Сафонова В. В. Соизучение языков и после в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 123–135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soizuchenie-yazykov-i-kultur-v-zerkale-mirovyh-tendentsiy-razvitiya-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya (дата обращения: 12.02.2026).

5. Сысоев П. В. Языковое поликультурное образование: теория и практика : (на материале культуроведения США). М. : ГЛОССА-ПРЕСС, 2008. 385 с.

6. Тарева Е. Г. Межкультурный подход как лингводидактическая инновация // Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций: становление и развитие научной школы : сб. науч. ст. М. : Языки Народов Мира, 2021. С. 26–33.

7. Тарева Е. Г. Межкультурный подход – предпосылка модернизации высшего профессионального иноязычного образования // Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики : коллект. моногр. / отв. ред. Е. Г. Тарева. М. : Логос, 2014. С. 38–53.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Попович А.А.
Научный руководитель: Куницкая О.С.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются возрастные особенности учащихся старших классов и их влияние на риск вовлечения подростков в киберпреступную деятельность.*

Ключевые слова: *возраст, возрастная периодизация, учащиеся старших классов, киберпространство.*

На протяжении жизни у подростка формируются свои установки, убеждения, нормы и ценности, которые он начинает «использовать» в своих словах и поступках. И зачастую на этапе построения своих взглядов на жизнь и мыслей о своём будущем учащиеся старших классов могут столкнуться с киберпреступниками или киберпространством как средством для саморазвития. Современные кибермошенники знают особенности подросткового возраста и те слабости учащихся, на которые они могут повлиять для своей выгоды.

Изучением периодизации возрастов занималось множество исследователей. Весомый вклад в современные исследования внесли Ж. Пиаже, И. С. Кон, З. Фрейд, Ю. Б. Гиппенрейтер, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович, Г. С. Абрамова и многие другие.

Выготский рассматривал динамику переходов от одного возраста к другому. Исходя из своих наблюдений он выделил стабильные и кризисные стадии развития. Как считал Выготский: «Для стабильного периода характерно плавное течение процесса развития, без резких сдвигов и перемен в личности ребенка» [1]. Происходящие в этот период времени изменения в развитии личности ребенка накапливаются, а в конце периода дают «количественный результат».

Стабильные периоды представляют большую часть детства и, как правило, длятся по нескольку лет [1]. Однако, на смену стабильным периодам приходят кризисные, без которых ребенок бы не смог полноценно развиваться и меняться во многих своих чертах. В отличии от стабильных периодов, кризисные периоды длятся недолго. Они представляют собой быстрые, но в то же время бурные стадии, в течении которых происходят значительные изменения [1].

Согласно периодизации Выготского, учащиеся старших классов будут относиться к пубертатному возрасту. Для данного возраста будет характерно изменение системы взглядов и мнений учащихся старших классов. Тогда, можно предположить, что для учащихся старших классов будет приоритетно мнение сверстников, будет проявляться желание показать себя с лучшей стороны и будут попытки подражания взрослым и их действиям. И именно в этот период времени учащиеся старших классов будут легко поддаваться давлению в интернете, рискуя стать жертвой киберпреступности или даже кибермошенником.

Основываясь на наработках отечественных исследователей (Л. И. Божович, И. С. Кон, И. В. Дубровина и др.) о юношестве, можно выделить основные приобретения, которыми характеризуется личностное развитие учащихся старших классов:

- готовность к самоопределению;
- появление мировоззрения;
- моральное сознание [2].

Говоря о готовности к самоопределению старшеклассников, подразумевается, что подростки приобретают навыки самостоятельной постановки жизненных целей, осознанно выбирают будущую профессию в соответствии со своими возможностями и планами. Появление собственного мировоззрения и морального сознания отвечает за построение своей личной системы убеждений и взглядов на разные вещи в жизни, а также о появлении ориентации на свои личные убеждения и ценности в принятии моральных решений.

То есть, исходя из данных исследования А. В. Лученкова, мы можем утверждать, что учащиеся старших классов проходят определённые этапы для формирования личности. На протяжении жизни у подростка формируются свои установки, убеждения, нормы и ценности, которые он начинает «использовать» в своих словах и поступках. И зачастую на этапе построения своих взглядов на жизнь и мыслей о своём будущем учащиеся старших классов могут столкнуться с киберпреступниками или киберпространством как средством для саморазвития.

Москвина И. В. рассмотрела возрастные особенности подростков по Д. Б. Эльконину. Она утверждает, что советский психолог Д. Б. Эльконин, рассматривая особенности подросткового возраста выделял два периода: 12-14 лет – младший подростковый возраст и 15-17 лет – старший подростковый возраст [3]. В это время происходит подготовка человека к взрослой жизни. Ребенок начинает ощущать «чувство взрослости», сравнивать себя с другими, переосмысливать свою деятельность [3]. В связи с этим, учащемуся старших классов будет легко навязать идею вступить в то или иное сообщество под предлогом лёгкого заработка или повышения статуса в интернете. Современные кибермошенники знают особенности подросткового возраста и те слабости учащихся, на которые они могут повлиять для своей выгоды. Поэтому необходимо информировать подростков о рисках вовлечения их в киберпреступную деятельность.

Определив возрастные особенности учащихся старших классов, необходимо выявить основные риски вовлечения подростков в киберпреступную деятельность. Шакирова Г. Ф. считала, что подростки, склонные к гаджет-зависимости, характеризуются агрессивностью и тревожностью, стремлением к поиску новых ощущений, асоциальными стратегиями в борьбе со стрессовыми ситуациями, эмоциональной отчуждённостью и низкими коммуникативными навыками [4]. Такие подростки «находят спасение» в интернете следующим образом:

- бесцельно проводя время за гаджетами, они ограждают себя от повседневных проблем;

- пытаются выйти из депрессивного состояния и уйти от чувства беспокойствия;

- находят в социальных сетях виртуальных друзей, с которыми проще завести разговор;

- совершают покупки, которые на какое-то время могут закрыть потребности ребёнка;

- играют на разных платформах для приобретения новых эмоций и т.д. [4].

Таким образом, когда речь заходит о возрастных особенностях учащихся старших классов, мы должны учитывать все характеристики подростков в данном возрасте: принимать во внимание тот факт, что подросток на пути формирования собственных норм и ценностей готовится к самоопределению и самостоятельности в будущем. Необходимо стараться обезопасить учащегося старших классов от зависимости от гаджетов, потому что это может повлечь за собой вовлечение подростка в азартные игры, общение с виртуальными друзьями и даже кибермошенничество.

Литература:

1. Волченков, В. С. Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «психология развития» / В. С. Волченков. Минск, 2020. – С. 44-46. – URL: https://elib.bspu.by/server/api/core/bitstreams/db5463be-441d-4cfe-accd-b4b062f73d05/content (дата обращения: 05.02.2026).

2. Лученков, А. В. Модель старшей школы, ориентированной на возрастные особенности учащихся: результаты внедрения / А. В. Лученков // Вопросы образования. – 2016. – № 1. – С. 193.

3. Москвина, И. В. Возрастные особенности подростков / И. В. Москвина // Форум молодых ученых. – 2022. – № 1 (65). – С. 139-142.

4. Шакирова, Г. Ф. Психологические особенности гаджет-зависимости учащихся / Г. Ф. Шакирова // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 1. – С. 217-223.

АУДИРОВАНИЕ КАК ПЕРВЫЙ ШАГ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МЕТОДИК ОБУЧЕНИЯ РКИ

Самошкина Д.Р.
Научный руководитель: Стекольщикова И.В.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье представлен сравнительный анализ российской и китайской методик обучения аудированию в контексте РКИ, результаты которого направлены на оптимизацию преподавания РКИ для китайской аудитории и углубление диалога культур.*

Ключевые слова: *аудирование РКИ, диалог культур, преподавание РКИ, РКИ Китай, РКИ РФ, сравнительный анализ методик.*

В современных геополитических условиях интерес к изучению русского языка как иностранного в Китае стабильно растет. Среди основных умений, обеспечивающих успешную коммуникацию, выделяется аудирование. Оно все

чаще рассматривается как первый шаг к диалогу культур, который предполагает равноправное положение двух культур, участвующих в межкультурном общении [4]. Однако изучающие РКИ, особенно проживающие в китайской языковой среде, попадая в реальную коммуникативную ситуацию, где необходимо применить умения аудирования, сталкиваются с существенными трудностями. Это происходит в связи с различиями в методиках преподавания РКИ в России и в Китае.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью в сравнительном анализе российской и китайской методик обучения аудированию РКИ и в этой связи возможности их синтеза.

Целью работы – выявление различий в обучении аудированию РКИ в России и Китае и на их основе – потенциала к диалогу культур.

Цель исследования обусловливает постановку и решение некоторых **задач**. Во-первых, проведение опроса в аудитории китайских студентов, изучающих РКИ. Во-вторых, анализ основных положений российской и китайской методик обучения аудированию РКИ. В-третьих, выявление различий в методиках и на их основе – потенциала к объединению сильных сторон обеих.

Для решения поставленных задач используются как теоретические (анализ научной литературы, ее обобщение, систематизация, сравнительный анализ), так и эмпирические (опрос) методы.

В рамках исследования был проведен опрос среди 33-х китайских студентов, изучающих РКИ на базовом уровне. Студенты, прежде изучавшие РКИ в китайском вузе, приехали в Россию на стажировку и приступили к изучению языка под руководством преподавателей ИИЯ МГПУ. Отвечая на вопрос «Насколько Вам сложно понимать русскую речь на слух?», подавляющее большинство респондентов (54,5%) выбрало вариант «сложно», что подтверждает актуальность данной проблемы. Говоря о трудностях, с которыми они сталкиваются, студенты отмечали наличие незнакомых лексических единиц; слишком быстрый темп речи; грамматические конструкции, используемые в разговорном языке; отдельные единицы звуковой и интонационной сторон речи. Переходя к сравнению частотности практики аудирования на занятиях по РКИ в китайском и российском вузах, стоит отметить, что в первом случае это происходит несколько раз в неделю, а во втором – каждое занятие (с учетом 16-ти часов в неделю). При этом для практики аудирования в китайском вузе преподаватели выбирают преимущественно учебные аудиотексты. Российские педагоги предпочитают использовать аутентичные видео для реализации конкретной цели. Результаты опроса подтверждают наличие различий в методике обучения аудированию в России и в Китае.

Перейдем к сравнению двух методических систем. Первое различие лежит в общей характеристике российской и китайской программ. Отечественная учебная программа разработана для студентов подготовительных факультетов и отделений, где обучаются лица, ранее не изучавшие РЯ или владеющие им на элементарном и базовом уровне, в то время как китайская программа разработана для студентов, обучающихся по специальности «Русский язык»,

она рассчитана на 4 года и включает материал для начального и продвинутого этапов обучения [8]. Так, российская методика нацелена на формирование начальных практических навыков у широкого круга обучающихся, а китайская – на глубокое, поэтапное освоение языка в рамках академической специальности.

Следующее различие лежит в подходах к обучению ИЯ. Русские преподаватели предпочитают использовать студентоцентрированный подход, смещающий акцент с обучающего на обучаемого, тем самым способствуя самостоятельному поиску информации и выполнению большего количества коммуникативных задач, тем самым придавая образовательному процессу продуктивный характер. Китайские же педагоги придерживаются традиционного, учитель-центрированного обучения, распределяя роли таким образом: обучающий – единственный авторитет, обучающийся – пассивный объект обучения, выполняющий все требования обучающего; следовательно, образовательный процесс носит репродуктивный характер [6]. Так, констатируется противоположность в подходах к обучению и степени автономии студента в рамках учебного процесса.

Далее необходимо отметить требования, предъявляемые к аудитивным умениям. Логично, что в российской программе, составляемой носителями языка, они выше. Целью является формирование умения понимать на слух основную идею, главную и дополнительную информацию каждой смысловой части сообщения при однократном предъявлении с достаточной точностью. Согласно китайской программе, у студентов должно быть сформировано умение определять основную тему и извлекать ключевую информацию из аудиотекста. Интересно, что требования к обучению лексике и грамматике в китайской программе значительно превышают российские [3], что подтверждает приоритет языковой формы для носителей КЯ. Итак, различия в требованиях к освоению умений аудирования логично вытекают из приоритетов программ: коммуникативного в России и структурно-аналитического в Китае.

Интерес представляет и аутентичный материал, который привлекается к обучению аудированию. В то время, как российские педагоги стараются использовать разноплановый материал, подходящий для конкретной цели: фильмы, мультфильмы, рекламные ролики, новости, песни, видео и т. д. [7], для погружения обучающихся в языковую и культурную среду страны изучаемого языка, демонстрации уникальных коммуникативных ситуаций, которые можно рассматривать и как инструмент «мягкой силы» [5], китайские преподаватели, если и обращаются к аутентичным материалам, концентрируются на новостных текстах. Подобный выбор определяется содержанием итоговой аттестации. Поскольку аудирование в итоговом тестировании по государственной программе в Китае построено на текстах новостного дискурса, акцент делается именно на них [1]. Ключевое различие в подборе материалов для обучения аудированию между российскими и китайскими педагогами обусловлено целями обучения: в России делается акцент на разнообразии для погружения в языковую среду, тогда как в Китае материал единообразен, что продиктовано форматом государственной итоговой аттестации.

Проведенный анализ позволяет четко обозначить ключевые дихотомии российской и китайской методик обучения аудированию в рамках РКИ. Они не являются недостатками, наоборот, отражают глубокие культурно-педагогические традиции. Именно на их основе и может быть выстроен содержательный диалог культур в рамках преподавания РКИ. Вместо попытки нивелировать различия, продуктивным представляется их осознанное использование для создания гибридной, более эффективной модели обучения китайских студентов. Тезис о возможности диалога культур на основе различий подтверждается Ю. М. Лотманом. В его семиотической концепции культуры межкультурный диалог определяется как сложный социокультурный феномен, характеризующийся многоэтапностью, сменой ролей передающего и принимающего [2], что применимо и к педагогике как составляющей культуры.

Потенциал синтеза методик состоит в следующем. Представляется логичным поэтапное введение аутентичности. Учитывая китайскую традицию работы с эталонными текстами, можно выстроить «мост» к российской практике. На базовом уровне допустимо использование адаптированных или учебных аудиотекстов, но с постепенным и систематическим включением коротких аутентичных фрагментов, которые предваряются структурным анализом и завершаются коммуникативными задачами. Это позволит обучающимся обрести уверенность через знакомые методы, выходя к новой цели. Российские преподаватели, работая с китайской аудиторией, могут сознательно использовать склонность студентов к детальному анализу. Например, после прослушивания аутентичного текста можно дать задание не только на извлечение общей идеи, но и на анализ конкретных использованных грамматических конструкций или разговорных клише. Это удовлетворяет познавательную потребность студента и одновременно демонстрирует, как структурные знания функционируют в живой речи. Трансформация роли обучающего от единственного авторитета к навигатору в среде – наиболее сложный, но ключевой аспект диалога культур. Китайскому студенту необходима четкая структура и авторитетное руководство. Российский преподаватель может совместить эту роль с функциями организатора коммуникации: не просто дать правильный текст, а научить стратегиям аудирования (контекстное прогнозирование, языковая догадка), создавая безопасную среду для ошибки и спонтанного высказывания. Таким образом, авторитет преподавателя подкрепляется не только знанием, но и способностью вести студента к самостоятельности в новой для него коммуникативной парадигме. Признавая важность подготовки к экзаменам, можно показать китайским коллегам и студентам, что понимание бытового диалога, юмора и т. д. – это ключ к реальной межкультурной коммуникации, показатель истинного владения языком.

Так, различия, коренящиеся в культурно-педагогических традициях, создают не барьер, а основу для диалога культур. Оптимизация обучения для китайской аудитории заключается в осознанном синтезе подходов, где само преподавание аудирования становится площадкой для межкультурного диалога, ведущего к подлинному взаимопониманию.

Литература:

1. Гизатуллина А. Р. Методика обучения аудированию китайских студентов // Электронный архив КФУ. – 2016. – С. 102-105.

2. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 томах. – Т.: Александра, 1992. – 479 с. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.

3. Пылкова А. А. Обучение русскому языку как иностранному вне языковой среды в тандеме «российский/китайский преподаватель»: актуальные проблемы и преимущества взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 5. – С. 1887-1894. doi: 10.30853/phil20250267

4. Тарева Е. Г. Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций // Педагогическое образование и наука. – 2014. – № 5. – С. 98-103.

5. Тарева, Е. Г., Михайлова С. В. Русский язык в эпоху глобальных образовательных трансформаций // Обучение французскому и русскому языкам как иностранным: лингвистические и дидактические аспекты. – 2018. – С. 93-104.

6. Цзя Ц., Ло С. Методика обучения РКИ в китайских вузах при сотрудничестве китайских и русских преподавателей // Педагогика. Психология. Философия. – 2023. – № 3 (31). – С. 57-63. doi: 10.25587/2587-5604-2023-3-57-64

7. Шкурко О. В., Мельник Ю. А. Лингводидактический потенциал российских мультфильмов на занятиях по русскому языку как иностранному // Филология и культура. – 2021. – № 1 (63). – С. 237-243. doi: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-237-243

8. Юйсуфу А. Сравнительный анализ учебных программ по русскому языку как иностранному в России и в Китае // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2020. – № 4 (54). – С. 169-178. doi: 10.25146/1995-0861-2020-54-4-253

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЧУТКОСТИ ЧЕРЕЗ ОСМЫСЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИИ SQ3R

Деева К.М.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В условиях цифровизации образования и роста зависимости школьников от генеративных искусственных интеллектов наблюдается снижение способности к глубокому, осмысленному чтению, особенно при работе с культурно-маркированными текстами. На основе педагогических наблюдений, интервью с учителями и анализа учебно-методических материалов, проведенных в московской школе осенью 2025 года, выявлена тенденция к поверхностному восприятию англоязычных текстов, насыщенных культуронимами: учащиеся получают фрагментарные социокультурные знания, но не овладевают навыками интерпретации имплицитных культурных смыслов. В статье обосновывается, что стратегия SQ3R (Survey–Question–Read–Recite–Review) обладает значительным лингводидактическим потенциалом для формирования межкультурной чуткости – ключевого компонента межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции. В исследовании представлены психолого-педагогические условия формирования межкультурной чуткости через осмысленное чтение англоязычных текстов, а также пример практической реализации стратегии на материале учебника Spotlight 10.*

Ключевые слова: *обучение иностранным языкам, средняя общеобразовательная школа, обучение смысловому чтению, межкультурная компетенция, межкультурная чуткость, межкультурный подход, стратегия SQ3R.*

Введение. В условиях цифровизации и роста зависимости от генеративных ИИ у школьников снижается способность к глубокому, осмысленному чтению, особенно при взаимодействии с культурно-маркированными текстами. Наличие проблемы можно доказать на основе анализа педагогических фактов. Так, в ходе педагогической практики в средней общеобразовательной школе в городе Москве осенью 2025 года на основе наблюдения за образовательным процессом, интервью учителей и анализа УМК была выявлена проблема снижения глубины чтения у школьников. Было установлено, что работа с текстами, содержащими большое количество культурно-специфических единиц, представляет наибольшую трудность для обучающихся на уроке английского языка. Взаимодействие с культурно нагруженными текстами зачастую ограничивается освоением определенного объема социокультурных знаний, но обучающиеся часто не умеют интерпретировать имплицитно заложенные в текст культурные смыслы и ценности.

Формирование межкультурной чуткости, по концепции М. Беннета, может быть реализовано, если овладение социокультурными знаниями сопряжено с развитием умений воспринимать и правильно интерпретировать содержащиеся в тексте лингвокультуремы, а также соотносить с ситуацией реального межкультурного общения (Bennett, 1986). Развитие межкультурной чуткости является необходимым условием для постепенного перехода от формирования иноязычной коммуникативной компетенции к формированию межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции, при котором обучающиеся не только овладевают определенными знаниями и средствами языка, но также умеют использовать полученные знания в процессе межкультурной коммуникации. Развитие умения сопоставления чужих культурных реалий с родной культурой позволяет анализировать культурный фон существующих культурно обусловленных различий, а также дает возможность понять ценностные установки страны изучаемого языка (Тарева, 2017; Tareva 2018).

На основе обзора научно-методической литературы можно сделать вывод о том, что развитию межкультурной чуткости может способствовать стратегия SQ3R при обучении чтению. Это обусловило цель проводимого исследования – выявить лингводидактический потенциал стратегии SQ3R при обучении школьников чтению англоязычных текстов, насыщенных культуронимами и культурно-специфическими смыслами.

Теоретической основой исследования являются работы по понятию культурной чуткости (cultural sensitivity) как этической и когнитивной установки обучению школьников английскому языку (Bennett, 1986), по межкультурному подходу к обучению иностранным языкам (Тарева, 2017; Tareva 2018), теория метакультуры (Гончарова, 2014; Гончарова, 2022), обучения школьников смысловому чтению (Пассов, 1989), использование стратегии SQ3R при обучении чтению (Халютина, 2020).

Методологической основой исследования является межкультурный подход (Н.И. Алмазова, А.Л. Бердичевский, Г.В. Елизарова, Е.Г. Тарева, Н.В. Языкова), личностно-деятельностный (И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев), коммуникативный (И.Л. Бим, А.А. Миролюбов, Г.В. Рогова).

Результаты. В ходе обзора научно-исследовательской литературы по проблеме исследования (Столярова, 2019; Тарева, 2007; Bennett, 1986) были выявлены психолого-педагогические условия формирования межкультурной чуткости через осмысленное чтение англоязычных текстов:

Условие 1. Создание «зоны культурного вызова» – наличие в текстах культурно-маркированных единиц, которые содержат умеренную культурную новизну и стимулируют любопытство.

Условие 2. Активизация метакогнитивной рефлексии – обучение учащихся осознавать пробелы в культурных знаниях и самостоятельно формулировать вопросы.

Условие 3. Формирование безопасной образовательной среды – педагогическая поддержка, позволяющая ошибаться, сомневаться и переосмысливать стереотипы без страха осуждения.

Условие 4. Противодействие «иллюзии понимания», под которой понимается сознательное ограничение автоматического перевода и ИИ-подсказок в пользу активной интерпретации и вербализации смысла.

Как представляется, многие из перечисленных условий реализуемы при использовании стратегии SQ3R в работе с умениями англоязычного чтения школьников, особенно в части развития метакогнитивной активности и целенаправленного поиска культурного контекста.

Стратегия SQ3R для обучения чтению стала результатом исследований в области когнитивной психологии, направленных на преодоление проблем, возникающих при чтении больших объемов литературы. Стратегия была разработана Фрэнсисом Робинсоном в 1946 году для студентов неязыковых специальностей, однако позже стала применяться более широко в академической среде (Халютина, 2020). Сегодня стратегия используется с целью развития умений, направленных на наиболее полное понимание текста и предполагает выполнение определенного алгоритма действий для работы с информацией, состоящего из пяти шагов (этапов): “Survey” (Оцените), “Question” (Спросите), “Read” (Прочтите), “Recite” (Повторите) и “Review” (Пересмотрите). Основная суть каждого шага при работе с текстом заключается в следующем:

1) Ступень «Оцените» предполагает первичное ознакомление с текстом. Обучающимся необходимо бегло просмотреть текст с целью получить наиболее общее представление о его содержании.

2) На ступени «Спросите» обучающимся необходимо структурировать извлеченную информацию через постановку вопросов к тексту, которые могли возникнуть у обучающихся при первом прочтении. Предполагается, что ответы на сформулированные вопросы будут получены при втором прочтении.

3) Ступень «Прочтите» включает в себя повторное прочтение текста. Обучающиеся прочитывают текст полностью и получают более детальное и

глубокое понимание прочитанного. На данном этапе необходимо найти ответы на ранее поставленные вопросы.

4) На ступени «Повторите» обучающимся необходимо воспроизвести основное содержание прочитанного, а также заложенные в текст смыслы и концепции в форме устного или письменного пересказа.

5) На ступени «Пересмотрите» обучающимся необходимо провести финальный просмотр текста на основе ранее сделанных записей, а также выявить неточности с последующей их корректировкой при наличии.

Пример практической реализации потенциала стратегии для развития межкультурной чуткости при обучении школьников смысловому чтению англоязычных текстов, насыщенных культурно-маркированной лексикой, можно представить на базе третьего модуля учебника Spotlight 10 под редакцией О.В. Афанасьевой, Д. Дули, И.В. Михеевой, Б. Оби, В. Эванс и текста под названием “American Senior High Schools” (стр. 57) о системе школьного образования в США.

1) Этап «Оцените». На данном этапе обучающиеся просматривают заголовки текста и первое предложение каждого абзаца, а также выделяют культурно-специфичные единицы, встретившиеся в тексте.

Цель: активизировать имеющиеся знания и выявить культурные маркеры.

Примеры заданий:

Skim the headings and the first sentence of each paragraph. Underline or list all words/phrases that seem uniquely American or different from your own school experience.

Questions to think about:

What immediately stands out as “typically American”?

Which parts of school life described here do not exist in your country?

What surprises you even before reading carefully?

2) Этап «Спросите». В рамках данного этапа обучающиеся формулируют вопросы к тексту с целью найти на них ответы при полном прочтении текста на следующем этапе.

Цель: превратить любопытство в осмысленный запрос, а также развивать умение избегать оценочных суждений, стремиться к пониманию.

Примеры заданий:

Write at least 5 questions about things you don’t understand, find unusual, or would like to know more about regarding American high school culture.

Examples to help you start:

Why do students get grades for class discussions?

What is a prom, and why is it so important?

Why is cheerleading considered a school activity?

How can you take driving lessons at school?

What does a yellow school bus tell us about American life?

3) Этап «Прочтите». Обучающиеся прочитывают текст, раскрывая для себя суть ранее выделенных культурных явлений и получая ответы на поставленные вопросы.

Цель: выйти за пределы фактов и интерпретировать культурные смыслы и ценности.

Примеры заданий:

Read the text carefully. Find answers to your questions. Then, reflect on the values behind these practices.

Reflection questions:

Which school features show that Americans value individuality? Which features show community?

Why might schools expect students to join sports or clubs? Is this pressure or support?

How is the role of a student in the U.S. different from the role of a student in your country?

4) Этап «Повторите». Этап включает в себя воспроизведение основных фактов текста, отражающих другую культуру, сопровождаемое сопоставлением с родной культурой.

Цель: выразить понимание от первого лица, чтобы развивать эмпатию.

Примеры заданий:

Write a short message to a friend back home:

"Hi! I just started studying at an American high school. You won't believe what's normal here…"

Include at least 3 cultural differences and your personal reaction to each.

5) Этап «Пересмотрите». На данном этапе обучающимся необходимо выразить личную оценку на основе прочитанного.

Цель: связать новое содержание с личными ценностями и сформировать межкультурную чуткость.

Примеры заданий:

Discuss in small groups:

What one feature of American high school life would you recommend introducing in your school? Why?

What one thing from your own school system should be kept, even if you studied abroad?

Could an AI (like ChatGPT) help you truly understand this text? Where would it fail?

Заключение. Современные школьники сталкиваются с трудностями при интерпретации культурно-маркированных текстов, поскольку обучение часто сводится к передаче фактологических знаний без развития навыков осмысления культурного контекста. Формирование межкультурной чуткости (по М. Беннету) требует не просто ознакомления с культурными реалиями, но и развития способности к сопоставлению, рефлексии и эмпатическому пониманию ценностей другой культуры. Стратегия SQ3R позволяет реализовать ключевые психолого-педагогические условия успешного обучения: создание «зоны культурного вызова», активизацию метакогнитивной рефлексии, формирование безопасной образовательной среды и противодействие «иллюзии понимания».

Практическое применение SQ3R на материале аутентичных текстов (например, из УМК Spotlight 10) демонстрирует ее эффективность в развитии у учащихся не только читательской, но и межкультурной компетенции через последовательный переход от наблюдения к вопросу, от интерпретации к личностной вербализации и, наконец, к ценностному осмыслению.

В эпоху генеративных нейросетей именно такие стратегии, ориентированные на когнитивную активность и этическую вовлеченность, становятся необходимым противовесом пассивному потреблению информации и обеспечивают подлинное развитие межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции.

Литература:

1. Гончарова, В. А. Метакультура в контексте целей современного иноязычного образования / В. А. Гончарова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 1(13). – С. 61-68.

2. Гончарова, В. А. Принцип построения идеала в антропологии современного образования / В. А. Гончарова // Философия образования. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 28-58.

3. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – Москва : Русский язык – 1989. – 276 с. – ISBN 5-200-00717-8.

4. Столярова, И. Н. Профессионально-личностное развитие будущего учителя иностранного языка средствами лингвотеоретических дисциплин / И. Н. Столярова, Е. В. Васильева, Е. А. Бабушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 413-417.

5. Тарева, Е. Г. Личностно развивающий потенциал учебного пособия по иностранному языку / Е. Г. Тарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 538. – С. 49-58.

6. Тарева, Е. Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности : Коллективная монография. – Москва : НЕОЛИТ, 2017. – С. 17-44.

7. Халютина, М.Е. SQ3R – эффективная стратегия чтения академической литературы / М. Е. Халютина // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика : Тезисы докладов научной конференции, Москва, 02–06 ноября 2020 года / Утверждено к печати Ученым советом ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Ключ-С" – 2020. – С. 66-68.

8. Bennett, M. J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International Journal for Intercultural Relations. – 1986. – Vol. 10, No. 2. – P. 179-196.

9. Tareva, E. G. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design / E. G. Tareva, B. V. Tarev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, No. 10. – P. 1699–1710.

Раздел 6
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лихач Т.П.
МГПУ им. И.П. Шамякина, Мозырь, Беларусь

Аннотация: *В статье с учетом динамики развития языкового образования в мире и Республике Беларусь обосновываются задачи обучения английскому языку как средству межкультурной коммуникации с опорой на интертекст как активирующий «культурную память» (Ян Ассман).*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, интертекстуальность, культурная память, поликультурная личность.*

Исходя из формулы сущности языка «Language = Cognition + Culture + Communication» (Д. Л. Эверетт) [4], язык должен изучаться в его базовых функциях – познавательной и коммуникативной, обязательно с учетом его культурной детерминации. История методики преподавания иностранного языка в Республике Беларусь демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению объекта обучения, а вместе с ним и языкового сознания обучающихся: от языковой системы к видам речевой деятельности, далее к речевому общению и, наконец, к межкультурному общению [2].

Нормы межкультурного иноязычного общения не требуют перенастройки «систем» носителей языка на иной лингвокультурный типаж в соответствии с атрибутами культурного пространства языка-медиума. Здесь речевые партнеры равностатусны и свободны в транслировании культурных маркеров того лингвосоциума, к которому принадлежат, т.е. выступают как субъекты.

Формирование учащихся «как субъектов межкультурной коммуникации», способных презентовать родную лингвокультуру в контексте диалога культур, стало стратегической задачей преподавания иностранного языка в нашей стране. Обратим внимание на средства реализации данной задачи – учащиеся должны овладеть иноязычной коммуникативной компетенцией и приобрести качества поликультурной личности [3]. Предполагается, что белорусские учащиеся – билингвы, бикультурные личности, – смогут расширить своё языковое сознание до понимания мироощущения представителей как минимум еще одной культуры, например, британской, китайской.

В настоящее время языком межкультурной коммуникации в глобальном масштабе является, конечно, английский. В статусе lingua franca данный язык наиболее ценен для подготовки учащихся к диалогу культур, ведь он вобрал и воплотил в парадигме своих мировых вариантов (Paradigm of World Englishes)

специфические семантические доли инокультурной информации: типичные для разных культур идеи, концепты, концептуальные схемы, коды комбинаторики понятий и т.д. И, поскольку именно глобальный, а не национальный английский претерпел и претерпевает больше всего модификаций, аккумулируя всё и вся о человеке, его внешнем и внутреннем мире, его актуально изучать с просветительской целью: для погружения в универсальные (общечеловеческие) и уникальные культурные смыслы. Интересно, что «право» порождать эти смыслы, причем в любом дискурсе, получают и функциональные пользователи английского языка, число которых давно уже превысило число его носителей. Это знаменует отказ от реплицирования моделей поведения этнокультурных коммуникативных типажей Великобритании, следовательно, смену ориентира с идеального носителя английского языка на любого человека, способного с помощью данного вербального кода «обновлять» и обогащать индивидуальную картину мира как бы в поисках аутентичного себя. Здесь мы проводим мысль, насколько важны дополнительные «когнитивные фильтры» в виде вариантов глобального английского для формирования образа мира и системы ценностей.

«Знакомство с культурой мира посредством иностранного языка (литература, музыка, искусство, обычаи и традиции, достопримечательности, еда, досуг)», как и «знакомство с культурными особенностями страны изучаемого языка» [3] определено в учебной программе как *личностные образовательные результаты,* однако здесь мы еще не видим намека на овладение английским как глобальным, ведь сохраняется ориентир на носителя языка. Практика преподавания английского языка замыкается на диалоге двух культур через моделирование ситуаций для культурного просвещения и взаимообогащения: белорусы презентуют носителям «целевого» (англ. target) языка реалии родной лингвокультуры, которые они активируют в своей памяти в процессе чтения учебных текстов. Роли меняются, и очевидным результатом работы становится более осмысленное понимание своей культуры на фоне одной изучаемой. Для того чтобы формировать поликультурную личность учащегося, необходимы такие компоненты содержания обучения и такие виды когнитивной деятельности, которые способны вывести на более высокий уровень ментальности, связанный с глубинным и полифоническим мышлением.

Трудности обучения межкультурному общению на английском как lingua franca заключаются в том, что оно требует активизации широкого спектра языковых и неязыковых (энциклопедических, пара- и экстралингвистических) знаний, а также умений пользоваться вербальным и невербальным кодами в унисон дискурсивным характеристикам более сложной – нестереотипной – ситуации. Более того, остро стоит вопрос о методической «легитимности» отбора текстов, представляющих именно мировые варианты английского языка. Обновлённые в нашей стране учебные пособия по английскому языку содержат аутентичные и неаутентичные англоязычные тексты, но последние написаны, озвучены или переведены белорусами. Следовательно, заполнение текстовой «ниши» речевыми произведениями, созданными другими неносителями английского, ждет своего часа, если, конечно, эта идея будет принята.

Первые шаги для переключения учащихся на роль субъектов межкультурной коммуникации, тем не менее, сделаны. И это организация коммуникативно-познавательной деятельности по накоплению универсалий и реалий в процессе чтения и анализа лингвострановедческих текстов, что параллельно реализует задачу формирования читательской грамотности. Мы полагаем, что данная задача будет осознана учащимися именно как *личностная образовательная потребность*, если их вниманию предложить интертекст.

Феномен интертекстуальности основывается на связи данного текста с другими, широко известными образованному читателю. Он важен для обучения, поскольку умение устанавливать такого рода связи углубляет и расширяет понимание рецептивной речи. Любой маркер интертекстуальности (цитаты, аллюзии или реминисценции) становится «залогом самовозрастания смысла текста» [1]. А если он отсылает к реалиям прошлого, особо чтимым народом и народами, мы говорим о нем как о слепке культурной памяти, но не в смысле архива, а как голоса из прошлого, готового к диалогу с современностью.

Таким образом, выход на интертекст обусловлен целым рядом причин. Во-первых, интертекст расширяет смысловые рамки текста, учит видеть текст(ы) в тексте, что формирует сетевую структуру знаний и нелинейное мышление; во-вторых, интертекст можно уподобить кладовой ценностных смыслов, запечатленных в культурной памяти разных народов, – «разбирать» эти смыслы «в потоке» национального языкового сознания интересно; в-третьих, сама межкультурная коммуникация – то, к чему готовят учащихся, – предполагает конструирование интертекста как полифонии разных национальных сознаний, вместивших разные или одни и те же, но по-иному прочитанные тексты.

Культурная память залегает на разных глубинах исторического времени, запечатлевается языком на разных его уровнях, обязательно ретранслируется в хороших переводах. Однако отбор интертекстов в качестве учебных должен регулироваться принципом актуального историзма, чтобы минимизировать дистанцию между мирами коммуницирующих «здесь и сейчас». Зададимся вопросом, сколько культурной информации для русско(белорусско)язычного говорящего может активировать интертекст, созданный на английском языке носителем русского/белорусского языка (разумеется, речь идет об образцовых текстах). Работа с таким интертекстом (в варианте Russian/Belarusian English) обнажит следы русской / белорусской ментальности в способах формирования и формулирования мыслей на иностранном языке, покажет необходимость дополнительности языков в познании мира, покажет ресурсность английского языка для передачи невербализуемого на русском/белорусском языках.

В контексте реализации культурно-просветительской функции предмета «Английский язык» более важна не столько сюжетная интертекстуальность, сколько интертекстуальность архетипов, т.е. универсальных образов, типажей, отсылающих к мировому культурному наследию (мифам, легендам, верованиям, классической литературе), а также ее преломление в родной лингвокультуре. Это образы героя, патриота, проводника, мудреца, творца и др., имеющие анти-двойников. В интертексте они обретают смысловую многоуровневость, лучше проецируются на современных людей, раскрывают

шире глаза на ценности и антиценности, что убеждает нас в аксиологическом потенциале такого текста. Например, сейчас у многих людей проступают черты «Человека в футляре» (А.П. Чехов). Футлярность есть способ существования и выживания в зоне комфорта: легче закрыться в себе, чем взаимодействовать с другими. Опытный читатель увидит в этом архетипе аллюзии не только на первообраз (Беликов), но и его пародии (Серпеев в рассказе В. Пьецуха «Наш человек в футляре»). Задача воспитывающего воздействия – вывести учащегося из зоны комфорта для его духовного роста, чтобы он не «офутлярился».

К такого плана архетипам следует обращаться в соответствии с темой урока: если она связана с питанием, это образ обжоры (в мировой литературе это образы Гаргантюа, Карлсона, в русской – Собакевича, в английской – Винни-Пуха, Робина Бобина Барабека); анализ контрастных образов обжоры и атлета (аскета) призван привести к пониманию, что обжорство не только вредит здоровью, но тайно сигнализирует о духовной пустоте человека. Если тема «Путешествия», актуален образ гида, проводника. На примере этого архетипа, применив ротационную методику Stations, покажем, как можно активировать культурную память русско(белорусско)язычного учащегося.

Это может быть сделано на этапе речевой разминки, когда нужно выбрать туристического гида. Предлагается фрагмент эссе И. Бродского Watermark, где описывается венецианский туман «Неббиа», с целью найти «туристическое» слово, которое поможет смело отправиться в путешествие: *«That happened only once, although I've been told there are scores of places like this in Venice. But once is enough, especially in winter, when the local fog, the famous [nebbia], renders this place more extemporal than any palace's inner sanctum, by obliterating not only reflections but everything that has a shape: buildings, people, colonnades, bridges, statues. Boat services are canceled, airplanes neither arrive nor take off for weeks, stores are closed, and mail ceases to litter one's threshold. The effect is as though some raw hand had turned all those enfilades inside out and wrapped the lining around the city. Left, right, up, and down swap places, and you can find your way around only if you are a native or were given* ***a cicerone****»* [5].

Данное слово – имя существительное *a cicerone,* которым завершается текст. Желательно прочитать художественный перевод последнего предложения: «*Лево, право, верх, низ тасуются, и не заблудиться ты можешь только будучи здешним или имея* ***чичероне***». Далее проводятся беседа и словарная работа. Когда учащиеся догадаются по контексту, что это гид, важно привести ряды интернационализмов на итальянском языке, подчеркнув буквосочетания *ci, ce*: *concerto* (кончерто), *cifra* (чифра), *cilindro* (чилиндро) – и учащиеся разглядят в сочетаниях *чи, че* русские соответствия *ци, це* (концерт, цифра, цилиндр). Прочитав еще раз слово *cicerone,* они ассоциируют его с именем собственным Цицерон (от лат. Cicero), вспомнят красноречивого римского оратора Марка Туллия Цицерона или им напомнят о нем. Затем учитель уточнит, что слово является устаревшим обозначением проводника-толкователя, который имел свойство много говорить, как и Цицерон. Также следует сказать, что в нашей культуре *цицеронами* именуют искусных риторов. Наиболее активный участник, получив знак *cicerone* (оформленное в виде

значка), находит слово в толковом словаре, знакомит всех с его английским произношением [ˌsɪsəˈrəʊnɪ] и дефиницией: “a person who conducts and informs sightseers; a tour guide” (Collins English Dictionary), принимает роль гида, который ответственен за перемещение туристов по станциям.

Таким образом, интертекстуальность выступает механизмом культурной (коллективной) памяти, глобальной и национальной, а последняя – ее условием. Обращение к данному феномену при обучении межкультурной коммуникации вполне оправдано, ведь, наблюдая за тем, как тексты в тексте «говорят» друг с другом, динамично активируя («реанимируя») образы/типажи, символы, сценарии, известные из первоисточников, учащиеся познают мир глубоко и системно, накапливают культурологические знания. С увеличением объема культурной памяти в тезаурусе (хранилище) языковой личности возрастает степень панорамности ее языкового мышления, а овладение английским языком как глобальным, начиная с Russian / Belarusian English, позволяет более естественным образом «подключиться» к мировому культурному фонду и восполнить пробелы, ограничивающие конституирование и обмен смыслами в общении с представителями разных культур.

Литература:

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века (40). – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/40.htm (дата обращения 12.02.2026).

2. Силкович Л.А. Методика обучения межкультурному общению на иностранном языке в учреждениях общего среднего образования : курс лекций / Л. А. Силкович ; под науч. ред. В. Ф. Русецкого ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2021 – 136 с.

3. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык» (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) для V–IX классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с русским языком обучения и воспитания (базовый и повышенный уровни). – URL: https://adu.by/images/2025/08/Uchebnye_programmy/Uch-pr-In-Yaz-5-9-2025-rus.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

4. Everett D.L. Language. The Cultural Tool / D.L. Everett. – New York : Vintage Books, 2012. – 351 p.

5. Brodsky J. Watermark. – URL: https://shakko.wordpress.com/2014/07/04/joseph-brodsky-watermark/ (дата обращения: 02.02.2026).

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL OF A FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Fedorovich G.I., Kopylova N.A.
MPEI, Moscow, Russia

Abstract: *This article examines different digital technologies that are suitable for teaching and learning a foreign language.*

Keywords: *a foreign language, digital technologies, studying a foreign language, methods.*

We live in the 21st century, the century of high technologies. Technologies are more and more involved in our everyday lives, and education is not an exception. It is

from organizing studying plans and coordinating students by informing them about upcoming events to making the process of studying more engaging and exciting for students and easier for teachers. In this article we are going to cover the questions of technologies which are used in educational process, by also explaining our views on each tool and the most effective ways to use it.

All technologies will be organized in a form of list and separated in groups depending on method of education and work principles: presentations, video classes, digital materials, online conferences. This group is formed by one factor – it requires at least 2 people (a speaker/writer and a listener) [2].

Let's start with presentations. It is indeed a strong tool, mostly because, if it is done properly, it can be good structured data pack with the most important information and diagrams, which is just great in general, also, they can be used to demonstrate materials to students while the teacher can give a proper lecture without wasting time on writing down key information. Moreover, such tool can be useful for students who were absent, they can easily read the whole lecture and note the most important things from there without relying on somebody else's notes. And lastly, having presentations makes each student more confident, because you have a reliable source of information which has more than enough material for students to prepare for a test and exam, which is both good for students and teachers. It is also a pleasure for any teacher to have a chat with a prepared student rather than having to torture information out of a student.

Video classes are similar to typical seminars at a university or lessons at school. The main pro is a diversity of information, you can find practically any lesson on mostly any topic explained differently, which is perfect for any student, because sometimes teaching methods at institutes can be not very effective for explaining topics or teacher's qualification may not be high enough, so this tool can come in handy. Also, sometimes universities can organize a schedule plan and replace lectures with such video classes. It is good, because students can study in atmosphere and pace, they feel the most comfortable in. Or this can be used to review or gain extra knowledge about class, which is good for students who are eager to go deeper into the topic, but also for those who find it hard to learn subjects, and there is a chance, that explanation from other person may help such students understand topic.

Digital materials is a combination of presentations and video classes. They could be different student books, workbooks, etc., can be used to search for a different explanation and to understand subject better or to find answers to your question without bothering a teacher. Lastly, you can just download all student's books in your phone or tablet or any other device, which can help you not to carry a lot of heavy books in your bag, so this can be a good measure for being both advanced and study with comfort.

Online conferences is an amazing tool for those who are busy with many things, so this can become a good way to learn topics, for example studying languages, tutoring, etc. Because you don't have to waste time while going from one place to another, so, this makes your schedule more productive.

Test platforms help teachers to lower the load of both teaching and grading exam papers. Also, such tests can be applied as a form of control to see how much stuff did

students, remember and understand weak spots of each student. With its help it is easier to make students learn subjects better, and also to make lectures more complete. And finally, online tests can be good for students who don't live close to a university, because they don't have to spend a lot of time going to the university and back home which is honestly tiring, so, such activities may reduce pressure for this group of students [1].

Apps for reviewing and learning/ extra practice are pretty similar to tests and digital materials, used to see your weak spots, learn new topics and be more prepared for upcoming tests and exams. There are things, that alternatively can be used to practice yourself. Mostly they are related to languages, because studying in a class and using a language in everyday life are completely different things, especially because of self-pressure, that every person, who spoke with foreigners, experienced. So, watching different films, chatting with foreigners may be a good source to learn a foreign language and learn something new about life in general. The same is about different thematic Internet forums with users who have unique experience and views on a typical subject through practice perspectives [3].

In collusion we can surely say that technologies made life of educating participants easier, especially in the process of communication between students and teachers. Also, such tools help students become more diverse and more advanced specialists because of different sources and methods of structuring information, even learn something by themselves. That's why involving technologies is an important thing for making education both exciting and informative.

Литература:

1. Демьянова Ж.В. Повышение мотивации студентов технического вуза при изучении английского языка: определяющие факторы // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 7 (160). – С. 78-80.

2. Копылова Н.А. Использование современных инновационных технологий в преподавании иностранных языков в техническом вузе // Разработка и реализация проектов в сфере культуры, творчества и креативных индустрий в системе высшего образования. Методические рекомендации к образовательной программе дополнительного профессионального образования и сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции «Развитие проектного подхода к подготовке специалистов для креативной экономики». – М., 2025. – С. 264-268.

3. Технический английский. Базовый курс : Учебник / Л.С. Бирюкова, Ж.В. Демьянова, Н.А. Копылова, М.А. Слепнева. – М.: Национальный исследовательский университет МЭИ, 2023. – 360 с.

ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МИНИМИЗАЦИИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНОЙ ОШИБКИ

Джумаева В.Р.
БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь

Аннотация: *В статье рассматривается проблема отсутствия формальной когнитивной дефиниции процесса понимания языка в рамках современной психолингвистики. Предлагается рассматривать понимание как достижение устойчивого глобального состояния когнитивной системы, в котором интегрированы результаты репрезентаций разных уровней. В качестве теоретического базиса используется концепция иерархического предиктивного кодирования (ИПТ) и принцип минимизации свободной энергии Карла Фристона. Согласно предложенной модели, понимание достигается в момент установления оптимального баланса между нисходящими (top-down) предсказаниями и восходящими (bottom-up) сигналами ошибки. На основе анализа данных МЭГ и фМРТ обосновывается роль кросс-частотной фазовой синхронизации ритмов. В работе проводится сравнительный анализ ИПТ с альтернативными подходами, а также демонстрируется клиническая релевантность модели на примере расстройств аутистического спектра.*

Ключевые слова: *иерархическая предиктивная обработка; минимизация предсказательной ошибки; нейродинамическая устойчивость; понимание языка.*

Понимание речи и необходимость формальной когнитивной дефиниции

Понимание языка является центральным объектом психолингвистической науки, однако при значительном количестве накопленных данных о временной динамике обработки речи, предсказании, интеграции и нейронных коррелятов обработки, само “понимание” в качестве когнитивного процесса остается недостаточно формализованным. Во многом, проблему представляет смешение основных понятий описания языковой деятельности.

В рамках вычислительной психолингвистики обработка речи (sentence processing) [1] определяется как совокупность когнитивных процессов, посредством которых читатели или слушатели последовательно интегрируют входящую языковую информацию, включая синтаксические, лексические, семантические и контекстные источники, для получения структурной и смысловой интерпретации предложения.

Интерпретация (interpretation) представляет собой результат локальной интеграции информации, при которой формируется конкретная гипотеза об организации и значении текущего высказывания.

Ключевое понятие – понимание (comprehension) в рамках настоящей работы предлагается рассматривать как достижение устойчивого глобального состояния когнитивной системы, в котором интегрированы результаты обработки на разных уровнях репрезентации и сформирована согласованная модель описываемой ситуации.

В значимых современных моделях понимание речи, вместо прямого определения, операционализируется через частные показатели обработки.

В рамках вероятностных теорий парсинга понимание рассматривается через динамику вероятностных ожиданий. К примеру, в модели ожиданий Levy (2008, Cognition) [2] трудность обработки слова определяется как функция его условной вероятности в текущем контексте, surprisal формализует локальное несоответствие между ожиданием и входом, а в вероятностной модели парсинга Hale (2001, Proceedings of NAACL) [3] стоимость обработки определяется как изменение распределения вероятностей над синтаксическими гипотезами при поступлении нового входа. Обе модели демонстрируют, что языковая обработка чувствительна к вероятностной структуре, синтаксические интерпретации представлены как конкурирующие гипотезы, а когнитивная нагрузка градуальна, и, тем не менее, данные модели сосредоточены на локальной динамике обновления, но не на когнитивной целостности интерпретации. Иными словами, вероятностная модель не дает определения того, что означает достижение устойчивого понимания высказывания как целого.

Аналогично, в предсказательной модели [4], описывающей предсказание как функциональный компонент обработки, и модели языка как вероятностной системы [5], описывающей разные уровни представления (семантика, синтаксис, прагматика) как взаимодействие в рамках распределенных представлений, демонстрируется теоретический разрыв между детализированным описанием локальных психолингвистических эффектов и определением понимания как интегративного состояния когнитивной системы.

Таким образом, разрыв между локальной обработкой и отсутствием формализации указывает на необходимость рассмотрения иной теоретической парадигмы, которая смогла бы ответить на вопросы о целевой функции всей системы.

Критерии адекватной теории понимания

Теория понимания речи необходимо должна удовлетворять ряду методологических требований, то есть содержать определенные критерии, соответствующие современной когнитивной науке. К таким критериям адекватной теории понимания можно отнести:

- Интегративность, объединяющая процессы разных уровней (фонологический, синтаксический, семантический, прагматический) в единое состояние системы [5].
- Формализуемость [6]. Адекватная теория понимания должна быть описана не только через поведенческие показатели, но и с использованием четких вычислительных переменных, отражающих механизмы работы когнитивной системы. В современной психолингвистике вычислительный критерий считается необходимым, так как позволяет осуществлять количественные предсказания, проверку альтернативных гипотез и дифференциацию описательных феноменов, и алгоритмические механизмы познания.
- Динамичность как необходимость теории описывать понимание в качестве временного процесса [7].
- Предсказательная мощность, которой необходимо объяснять эмпирические эффекты (градуальность трудности обработки, влияние контекста, эффект ожиданий) [8].

- Нейрокогнитивная совместимость [9].

Искомая интегративная рамка, удовлетворяющая всем пяти вышеуказанным критериям, заложена в структуре активного вывода и иерархического предиктивного кодирования.

Удовлетворяя критерий формализуемости, интересным представляется принцип свободной энергии, предложенный Карлом Фристоном, согласно которому восприятие представляет собой процесс аппроксимации скрытых причин входных данных посредством обновления вероятностных представлений, направленного на снижение предсказательной ошибки [10]. В рамках данной модели когнитивная система описывается как иерархическая генеративная модель, в которой высшие уровни формируют предсказания о состоянии нижележащих уровней, а расхождение между предсказанными и наблюдаемыми состояниями порождает сигналы ошибки, которые используются для обновления гипотез. В контексте речевой обработки это означает, что более высокие уровни модели формируют предсказания относительно лексических, синтаксических и семантических структур, тогда как более низкие уровни соотносят эти предсказания с акустическим входом.

Важным дополнением к иерархической структуре является механизм прецизионности (precision-weighting), представляемый вычислительным аналогом внимания. Прецизионность определяет значимость сигналов ошибки на разных уровнях. В изучаемом вопросе понимания речи это означает, что система способна гибко модулировать влияние сенсорного входа и априорных ожиданий. Таким образом, можно предположить, что понимание достигается не просто при формальном снижении ошибки, а при установлении оптимального баланса доверия к топ-даун предсказаниям и bottom-up сигналам, что объясняет устойчивость восприятия даже в условиях неоднозначного входа.

Эмпирическое обоснование

Подход к пониманию речи через призму иерархической предиктивной обработки получает и значительную эмпирическую поддержку из некоторых современных нейробиологических исследований. Так, данные, полученные путем анализа функциональных магнитно-резонансных сигналов мозга 304 участников, прослушавших короткие рассказы, показали, что предсказания в мозге охватывают широкий диапазон временных масштабов и уровней представления [11]. Фронтопариетальные области кодируют более дальние и контекстуализированные прогнозы, тогда как височные области – краткосрочные и локальные. При этом ассоциативные коры лучше моделируются глубокими представлениями языковых моделей, первичные же области, напротив, более поверхностными, это операционализирует различия уровней как различия глубины генеративных представлений. Дополнительно авторами продемонстрировано, что семантические предсказания обладают более длительным временным масштабом и распределенной фронтопариетальной локализацией, синтаксические предсказания преимущественно краткосрочны. Данные результаты могут быть интерпретированы в пользу предположения о том, что понимание речи

реализуется как многоуровневая система предсказаний с различными временными константами и уровнями абстракции, что соответствует иерархической динамике генеративной модели.

Дальнейшие нейрофизиологические данные, полученные с помощью магнитоэнцефалографии (MEG) [12], демонстрируют дополнительные аспекты языковых репрезентаций. Ключевым в исследовании Лоры Гвильямс и соавторов стало временное различие в кодировании разноуровневой языковой информации. Фонетические признаки были достоверно декодируемы в окне примерно от 40 до 230 мс, особенности формы слова от 130 до 550 мс, лексически-синтаксические признаки от 170 до 200 мс, синтаксическая операция от 190 до 1,200 мс, а высокоуровневые синтаксические и семантические признаки сохранялись значительно дольше (>1 с) после окончания слова. Такая градуированная временная организация указывает на систематическое увеличение устойчивости репрезентаций по мере роста уровня абстракции. При этом различные уровни языковой информации кодируются параллельно, образуя пространственно-временную систему с одновременным выполнением нескольких типов задач: удерживание истории входа и обновление текущих гипотез. Авторы предлагают интерпретировать такую организацию как иерархическое динамическое кодирование.

Сравнительный анализ альтернативных теорий

Embodied cognition предполагает, что понимание языка тесно связано с сенсомоторной системой [13]. Согласно данной теории, слова, связанные с действием, активируют моторные области, которые связаны с их исполнением (motor cortex). Этот механизм распространяется не только на конкретные и буквальные предложения, но и на образные предложения, передающие абстрактные значения посредством двигательных слов. Тем не менее, несмотря на это, данная теория обладает довольно ограниченной объяснительной мощностью для абстрактного языка. Иерархическая предиктивная модель допускает включение сенсомоторных репрезентаций как частного уровня генеративной модели, однако не ограничивая понимание языка телесными репрезентациями. Кроме этого, embodied подход не дает объяснения механизма объединения в устойчивое состояние интерпретации различных уровней, в чем уступает иерархической предиктивной модели, где такое состояние обеспечивается многоуровневым согласованием предсказаний.

Кроме этого, эмпирические данные Renske S Hoedemaker и Peter C Gordon, полученные в ряде экспериментальных исследований обработки лексических стимулов [14], демонстрируют, что семантические характеристики референтов слов активируются преимущественно в зависимости от целей задачи, а не автоматически на этапе лексического кодирования. В задаче упорядочивания по размеру время принятия решения систематически зависит от семантической дистанции между референтами. Аналогичная картина получена и в задаче памяти на распознание, где семантический размер не являлся релевантным параметром. В сопоставимых условиях для числовых символов наблюдалась аналогичная ситуация.

Из полученных данных можно сделать вывод, что реактивация перцептивного опыта не является необходимым условием для понимания слов.

В рамках динамического системного подхода [15] понимание речи трактуется как непрерывная эволюция состояния когнитивной системы во времени. Согласно данной перспективе, языковая интерпретация реализуется как траектория в высокоразмерном пространстве активаций, формируемая взаимодействием входного сигнала, контекста и внутренних ограничений системы. Синтаксические и семантические структуры при этом возникают как устойчивые состояния (аттракторы), к которым система сходится в процессе обработки языкового ввода. Особенностью динамического подхода является отказ от строгой дифференциации этапов обработки и представлений**.** Понимание рассматривается в качестве самоорганизующегося процесса, в котором локальные взаимодействия между компонентами системы формируют глобальное устойчивое понимание системы. Неоднозначность языкового ввода объясняется конкуренцией альтернативных траекторий, соответствующих различным возможным интерпретациям, а эффекты контекста – изменением геометрии пространства состояний и относительной устойчивости аттракторов. Этим динамическая теория позволяет описать градуальность языковой обработки, чувствительность к контексту и непрерывный характер разрешения синтаксической неоднозначности. Эмпирические данные [16], полученные в исследованиях разрешения синтаксической неоднозначности, демонстрируют поведенческие свойства, которые согласуются с динамическим описанием языковой обработки. В частности, при обработке garden-path предложений наблюдается количественное увеличение времени чтения в разрешении неоднозначности, высокая частота регрессивных саккад (38% против 12%), увеличение длительности траектории переразбора (530 мс против 320 мс). Однако же данные результаты не представляют спецификацию вычислительного механизма наблюдаемых явлений.

Теория динамических систем не дает явного представления о многоуровневой организации языковых репрезентаций, а также не объясняет, какие именно аспекты входа интерпретируются как причины наблюдаемых сигналов, однако она может быть вписана в теорию иерархической предиктивной обработки в качестве описания непрерывного изменения конфигураций активаций, конкуренцию траекторий и стабилизацию устойчивых состояний. ИПТ же в этом контексте представляет собой теоретическую рамку, которая способна объяснить функциональную роль различий во временных масштабах и уровнях абстракции, поскольку она рассматривает наблюдаемую динамику как реализацию многоуровневой генеративной модели, в которой разные уровни репрезентации кодируют скрытые причины входного сигнала с различной степенью обобщения и обновляются посредством минимизации ошибок предсказания [13].

Резюмируя, ИПТ не опровергает, а математически обосновывает положения теории динамических систем. В отличие от DS-подхода, описывающего геометрию аттраконов, иерархическая предиктивная модель задает целевую функцию этого движения. Траектория системы в пространстве

состояний – это не случайный дрейф, а направленный процесс минимизации вариационной свободной энергии. Стабилизация системы в точке аттрактора в терминах ИПТ означает достижение состояния с минимальной предсказательной ошибкой, что и является формальным моментом перехода от обработки к пониманию.

Подходы Embodied cognition часто рассматриваются в рамках более широкой философской программы 4E Cognition [17], однако, как и другие направления, внутри 4E-подхода, они преимущественно предлагают концептуальное описание когнитивных процессов, а не формально специфицированную вычислительную модель, позволяющую непосредственно объяснить механизмы обработки информации. В современной литературе отмечается, что многие положения 4Еподхода могут быть интегративны в рамках предиктивной обработки [18], где телесность и взаимодействие со средой рассматриваются как факторы, влияющие на формирование и обновление генеративных моделей. В этом смысле 4E Cognition выступает в качестве философского описания условий функционирования когнитивной системы.

Эмпирические предикции и перспективы исследования

Эмпирическая проверка теоретических дефиниций требует выделения наблюдаемых переменных, которые отражали бы процесс минимизации ошибки предсказания. К таким переменным в рамках ИПТ можно отнести показатель сходимости (convergence). Данный показатель описывается как состояние, при котором восходящий сигнал ошибки (bottom-up prediction error) прекращает изменять параметры нисходящей генеративной модели (top-down predictions). Эмпирический тест данной модели реализуется через анализ временных масштабов нейронной активности. Согласно исследованиям Donhauser и Baillet [19], различные уровни лингвистической иерархии коррелируют с определенными частотными диапазонами. Дельта-диапазон отражает (до 3 Гц) обработку на уровне фраз и синтаксических структур. В ИПТ дельта-диапазон связан с обновлением модели ситуации. Стабильная синхронизация служит маркером достижения глобального понимания высказывания. Тета-диапазон коррелирует с предсказанием на уровне слогов и отдельных лексем. Donhauser и Baillet продемонстрировали, что тета-активность модулируется в зависимости от предсказуемости слова, отражая локальное обновление гипотез.

Наиболее значимым для настоящей работы представляется вывод авторов о том, что мозг использует фазовую синхронизацию низкочастотных ритмов для минимизации ошибки. Моментом понимания в данном эксперименте считается точка, в которой нейронные осцилляции (дельта и тета) приходят в оптимальное фазовое соответствие с входящим сигналом. Если предсказание оказывается верным, сигнал ошибки, транслируемый в более высоких частотах, подавляется, и система переходит в энергетически выгодное устойчивое состояние.

Подход, предлагаемый в настоящей статье, который предполагает прямую пропорциональность трудности понимания времени на фазовую стабилизацию дельта-ритма, и определимость глубины понимания уровнем иерархии, на котором произошло подавление ошибки, позволяет операционализировать понимание как количественную меру нейродинамической устойчивости.

Другим перспективным направлением эмпирической проверки предлагаемой дефиниции является изучение механизмов адаптивной прецизионности, выступающей вычислительным аналогом внимания. Она определяет статистическую значимость сигналов ошибки на разных уровнях иерархии в зависимости от их надежности. Когнитивная система обладает способностью снижать восприятие фонетического и лексического уровней, когда глобальное понимание достигло устойчивого состояния. В работе Heald SL & Nusbaum HC [20] восприятие рассматривается как процесс активного распределения когнитивных ресурсов в зависимости от сложности задачи. Аналогично, исследования Blank H, Davis MH. [21] демонстрируют, что предиктивное кодирование позволяет системе распознавать сильно искаженные слова за счет подавления сенсорных сигналов, которые не соответствуют контекстуальным ожиданиям.

Перспективы предлагаемой теоретической рамки лежат в области клинической лингвистики, где понимание речи может быть переосмыслено как результат работы механизмов нейронного подавления. В этом случае эмпирической опорой служат данные об особенностях сенсорной обработки при расстройствах аутистического спектра (РАС). Согласно исследованию Lawson et al. [22], при аутизме наблюдается значительное снижение эффектов подавления повторных или предсказуемых стимулов. Если в норме мозг снижает нейронный отклик на стабильный сигнал, что в рамках ИПТ интерпретируется как успешное предсказание входа и обнуление сигнала ошибки, то при РАС нейронный отклик остается избыточно высоким.

В контексте понимания речи, в настоящей статье выдвигается гипотеза о том, что при РАС нарушается механизм иерархического подавления фонетических и лексических признаков. Наблюдаемый дефицит процессов нейронной адаптации при РАС, с точки зрения предлагаемой дефиниции, препятствует переходу когнитивной системы в аттракторное состояние. Вычислительный сбой, возникающий в условиях высокой энтропии из-за непрерывных сигналов рассогласования, которые не ингибируются в рамках иерархического цикла обработки, объясняют характерную для РАС выраженную сенсорную чувствительность к акустическим параметрам сигнала, и невозможность достижения нейродинамической стабильности, необходимой для формирования интегративной модели ситуации, что коррелирует с дефицитом фазовой синхронизации в дельта-диапазоне. Из этого выходит, что патология понимания в данной парадигме определяется как нарушение функции фильтрации иерархической ошибки.

Выводы. Настоящая работа предлагает рассматривать понимание речи как достижение состояния нейродинамической устойчивости в рамках иерархической генеративной модели, характеризующейся минимизацией предсказательной ошибки на различных уровнях обработки.

Нейрофизиологическая реализация данного состояния обеспечивается механизмами кросс-частотной фазовой синхронизации, где дельта-ритм (1-3 Гц) индексирует формирование глобальной модели ситуации, а тета-ритм (4-8 Гц) отражает динамику обновления лексико-семантических гипотез. Процесс

стабилизации системы завершается функциональным подавлением высокочастотных сигналов рассогласования нисходящими предиктами, что переводит систему в энергетически выгодное состояние. При этом устойчивость когнитивной системы в условиях информационного шума поддерживается через адаптивную прецизионность, которая позволяет ингибировать ненадежные сенсорные данные в пользу высокоуровневых контекстуальных ожиданий. Клиническая релевантность предложенной модели подтверждается анализом такой патологии понимания, как расстройства аутистического спектра, где дефицит нейронной адаптации и иерархического подавления сигналов ошибки препятствует переходу системы к глобально устойчивому состоянию. В этом случае иерархическая предиктивная парадигма предоставляет формальный критерий разграничения локальных процессов декодирования и интегративного состояния понимания как результата эффективной фильтрации иерархической ошибки.

Представленная модель носит теоретический характер и требует дальнейшей эмпирической проверки.

Литература:

1. Fernanda, F. Chapter 22 – Sentence Processing [Электронный ресурс] / F. Fernanda, C. Derya // ScienceDirect. – 2016. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/chapter/editedvolume/abs/pii/B9780124077942000225. – Дата доступа: 27.03.2026.
2. Levy, R. Expectation-based syntactic comprehension [Электронный ресурс] / R. Levy // APA PsycNet. – 2008. – 106(3). – Режим доступа: https://psycnet.apa.org/record/2008-02141-003. – Дата доступа: 27.03.2026.
3. John, H. A Probabilistic Earley Parser as a Psycholinguistic Model [Электронный ресурс] / H. John // ACL Anthology. – 2001. – Режим доступа: https://aclanthology.org/N01-1021/. – Дата доступа: 28.03.2026.
4. Pickering, M. J. Predicting while comprehending language: A theory and review [Электронный ресурс] / M. J. Pickering, C. Gambi // APA PsycNet. – 2018. – 144(10). – Режим доступа: https://psycnet.apa.org/record/2018-31464-001. – Дата доступа: 28.03.2026.
5. Gina, R. K. What do we mean by prediction in language comprehension? [Электронный ресурс] / R. K. Gina, T. J. Florian // Language, Cognition and Neuroscience. – 2016. – 31(1). – Режим доступа: https://kuperberg.mgh.harvard.edu/wp-content/uploads/kuperbergjaeger_lcn_15.pdf. – Дата доступа: 28.03.2026.
6. Matthew, W. C. Computational Psycholinguistics [Электронный ресурс] / W. C. Matthew, B. Harm // Research Gate. – 2023. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/367226420_Computational_Psycholinguisti cs. – Дата доступа: 28.03.2026.
7. Matchin, W. The temporal dynamics of structure and content in sentence comprehension: Evidence from fMRI-constrained MEG [Электронный ресурс] / W. Matchin [и др.] // National Library of Medicine. – 2019. – 40(2). – Режим доступа: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6865621/?utm_source=chatgpt.com. – Дата доступа: 28.03.2026.
8. Andreas, G. Cognitive models of risky choice: Parameter stability and predictive accuracy of prospect theory [Электронный ресурс] / G. Andreas, P. Thorsten // ScienceDirect. – 2012. – 123(1). – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0010027711002873. – Дата доступа: 28.03.2026.
9. David, P. Defining the relation between linguistics neuroscience [Электронный ресурс] / P. David, E. David // Research Gate. – 2005. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/252178696_Defining_the_relation_between_linguistics_neuroscience. – Дата доступа: 28.03.2026.

10. Karl, F. Predictive coding under the free-energy principle [Электронный ресурс] / K. Stefan // National Library of Medicine. – 2009. – 364(1521). – Режим доступа: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC2666703/. – Дата доступа: 28.03.2026.
11. Charlotte, C. [Электронный ресурс] / C. Charlotte [и др.] // Nature Human Behaviour. – 2023. – 7. – Режим доступа: https://www.nature.com/articles/s41562022-01516-2. – Дата доступа: 28.03.2026.
12. Laura, G. Hierarchical dynamic coding coordinates speech comprehension in the human brain [Электронный ресурс] / G. Laura [и др.] // National Library of Medicine. – 2025. – 122(42). – Режим доступа: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12557530/. – Дата доступа: 28.03.2026.
13. Stefana, G. The role of embodied cognition in action language comprehension in L1 and L2 [Электронный ресурс] / G. Stefana [и др.] // Nature Human Behaviour. – 2024. – 14. – Режим доступа: https://www.nature.com/articles/s41598-024-61891-w. – Дата доступа: 28.03.2026.
14. Renske, S. H. Embodied Language Comprehension: Encoding-based and Goaldriven Processes [Электронный ресурс] / S. H. Renske, C. G. Peter // National Library of Medicine. – 2013. – 143(2). – Режим доступа: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3775870/#S30. – Дата доступа: 28.03.2026.
15. Tabor, W. Parsing in a Dynamical System: An Attractor-based Account of the Interaction of Lexical and Structural Constraints in Sentence Processing [Электронный ресурс] / W. Tabor, C. Juliano, M. K. Tanenhaus // Language and Cognitive Processes. – 1997. – 12(2&3). – Режим доступа: https://psycnet.apa.org/record/1997-05638-004. – Дата доступа: 28.03.2026.
16. Ahmad, G. Psycholinguistic Perspectives on Garden-Path Sentence Processing [Электронный ресурс] / G. Ahmad // Bulletin of Language and Literature Studies. – 2025. – 2(1). – Режим доступа: https://journals.eikipub.com/index.php/blls/article/view/518. – Дата доступа: 29.03.2026.
17. James, C. Thinking avant la lettre: A Review of 4E Cognition [Электронный ресурс] / C. James // National Library of Medicine. – 2020. – 4(1). – Режим доступа: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7250653/. – Дата доступа: 29.03.2026.
18. Doroteya, N. Predictive Processing Theory in Mind Studies: Cross Points with 4E Cognition and Cognitive Linguistics [Электронный ресурс] / N. Doroteya // Open Journal of Philosophy. – 2025. – 15(2). – Режим доступа: https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid =142473. – Дата доступа: 29.03.2026.
19. Peter, W. D. [Электронный ресурс] / W. D. Peter, B. Sylvain // Neuron. – 2020. – 105(2). – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0896627319308931. – Дата доступа: 29.03.2026.
20. Shannon, L. M. H. Speech perception as an active cognitive process [Электронный ресурс] / L. M. H. Shannon, C. N. Howard // Front Syst Neurosci. – 2014. – 8(35). – Режим доступа: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24672438/. – Дата доступа: 29.03.2026.
21. Helen, B. Prediction Errors but Not Sharpened Signals Simulate Multivoxel fMRI Patterns during Speech Perception [Электронный ресурс] / B. Helen, H. D. Matthew // PLoS Biol. – 2016. – 14(11). – Режим доступа: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27846209/. – Дата доступа: 29.03.2026.
22. Rebecca, P. L. An aberrant precision account of autism [Электронный ресурс] / P. L. Rebecca, G. Rees, K. J. Friston // Fronties in Human Neuroscience. – 2014. – 8(302). – Режим доступа: https://www.frontiersin.org/journals/humanneuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00302/full #cite. – Дата доступа: 29.03.2026.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ARCTIC MONKEYS, GLASS ANIMALS И SLOWTHAI)

Назырова Д.И.
Научный руководитель: Калегина Т.Е.
ИМОИВ КФУ, Казань, Россия

Аннотация: *В статье на материале 30 песен Arctic Monkeys, Glass Animals и Slowthai рассмотрены лексические стратегии: разговорность, сенсорная метафора и сленг. Показано, что лексика в песенном дискурсе служит инструментом конструирования идентичности и социальной репрезентации.*

Ключевые слова: *музыкальный дискурс, лексические стратегии, сленг, метафора, медиакоммуникация.*

Современная англоязычная популярная музыка представляет собой неотъемлемую часть глобального медиапространства. Тексты песен перестают быть исключительно «сопровождением» мелодии и приобретают статус самостоятельного носителя культурных кодов, социальных установок и идентификационных маркеров. В связи с этим возникает необходимость системного анализа лексического наполнения песенной лирики как особого типа дискурса, находящегося на пересечении художественного, медийного и разговорного регистров [3].

Цель исследования – выявить и систематизировать лексические особенности англоязычного музыкального дискурса на основе творчества групп Arctic Monkeys, Glass Animals и Slowthai. Выбор исполнителей обусловлен их высокой репрезентативностью в молодежной культуре, жанровым разнообразием и ярко выраженной лексической индивидуальностью. Материалом послужили 30 текстов песен, созданных в период с 2002 по 2016 гг. В работе применялись методы дискурс-анализа, контекстуального и лексикографического анализа, а также сопоставительный подход.

Теоретические основания. Вслед за Н.Д. Арутюновой, дискурс понимается как «речь, погруженная в жизнь» [2]. Применительно к музыкальной сфере данное определение конкретизируется: музыкальный дискурс представляет собой поликодовую и мультимодальную систему, в которой вербальный компонент взаимодействует со звуком, визуальным образом исполнителя и медийной инфраструктурой (стриминговые платформы, клипы, интервью). Как отмечает Т. ван Левен, слово в такой системе не просто «сообщает» информацию, но участвует в распределении смыслов между разными семиотическими каналами [8].

В рамках исследования мы опираемся на классификацию лексических стратегий, предложенную в работах Л. Сквайрс и С. Фрита. Под стратегией понимается устойчивый и воспроизводимый способ отбора языковых средств, направленный на достижение определенного коммуникативного эффекта: вовлечение слушателя, маркирование групповой идентичности, формирование

эмоционального резонанса [9, 3]. Ключевыми инструментами реализации данных стратегий выступают эмоционально окрашенная лексика, сленг, неологизмы, метафора и интертекстуальность.

Результаты анализа. Исследование показало, что каждый из трех исполнителей демонстрирует устойчивую доминанту в использовании лексических средств.

Arctic Monkeys. Основной стратегией является «социальная предметность». Тексты группы насыщены разговорными и регионально маркированными единицами. Наиболее показательный пример – диалектизм *mardy* в песне «Mardy Bum». Согласно данным Oxford English Dictionary, данная лексема характерна для северных и центральных регионов Англии и обозначает капризное, раздражительное поведение. В тексте она выполняет функцию «свернутого» социально-психологического портрета: одно слово задает типаж героя и тональность конфликта без необходимости развернутой экспозиции.

Помимо диалектизмов, Arctic Monkeys активно используют предметные детали как знаки среды и класса. В «Fluorescent Adolescent» антитеза *fishnets* (сетчатые чулки) и *night dress* (ночная рубашка) маркирует оппозицию «раскованное прошлое – регламентированное настоящее». Бытовые номинации (например, *Mecca dobber* – игра в бинго) работают не как фоновые подробности, а как индексы социального опыта и досуга. Как отмечает К. Салливан, «наблюдательные нарративы» Алекса Тёрнера превращают кухонный реализм в художественное высказывание. Метафора в ранних текстах «заземлена» (*barrel of a gun, black hole*), однако в позднем творчестве («Do I Wanna Know?») она становится более психологизированной и цикличной, формируя эффект навязчивого переживания.

Glass Animals. Лексическая стратегия группы определяется как «сенсорное размыкание». Смысл создается не через линейное повествование, а через сцепление слов, принадлежащих разным перцептивным доменам. В песне «Gooey» выражение *peanut butter vibes* демонстрирует механизм синестезии: вкусовая и тактильная лексика подменяет словарь эмоций. «Липкая» консистенция становится метафорой состояния – томления, интимности, полубессознательного погружения.

В интервью The Line of Best Fit фронтмен Дэйв Бэйли подчеркивает установку на намеренную смысловую незамкнутость: «Я не хочу давать единственное объяснение. Это скучно – закрывать смысл». Данная позиция объясняет высокую частотность необычных коллокаций (*jungle slang*) и редуцированную роль прямого сленга. Эмоциональный эффект в «Heat Waves» достигается за счет минималистичного повтора: фраза *Sometimes all I think about is you* функционирует как речевой эквивалент обсессивного цикла. Смысл здесь не развивается, а возвращается, что соответствует авторской установке на изображение пограничного состояния между сном и явью.

Slowthai. Стратегия Тайрона Фрэмптона может быть определена как «политизированная разговорность». Социолект и экспрессивная лексика выступают не стилизацией, а прямым инструментом социального высказывания. В песне «Doorman» ключевыми становятся лексемы поля «класс

и граница»: *doorman, high society*, императивные конструкции. Д. Блам в рецензии для Pitchfork подчеркивает, что текст строится как «хроника ночи, пропитанная ненавистью к демонстративному богатству».

Альбом «Nothing Great About Britain» насыщен кокни-лексикой и реалиями северного Нортгемптона. В треке «Northampton‘s Child» бытовые детали (*house, eviction*) превращаются в травматические сюжеты, а сленговая единица *mazza* (от «madness») работает как эмоциональный усилитель и маркер принадлежности к уличной среде. В отличие от Arctic Monkeys, где разговорность создает эффект «подслушанного диалога», у Slowthai она приобретает атакующую прагматику. Текст не столько описывает, сколько предъявляет и обвиняет.

Сопоставительный анализ. Обобщение полученных данных позволяет выделить три различные модели реализации лексических стратегий.

У *Arctic Monkeys* доминирует предметно-бытовая метафора и регионально окрашенная разговорность. Источниковый домен переноса – артефакты и социальные маркеры среды. Коммуникативная задача – создание эффекта достоверности и «наблюдательной» позиции.

У *Glass Animals* ведущим является сенсорный домен. Метафоры строятся на переносе из сферы вкуса, текстуры, температуры. Сленг минимизирован, его замещают неологические сцепки и намеренная многозначность. Цель – формирование атмосферы, «среды», в которую слушатель погружается, достраивая смыслы самостоятельно.

У *Slowthai* доминирует конфликтный домен. Метафоры опираются на оппозиции «свой – чужой», «верх – низ», «впустить – не впустить». Сленг и ненормативная лексика выполняют индексальную функцию, маркируя идентичность и одновременно выполняя протестную прагматику.

При этом универсальным механизмом смыслообразования для всех трех исполнителей остается метафора в ее когнитивном понимании (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Различия касаются не наличия/отсутствия переноса, а того, какой именно фрагмент опыта выбирается в качестве источника и какую коммуникативную задачу обслуживает готовая метафора [5].

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что песенная лирика представляет собой самостоятельный и многослойный тип медиатекста, в котором лексические стратегии выполняют не только эстетическую, но и социально-регулятивную функцию. Arctic Monkeys, Glass Animals и Slowthai демонстрируют принципиально различные подходы к отбору и организации словарного материала, что отражает их жанровую принадлежность, региональное происхождение и авторскую интенцию.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса анализируемых текстов, привлечением количественных методов (частотный анализ, кластеризация лексики), а также изучением рецептивного аспекта: как именно слушатели распознают и интерпретируют заложенные в тексте стратегии. Кроме того, актуальным представляется изучение лексических особенностей песенного дискурса в диахроническом аспекте, что позволит проследить эволюцию языковых средств на материале одного исполнителя.

Литература:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159-206.
4. Железнякова А.Н. Метафорическая концептуализация музыки в дискурсе музыкальной критики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6(32). С. 102-115.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Мишанкина Н.А., Железнякова А.Н. Метафора как способ межсемиотического перевода (на материале дискурса музыкальной критики) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 36. С. 51-67.
7. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
8. Frith S. Performing Rites: On the Value of Popular Music. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 352 p.
9. Squires L. Genre and linguistic expectation shift: Evidence from pop song lyrics // Language in Society. 2019. Vol. 48, No. 1. P. 1-30.
10. Tagg Ph. Music's Meanings: A Modern Musicology for Non-Musos. New York: Mass Media Music Scholars' Press, 2012. 710 p.

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТАМОЖЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УВЕДОМЛЕНИЯ О ВЫДАЧЕ ТАМОЖЕННОЙ ДЕКЛАРАЦИИ)

Мороз А.В.
научный руководитель: Банкова Л.Л.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются дискурсивные стратегии перевода таможенной документации на примере уведомления о выдаче таможенной декларации с китайского языка на русский.*

Ключевые слова: *таможенный дискурс, переводческие трансформации, официально-деловой стиль, эквивалентность перевода, логистическая документация, китайский язык.*

Развитие российско-китайского партнерства повышает требования к переводу специализированных текстов. Логистическая документация обеспечивает легитимность, отслеживаемость и управляемость международных поставок. Ключевая проблема – достижение адекватности при передаче специальной терминологии, выступающей концептуальным ядром профессионального дискурса.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием международных логистических систем в условиях глобализации, где качество языкового посредничества становится фактором минимизации финансовых,

юридических и репутационных рисков. При этом дискурс логистической документации остается недостаточно изученным.

Объект настоящего исследования относится к таможенному дискурсу. «Таможенный дискурс – это статусно-ориентированный дискурс, его особенность заключается в сфере применения, а именно в таможенном общении. Субъекты данной коммуникации обладают дискурсивными характеристиками, которые влияют на возникновение настоящего дискурса. Адресант и адресат обычно являются поставщиком, получателем или перевозчиком» [11]. Главными целями таможенного взаимодействия являются: сотрудничество, учет коммерческих интересов сторон и обеспечение безопасности торговых сделок.

Таможенный дискурс служит совокупностью не только признаков институционального дискурса, но и делового и таможенно-правового. Институциональный дискурс определяется как конвенциональное, культурно-обусловленное, нормативное речевое взаимодействие людей, возлагающих на себя определенные социально-значимые роли [6]. Принадлежность таможенного дискурса к институциональному объясняется тем, что ситуативно-ролевые отношения коммуникантов заданы изначально.

Тексты таможенного дискурса относятся к официально-деловому стилю. По мнению А. С. Матвеевой, «официально-деловой стиль – это стиль международных договоров, государственных актов, юридических законов, деловых бумаг, в том числе таможенных деклараций. Этот стиль выделяется устойчивостью и замкнутостью. Главной особенностью официально-делового стиля является наличие многочисленных речевых стандартов – клише. Данный стиль характеризуется следующими чертами: сжатость и компактность изложения; стандартное расположение материала, обязательность формы, употребление клише; широкое использование терминологии и номенклатурных наименований и т.д.» [10].

Документ определяется как идентифицируемый материальный объект, содержащий данные. Таможенная декларация – таможенный документ, содержащий сведения о товарах и иные сведения, необходимые для выпуска товаров. Профессиональная терминология – ключевая черта таможенных текстов. Термин – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [9]. Основные признаки термина: номинативность, отнесенность к определенной тематической области, принадлежность определенной терминологической системе, дефинированность [12].

Сложности перевода таможенных текстов связаны с: 1) разнообразием лексики из разных сфер, требующим профессиональных компетенций; 2) жесткими требованиями к формулировкам и структурированию документации, диктуемыми нормативно-правовой базой государства.

В числе рассмотренных подходов к переводу – теория закономерных соответствий Я. И. Рецкера (с её эквивалентами, вариантными и адекватными заменами), а также модели: ситуативная (воссоздание контекста), трансформационная (редукция к ядерным структурам), семантико-семиотическая (анализ минимальных смыслов) и концепция уровневой эквивалентности.

Эквивалентность перевода по В.Н. Комиссарову подразделяется на пять типов:

1) сохранение цели коммуникации;

2) отражение одной и той же внеязыковой ситуации;

3) идентичность цели коммуникации и способа описания ситуации;

4) дополнение характеристик предыдущего уровня параллелизмом синтаксических структур;

5) высшая ступень эквивалентности с максимальной близостью текстов на всех уровнях [7, 8].

Таможенный дискурс отличается среди прочего речевыми штампами – застывшими формулировками со слабой семасиологической связью (遵照规定 ‘в соответствии с правилами’); выделительными конструкциями в китайском официально-деловом дискурсе (根据...规定 ‘согласно положениям...’); использованием элементов вэньяня, продиктованным требованием лаконичности формы выражения (此 ‘это, эти’) [4]; терминами (关税 ‘таможенная пошлина’; 报关单 ‘таможенная декларация’); глагольно-именными словосочетаниями, маркирующими стилистическую принадлежность высказывания (进行检查 ‘проводить проверку’) [5]. Кроме того, особенностью дискурса китайской таможенной документации является дублирование числовой записи специальными формальными иероглифами-цифрами (например, 叁наряду с 3 или 肆 наряду с 4) [2], которой сопровождаются арабские цифры [1] ввиду наличия в КРН нескольких комплектов цифр [2; 3].

Таким образом, главный вывод анализа жанрово-стилистических особенностей перевода таможенных текстов заключается в существовании двух ключевых лексических проблем. Первая проблема связана с высокой лексической нагрузкой подобных текстов: многообразие жанров требует от переводчика обширных профессиональных компетенций. Вторая проблема – это необходимость сохранить эквивалентность содержания исходного текста, одновременно трансформируя его языковую форму под нормы переводящего языка. Решение этих задач и обеспечение адекватного перевода возможно только за счёт сохранения жанрово-стилистической специфики, что предполагает использование обоснованных переводческих трансформаций.

Литература:

1. Банкова Л. Л. Арабские и римские цифры как часть китайской семиотической системы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 5. С. 249-260.

2. Банкова Л. Л. Китайские комплекты цифр // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 2(41). С. 56-60.

3. Банкова Л. Л. Классификация китайских количественных числительных согласно критерию точности и целостности обозначаемых ими чисел // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 4-5. С. 194-206.

4. Берсанова С.Ю., Дерябина М.И.: Междисциплинарный подход при обучении лексике делового китайского языка в вузе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ

«Грани познания». № 6(59). Декабрь 2018. [Электронный ресурс]. URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 16.03.2026)

5. Васильева М.А. Официально-деловой стиль китайского языка. Анализ различных аспектов: учеб. пособие. СПб. : Каро, 2008.

6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М. : Р. Валент, 2014. 408 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.

10. Матвеева А.С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : диссертация ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / Матвеева Анастасия Сергеевна; Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. Краснодар, 2012. 144 с.

11. Несветайлова И. В. Таможенный документ как форма письменной коммуникации в таможенном дискурсе / И. В. Несветайлова, Д. В. Панкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3-1. С. 170-175.

12. Федорченко Е.А. О дефинициях терминов таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. 2009. №2. С. 90-96.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ТРЕВОЖНОСТИ: ВОСПРИЯТИЕ АСПЕКТОВ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ ФАКУЛЬТЕТА КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ладыгина А.А., Новосёлова Д.А., Балова И.С.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье рассматривается понятие и особенности феномена языковой тревожности, анализируется уровень языковой тревожности и с помощью средств визуализации её особенности у студентов факультета клинической психологии РязГМУ.*

Ключевые слова: *языковая тревожность, визуализация, языковой опыт, восприятие иностранного языка, студенты факультета клинической психологии.*

Актуальность. Сегодня иностранный язык изучают на разных ступенях получения образования, начиная буквально с детского сада. В рамках глобализации знание языков необходимо для доступа к информации, в том числе в научной сфере. Во время изучения любого нового для себя языка человек может столкнуться с таким феноменом, как языковая тревожность. Это может стать серьёзной преградой в изучении языка, влияя и на мотивацию, и на результаты. Стоит также отметить, что иногда может быть трудно описать свой языковой опыт словами. Для решения этой проблемы может быть применена визуализация, благодаря которой человек более успешно может выразить свои переживания. Проанализировав проявления языковой тревожности, можно найти пути к уменьшению ее уровня через собственные действия обучающихся

или через изменение образовательной среды, что сделает изучение языка более продуктивным и снизит уровень стресса, связанного с этим процессом.

Цель работы – проанализировать особенности языковой тревожности у студентов второго курса факультета клинической психологии.

Понятие и особенности языковой тревожности

Языковая тревожность стала изучаться во второй половине 20-го века. В 1985г Р. Гарднер предположил, что может существовать особая форма тревожности, которая связана с овладением языком, являющимся для человека иностранным. Однако сам термин сформировался немного позднее группой исследователей во главе с Э. Хорвиц. Исходя из их подхода, языковую тревожность можно трактовать как понятие, обозначающее «чётко выраженную совокупность представлений индивида о самом себе, убеждений, эмоционального восприятия и моделей поведения, сопряжённых с изучением иностранного языка в аудитории и уникальностью процесса изучения иностранного языка» [5]. Однако это не единственное определение данного понятия, есть и другие. Например, Ванг подчеркивает связь тревоги с ощущением возможных негативных последствий, связанных с изучением иностранного языка [7]. А, например, Гарднер в совместной работе Макинтайером подчеркивает в своём определении связь физиологической реакции организма и использования иностранного языка, когда пользователь не уверен в своих познаниях в нем [4]. Вышеперечисленные определения рассматривают разные стороны данного феномена, включающие в себя как психологические, так и физиологические аспекты.

Упомянутая группа исследователей во главе с Хорвиц также предложила источники языковой тревожности. К ним относятся различные страхи касательно:

- самого процесса коммуникации;
- каких-либо тестовых ситуаций;
- негативной оценки со стороны (в образовательном процессе в первую очередь от преподавателя) [6].

Следовательно, все перечисленные источники носят внешний характер.

Кроме того, языковая тревожность может оказывать как негативный, так и позитивный характер на процесс изучения языка, это отмечает Янг [9]. В первом случае, который рассматривает большинство исследователей, языковая тревожность понижает самооценку, мотивацию к изучению языка, может мешать восприятию языка, снижать успеваемость и т. д. В худшем случае это приводит к полному нежеланию изучения иностранного языка. Если же говорит про положительный аспект, то возможно, человек может начать стремиться преодолеть это состояние и следовательно, с большей мотивацией изучать язык.

Наиболее известным способом оценки уровня языковой тревожности является «Шкала для измерения языковой тревожности» (FLCAS), разработанная не раз упомянутой Хорвиц.

В данном исследовании использовали вышеупомянутую методику для оценки общего уровня языковой тревожности у студентов второго курса

факультета клинической психологии. Кроме нее, нами была составлена анкета, в которой студентам было предложено сопоставить свой языковой опыт с предоставленными нами изображениями или своими собственными примерами (в условиях чтения, письма, аудирования, говорения и различных способов проверки знаний).

Результаты. В исследовании участвовало 47 студентов факультета клинической психологии РязГМУ.

По результатам тестирования, низкий уровень языковой тревожности отмечен у 19,1% испытуемых, средний уровень – у 53,2%, высокий уровень – у 27,7%.

По результатам анкетирования получены следующие результаты описания языкового опыта (≈%):

- Чтение: «Протоптанная тропа» – 25,5% исп. (67% низкий уровень языковой тревожности, 33% средний уровень языковой тревожности). «Карта местности» – 64% исп. (3% низк. ур., 67% ср. ур., 30% выс. Ур.). «Блуждание в тумане» – 10,5% исп. (20% сред. ур., 80% выс. ур.).
- Письмо: «Архитектурный чертеж» – 21% исп. (60% низк. ур., 40% ср. ур.). «Балансирование на канате» – 66% исп. (10% низк. ур., 64,5% ср. ур., 25,5% выс. ур.). «Бег по песчаной дюне» – 13% исп. (17% ср. ур., 83% выс. ур.).
- Аудирование: «Пазл» – 45% исп. (28,5% низк. ур., 71,5% ср. ур.). «Шептание» – 32% исп. (20% низк. ур, 67% ср. ур., 13% выс. ур.). «Гул водопада» – 23% исп. (выс. ур.).
- Говорение: «Ручей» – 15% исп. (низк. ур.). «Веревочная лестница» – 51% исп. (8% низк. ур., 75% ср. ур., 17% выс. ур.). «Крик в бездну» – 34% исп. (44% ср.ур., 56% выс.ур.).
- Оценка знаний: «Соревнование» – 30% исп. (43% низк. ур., 57% ср. ур.). «Медицинская процедура» – 47% исп. (14% низк. ур., 77% ср. ур., 9% выс. ур.). «Допрос» – 23% исп. (выс. ур.)

Выводы. По результатам тестирования, преобладает именно средний уровень языковой тревожности, что может говорить о том, что большая часть студентов испытывают чувство тревоги скорее ситуативно, чем постоянно (например: внезапный вопрос от преподавателя), в более же ожидаемых ситуациях они более спокойны.

По результатам прохождения анкеты можно сделать вывод, что для данной выборки варианты визуализации языкового опыта сильно разбросаны по темам, т.е. для одного и того же варианта опыта (например, чтение) образы могут быть как природными, так и рукотворными. Однако, стоит отметить, что для опыта, связанного с оценкой знаний, все образы связаны с другими людьми и взаимодействием с ними. Также можно заметить, что образы испытуемых с высоким уровнем языковой тревожности более неприятные или некомфортные (бездна, допрос, туман и тд.), т. е. обучающиеся сталкиваются с чувством потерянности, беспомощности и страха. Для испытуемых с низким уровнем языковой тревожности характерно восприятие изучения языка через призму некоего соревнования, чего-то понятного и знакомого. Для среднего же уровня языковой тревожности характерно то, что названные ими образы – это что-то

среднее между образами испытуемых с низким и высоким уровнем языковой тревожности, т.е. присутствует больший уровень помех и неизвестности, в сравнении с первыми (шепот, для восприятия которого нужно напрячься; балансирование на канате, где нет ощущения полной безопасности и т.д.) и отсутствует безнадежность, полная потерянность, как это происходит у вторых (например, карта местности, чтобы найти путь, нужно потратить время на ее исследование, однако какие-то ориентиры там есть; медицинская процедура, да, это может быть что-то, что человек не до конца контролирует, однако такого давления, как при допросе, нет и т.д.).

Заключение. В заключение можно сказать, что среди студентов факультета клинической психологии более выражен средний уровень языковой тревожности, что связано с вполне благоприятной средой получения знаний. Низкий же и высокий уровни языковой тревожности скорее связаны именно с личностными особенностями и с уже имеющейся базой студента. Образы же, выбранные студентами, показывают, что восприятие одного и того же опыта в изучении языка могут быть разными в связи с уровнем их языковой тревожности.

Литература:

1. Иксанова М.Г., Красильникова Е.В., Воробьева Н.В. Особенности языковой тревожности и психологических барьеров студентов нелингвистических направлений в процессе изучения английского языка и способы их преодоления // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №1 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazykovoy-trevozhnosti-i-psihologicheskih-barierov-studentov-nelingvisticheskih-napravleniy-v-protsesse-izucheniya (дата обращения: 27.12.2025).

2. Каяво В.А. Языковая тревожность как проблема в обучении иностранному языку и факторы ее возникновения: анализ теоретических и эмпирических исследований // Педагогическое образование в России. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-trevozhnost-kak-problema-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-i-faktory-ee-vozniknoveniya-analiz-teoreticheskih-i (дата обращения: 27.12.2025).

3. Санакоева З. Г. Обзор понятия «языковая тревожность»: определение, классификация, влияние, оказываемое на изучающих иностранный язык // МНКО. 2022. №1 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-ponyatiya-yazykovaya-trevozhnost-opredelenie-klassifikatsiya-vliyanie-okazyvaemoe-na-izuchayuschih-inostrannyy-yazyk (дата обращения: 27.12.2025).

4. Gardner R.C., MacIntyre P.D. A student’s contribution to second language learning. Affective variables Language Teaching. 1993; P. II;

5. Horwitz E.K., Horwitz M.B., Cope J. Foreign language classroom anxiety. The Modern language journal. 1986; № 70 (2);

6. Horwitz E.K., Tallon M., Luo H. Foreign language anxiety. Anxiety in schools: The causes, consequences, and solutions for academic anxieties. New York: Peter Lang, 2009;

7. Wang Beliefs about language learning and foreign language anxiety: A study of university students learning English as a foreign language in mainland China. Doctoral dissertation, University of Victoria), 2016.

8. Young D.J.. An investigation of students’ perspectives on anxiety and speaking. Foreign Language Annals. 1990; № 23 (6)

9. Young D.J. Creating a low-anxiety classroom environment: What does language anxiety research suggest? The modern language journal. 1991; № 75 (4).

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ: ОТ КОНЦЕПЦИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА К ПРАКТИКЕ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Петрив А.В.
Научный руководитель: Банкова Л.Л.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья рассматривает феномен языковой игры как творческое экспериментирование с языковыми нормами, корни которого восходят к философской концепции Людвига Витгенштейна. Особое внимание уделяется механизмам и видам языковой игры в современной рекламной коммуникации. На материале русского и китайского языков анализируются зевгма, окказионализмы, а также каламбуры. Показано, как намеренное отклонение от нормы усиливает выразительность, запоминаемость и прагматическое воздействие рекламных слоганов, создавая эмоциональный отклик и новые смысловые ассоциации.*

Ключевые слова: *языковая игра, лингвистика, Витгенштейн, зевгма, каламбур, окказионализм, рекламный дискурс.*

Понятие «языковая игра» было введено Людвигом Витгенштейном в «Философских исследованиях» [1]. Философ рассматривал язык не как замкнутую систему правил, а как живое средство общения, тесно связанное с человеческой деятельностью. Витгенштейн не дал строгого определения языковой игры, отмечая, что различные игры объединены «семейными сходствами», а смысл высказывания определяется прежде всего контекстом употребления. Каждый акт речи он понимал как особую «игру», правила которой зависят от ситуации и культуры. Любой речевой акт, по Витгенштейну, представляет собой игру носителей языка со смыслами слов, словосочетаний и речевых оборотов, которые в новой ситуации трансформируются и приобретают новые значения. В результате переплетения речи с деятельностью старые модели языка уходят, а на их место приходят новые.

Идеи Витгенштейна были развиты в философии (Ханс-Георг Гадамер в работе «Истина и метод» [2]) и активно вошли в лингвистику и культурологию. В отечественной науке термин приобрёл широкое распространение после публикации коллективной монографии Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Русская разговорная речь» [5]. Авторы определяли языковую игру как намеренное отклонение от нормы ради выразительности – от каламбуров до метафор, хотя и не проводили чёткой границы между ней и поэтической функцией языка.

Современное понимание языковой игры связано с работами Т. А. Гридиной [3] и особенно В. З. Санникова [9], который разграничил собственно языковую игру (намеренное использование тропов и фигур речи на основе нарушения норм) и ситуативный юмор. И. В. Цикушева [10] подчеркнула целенаправленный характер языковой игры – манипулирование языком ради комического эффекта. Несмотря на различия в трактовках, общее состоит в том,

что языковая игра – это творческое экспериментирование с языком, намеренное отклонение от норм, часто возникающее в повседневной речи и отражающее культурный опыт носителей языка.

Несмотря на разнообразие трактовок, общее ядро остаётся неизменным: языковая игра – это творческое экспериментирование с языком, часто возникающее в повседневной коммуникации и отражающее культурный опыт носителей языка. В рекламной коммуникации она приобретает особую прагматическую ценность, становясь мощным инструментом привлечения внимания, создания запоминающихся образов и эмоционального воздействия на потребителя. Настоящая статья фокусируется преимущественно на механизмах и конкретных видах языковой игры в практике рекламы, с опорой на примеры из русского и китайского языков.

В рекламном дискурсе языковая игра выступает как целенаправленное творческое использование языковых ресурсов путём намеренного отклонения от нормы для усиления выразительности и запоминаемости слоганов. Благодаря особенностям китайского языка (изолирующий строй, иероглифическая письменность, тональная система и высокая омонимия) в нём особенно продуктивны определённые виды языковой игры.

Одним из ярких приёмов является **зевгма** (拈连 niánlián). В китайской рекламной лингвистике выделяют два основных типа: полную (全式拈连) и сокращённую (略式拈连) [13].

1. ***Полная зевгма*** включает 2 элемента (А и Б) и связующее слово. Примеры:

«要救人，先救心» (yào jiù rén, xiān jiù xīn «Спасая человека, начни со спасения его сердца») – реклама препарата Jiuxin Wan. Глагол 救 jiù переносится с 人 «человек» на 心 «сердце».

«相同的裤，不同的酷» (xiāngtóng de kù, bùtóng de kù «Одинаковые джинсы – уникально крутой образ») – реклама Levi’s, где обыгрываются омофоны 裤 kù «брюки» и 酷 kù «крутой».

2. ***Сокращённая зевгма*** опускает первый объект и связанное словоупотребление, сохраняя второй объект и связующее слово с нарушенной сочетаемостью. Пример:

«用心点燃希望，用爱撒播人间» (yòng xīn diǎnrán xīwàng, yòng ài sǎbō rénjiān «Сердцем зажечь надежду, любовью посеять тепло в мире») – реклама благотворительного проекта. Глагол 点燃 «зажечь» сочетается с абстрактным 希望 «надежда», создавая яркий образ.

Другой продуктивный механизм – **окказионализмы**, которые делятся на семантические (义仿 yìfǎng) и омофонные (音仿 yīnfǎng).

1. ***Семантические окказионализмы*** создаются по модели существующей структуры с новым наполнением:

«蜜意升级，甜度如初恋» (mì yì shēngjí, tián dù rú chūliàn «Сладость на новом уровне, нежность – как в первую любовь»).

«奶茶管够» (nǎichá guǎn gòu «Молочный чай без конца») – по аналогии с «人生苦短».

2. ***Омофонные окказионализмы*** основаны на игре с созвучием:

«蛋满灌» (dàn mǎn guàn «Яичная начинка до краёв») – трансформация «大满贯».

«泰芒了» (tài máng le «Мангово как никогда!») – от «太忙了», с заменой 忙 на 芒 «манго» и отсылкой к Таиланду (泰).

Особое место занимают **каламбуры** (双关). Ван Си Цзе в книге «Стилистика китайского языка» [13] выделяет три вида:

1. ***Семантические каламбуры*** (语义双关语) – Данный тип каламбура основан на актуализации двух значений одного и того же слова или выражения.

Пример:

«黄金首饰: 牵挂你一生，爱戴你一生» (huángjīn shǒushì: qiānguà nǐ yīshēng, àidài nǐ yīshēng). Слово 爱戴 читается и как «любить носить», и как «глубоко уважать».

2. ***Омофонные каламбуры*** (谐音双关语) – игра на фонетическом сходстве.

Пример:

«香约美食，味你而来» (xiāng yuē měishí, wèi nǐ ér lái). Омонимия 香/相 и 味/为 создаёт двойной смысл.

3. ***Грамматические каламбуры*** (语法双关语) – наложение разных грамматических функций.

Пример:

«上海三菱电梯: 上上下下的享受» (shàng Hǎi Sānlíng diàntī: shàngshàng xiàxià de xiǎngshòu). Слова 上 и 下 интерпретируются и как глаголы («подниматься и опускаться»), и как существительные («верхи и низы»).

Аналогичные механизмы (лексические, фонетические, словообразовательные) активно используются и в русской рекламной коммуникации, хотя и с учётом специфики языка.

Литература:

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 352 с.

2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. 215 с.

4. Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства / предисл. А. Ф. Зотова. – Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 152 с.

5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.

6. Козлова М. С. Идея «языковых игр» // Философские идеи Людвига Витгенштейна / отв. ред. М. С. Козлова. М.: ИФРАН, 1996. С. 5–25.

7. Козлова М. С. Философия и язык (Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.). М.: Мысль, 1972. 254 с.

8. Лебедева Е. Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. № 4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/utochnenie-ponyatiya-yazykovaya-igra-v-lingvistike (дата обращения: 05.11.2025).

9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Язык русской культуры, 1999. 541 с. (Язык. Семиотика. Культура).

10. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya (дата обращения: 17.12.2025).

11. Das D., Neog R. Language Game: Ludwig Wittgenstein // International Journal of Management. 2020. Vol. 11, No. 12. P. 143–148. DOI: 10.34218/IJM.11.12.2020.016.

12. Ottuh P. O. O., Idjakpo O. G. Ludwig Wittgenstein: Language-Game and Religious Belief // Interference: Journal of Language, Literature, and Linguistics. 2020. Vol. 1, No. 2. P. 166–181. DOI: 10.15408/interference.v1i2.18123.

13. 王希杰, 汉语修辞学, 北京: 商务印书馆.2004, 506页

МЕЖДУ НАУКОЙ И ПРАКТИКОЙ: КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЖЕННОСТЬ ВЛИЯЕТ НА ПОНИМАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ СТУДЕНТАМИ

Скворцова Ю.С., Балова И.С.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *В статье анализируются особенности современной медицинской литературы и их влияние на процесс обучения студентов медицинских университетов.*

Ключевые слова: *термин, терминологическая перегруженность, заимствования, синтаксическая конструкция, терминологический барьер.*

XXI век неоспоримо считается веком информации. Ежегодно печатаются тысячи научных статей, обновляются клинические рекомендации, переиздаются учебники. Однако, на фоне всех преимуществ и информационного разнообразия, студенты-медики стали сталкиваться с новыми проблемами. Тексты, переполненные заимствованиями и терминами, аббревиатурами и сложными синтаксическими конструкциями, принимают характер нечитаемых и существенно утяжеляют процесс изучения и усвоения новой информации.

Под термином понимают слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии) [1]. Терминологическая система устроена по определенным принципам, среди которых наиболее важны системность и взаимосвязь элементов, однозначность, нейтральность и соотнесенность с понятием.

Медицина, как и любая другая сфера профессиональной деятельности или науки, не может существовать без терминов. Э.М. Байдашева пишет о том, что «медицинская терминология представляет собой структурированный комплекс терминов и словосочетаний, охватывающих все аспекты человеческого здоровья: от состояний тела до диагностических методов и лекарственных средств, включая технические инновации в сфере медицины» [2].

Ни для кого не секрет, что медицинские термины имеют преимущественно греко-латинское происхождение. Начав зарождаться в эпоху архаической латыни, медицинская терминология достигла своего расцвета в то время, когда Древний Рим столкнулся с древнегреческой цивилизацией, что объясняет большое количество греческих слов в медицинской терминологии [3]. Влияние греческой культуры привело не просто к заимствованию терминов, но и к появлению новых способов их формирования- метод сходства, ассоциации, метафоры. Например, в анатомии нервной системы встречается термин «паутинообразная оболочка головного мозга» *(arachnoidea mater cerebri*). Данная оболочка содержит множество мелких борозд нервов, образующих сети, визуально напоминающие паутину. По-гречески «арахна» – паук. Имя великана Атланта, на чью могучую спину обрушилась вся тяжесть небосвода, нашло своё отражение в названии первого шейного позвонка *atlas, atlantis, m*. Эти и многие другие примеры наглядно демонстрируют конвергенцию двух языков и культур.

На современном этапе происходит насыщение медицинского языка терминами из национальных языков и прямыми англицизмами. В первую очередь, это обусловлено научно-техническим прорывом – появились принципиально новые явления и методы, не имеющие подходящих греко-латинских корней. Например, слово «скрининг», обозначающее комплекс мероприятий по массовому обследованию населения, произошло от английского слова *screening* – просеивание, *check-up* – чек-ап, *bypass* – шунтирование/байпас, *stenting* – стентирование [4]. Это послужило плодородной почвой для формирования терминологического барьера между студентом-медиком и актуальной современной медицинской информацией.

Кроме того, английский язык, будучи интернациональным языком, на котором, по данным справочника Ethnologue на 2025 год, общаются 1,53 миллиарда человек, стал, помимо прочего, безальтернативным лингва франка науки, что привело к прямому переносу англоязычных синтаксических конструкций и заимствованию «модных» терминов [5]. Вместо обычной фразы «артериальное давление измерили», теперь гораздо чаще можно услышать «было проведено измерение артериального давления». На пике популярности сейчас такие термины, как *compliance* (приверженность лечению), *monitoring* (наблюдение), *guideline* (клинические рекомендации).

Произошедшие изменения привели к колоссальным переменам в системе медицинского образования во всём мире. Если пятьдесят лет назад для получения качественного образования и доступу к актуальной для практической деятельности информации студенту было достаточно понять азы греко-латинской системы, то в современных реалиях этого будет недостаточно. Терминологическая перегруженность и необходимость постоянно адаптироваться к появлению всё более новых терминов становятся существенным испытанием на пути к качественному образованию.

На базе Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова был проведен опрос, направленный на изучение влияния особенностей современной медицинской литературы на процесс обучения. В качестве платформы для проведения анонимного опроса

использовались Google Формы. Опросник включал 4 раздела, общее количество тестовых вопросов – 17. В опросе приняли участие 16 студентов РязГМУ с различных курсов и факультетов. Среди опрошенных 62,5% оценивают уровень сложности учебной литературы по профильным предметам как средний, 18,8%- сложный, 12,5%- приемлемый. Основными источниками информации, которые используют студенты, являются лекции преподавателей в виде презентаций и конспектов, классические учебники, национальные клинические рекомендации и протоколы. 56,3% опрошенных считают лекции преподавателей наиболее понятным и доступным источником информации для первичного изучения темы. 18,8% опрошенных высказали мнение о том, что при работе с текстом вынуждены часто обращаться к дополнительным источникам для расшифровки терминов и понятий. Сложные, многословные синтаксические конструкции в предложениях мешают воспринимать информацию 37,5% опрошенных.

Для преодоления терминологического барьера студенты используют различные средства и методы. Наиболее популярными вариантами являются использование электронных словарей и переводчиков, обсуждение с однокурсниками, поиск более простых объяснений в видео-формате. Из предложенных вариантов улучшения учебных текстов (внедрять термины постепенно, с обязательным разъяснением при первом упоминании, шире использовать синонимы и поясняющие конструкции в скобках, добавлять на поля или в конце глав краткие глоссарии с простыми определениями, увеличить количество схем, таблиц, инфографики, визуализирующих сложные понятия, сопровождать текст клиническими примерами-задачами, связывающими теорию с практикой, активнее создавать адаптированные отечественные учебники, а не делать дословные переводы, создавать «двухуровневые» тексты: основной простой текст и углубленные блоки для интересующихся) студенты наиболее охотно выбирали постепенное внедрение терминов с обязательным разъяснением при первом упоминании, использование синонимов и поясняющих конструкций в скобках и добавление кратких глоссариев с простыми определениями.

Результаты проведенного опроса подтверждают, что языковая сложность медицинских текстов, терминологическая перегруженность и многословные синтаксические конструкции являются важными препятствиями при подготовке студентов-медиков, однако большинство из обучающихся использует различные способы для устранения данной проблемы на пути к получению знаний. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные учебники, предназначенные для студентов медицинских высших учебных заведений, должны базироваться не только на научной точности и актуальности представляемой в них информации, но и психолингвистических аспектах восприятия. Это крайне необходимо для подготовки высококвалифицированных специалистов с надежным багажом знаний.

Литература:

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

2. Байдашева Э.М. Метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами в медицинской терминологии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2021. – № 1 (81). – С. 50-57.

3. Павлюченок, М. Б. Этимология и семантика неологизмов греко-латинского происхождения эпохи пандемии COVID-19 / М. Б. Павлюченок. – Текст : непосредственный.

4. Какорина Е. В. Лингвистические аспекты модернизации медицинского дискурса (на материале русского языка конца XX – начала XXI века). // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018.

5. Гринев-Гриневич С. В. Введение в терминоведение. – М.: Академия, 2008.

THE INFLUENCE OF BILINGUALISM ON COGNITIVE PROCESSES

Ibragimova A.S.
Scientific adviser: Kuznetsov Z.Yu.
Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: *This article analyses bilingualism as a helpful phenomenon for a child's development. It is looking for things that help children not only use more than one language in their usual life but also other advantages of being bilingual.*

Keywords: *bilingualism, children, development, ontogenesis, psychology, language.*

In conditions of the modern world which is caused by globalization and a variety of migration processes that cause expansion of cross-culture interaction the bilingualism phenomenon acquires a special theoretical and practical significance. The possession of two and more languages becomes not just a unique social resource for successful communication with people from different corners of our planet, but also an object of active interdisciplinary exploration in such science fields as psychology, cognitive science and neuropsychology. One of the most interesting questions for study and discussion is the influence of bilingualism on cognitive processes of a person.

In psychology of the XXI century cognitive processes are known as mental processes that provide the exploration and processing of information like perception, attention, memory, intellection, imagination and speech. All these processes make a functionally connected system whose development and reconstruction depend on factors like biological and sociocultural determinants. The language environment that causes the development of a child is considered as the main sphere of influence of cognitive changes.

Bilingualism in its wide sense can be defined as an ability of a person to use at least two languages in casual communication and cognitive activity. In psychological context bilingualism can be described not just as language competency, but also as an unusual and unique condition of the mental system that assumes unstoppable control, switching, activation and inhibition of alternative language codes. Exactly the functions of bilingualism make it the highly interesting object of theoretical analysis from the point of cognitive processes.

The topicality of the research is determined by the inconsistency of the variety of empirical results of earlier research and importance of theoretical comprehension of mechanisms that provide the successful using of two and more languages on the same level.

Bilingualism has been one of the most interesting phenomena in the psychology field for a long time so many people who are closely connected to psychology and sociology are interested in it. The Higher School of Economics has some articles that are telling us about such a phenomenon. For example, the article “Researchers have found a connection between bilingualism and cognitive efficiency” says about advantages of being bilingual, especially using English as the second language. It says that people who speak in English like as the second language have less problems with speed of solving difficult tasks [1]. Authors like O. V. Legostayeva [2] and Y. P. Zinchenko [3] talk about the importance of studying bilingualism because this field is important and interesting for science of the XXI century.

Being bilingual is also useful not only for life, but for working processes too. In article of S. M. Batyrev “The necessity of spoken English in the practice of a pediatrician” author is talking about evolving of demographic populations, that makes English necessary for using [4].

The research of bilingualism has a long science history. Earlier works were concentrated on linguistic aspects of bilingualism. From the XX century the history of bilingualism took a fast turn from the perception of bilingualism as “a hindrance” for personal development to acceptance of strong cognitive advantage.

In the first half of the XX century the most spread point of view on bilingualism was negative. Some researchers of that time supposed that using two languages at the same time may overload a child's brain and lead to difficulties in studies and also to low IQ points.

The second half of the XX century opened a new point of view in bilingualism. Psychologists started researching that if the way of raising a child in a bilingual situation was chosen correctly, bilingual children can do better than monolingual kids.

The brightest period of bilingualism is the XXI century that not just accepts the idea of bilingualism but also appreciates it a lot. Nowadays there are so many international schools not only in Russia, but also in different countries which motivate children to speak more than two languages in their social environment. This is caused by the social situation of development of different age periods. In psychology and linguistic fields were highlighted some types of bilingualism to explain its mechanisms better and in more productive way.

We will start from the first classification of bilingualism types, for example late and early bilingualism. Early bilingualism happens when a child has studied two languages since the period of early childhood (1-3 age) at the same time or almost at the same time. This type of bilingualism we know the best because all bilingual children we meet are usually that type of bilingual people. Such type of bilingualism becomes a type of normal thinking of the child if it was implemented during the sensitive period of speech. This type of bilingualism is a great advantage because it helps to develop flexible thinking from a young age.

Late bilingualism happens when a child studies the second language at a later period, usually its earlier school years, but often happens at later periods like adulthood too. This type of bilingualism also has lots of advantages like an effort to switch between two languages in a logical way.

The next classification describes balanced and unbalanced types of bilingualism. Balanced bilingualism means knowing by the person both languages on the same level. It does not make any problem to use both languages in everyday life if the social situation allows it. Unbalanced bilingualism means knowing one of the languages better than the second one. Balanced bilinguals have an advantage to control switching between languages better than unbalanced bilinguals.

It is highly important to highlight the influence of bilingualism on the higher mental functions. This concept was introduced to psychology by Lev Vygotsky [5], the psychologist who has been studying and writing psychology works about the influence of speech on development in ontogenesis. We will go through some higher mental processes. Earlier and balanced bilingualism helps people focus their attention better, because this is the thing people study using languages since their childhood. A child has an effort to focus on things easier, and use voluntary attention when they will need it. Balanced bilingualism helps in solving difficult problems that are closely connected with flexibility of thinking and importance to make the decisions quickly.

Memory has a chance to develop better too cause being bilingual helps a person to generate more ideas at the moment. It is not a secret that all languages have their own background and culture code that can help a person who speaks more than two languages look at the problem and its solution from different angles.

In conclusion, we want to mention that everything that helps a child to grow more productive without losing his free time and wishes is good for him. And bilingualism is one of the ways to do it in an “ecological” way and with good results for a child’s future.

References:

1. Issledovateli obnaruzhili svyaz' mezhdu bilingvizmom i kognitivnoj effektivnost'yu [Elektronnyj resurs] // Novosti Vysshej shkoly ekonomiki. – 2025. – URL: https://www.hse.ru/news/development/1099591516.html.

2. Legostaeva O. V. Bilingval'naya obrazovatel'naya sreda kak effektivnoe sredstvo razvitiya bilingval'noj kompetencii obuchayushchihsya // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki». – 2020. – № 4. – S. 286–291.

3. Zinchenko YU. P., SHajgerova L. A., Dolgih A. G., Savel'eva O. A. Metodologicheskie problemy issledovaniya vliyaniya dvuyazychiya na kognitivnye processy i etnokul'turnuyu identichnost' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. – 2019. – № 1. – S. 174–194.

4. Batyrev S.M. The necessity of spoken english in the practice of a pediatrician. – Mezhkul'turnaya kommunikaciya v edinom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov / pod obshch. red. d.m.n., prof. I.A. Suchkova; red. kol.: L.F. El'cova, M.A. Kalinina; FGBOU VO RyazGMU Minzdrava Rossii. – Ryazan': OTSiOP, 2025. – s. 121-124.

5. Vygotskij L. S. Myshlenie i rech'. – M.: Labirint, 1999. – 352 s.

РОЛЬ ИДИОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ермохина Е.О., Ханкина Е.В.
Научный руководитель: Микова И.М.
РязГМУ им. акад. И.П. Павлова, Рязань, Россия

Аннотация: *Статья посвящена анализу лингвистического феномена идиоматических выражений (фразеологизмов) в английском языке. Рассматривается их сущность, классификационные признаки, а также ключевые функции.*

Ключевые слова: *идиомы, английский язык, устойчивые выражения, фразеологизм, коммуникация.*

Основная **цель** исследования – рассмотреть сущность, основные типы и функциональную нагрузку идиом в английском языке. Без владения идиомами невозможно успешное межкультурное общение и понимание языка, что придаёт данной теме актуальность.

Термин «идиома» произошёл от греческого слова «idioma», обозначающего «особенность» или «своеобразие». Идиома – устойчивое, неразделимое сочетание слов. Это понятие настолько целостное, что если разделить его на отдельные компоненты, то можно утратить его смысл. Фразеологизм и фразеологический оборот являются синонимами идиомы.

Впервые термин «идиома» употребил в своих трудах английский лингвист Л. П. Смит. Для описания самобытных черт разных языков он использовал слово idiom. Идиома является синонимом французского «idiotisme» применительно к языковым конструкциям, смысл которых нельзя уловить, просто сложив значения входящих в них слов [1].

Для систематизации идиоматических выражений в лингвистике используются различные подходы. При анализе существующих классификаций самой наглядной является тематическая (структурно-семантическая) классификация [2]. Согласно ей выделяют основные виды идиом:

1) Именные (субстантивные) идиомы. Используются для обозначения предмета, явления и лица. Сочетания «имя прилагательное + имя существительное» или «имя существительное + имя существительное» – наиболее распространённые модели построения именных фразеологизмов.

Например, «*A level head*» – хладнокровие, уравновешенность.

2) Глагольные идиомы. Основная функция – выражение действия, зачастую осложнённое обстоятельственными или объективными отношениями. Типичная модель построения – «глагол + имя существительное» или «глагол + служебное слово (местоимение или предлог)».

Например, «*Give up*» – сдаваться, прекращать.

3) Атрибутивные идиомы. Применяются для описания свойств, качеств или признаков какого-либо субъекта или объекта и выполняют роль определения.

Например, «*All thumbs*» – неуклюжий, неловкий.

4) Наречные идиомы. Эта группа идиом используется для характеристики образа, качества или способа совершения действий.

Например, «*to look like a million*» – отлично выглядеть.

5) Модальные идиомы. Отличительная черта модальных идиом заключается в выражении личной оценки говорящего и передачи его отношения к высказыванию.

Например, «*Can't wait*» – не могу дождаться, чтобы что-то сделать, какого-то события.

6) Междометные идиомы. С их помощью происходит эмоциональное выражение чувств. По выполняемым функциям они являются аналогами междометиям.

Например, «*Gee!*» – «Вот это да!», «Вот здорово!».

7) Сравнивающие идиомы (или идиомы-сравнения). Они строятся по моделям сравнения. Если необходимо описать образ человека: его внешность, черты характера или действия, то прибегают к помощи сравнительных идиом.

Например, «*As busy as a bee*» – работает как пчела.

Функции идиом в английском языке:

1. **Эмоционально-оценочная:** выражение своих мыслей с помощью идиом придает речи выразительности и позволяет с наибольшей точностью отметить мнение человека насчет той или иной ситуации
2. **Культурно-идентифицирующая:** уместное использование идиом в контексте ситуации, позволяет собеседнику понять, является ли человек носителем языка, и какой его уровень языковой компетенции, ведь фразеологизмы- отражение истории и быта народов
3. **Компрессивная:** идиомы позволяют заменять длинные и сложные предложения одним простым оборотом. Это облегчает процесс диалога и дает возможность более мягко и понятно выражать свои мысли

В ходе анализа ряда источников были выявлены интересные случаи использования идиом, в составе которых присутствуют разнообразные части тела.

Отобрали ряд идиом и отобразили их в виде таблицы, используя как английскую, так и русскую интерпретацию фразеологизма [3]:

Идиома на английском языке	Идиома на русском языке	Толкование
Keep your *head*	Держать голову на плечах	Сохранять рассудок
Be banging or hitting your *head* against a brick wall	Биться головой об стену	Бесполезное действие
Can't get your *head* (a)round	Голова идет кругом	Ничего не понятно
Pick someone's *brains*	Переставить мозги	Просить совет у знающего человека
Be a load/weight off your *mind*	Очистить голову	Избавиться от переживаний
At the back of your *mind*	В подсознании	Постоянные мысли о чем-то
To turn a blind *eye*	Закрыть глаза	Не обращать внимание на плохое поведение
Run/cast your *eye* over	Бросить взгляд	Осмотреться, обратить внимание
In the blink of an *eye*	В мгновенье ока	Очень быстро, незаметно

Could do something with one arm tied behind your *back*	Как 2 пальца об асфальт	Очень просто
You scratch my *back* and I'll scratch yours	Ты мне- я тебе	Взаимовыгодное сотрудничество
Someone's *heart* is in the right place	Добрый в глубине души	Человек на самом деле добрый, но не показывает это окружающим
Break someone's *heart*	Разбить сердце	Не оправдать надежд
Put your *heart* and soul into something	Сделать с душой	Действительно насладиться делом
I'm all *ears*	Держи ухо востро	Весь во внимании
Lips are sealed	Рот на замке	Сохранение секрета
Bit my *tongue*	Язык за зубами	Сохранение тайны
Put a brave *face* on something	Скрыть истинное лицо	Не демонстрировать окружающим свои истинные эмоции и переживания
Can feel it my *bones*	Всеми фибрами души	Очень сильно

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить, что идиомы – это очень важная и незаменимая часть лексикона любого народа. Они не только придают эмоциональную окраску речи, но и являются связующим компонентом между людьми и их историей. Владея идиоматическими выражениями, человек из обычного пользователя языком превращается в носителя, связанного с культурой страны.

Литература:

1. Фразеология английского языка. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/smit/text.pdf?ysclid=mlcdrf8n85251322008 (дата обращения: 11.02.2026).

2. Идиома как фразеологистическая единица английского языка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/idioma-kak-frazeologicheskaya-edinitsa-angliyskogo-yazyka/viewer (дата обращения: 10.02.2026).

3. Michael McCarthy, Felicity O'Dell. English idioms in use. University of Cambridge, 2017.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКИХ КОМИКСОВ (НА ПРИМЕРЕ TOPOLINO)

Хакимова А.И.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Исследование посвящено выявлению особенностей языка серии итальянских комиксов Topolino. В работе устанавливается, каким образом выделенные на различных языковых уровнях лингвостилистические средства отражают эволюцию языка итальянских комиксов.*

Ключевые слова: *комикс, итальянский язык, Topolino, лингвостилистические средства.*

Актуальность исследований комиксов для будущих педагогов связана с тем, что они могут служить основой для создания дополнительных дидактических материалов на занятиях по итальянскому языку, в частности – по практике речи, лингвострановедению Италии. Их интеграция в учебный процесс повышает учебную мотивацию обучающихся, их вовлеченность в учебный процесс, поскольку изучение особенностей иностранной культуры и её отличий от собственной традиционно вызывает учебный интерес [2]. Изучение иностранного языка включает знакомство с особенностями поведения и культурными фактами его носителей, отразившимися в языке, для того чтобы корректно интерпретировать различные языковые явления [5-6]. Подобно писателям-постмодернистам, авторы комиксов чередуют использование различных стилей и предлагают читателям принять участие в интеллектуальной игре, расширить свой кругозор [3]. Персонажи наделяются биографическими чертами известных личностей, и читателю предлагается самостоятельно найти аллюзии, размещенные автором в тексте, и выбрать собственную интерпретацию событий из множества возможных [4]. Изучение языка комиксов вносит вклад в развитие итало-русской межкультурной коммуникации, а также переводческой традиции в связи с поднимаемыми вопросами о выборе способов перевода национально-маркированной и безэквивалентной лексики и о избегании связанных с этим переводческих ошибок [7-11].

Данная работа посвящена выявлению лингвостилистических особенностей итальянских комиксов Topolino в диахронической перспективе. Материалом исследования являются 30 комиксов, появившихся с 1954 по 2025 год. Выбор данного материала обусловлен тем фактом, что комиксы Topolino занимают значимое место в итальянской массовой культуре и служат важным источником информации о том, как изменялся итальянский язык под влиянием социальных, культурных и медийных факторов.

Цель данного исследования – выявление лингвостилистических особенностей комиксов Topolino на итальянском языке.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Составить корпус из 30 комиксов за указанный период.

2. Выделить характерные для различных языковых уровней средства выразительности речи, присутствующие в комиксах о Topolino разных лет.

3. Сопоставить полученные данные и определить, как изменялся язык данной серии комиксов в разные десятилетия и какое влияние социокультурные изменения оказали на язык и стиль комиксов.

В данном исследовании исследуются языковые особенности комиксов, под которыми понимаются креолизованные тексты, которые сочетают вербальный (языковой, речевой) и невербальный (относящийся не к естественному языку, а к другим знаковым системам) компоненты [1].

В ходе исследования было установлено, что лингвостилистические особенности рассматриваемых комиксов проявляются на нескольких языковых уровнях.

На **фонетическом уровне** зафиксировано присутствие междометий, звукоподражаний, которые придают динамизм повествованию и помогают читателю погрузиться в атмосферу происходящего, а также участвуют в

создании эмоционального фона и передаче эмоций персонажей:

- Splat! – звук падения чего-то мягкого, мокрого или липкого. Возможные варианты его передачи на русский язык: «Шлёп!», «Плюх!», «Хлюп!».

- Boom! – звук взрыва, сильного удара, грома. Аналогами в русском языке являются «Бах!», «Бум!», «Бух!».

- Crash! – звук крушения, падения с треском или звоном, аварии, разбивания какого-то крупного предмета (машины, стены). Эквивалентами при переводе на русский язык являются «Тра-та-та-тах!», «Бабах!», «Дзынь!».

На **лексическом уровне** языка создателями комиксов широко используются:

1. Разговорная лексика:

- *Che pizza*! – Ну и скукотища! / Какая тоска!

- *Una rottura di scatole*! – Надоело!

2. Англицизмы и международные заимствования:

- *un meeting importante* – важная встреча;

- *weekend* – выходные.

3. Эмоционально окрашенная лексика:

- *Mamma mia*! – Мамочки!

- *Accidenti*! – Проклятье!

В ходе лингвостилистического анализа текстов комиксов Topolino с 1954 по 2025 год было выявлено несколько устойчивых тенденций в развитии языка комиксов:

Ранние выпуски содержат простые формы звукоподражаний: *Bang*!, *Crash*!, в то время как в современных выпусках присутствуют более сложные графически ономатопеи, интегрированные в рисунок, например: *Vruuuum*!, *Sbadaboom*!

В комиксах 1950-1970 гг. больше нейтральной лексики и форм вежливого обращения; в 1980-2000 гг. в текстах становится значительно больше разговорной лексики и англицизмов, молодежного жаргона; в комиксах 2010-2025 гг. отмечается активное использование интернет-лексики, сленга и эмоционально окрашенной лексики.

Итак, комиксы Topolino на протяжении более семи десятилетий выступают индикатором лингвистических, культурных и социальных изменений в Италии. Диахронический анализ показывает, что ранние выпуски отличались более формальной, нейтральной речью, тогда как современные характеризуются разговорностью, эмоциональной окраской, сленговыми и цифровыми элементами, а также усиленной визуально-лингвистической экспрессией.

Topolino можно рассматривать не только как феномен массовой культуры, но и как важный источник для изучения итальянского языка и культуры. Эволюция лингвостилистических средств комиксов демонстрирует, как массовая коммуникация отражает и формирует языковую картину мира, делая Topolino индикатором происходящих в ней перемен.

К перспективам дальнейших исследований относятся расширение корпуса анализируемых материалов за счёт включения других серий комикса Topolino и иных итальянских комиксов и использование их дидактического потенциала в преподавании иностранных языков.

Литература:

1. Андросова О. Е., Судовчихина Л. А., Галюкшова Д. А. Лингвостилистические особенности русскоязычных комиксов и способы их передачи на английский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. №8. С. 2677-2685.

2. Афанасьева О. В., Баранова К. М., Вишневецкая Н. В. [и др.]. Путешествуем и говорим по-английски : Учебное пособие по английскому языку для обучающихся старшего поколения. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2022. 292 с.

3. Быстрова Т. А., Никитюк А. Г. Автор, повествователь и герой в творчестве Вальтера Сити // Новый филологический вестник. 2019. № 4(51). С. 16-26.

4. Быстрова Т. А., Никитюк А. Г. К вопросу об итальянском романе-автофикшн // Романские тетради : сборник статей памяти профессора Аллы Викторовны Щепиловой / Московский городской педагогический университет. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2020. – С. 129-135. – EDN IZDMED.

5. Воронина Л. А., Летун С. А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 49-56.

6. Данилова В. А., Данилов А. Г Выражение эмоций в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовыми компонентами «розовый» и «серый» // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1(62). С. 225-228.

7. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Перевод песен Zecchino d'oro с итальянского на русский как пример применения переводческих трансформаций // Итальянский язык в науке, образовании и культуре : Тезисы докладов Пятой международной научно-практической конференции МГЛУ, приуроченной к 50-летию кафедры итальянского языка, Москва, 17–18 октября 2023 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 49-50.

8. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Репрезентация финансовых отношений в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовым компонентом // Перевод. Язык. Культура : Материалы XV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2024. С. 12-16. EDN: MPBNMZ.

9. Данилова В. А., Никитюк А. Г. Репрезентация цвета в эмотивных фразеологизмах итальянского и португальского языков // Новейшая филология: современные парадигмы исследований : Сборник тезисов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Г. Г. Галич, Омск, 21-23 марта 2024 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 62-64.

10. Никитюк, А. Г. Лингвокультурная адаптация песен Zecchino d'oro с итальянского языка на русский // Перевод. Язык. Культура : Материалы XIV Международной научно-практической конференции (памяти Н.Л. Шадрина и к 30-летию факультета иностранных языков), Санкт-Петербург, 19-20 мая 2023 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2024. С. 91-94.

11. Никитюк А. Г., Данилова В. А. Переводческие трансформации при переводе итальянских поэтических текстов на русский язык (на материале песен Zecchino d'oro) // Грани языка. Грани текста. Грани перевода : Тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера, Москва, 08-09 декабря 2023 года. Москва: МГЛУ, 2024. С. 54-55.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SHAPING THE INTERCULTURAL COMPETENCE OF FUTURE MEDICAL INTERPRETERS

Kurenkova M.R., Kiseleva O.M.
Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: *The article analyzes the inability of AI (artificial intelligence) in recognizing the cultural context of medical discourse and substantiates its integration into the educational process based on the development of students' critical post-editing and intercultural reflection skills.*

Keywords: *artificial intelligence, medical translation, intercultural competence, machine translation, cultural context.*

Introduction. The intensification of healthcare globalization and the increasing mobility of patients are heightening the demand for highly qualified medical interpreters who guarantee not only linguistic but also cultural correctness of communication. At the same time, the development of artificial intelligence technologies, including neural machine translation (NMT), is significantly changing the professional landscape of the interpreter [1]. However, automation does not relieve the specialist from the duty of ensuring the ethical and cultural accuracy of translation – especially in sensitive medical contexts.

The **aim** of this study to systematize the challenges posed by AI's cultural "blindness" and to develop didactic solutions for training a new generation of interpreters.

The Potential of AI in Medical Translation: Advantages and Technological Capabilities

AI is increasingly assisting in medical translation. Modern systems handle large volumes of text well: they standardize terminology and accelerate routine tasks.

For example, neural machine translation, terminology management systems (TBMS), and translation memory help to quickly and consistently translate clinical protocols, drug instructions, and trial documentation [2].

Research confirms that 90% of medical university students positively assess AI's potential to improve the quality of education and create an interactive learning environment [3].

Cultural Context as AI's "Blind Spot": Main Risks

Current AI models have a significant limitation: they struggle with culturally conditioned meanings. The issue is that algorithms learn from statistical patterns—they possess neither empathy, nor socio-cultural experience, nor an understanding of the nuances of communication [2].

Let's consider some examples:

- *Informing about a diagnosis.* In Western medical culture (USA, Germany, Scandinavia), the model of directly informing the patient about a terminal diagnosis is accepted. In several countries in Asia, the Middle East, and Latin America, such practice can be perceived as a violation of ethical norms: information is conveyed

through relatives [2]. AI might translate the text literally—and this could lead to misunderstanding or even psychological trauma.

- *Stigmatization of diseases.* Translating terms related to mental disorders, HIV status, or oncology requires lexical delicacy. Many languages have specific expressions that soften the perception of illness. However, AI often chooses neutral clinical formulations—this can cause a loss of trust between doctor and patient [2].

- *Non-verbal communication and paralinguistics.* AI is not yet capable of interpreting cultural features of gestures, distance, or eye contact—which can be very important in medicine. Furthermore, algorithms poorly recognize intonation, pauses, and emotions in speech, even though in some cultures these are crucial for diagnosis.

- *Concepts of corporeality and privacy.* Different cultures formulate complaints about symptoms related to intimate areas differently. AI might literally translate descriptions that the target culture would consider overly explicit or, conversely, insufficiently specific, thus hindering diagnosis [2].

Expanding Didactic Solutions: An Integrated Approach

Banning AI in education is not the best idea. It is far more useful to teach students to work in a "human-in-the-loop" mode, where artificial intelligence is a tool, and the specialist is the one who oversees the cultural correctness of the translation.

Specific methods:

1. *Teaching Critical Post-Editing (MTPE) and Working with Case Studies.* Students should not just correct grammatical errors but also notice cultural inconsistencies. For example, they should compare machine translation with an expert analysis of a situation to assess how appropriate certain terms are within a specific culture [2]. The curriculum should include an analysis of real-life cases where a literal translation led to a conflict, discussing how concepts like "pain," "death," or "disability" are translated differently depending on the region and cultural context [2]. To hone this skill, the instructor can act as a "provocateur": providing texts with deliberate cultural errors made by AI so that students can find them and justify their corrections—this develops contextual thinking and professional reflection [3].

2. *Personalization through AI and Empathy.* Adaptive platforms are indeed useful: they adjust to the student's level, provide instant feedback, and generate exercises with medical vocabulary [3]. However, they must be supplemented with tasks focused on intercultural sensitivity. AI is not yet capable of teaching empathy, so live exercises aimed at understanding a foreign culture remain the teacher's responsibility [3].

3. *An Interdisciplinary Approach to Materials.* To create high-quality textbooks and assignments, the efforts of linguists alone are not enough. It is necessary to bring together medical professionals, cultural studies experts, and AI developers—this is the only way to account for both the technological nuances and the humanistic depth of the profession [1; 3].

4. *Practical Tools: Checklists and Simulations.* Students should develop their own "cultural checklist" an algorithm for verifying the cultural adequacy of a

translation. This could include identifying culturally marked concepts, analyzing the text's purpose, choosing a strategy (domestication or foreignization), and an ethical assessment of the translation option [2]. Role-playing games can help solidify these skills, for instance, simulating a "doctor–patient–interpreter" dialogue with an AI assistant, where the student receives a raw machine translation and adapts it in real-time [3].

5. *Developing Metacognitive Skills.* It is important for future interpreters to be aware of their own cultural biases and how these influence their work. Reflective journals, analyzing one's own mistakes, and group discussions of case studies are suitable for this purpose. This helps avoid the temptation to blindly simplify tasks through technology and maintain critical thinking [1].

Conclusion. AI is an important tool for the medical interpreter, but it will not replace human understanding of cultural norms, especially in matters concerning attitudes towards illness, death, and ethical norms of communication. The task of education is to teach specialists to use technology competently while preserving the cultural and ethical accuracy of translation. The future interpreter must be not merely an operator of AI, but an expert in the intercultural adaptation of medical discourse.

References:

1. Shturmin S.M. Artificial intelligence and intercultural communication: new opportunities, challenges, risks // Young Scientist. 2024. No. 32 (531). P. 26–29. Available at: https://moluch.ru/archive/531/117019 (accessed 08.03.2026).

2. II v meditsinskom perevode: kak ego ispol'zovat' [AI in medical translation: how to use it]. Translation with half a word. March 11, 2024. Available at: https://perevodspoluslova.ru/blog/ii-v-medicinskom-perevode-kak-ego-ispolzovat/ (accessed 08.03.2026).

3. Kuznetsov Z.Yu. The use of artificial intelligence in professional language training of medical university students // Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2024. Vol. 12, No. 1 (44). P. 34-45. doi: 10.23888/humJ202412134-45

4. Alekseeva I.S. Introduction to Translation Studies. Moscow: Akademiya Publ., 2018. 352 p.

5. Krasnykh G.V. The phenomenon of text and theory of communication in foreign linguistics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2020. No. 2. P. 15-28.

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА В ПАРЕ «ЗВУЧАЩИЙ ЯЗЫК – ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК» В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ

Олах А.А.
Научный руководитель: Банкова Л.Л.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности перевода между звучащими и жестовыми языками в медицинской области. Выделяются специфические трудности, с которыми сталкиваются переводчики жестовых языков в профессиональной среде.*

Ключевые слова: *жестовый язык, сурдоперевод, модальность перевода, инклюзивность, медицинский дискурс*.

Согласно прогнозам Всемирной организации здравоохранения, в мире к 2050 г. почти 2,5 млрд человек будут в той или иной степени страдать потерей слуха и более 700 млн человек будут нуждаться в реабилитации слуховой функции. Так, в настоящий момент в одной из самых густонаселенных стран – Китае – уже более 20 млн глухих людей [1, 2]. В связи с этим, а также ввиду антропоцентричности научного знания [9, 12], вопросы, касающиеся специфики перевода в паре «звучащий язык – жестовый язык», представляются особенно актуальными.

Несмотря на растущую потребность в обеспечении качественного перевода с жестовых языков, профессиональных кадров не хватает – на данную проблему обращают внимание авторы как отечественных, так и зарубежных исследований [11, 13]. В подавляющем большинстве случаев к переводу допускают лиц, владеющих жестовым языком, но не имеющих квалификации переводчика, отчего страдает качество перевода, нарушается профессиональная этика. Так, М. И. Ясин и А. А. Комарова отмечают, что переводчик берёт на себя роль социального работника, выполняя дополнительный функционал [11]. Сяо Сяоянь и Юй Жуйлин описывают случаи, когда во время судебных заседаний переводчик вступал в длительные беседы с обвиняемым, не объясняя судье или прокурору происходящее, предостерегал обвиняемого об опасности и т.д., что является следствием отсутствия обучения и квалификации и недопустимо для специалиста [13].

О профессионализации жестового языка и важности этого процесса для адаптации глухих людей писал Чжэн Сюань. В его работе «Ускорение профессионализации перевода китайского языка – размышления на основе эпидемии COVID-19» подчёркивается, что во время вспышек инфекционных заболеваний следует уделять особое внимание защите уязвимых групп, обеспечивая им доступ к соответствующим услугам и ресурсам [15]. Он выделяет такие проблемы, как недостаток профессиональных кадров и недостаточная распространённость унифицированных жестов, из-за которых возникает непонимание, и коммуникация нарушается. Некоторые слышащие переводчики используют порядок слов звучащего языка, игнорируя присущие жестовому языку грамматические особенности, в результате чего перевод осуществляется некорректно и не может передавать информацию точно, быстро и эффективно [15]. О неудовлетворённости качеством перевода пишут и авторы исследования «Обзор перевода жестового языка на примере Китая» Сяо Сяоянь и Юй Жуйлин [13].

При любом межъязыковом переводе возникает проблема сопоставления «картин мира» [3], соответствующих рассматриваемым языкам, разные языки могут по-разному делить мир на составляющие, соответствующие отдельным лексическим единицам [6]. Однако различия между звучащими и жестовыми языками в основном связаны с модальностью – каналом передачи информации. Визуальный канал передачи информации определяет многие свойства жестовых языков: иконичность, использование пространства (различение референтов путём расположения их в разных точках) и одновременность [10]. Таким образом, в отличие от традиционного перевода между звучащими

языками переводчик сталкивается с переходом между различными модальностями: звуковой и визуально-пространственной.

Жестовый язык – многомодальное средство коммуникации. В нём смысловую нагрузку, кроме жестов, несут и немануальные компоненты, присутствует жестикуляция, и эти два аспекта слиты воедино. Коммуникация посредством звучащего языка также многомодальна, но в гораздо меньшей степени: жестикуляция и вербальная речь существуют каждая в своей модальности, а потому легко поддаются разграничению. Кроме того, у звучащего вида коммуникации имеется одномодальный вариант – письменные тексты [6]. Именно отграничение жестикуляции от собственно жестов создаёт дополнительную нагрузку при переводе в паре «звучащий язык – жестовый язык».

Жестовым языкам свойственна лаконичность, что проявляется, например, в тенденции к редуцированию содержания сообщения за счёт устранения малозначащих элементов [4]. Система перевода, ориентированная на современное состояние жестового языка, должна учитывать данную особенность, хотя исследователи и полагают, что множество обобщенных, отвлеченных и абстрактных понятий в таких языках имеет тенденцию пополняться с течением времени [5].

Заслуживает особого внимания и вопрос перевода профессиональных терминов. Так, согласно исследованию [7], в котором учёные рассмотрели перевод юридических терминов на жестовый язык, людям с нарушениями функции слуха тяжело общаться с представителями власти даже в присутствии переводчика. Причиной тому являются множественность вариантов жестов, при помощи которых переводятся профессионализмы на жестовый язык. К трудностям также относят незнание глухим человеком специальных терминов, а также неоднозначности подходов сурдопереводчиков к толкованию того или иного термина. Перевод осуществляется исходя из личного понимания переводчиком ситуации, знания тех или иных профессиональных терминов, что, в свою очередь, приводит к разнообразию трактовок и вариантов. При разработке и составлении словаря юридических терминов авторы рекомендуют привлекать в качестве консультантов преподавателей русского языка, сурдопереводчиков и глухих, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. В статье [15] также подчёркивается значимость качественного перевода юридических терминов.

В работе «Социальные представления врачей о барьерах в коммуникации с пациентами, имеющими нарушения слуха» [8] авторы отмечают, что сложность коммуникации слабослышащего пациента с врачом сказывается на эффективности и качестве оказания медицинской помощи, а доступ к услугам сурдопереводчика достаточно ограничен. Присутствие сурдопереводчиков не нравится врачам в связи с необходимостью сохранения врачебной тайны некоторыми видов осмотров, т. е. с конфиденциальностью приёма. Большинство опрошенных врачей считают, что оптимальным способом общения является письменная речь, которая, однако, ввиду своей специфики значительно замедляет процесс общения. Подобной позиции по поводу текстового общения придерживаются и китайские учёные [14]. Говоря о

способах разрешения проблем коммуникации между врачами и слабослышащими пациентами, они предлагают обучать медицинский персонал основам жестового языка, открыть специализированные клиники для слабослышащих, а также создавать платформы (в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта) для осуществления перевода. Предлагается ношение прозрачных масок врачами – это связано с тем, что люди с нарушениями слуха зачастую «читают по губам», т. е. считывают артикуляцию звучащего языка.

На основе исследований отечественных и зарубежных авторов можно сделать вывод, что в процессе осуществления перевода в паре «звучащий язык – жестовый язык» переводчик сталкивается со множеством специфических проблем, не свойственных переводу в паре между двумя звучащими языками: разные модальности звучащего и жестового языка, иконичность как одно из главных свойств жестового языка, сложности при переводе специальных терминов, зачастую – отсутствие унифицированных жестов. Среди особенностей сферы в целом стоит отметить нехватку профессиональных кадров и недостаточный престиж профессии. Несмотря на сложности, можно утверждать, что всё больше учёных задаются вопросом обеспечения качественного перевода в паре «звучащий язык – жестовый язык».

Литература:

1. Банкова Л. Л. Концептуализация числа *два* в китайской лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2024. Т. 34, № 2. С. 298–305.

2. Банкова Л. Л. Сходства и различия в обозначении чисел первого десятка в китайской и японской жестовых языковых семьях // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования : Сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции, Москва, 16–17 декабря 2021 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 85–89.

3. Банкова Л. Л., Холявина А. И. К вопросу об обозначении количественных числительных в китайском жестовом языке // Китайская цивилизация в диалоге культур : VI Международная научно-практическая конференция, Москва, 17 февраля 2023 года. Том Выпуск 4. Москва: Издательство "Знание-М", 2023. С. 21–25.

4. Воскресенский А. Л., Хахалин Г. К. Мультимедийный толковый словарь русского жестового языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 2 июня 2007 г.). М., 2007.

5. Гейльман И. Ф. Знакомьтесь: ручная речь. М., 2001.

6. Гриф М. Г., Тимофеева М. К. Проблема автоматизации сурдоперевода с позиции прикладной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 211–219.

7. Ильичева Т. Е., Файзуллина Э. Ф. Возможности взаимодействия глухих/слабослышащих и слышащих людей с использованием современных технологий // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. №5. С. 166–177.

8. Ларина М. О., Оськин Д. Н., Трушина Е. А. и др. Социальные представления врачей о барьерах в коммуникации с пациентами, имеющими нарушения слуха // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2022. №3(38). С. 255–262.

9. Постмодернизм как доминанта развития системы образования в США и России / Т. Н. Бокова, В. Г. Малахова, Е. Г. Тарева [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2020. 224 с.

10. Прозорова Е. В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. №1. С. 41–61.

11. Ясин М. И., Комарова А. А. Обеспечение качества перевода жестового языка // ЖИСП. 2023. №4. С. 599–612.

12. Teaching Foreign Languages Inclusively: Standards for Teacher Competence / T. S. Makarova, E. E. Matveeva, M. A. Molchanova [et al.] // Integration of Education, 2021. Vol. 25, No. 1(102). P. 144–158.

13. Xiaoyan Xiao, Yu Ruiling. Sign-language interpreting in China // Interpreting Chinese, Interpreting China. 2011. P.29–54.

14. 曹亚琳，王海军．关于改善听障人士就医体验的策略思考 // 中国医学人文．2024. №10(7). 页码: 15–18.

15. 郑璇．加快推进中国手语翻译的职业化——基于新型冠状病毒肺炎疫情的思考 // Disability Research. 2020. №1(37). 页码: 24–32.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АУТЕНТИЧНЫХ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Турта Е.О.
Научный руководитель: Солянко Е.А.
МГПУ, Москва, Россия

Аннотация: *Статья посвящена исследованию лингводидактического потенциала аутентичных аудиовизуальных материалов в формировании лексико-грамматической компетенции студентов на начальном этапе обучения китайскому языку.*

Ключевые слова: *лингводидактический потенциал, аутентичные аудиовизуальные материалы, лексико-грамматическая компетенция, китайский язык, языковой вуз, начальный уровень.*

Изменения в социально-культурной и профессиональной сфере предъявляют новые требования к системе обучения иностранным языкам. Владение китайским языком приобретает особую значимость в условиях современного рынка труда, что обусловливает необходимость разработки и внедрения наиболее эффективных методик обучения, направленных на формирование практических языковых навыков и готовности обучающихся к межкультурному взаимодействию.

Изменения лингводидактических ценностей обусловлено самой природой научного знания, неизбежно предполагающей периодический пересмотр достигнутых результатов, их переоценку с позиций новых парадигм, выдвигаемых временем [7]. Современная лингводидактика ориентирована на поиск эффективных средств обучения иностранным языкам, что в условиях трансформации образовательного пространства [10] актуализирует анализ их дидактического потенциала. Среди современных средств, обеспечивающих успешное овладение иностранным языком, особое место занимают *аутентичные аудиовизуальные материалы* (далее – ААМ). Они способствуют усвоению учебной информации за счёт одновременного задействования

визуального и аудиального каналов восприятия и позволяют моделировать условия реального общения. Положительные стороны использования электронных ресурсов в процессе обучения языку и культуре сегодня не подвергаются сомнению [5]. Это соответствует современному пониманию коммуникации как процесса, включающего языковые и экстралингвистические компоненты [11]. Особую ценность ААМ представляют для формирования лексико-грамматической компетенции, поскольку позволяют осваивать языковые средства в их функциональном единстве и коммуникативной обусловленности. К таким материалам относятся видеофильмы, мультфильмы, ток-шоу, видеоблоги, новостные видеосюжеты, рекламные видеоролики, подкасты, аудиокниги и т.д. Использование аудиовизуальных средств и иных форм языковой наглядности «важно не только для создания коммуникативных ситуаций, но и для работы над языковыми средствами (фонетическими, лексическими, грамматическими)» [2]. Проблематика применения ААМ в обучении иностранным языкам рассматривается в трудах отечественных исследователей (А. А. Брагина, О. П. Быкова, Н. В. Елухина, Л. Ю. Обухова, Е. Г. Катаева, З. Т. Кайбуллаева, Н. Г. Кондрахина, А. К. Новикова, А. Н. Щукин и др.), а также зарубежных авторов (Дж. Гебхард, Р. Картер, Р. Оливер, Е. Тогноззи, Дж. Херрингтон, Дин Сяохань, Ван Мин, У Янь и др.).

Использование ААМ на занятиях по иностранному языку способствует более наглядному и образному восприятию учебного материала, облегчая его понимание и запоминание. Современные студенты относятся к цифровому поколению [6], которое отличается тем, что зачастую не желает интегрироваться в образовательный процесс, в котором нет цифровых технологий [4]. С позиции теории поколений (Н. Хоув, У. Штраус, Ю. А. Левада, Т. Шанин, Е. М. Шамис и др.) это объясняется особенностями восприятия информации у представителей поколений Y и Z, в частности нелинейным характером мышления и доминированием визуального канала получения информации [8]. Для современных студентов характерно клиповое мышление (clip thinking), сформированное в условиях постоянного взаимодействия с цифровым контентом, представленным в виде коротких видеороликов, интерактивных изображений и потоковой информации. В этой связи учебный материал, интегрированный в привычный цифровой контекст и соотносящийся с повседневным медиапространством обучающихся, воспринимается как более актуальный и значимый, что положительно влияет на учебную мотивацию [12]. Именно поэтому межкультурная образовательная коммуникация, посредством виртуальной сетевой реальности становящаяся пространством социализации личности, определяет новую форму экзистенции [1].

Учитывая указанные когнитивные особенности, обучение китайскому языку требует поиска и внедрения адекватных методических решений. Особая значимость использования ААМ в обучении китайскому языку обусловлена спецификой самого языка. Согласно морфологической классификации языков, китайский относится к изолирующим (аналитическим) языкам, для которых характерно отсутствие развитой системы словоизменения, а грамматические значения передаются посредством порядка слов, служебных слов и контекста.

В связи с этим лексика и грамматика в китайском языке находится в тесной взаимосвязи, а усвоение языковых структур возможно преимущественно в рамках конкретных коммуникативных моделей. Владение китайским языком также предполагает формирование в сознании обучающихся устойчивых связей между иероглифическими знаками и обозначаемыми ими понятиями, а также развитие умений использовать эти связи в процессе межличностной коммуникации. Практика обучения иностранным языкам показывает, что принцип наглядности дает наибольший эффект при его систематическом и целенаправленном применении [9]. При этом выбор лексических единиц и их корректное грамматическое оформление во многом определяют успешность межкультурного общения и достижение взаимопонимания между коммуникантами. Лексико-грамматическая компетенция представляет собой сложное интегративное образование, в рамках которого лексический и грамматический аспекты функционируют во взаимосвязи [3].

Далее будут представлены примеры практических упражнений, разработанных на основе аутентичного видеоматериала на тему «农场的一天» («Один день на ферме»), предназначенных для студентов, изучающих китайский язык на начальном этапе. Работа с ААМ строится поэтапно и включает систему упражнений, направленных на постепенный переход от восприятия и анализа содержания к самостоятельному использованию усвоенного языкового материала в речи.

На первом этапе работы с ААМ студенты выполняют тренировочные упражнения, направленные на ознакомление с видеоматериалом, оценку его содержания и анализ с точки зрения связанности и логической структуры. Студентам предлагается проанализировать превью видеоролика (изображение, заголовок, подписи, графические элементы), предположить его тематику, а также в ходе просмотра выделить основных участников, ключевые события и последовательность действий. Дополнительно осуществляется первичный отбор опорных лексических единиц и устойчивых синтагм.

Далее выполняются тренировочные упражнения, направленные на усвоение лексико-грамматического материала, необходимого для последующей речевой деятельности. Задания данного этапа ориентированы на понимание значений лексических единиц, устойчивых выражений и грамматических конструкций, функционирующих в контексте видеоматериала. *Пример заданий:* заполнение пропусков в тексте; восстановление логической последовательности предложений в соответствии с сюжетом видео и т.д.

На следующем этапе используются условно-речевые упражнения, направленные на использование лексико-грамматического материала в контролируемых коммуникативных ситуациях. Например, ответы на вопросы по содержанию видеоматериала способствуют закреплению навыков понимания устной речи и воспроизведения языковых средств в рамках заданной ситуации общения.

На заключительном этапе обучающиеся переходят к речевым упражнениям продуктивного характера, предполагающим более свободное и самостоятельное использование языкового материала. Так, студентам предлагается построить

связное высказывание по заданному плану, опираясь на личный опыт и лексику, усвоенную в ходе работы с аутентичным видеоматериалом.

Таким образом, использование ААМ в обучении китайскому языку обладает высоким лингводидактическим потенциалом, поскольку позволяет обучающимся работать с живым, естественным языком и моделировать ситуации реального общения. Кроме того, применение ААМ повышает учебную мотивацию студентов и придает обучению наглядный и практико-ориентированный характер. В связи с этим интеграция ААМ в образовательный процесс может рассматриваться как эффективное средство формирования лексико-грамматической компетенции и актуализации методической практики преподавания китайского языка на начальном этапе обучения.

Литература:

1. Гончарова В. А. Тенденции современного образования: от проблем к возможностям // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 101–115.

2. Гринкевич Е. И. Использование средств зрительной и слуховой наглядности при обучении научному стилю речи // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам LXX междун. науч.-практ. конф. № 3 (70). Новосибирск. Изд. АНС "Сибак", 2017. С. 80–81.

3. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранному языку: теория и практика. М.: Высшая школа, 2010. 280 с.

4. Макарова И. А. Воспитание в эпоху цифровизации // Известия ВГПУ. 2021. №1 (154). С. 41–46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-v-epohu-tsifrovizatsii (дата обращения: 24.01.2026).

5. Солянко Е. А. Личный блог как средство межличностной электронной коммуникации: дидактический потенциал // Большая конференция МГПУ : сборник тезисов. В 3 т., Москва, 28–30 июня 2023 года. Том 2. М.: Издательство ПАРАДИГМА, 2023. С. 271–275.

6. Солянко Е. А., Злобина А. Н. Обучение иероглифическому письму посредством цифровых технологий: дидактический потенциал // Иностранные языки в школе. 2025. № 4. С. 46–52.

7. Тарева Е. Г. Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 98–103.

8. Тенхунен П. Ю., Елисеева Ю. А. Особенности восприятия учебной информации современными студентами: потенциал визуальной концептуализации. Интеграция образования. 2015. № 4. С. 28–34.

9. Фролова Л. В. Роль и место аудиовизуальных средств в обучении различным аспектам китайского языка // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. 2012. № 1. С. 1–4. URL: http://mino.esrae.ru/158-1128. (дата обращения: 25.01.2026).

10. Языкова Н. В. Эволюция парадигм в лингводидактике глазами современника // Иностранные языки в школе. 2019. № 5. С. 12–17.

11. Vishnevetskaya N. V., Solyanko E. A. Significance Of Various Types Of Discourse In Intercultural Communication Training // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Moscow, 2020. London: European Publisher, 2020. P.p. 132–139.

12. Qatrunnada A.F., Agustina E., Setiawan R., Gen Z’s Preference for English Digital Learning Media // International Journal of English Education and Linguistics. 2025. Vol. 7, No. 2. Pp. 183–201. DOI: 10.33650/ijoeel.v7i2.11901.

Оглавление

Раздел 1. Лингвокультурологические и социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации……3
Туарменский А.В. Интерпретация кубинской медицинской дипломатии в англоязычном научном дискурсе……..…….....3
Mendes de Carvalho I.R.J., Shax S.V. Concept of “health” in language picture of different nationalities……...8
Шварцкопф Д.К. Макроконцепт «посетители» в альбоме Abba “The visitors”……..….....10
Цацурина М.М., Петрова И.М. Способы вербализации концепта «семья» в русской и корейской лингвокультурах…..……...……...14
Ло Мэйли, Чжэн Юэчуань. Функциональные различия и культурное происхождение традиционных музыкальных инструментов в белорусских и китайских народных песнях..……19
Fedorovich G.I., Kopylova N.A. Studying a foreign culture: pros and cons…….…...…..21
Богданов Д.Д. Лингвоаксиологический анализ протестного дискурса «желтые жилеты»: ценностные оппозиции на плакатах и граффити……..…….24
Tolcheeva O.S. The influence of humor on culture and national character……26
Горюнова Е.А. Особенности выражения эмоций в итальянских фразеологизмах с компонентом cuore…….28
Тиховская Ю.В., Титкова Д.И. Британское чувство юмора. Юмор и культурное своеобразие….32
Сергеева К.А., Борботько Л.А. От параллельного корпуса к языковой модели: лингвотехнологические методы исследования корейских гонораторов……37
Кох С.А. Формы обращения как компонент итальянского речевого этикета……..40
Маркелова М.К. Речь публичных деятелей (на примере публичных выступлений в СМИ)….44
Кудинова А.А. Концепт «природа» как отражение национальной картины мира в русской и корейской лингвокультурах…….48
Смирнова К.Е. Межкультурная коммуникация как инструмент «мягкой силы»: анализ стратегий Китая в медиа и культурной сфере Таиланда…….....53
Бокова А.Г. Специфика употребления эвфемизмов в текстах современных итальянских онлайн-СМИ…….56
Никитина А.С., Борботько Л.А. Механизмы лингвистической репрезентации самооценки и самоиронии в стриминговой коммуникации……60

Раздел 2. Профессиональная коммуникация и языки для специальных целей……....63
Фарруджа-Попович Н., Сандуца А.А. Изменения в описании структур мочеполовой системы в двух редакциях международной анатомической номенклатуры……63
Коркунова С.М. Эволюция употребления терминов *ventralis/dorsalis* и *anterior/posterior* в Terminologia Anatomica (TA1–TA2)…….....67
Ельцова Л.Ф., Савчук Т.Л. О способах языкового выражения концепта «боль» в медицине...70
Кузнецова Н.С. О структурных типах синонимов в медицинской терминологии на материале наименований орфанных заболеваний……74
Козеева А.Н., Чикина С.В., Стрелкова В.Д. Особенности терминообразования в сфере генетики…….....77
Никулин Д.Д. Семантические и фармакотехнологические различия в употреблении *long, depot (depo)* и *retard в* названиях лекарственных препаратов……82
Летова У.А., Протопопова А.Б. Миф как источник медицинских терминов: сохранение и восприятие в современной медицине……84
Галкин П.П., Пырсин Я.А. Роль арабского языка в передаче медицинских знаний…...……87

Раздел 3. Профессиональная коммуникация и проблемы коммуникации в эпоху цифровизации……90
Тимофеева Ю.А., Корбан В.В. Португальский язык для специальных целей на примере учебного пособия по связям с общественностью…….....90
Skalkina O.E., Kopylova N.A. Scientists' views on communication in the sphere of education…….94
Kuznetsov D.R. The grammar of diagnosis: doctor's syntax shaping patient's perception……96
Sergeeva A.A. Application of artificial intelligence in english classes at a Medical University…...99
Вэнь Нинюй. Опыт применения нейронных сетей в области изобразительного искусства в китайском университетском образовании……..……..102
Руденко А.А., Трефилова Д.О. Роль медицинского сленга в восприятии информации пациентами…….....106
Булганина Е.С. Аргументация и коммуникативные тактики в работе хирурга (на материале книги Д. Правдина «Записки районного хирурга»)……109
Альмихи Юсиф Хашим Джамиль проект технологии развития межкультурной коммуникативной компетенции студентов России и Ирака на основе цифровых платформ…..112
Ковалева Д.А., Соколова А.И. Opinion в англоязычном медицинском журнале: особенности структуры, содержания, языка…….....116

Раздел 4. Психолого-педагогические аспекты образования и воспитания……...118
Варламов А.В. Психологическое сопровождение англоговорящих иностранных студентов в российском медицинском вузе……..118
Варламова А.В. Межкультурные аспекты преподавания психологии……...120
Тихоненков Н.И. Двухуровневая модель профессиональной компетентности вожатого как условие эффективной педагогической деятельности в детском лагере……..122
Чжан Лиюе Китайская практика технологического вмешательства в профилактику интернет-зависимости среди подростков: на примере платформы Tencent «Защита роста»…125
Плешанова В.Д., Габеева К.А. Организация взаимодействия младших школьников посредством приема jigsaw на уроках английского языка……..128
Галимова Л.А., Суслина В.А. Влияние языка на формирование менталитета……..131
Чжэн Юэчуань. Симфония традиций и современности: сравнительное исследование методик обучения игре на национальных музыкальных инструментах Китая и Беларуси в контексте культурного наследия и инноваций в образовании……136
Савостьян А.В., Островская А.А. Межпоколенческая синергия как практика диалога субкультур детства и старости, находящихся в интернатных учреждениях……138
Купреева Д.Ю. Профилактика виктимного поведения подростков средствами арт-терапии…..141
Карамнов С.А., Татанова Л.И. Использование цифровых образовательных ресурсов в формировании функциональной грамотности школьников средствами английского языка...145
Никитушкина Д.А. Психолого-педагогические условия коммуникативного успеха: применение компенсаторных стратегий на уроке английского языка……...149
Дерягин А.В. Лингводидактический потенциал ментальных карт в развитии умений монологической речи в рамках подготовки к ОГЭ……..153
Mitroshina T.A., Gabeyeva K.A. Linguodidactic potential of foreign language literary texts for teaching reading to high school students…….....156
Нестеренко К.И. Методические рекомендации по работе с фразовыми глаголами в рамках олимпиадной подготовки школьников по английскому языку……...159
Камзолкина А.С. Изучение полисемии как способа развития языковой компетенции обучающихся в основной школе……...162

Раздел 5. Педагогические аспекты межкультурной коммуникации и проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов…….....166
Леонова Т.И., Гребенщикова Е.Е., Симонов В.Р. Декларируемые ценностные ориентации иностранных студентов РязГМУ…….166

Дудченков К.А., Гребенкин А.Я., Ненахова Е.В. Адаптация иностранных студентов к обучению в российском медицинском вузе……...169
Чернова Д.В. Коммуникативные стереотипы как фактор успешной адаптации иностранных студентов в белорусских университетах…….....172
Tribunko E.I. Foreign medical students' life in Russia: the language barrier and other adaptation challenges……..175
Чембарова Е.А. Социокультурная дезадаптация иностранных студентов……178
Ло Мэйлин Музыкально-педагогический потенциал русских и белорусских народных песен в освоении языка иностранными студентами…….181
Азарова Е.В. Психолого-педагогические трудности адаптации иностранных учащихся в образовательной среде…….....184
Gao Guanghui. The psychological mechanism of cross-cultural adaptation among international students and educational support strategies……188
Cui Fangyu. Impact of intercultural communication on be canto teaching…….192
Бондаренко П.П., Иванова О.А. Учитель иностранного языка как медиатор культур: вызовы и перспективы профессиональной деятельности…….....194
Попович А.А. Возрастные особенности учащихся старших классов в киберпространстве…197
Самошкина Д.Р. Аудирование как первый шаг к диалогу культур: сравнительный анализ российской и китайской методик обучения РКИ……199
Деева К.М. Формирование межкультурной чуткости через осмысленное чтение: лингводидактический потенциал стратегии SQ3R……..203

Раздел 6. Переводоведение и профессиональная языковая подготовка……209
Лихач Т.П. Интертекстуальность и культурная память в межкультурной коммуникации: лингводидактический аспект…….209
Fedorovich G.I., Kopylova N.A. Digital technologies as a tool of a foreign language education……..213
Джумаева В.Р. Понимание языка как результат иерархической минимизации предсказательной ошибки……..216
Назырова Д.И. Лексические стратегии в англоязычном музыкальном дискурсе (на материале текстов песен Arctic monkeys, Glass animals и Slowthai)……225
Мороз А.В. Дискурсивные стратегии перевода таможенной документации (на материале уведомления о выдаче таможенной декларации)……228
Ладыгина А.А., Новосёлова Д.А., Балова И.С. Визуализация языковой тревожности: восприятие аспектов иностранного языка студентами факультета клинической психологии…231
Петрив А.В. Механизмы реализации языковой игры: от концепции Л. Витгенштейна к практике рекламной коммуникации……..235
Скворцова Ю.С., Балова И.С. Между наукой и практикой: как терминологическая перегруженность влияет на понимание медицинских текстов студентами……..238
Ibragimova A.S. The influence of bilingualism on cognitive processes…….241
Ермохина Е.О., Ханкина Е.В. Роль идиом в английском языке……..……244
Хакимова А.И. Лингвостилистические особенности итальянских комиксов (на примере Topolino)……..……..246
Kurenkova M.R., Kiseleva O.M. The role of artificial intelligence in shaping the intercultural competence of future medical interpreters…….....250
Олах А.А. О Трудностях перевода в паре «звучащий язык – жестовый язык» в медицинской сфере……..252
Турта Е.О. Лингводидактический потенциал аутентичных аудиовизуальных материалов в формировании лексико-грамматической компетенции у студентов при обучении китайскому языку……...256

Научное издание

**Межкультурная коммуникация
в едином образовательном пространстве:
проблемы и перспективы**

Сборник научных трудов

Рязань, 20 марта 2026 года

Подписано в печать 01.06.2026 Дата выхода в свет 30.06.2026.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,39. Уч.-изд. л. 18,29.
Бумага ксероксная. Печать ризографическая. Тираж 30 экз.

ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России
390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9

Отпечатано в типографии Book Jet
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18
Сайт: http://bookjet.ru e-mail: info@bookjet.ru
Тел.: +7(4912) 466-151